ПУБЛИЙ
ПАПИНИЙ
СТАЦИЙ

ФИВАИДА

Annotation

Еще более трехсот лет после Данте Европа видела в Стации одного из величайших поэтов, и, таким образом, свыше полутора тысяч лет Публий Папиний Стаций был безупречным поэтическим авторитетом для читающих по - латыни европейцев.

В издание вошло сочинение Публия Папиния Стация "Фиваида" в двенадцати книгах.

В качестве дополнения в книгу вошло "Содержание "Фиваиды" Станция в стихах, составленных древними"

Перевод Ю. А. Шичалина под редакцией С. В. Шервинского. Заключительная статья, примечания и указатели Ю. А. Шичалина.

- СТАЦИЙ
  -
  - КНИГА I
  - КНИГА II
  - КНИГА III
  - КНИГА IV
  - КНИГА V
  - КНИГА VI
  - КНИГА VII
  - КНИГА VIII
  - КНИГА IX
  - КНИГА X
  - КНИГА XI
  - КНИГА XII
  - От переводчика
  - Об издании
  - СОДЕРЖАНИЕ «ФИВАИДЫ» СТАЦИЯ В СТИХАХ, СОСТАВЛЕННЫХ ДРЕВНИМИ
  - ИЗ СХОЛИЙ К СТАЦИЮ
    -
    - ТЕБАИДА (THEBAIS)
    - ТОЛКОВАНИЕ К КНИГЕ II
    - ТОЛКОВАНИЕ К КНИГЕ III
    - ТОЛКОВАНИЕ К КНИГЕ IV
    - ТОЛКОВАНИЕ К КНИГЕ V

        - ТОЛКОВАНИЕ К КНИГЕ VII
        - ТОЛКОВАНИЕ К КНИГЕ VIII
        - ТОЛКОВАНИЕ К КНИГЕ X
    - Шичалин Ю.А. ПУБЛИЙ ПАПИНИЙ СТАЦИЙ — ГЕНИАЛЬНЫЙ ПОЭТ В БЕЗДАРНУЮ ЭПОХУ
    - РОДОСЛОВНАЯ ТАБЛИЦА
    - КАРТА ПЕРЕДВИЖЕНИЯ ПЕРСОНАЖЕЙ «ФИВАИДЫ»
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21
    - 22
    - 23
    - 24
    - 25
    - 26
    - 27
    - 28
    - 29
    - 30
    - 31
    - 32

- 33
- 34
- 35
- 36
- 37
- 38
- 39
- 40
- 41
- 42
- 43
- 44
- 45
- 46
- 47
- 48
- 49
- 50
- 51
- 52
- 53
- 54
- 55
- 56
- 57
- 58
- 59
- 60
- 61
- 62
- 63
- 64
- 65
- 66
- 67
- 68
- 69
- 70
- 71
- 72

- 73
- 74
- 75
- 76
- 77
- 78
- 79
- 80
- 81
- 82
- 83
- 84
- 85
- 86
- 87
- 88
- 89
- 90
- 91
- 92
- 93
- 94
- 95
- 96
- 97
- 98
- 99
- 100
- 101
- 102
- 103
- 104
- 105
- 1
- 2
- 3
- 4
- 5
- 6
- 7

- 8
- 9
- 10
- 11
- 12
- 13
- 14
- 15
- 16
- 17
- 18
- 19
- 20
- 21
- 22
- 23
- 24
- 25
- 26
- 27
- 28
- 29
- 30
- 31
- 32
- 33
- 34
- 35
- 36
- 37
- 38
- 39
- 40
- 41
- 42
- 43
- 44
- 45
- 46
- 47

- 48
- 49
- 50
- 51
- 52
- 53
- 54
- 55
- 56
- 57
- 58
- 59
- 60
- 61
- 62
- 63
- 64
- 65
- 66
- 67
- 68
- 69
- 70
- 71
- 72
- 73
- 74
- 75
- 76
- 77
- 78
- 79
- 80
- 81
- 82
- 1
- 2
- 3
- 4
- 5

- 6
- 7
- 8
- 9
- 10
- 11
- 12
- 13
- 14
- 15
- 16
- 17
- 18
- 19
- 20
- 21
- 22
- 23
- 24
- 25
- 26
- 27
- 28
- 29
- 30
- 31
- 32
- 33
- 34
- 35
- 36
- 37
- 38
- 39
- 40
- 41
- 42
- 43
- 44
- 45

- 46
- 47
- 48
- 49
- 50
- 51
- 52
- 53
- 54
- 55
- 56
- 57
- 58
- 59
- 60
- 61
- 62
- 63
- 64
- 65
- 66
- 67
- 68
- 69
- 70
- 71
- 72
- 73
- 74
- 75
- 76
- 77
- 78
- 79
- 80
- 81
- 82
- 83
- 84
- 85

- 86
- 87
- 1
- 2
- 3
- 4
- 5
- 6
- 7
- 8
- 9
- 10
- 11
- 12
- 13
- 14
- 15
- 16
- 17
- 18
- 19
- 20
- 21
- 22
- 23
- 24
- 25
- 26
- 27
- 28
- 29
- 30
- 31
- 32
- 33
- 34
- 35
- 36
- 37
- 38

- 39
- 40
- 41
- 42
- 43
- 44
- 45
- 46
- 47
- 48
- 49
- 50
- 51
- 52
- 53
- 54
- 55
- 56
- 57
- 58
- 59
- 60
- 61
- 62
- 63
- 64
- 65
- 66
- 67
- 68
- 69
- 70
- 71
- 72
- 73
- 74
- 75
- 76
- 77
- 78

- 79
- 80
- 81
- 82
- 83
- 84
- 85
- 86
- 87
- 88
- 89
- 90
- 91
- 92
- 93
- 94
- 95
- 96
- 97
- 98
- 99
- 100
- 101
- 102
- 103
- 104
- 105
- 106
- 107
- 108
- 109
- 110
- 111
- 112
- 113
- 114
- 115
- 116
- 117
- 118

- 119
- 120
- 121
- 122
- 123
- 124
- 125
- 126
- 127
- 128
- 129
- 130
- 131
- 132
- 133
- 134
- 135
- 136
- 137
- 138
- 139
- 140
- 141
- 142
- 143
- 144
- 145
- 146
- 147
- 148
- 149
- 150
- 151
- 152
- 1
- 2
- 3
- 4
- 5
- 6

- 7
- 8
- 9
- 10
- 11
- 12
- 13
- 14
- 15
- 16
- 17
- 18
- 19
- 20
- 21
- 22
- 23
- 24
- 25
- 26
- 27
- 28
- 29
- 30
- 31
- 32
- 33
- 34
- 35
- 36
- 37
- 38
- 39
- 40
- 41
- 42
- 43
- 44
- 45
- 46

- 47
- 48
- 49
- 50
- 51
- 52
- 53
- 54
- 55
- 56
- 57
- 58
- 59
- 60
- 61
- 62
- 63
- 64
- 65
- 66
- 67
- 68
- 69
- 70
- 71
- 72
- 73
- 74
- 75
- 76
- 1
- 2
- 3
- 4
- 5
- 6
- 7
- 8
- 9
- 10

- 11
- 12
- 13
- 14
- 15
- 16
- 17
- 18
- 19
- 20
- 21
- 22
- 23
- 24
- 25
- 26
- 27
- 28
- 29
- 30
- 31
- 32
- 33
- 34
- 35
- 36
- 37
- 38
- 39
- 40
- 41
- 42
- 43
- 44
- 45
- 46
- 47
- 48
- 49
- 50

- 51
- 52
- 53
- 54
- 55
- 56
- 57
- 58
- 59
- 60
- 61
- 62
- 63
- 64
- 65
- 66
- 67
- 68
- 69
- 70
- 71
- 72
- 73
- 74
- 75
- 76
- 77
- 78
- 79
- 80
- 81
- 82
- 83
- 84
- 85
- 86
- 87
- 88
- 89
- 90

- 91
- 92
- 93
- 94
- 95
- 96
- 97
- 98
- 99
- 100
- 101
- 102
- 103
- 104
- 105
- 106
- 107
- 108
- 109
- 110
- 111
- 112
- 1
- 2
- 3
- 4
- 5
- 6
- 7
- 8
- 9
- 10
- 11
- 12
- 13
- 14
- 15
- 16
- 17
- 18

- 19
- 20
- 21
- 22
- 23
- 24
- 25
- 26
- 27
- 28
- 29
- 30
- 31
- 32
- 33
- 34
- 35
- 36
- 37
- 38
- 39
- 40
- 41
- 42
- 43
- 44
- 45
- 46
- 47
- 48
- 49
- 50
- 51
- 52
- 53
- 54
- 55
- 56
- 57
- 58

- 59
- 60
- 61
- 62
- 63
- 64
- 65
- 66
- 67
- 68
- 69
- 70
- 71
- 72
- 73
- 74
- 75
- 76
- 77
- 78
- 79
- 80
- 81
- 82
- 83
- 84
- 85
- 86
- 87
- 88
- 89
- 90
- 91
- 92
- 93
- 94
- 95
- 96
- 97
- 98

- 99
- 100
- 101
- 102
- 103
- 104
- 105
- 1
- 2
- 3
- 4
- 5
- 6
- 7
- 8
- 9
- 10
- 11
- 12
- 13
- 14
- 15
- 16
- 17
- 18
- 19
- 20
- 21
- 22
- 23
- 24
- 25
- 26
- 27
- 28
- 29
- 30
- 31
- 32
- 33

- 34
- 35
- 36
- 37
- 38
- 39
- 40
- 41
- 42
- 43
- 44
- 45
- 46
- 47
- 48
- 49
- 50
- 51
- 52
- 53
- 54
- 55
- 56
- 57
- 58
- 59
- 60
- 61
- 62
- 63
- 64
- 65
- 66
- 67
- 68
- 69
- 70
- 71
- 72
- 73

- 74
- 75
- 76
- 77
- 78
- 79
- 80
- 81
- 82
- 83
- 84
- 85
- 86
- 87
- 88
- 89
- 90
- 91
- 92
- 1
- 2
- 3
- 4
- 5
- 6
- 7
- 8
- 9
- 10
- 11
- 12
- 13
- 14
- 15
- 16
- 17
- 18
- 19
- 20
- 21

- 22
- 23
- 24
- 25
- 26
- 27
- 28
- 29
- 30
- 31
- 32
- 33
- 34
- 35
- 36
- 37
- 38
- 39
- 40
- 41
- 42
- 43
- 44
- 45
- 46
- 47
- 48
- 49
- 50
- 51
- 52
- 53
- 54
- 55
- 56
- 57
- 58
- 59
- 60
- 61

- 62
- 63
- 64
- 65
- 66
- 67
- 68
- 69
- 70
- 71
- 72
- 73
- 74
- 75
- 76
- 77
- 78
- 79
- 80
- 81
- 82
- 83
- 84
- 85
- 86
- 1
- 2
- 3
- 4
- 5
- 6
- 7
- 8
- 9
- 10
- 11
- 12
- 13
- 14
- 15

- 16
- 17
- 18
- 19
- 20
- 21
- 22
- 23
- 24
- 25
- 26
- 27
- 28
- 29
- 30
- 31
- 32
- 33
- 34
- 35
- 36
- 37
- 38
- 39
- 40
- 41
- 42
- 43
- 44
- 45
- 46
- 47
- 48
- 49
- 50
- 51
- 52
- 53
- 54
- 55

- 56
- 57
- 58
- 59
- 60
- 61
- 62
- 63
- 64
- 65
- 66
- 67
- 68
- 69
- 70
- 71
- 72
- 73
- 74
- 75
- 76
- 77
- 78
- 79
- 80
- 81
- 82
- 83
- 84
- 85
- 86
- 87
- 88
- 89
- 90
- 91
- 92
- 93
- 94
- 95

- 96
- 97
- 98
- 99
- 1
- 2
- 3
- 4
- 5
- 6
- 7
- 8
- 9
- 10
- 11
- 12
- 13
- 14
- 15
- 16
- 17
- 18
- 19
- 20
- 21
- 22
- 23
- 24
- 25
- 26
- 27
- 28
- 29
- 30
- 31
- 32
- 33
- 34
- 35
- 36

- 37
- 38
- 39
- 40
- 41
- 42
- 43
- 44
- 45
- 46
- 47
- 48
- 49
- 50
- 51
- 52
- 53
- 54
- 55
- 56
- 57
- 58
- 59
- 60
- 61
- 62
- 63
- 64
- 65
- 66
- 67
- 68
- 69
- 70
- 71
- 72
- 73
- 74
- 75
- 76

- 77
- 78
- 79
- 80
- 81
- 82
- 83
- 84
- 1
- 2
- 3
- 4
- 5
- 6
- 7
- 8
- 9
- 10
- 11
- 12
- 13
- 14
- 15
- 16
- 17
- 18
- 19
- 20
- 21
- 22
- 23
- 24
- 25
- 26
- 27
- 28
- 29
- 30
- 31
- 32

- 33
- 34
- 35
- 36
- 37
- 38
- 39
- 40
- 41
- 42
- 43
- 44
- 45
- 46
- 47
- 48
- 49
- 50
- 51
- 52
- 53
- 54
- 55
- 56
- 57
- 58
- 59
- 60
- 61
- 62
- 63
- 64
- 65
- 66
- 1
- 2
- 3
- 4
- 5
- 6

- 7
- 8
- 9
- 10
- 11
- 12
- 13
- 14
- 15
- 16
- 17
- 18
- 19
- 20
- 21

СТАЦИЙ ФИВАИДА

[Перевод Ю. А. Шичалина]

КНИГА I

Братоубийственный бой, и власти черед[1], осквернённый
лютою ненавистью, и Фивы преступные[2] вывесть —
в душу запала мне страсть пиерийская. Песню, богини,
как мне начать? Воспеть ли исток ужасного рода,
оный сидонский увоз[3] и агенорова приказанья
неумолимый закон простор пытавшему Кадму?
Длинная дел череда, коль страх пред Марсом сокрытым
пахаря[4], кем в борозде ужасной воздвигнута битва,
я прослежу и подробно скажу о песне, какою
10 в стены сойтись повелел Амфион тирийским вершинам[5];
тяжкая ярость к родным жилищам у Вакха[6] откуда;
в чем состоит юнонина кознь[7]; Афамант злополучный
против кого напряг тетиву; почему устремилась
неустрашенная мать в Ионийскую глубь с Палемоном.
Вплоть до сих пор в стороне все горе и счастие Кадма
я бы оставить хотел: эдипова дома бесчинство
песни моей означит рубеж, — раз я не дерзаю
петь италийских значков триумфы[8] в битвах арктийских,
дважды униженный Рейн, Истр, дважды законом смиренный,
20 и с заговорщической скалы низвергнутых даков,
или войну, что отвел от Юпитера[9] чуть повзрослевший,
и, наконец, тебя, честь Лация, признанный славой,
кто подоспел подхватить новизну начинаний отцовых.
Жаждет бессмертия Рим для тебя! Пусть все потеснятся
области звезд[10] пред тобой, а часть лучезарная неба,
часть Борея, Плеяд и та, что молний не знает, —
жаждут тебя; и пусть огненогих коней усмиритель
сам тебе на чело изгиб возлагает лучистый
и уступает тебе Юпитер великого неба
30 равную часть, — ты пребудь, над людьми довольствуясь властью,
морем и сушей владей, богам оставив светила!
Время придет, деянья твои в пылу пиерийском
петь я решусь, а теперь — настрою кифару и вспомню[11]
войны Аонии, жезл, сгубивший братьев-тиранов,

месть, для которой и смерть не предел, мятежное пламя,
спор о последнем костре, погребенья лишенные трупы
царские, и города, опустевшие в гибели общей… —
Светлая кровью тогда обагрилась лернейская Дирка,
и устрашил Исмен, берега от жажды сводящий,
вдруг волной накатив небывало могучей, Фетиду.
Кем же начать мне, Клио, из героев? — Тидеем ли ярым?
Или сначала сказать, как пророк лавроносный низвергся?[12]
Ждет и герой, прогнавший в бою враждебные токи[13], —
яростный Гиппомедонт, и печальная битва аркадца[14]
дерзкого, и Капаней, по-иному чудовищный[15], песни.
Свет нечестивых очей помрачив казнящей десницей
и в безысходную ночь погрузив сокрушенную совесть,
жизни остаток Эдип влачил в продолжительной смерти[16].
Он бы хотел в темноте удаленного скрыться покоя,
не выходить, из жилищ, недоступных для света дневного,
но непрерывно пред ним на докучливых крыльях кружится
день беспощадный в душе, и в сердце — Мстительниц тени.
Вот он пустоты глазниц, незажившую рану, увечье
жалкое в неба простор возводит, рукой обагренной
в полую землю стучит и взывает в мольбе беспошадной:
«Боги, неправедных душ блюстители в тесном для казней
Тартаре, Стикса поток свинцовый, несущий усопших, —
вижу тебя; и, частым моим привычная зовам,
дай, Тисифона, мне знак, будь к страшным мольбам благосклонна!
Ежели я заслужил[17], чтоб меня, едва я родился,
ты на груди берегла, ступни, разъятые раной,
мне укрепив; если я, достигши киррейского тока
возле двурогой горы[18], сумел, воспитанный лживым
Полибом, жить, а потом, на развилке в теснине Фокиды
сплел свой путь с престарелым царем и старца с дрожащим
ликом сразил, искавший отца, и Сфинги коварной
скор оказался решить — твоею наукой — загадки;
ежели счастлив я был неистовством к матери сладким,
горестный брак заключил и частые ночи — как молвить? —
с ней проводил, для тебя — и ты знала, — детей зачиная… —
алчущий кары, потом на персты отступавшие сам я
бросился, остановив на несчастной матери взоры, —
выслушай!.. о, я смею молить о том, что безумцу

ты же внушила. — Меня, кто ослеп, кто царство оставил,
скорбного, ни поддержать, ни словом смягчить не хотели
дети мои — и в браке каком! И они же — надменны, —
горе! — и даже — цари, как будто я умер — смеются
над слепотою моей и стенанья отца ненавидят.
Я и пред ними ль нечист? И родитель богов на такое
80 без возмущенья глядит? — Так ты взыщи с них, что должно,
здесь появись и всех наказаньем настигни потомков!
В липкой крови диадему надень — ее обагренной
сам сорвал я рукой, — мольбою отца возгоревшись,
стань меж братьев, и пусть железо близость разрушит
родственную; разреши, подземных владычица топей,
ужас узреть вожделенных злодейств, — поверь, не замедлит
юношей гнев: придя, ты найдешь в них достойную поросль!»
Так говорит. И к нему богиня жестокая грозный
лик обращает[19]. Она в то время, возле Коцита
90 сидя безрадостного, рассыпала волосы вольно,
змеям позволив лизать дышавшие серою волны[20].
Миг — и быстрей падучей звезды и Юпитера молний
прянула прочь от скорбных брегов; бесплотные толпы,
встречи с бегущей страшась, отступают; она же — сквозь тени
и через темень полей, где душ вереницы роятся, —
за безысходный порог Тенарских ворот устремилась.
День заметил ее, — налетев смолистою тучей,
Ночь испугала коней лучезарных; крутой в отдаленье
замер Атлант и неверным плечом не сдержал небосвода.
100 Бросилась тут же она, над долом Малеи поднявшись,
к Фивам: ей ведом сей путь[21] — она им туда и обратно
носится быстро, любя не больше и Тартар родимый.
Мраком лик ей, встав, сто змей рогатых сокрыли —
меньшая рать над ужасной главой; притаился в бездонных
блеск железный очах: так Феба рдеет сквозь тучи,
от атракийских затмясь заклинаний; напитана ядом,
пухнет набухшая плоть отравою; в огненных клубах
черная пасть: от нее болезни, жажда и голод
вместе со смертью идут к народам; суровая палла
110 вздыбилась сзади, сошлись на груди голубые завязки[22]:
Атропос ей готовит убор и сама Прозерпина.
В гневе обе руки взметнула; искрами сыплет
та, а другая — живой рассекает гидрою воздух.

Став на скале, где к своду небес Киферон подступает
ближе всего, пронзительный свист удвоила свистом[23]
гривы из змей, и ему — берега Ахейского моря[24]
отозвались широко и земли пелопова царства.
Слышит его и Парнас посредине небес, и суровый
слышит Еврот, и в бок раскат поразил пограничной
Эты хребет, а Истм с двух сторон окатили потоки.
Мать, уздою сдержав крутолобого в море дельфина[25],
несшего сына ее, к груди Палемона прижала.
Лишь утвердилась она на вершине кадмовой кровли
и напитала едва привычною тьмою пенаты[26], —
тотчас у братьев сердца в груди болезненно сжались,
души наследственный гнев охватил, и зависть к чужому
счастью, и страх, рождающий рознь, и лютая жажда
власти, — та, что рвет договор, законному праву
чуждая в иске своем, поскольку слаще на троне
быть одному, а спутник двоих правителей — ссора.
Так, если пахарь, бычков[27] из стада дикого выбрав,
хочет, чтоб в поле они запряженные вместе пахали, —
те норовят увернуться: еще от пахоты долгой
гордая шея у них до мозолистых плеч не склонилась;
прочь друг от друга бегут, совместною силою упряжь
рвут и нарушив ряды, межу неровно выводят.
Так крутая вражда необузданных братьев толкнула
друг против друга. Они парить через год порешили
и уходить в изгнанье затем. Завистливый счастьем
им меняться велит закон условья крутого:
всякий раз да теснит держащего скипетр преемник.
Но благочестие их отложило сраженье лишь на год,
и для второго царя договор не имел уже силы.
А ведь тогда потолок не желтел еще золотом плотным[28],
греческой мощный еще скалою пол не лоснился
атрия, что вместит на поклон явившихся толпы;
сон беспокойный царя берегущих не было копий,
стражи строй еще не гремел, сменяясь, железом;
ни самоцветы тогда с вином сочетать не стремились,
ни драгоценный металл унижать ради яств; воздвигала
братьев голая власть, делили нищее царство.
Споря, кому пахать близ скудной Дирки сухое

поле и торжествовать, воссев на негромком престоле
тирского странника, вы сгубили и долг, и законность[29],
счастье и честные жизнь и смерть. К чему эта ярость,
жалкие, даже когда б неправедность ваша сулила
вам пределы земли, что видит солнце, вставая
утром или клонясь ввечеру в залив иберийский,
или же издалека лучом досягает наклонным —
160 страны те, что Борей леденит, что Нот согревает
влажным теплом; и фригийский предел, а так же тирийский —
все б отдала одному! Град проклятый, страшное место
дали повод к вражде, и безмерной оплачено злобой
право на трон эдипов воссесть… — Невыпавший жребий
на год отнес полиникову честь. А ты, одержимый,
как ты провел этот день, когда во дворце опустевшем
понял ты вдруг, что власть — твоя, что все тебя меньше,
что ни один не равен тебе? — Но ропот змеится
толп эхионовых, чернь от владыки безмолвно отходит
170 и — как и всякий народ — государя грядущего любит.
Кто-то, чей ум всегда к ядовитой низости крайне
склонен, но кто никогда покорной спины перед данной
властью не гнет, «Ужели за гнев огигов, — промолвил, —
рок неприступный велит сменяемой власти бояться,
вечно под новым ярмом растерянной шеей сгибаясь?
Двое порознь вершат народов счастье и силой
быть заставляют судьбу переменчивой, нас обрекая
поочередно служить беглецам. О бог высочайший,
з**е**мли засеявший[30], ты ль захотел такого безумья
180 верным твоим? Или рок изначальный над Фивами властен,
рок, что Кадму велел[31] сидонским бычком унесенный
ласковый груз отыскать в соленой дали карпатосской?
Тот, изгнанник, нашел в полях гиантовых царство,
братьев в сражение вверг, из тучного поля прозябших.
Это ли, это ль не знак, предсказавший потомков далеких?
Ты замечаешь, в какой неприступной гордыне нависла,
люто вздыбившись, власть, пока соправитель в изгнанье?
Сколько угрозы в лице, как чванно он все презирает!
Он ли — частным лицом — когда-то был ласков с просящим,
190 был в обращении прост, терпелив — беседуя с равным?..
Странно? — Но он — не единственным был… А мы — мы ко всякой

службе — дешевая рать — для любого владыки готовы…
Если Борей ледяной[32] и облачный Эвр, налетая,
рвут паруса, тогда — судьба корабля незавидна:
страх нависает двойной, и нет народа, что смог бы
жребий ужасный снести: тот правит, этот грозится».
А между тем на совет собрался[33] Юпитера волей
избранный круг богов над сенью стремительной свода[34]
в самой средине небес, где все одинаково близко:
200 страны зари и закат, а также земли и воды,
взору доступные дня. И сам вступает Юпитер[35]
мощный в собранье богов, все ясным взором обводит.
и звездоблещущий трон нанимает. Насельники неба
сесть не дерзают, пока не дозволил родитель садиться
манием легким руки. За ними — летучие толпы
полубогов и — родня облакам высоким — Потоки,
следом — таящие рев, испугом сдержанный. Ветры
полнят чертог золотой. Божеств достоинства стольких
свод заставляет дрожать, и ярче сияют вершины
210 неба, а также врата, сокровенным цветущие цветом[36].
Велено всем замолчать, и в страхе стихает собранье.
Начал Юпитер с небес — в священных речах содержался
непререкаемый вес, и рок подчинялся глаголям.
«На преступленья земли и в злобе злодейств[37] ненасытный
смертный ум досадую я. Доколе преступных
вынужден буду карать? Претит грозиться дрожащей
молнией; кроме того, Киклопов руки устали
мощные[38], да и огни в эолийских кузницах гаснут.
Вот почему я стерпел бесчинство — при мнимом вознице[39] —
220 Солнца коней в пожар от колес, заблудившихся в небе,
и допустил осквернение земли фаэтоновым прахом.
Попусту все — даже то, что ты могучим трезубцем,
брат мой, просторам морским сверх меры разлиться позволил[40].
Ныне решил я дома покарать, которым рожденье
некогда сам же и дал: один на персеевы Арги
дом разделился, другой произвел аонийские Фивы.
Ум неизменен у них: для всех погребение Кадма
памятно[41]; мало того, не раз, покидая глубины,
гнев Эвменид их казнил за страшные промахи в рощах[42],
230 радость зловещую их матерей[43], и богов преступленья, —

впрочем, о них умолчу. Не хватило бы дня мне и ночи,
если б о нравах решил нечестивого рода поведать.
Вот в покои вступил отцовы негодный наследник
и возжелал осквернить безвинное матери лоно,
сам к истокам своим — чудовище — вновь возвращаясь[44].
Правда, пожизненным он наказаньем расчелся с богами,
света лишившись навек и более нашим эфиром
не наслаждаясь; но вот без меры преступные дети
взор попирают слепой. И немедленно мстительный старец
240 верный приносит обет. О, мрак твой, мрак заслужил твой
мести Юпитера! Что ж, учиню преступным державам
новые распри: весь вознамерился я уничтожить
с корнем гибельный род. Пусть семенем битвы мне будет
тесть Полиника Адраст и им заключенные браки
без одобренья богов[45]. Но город мной будет наказан
с этим и тот заодно: сокрывшего в сердце коварство
Тантала я не забыл[46] и ужасного пира обиду».
Рек всемогущий отец. Но, речью ужалена больно,
скорбью нежданной круша запылавшее сердце, Юнона
250 так возразила ему: «Не мне ль, не мне ли велишь ты
в битву вступать, справедливейший бог? Ты знаешь, Киклопов
кладку[47] и скипетр молвой прославленного Форонея
я и мужами храню, и опекою; правда, бесстыжий,
смертной дремой ты унял охрану телицы фаросской[48]
и, золотой, проникнуть сумел сквозь стены твердыни[49].
Лживые ложа — прощу, но тот ненавистен мне город,
где ты в обличье своем появлялся[50], где — вышнего ложа
знаки! — громами гремел, Юноны молнии бросив!
Фивам за дело платить, но Аргам, врагам их, — за что же?
260 Впрочем, уж если таков раздор на священной постеле,
можешь и древние ты истребить Микены, и Самос,
Спарту[51] снести до основ! И нужно ли праздничной кровью
рдеть алтарям супруги твоей и смолою куриться
утренних стран[52]? О, пусть жгут жертвы в мареотидском
Копте[53], пусть медью гремят над током тоскующим Нила!
Если ж народам избыть провинности древние должно,
если тревожит тебя запоздалое это решенье,
что устарел сей век, — каких ожидаешь ты сроков,
чтобы злодейства земли отменить и время исправить,

вспять обратив его ход? — Начни же немедля вот с этих
мест, по которым течет проходящей под морем волною
вдаль за своею Алфей устремленный сиканской любовью[54];
здесь, лишившись стыда, Аркадцы твой храм основали
в проклятом месте[55], а там — Эномая марсовы оси[56],
там же и кони его, которым под Гемом у гетов
лучше пастись[57], и брошенных в прах, погребенья лишенных,
стынут тела женихов[58] до сих пор. — Но мил тебе в храмах
здешних почет, мила преступная Ида[59] и даже —
вымысел Крита — твоя могила! — Так дай утвердиться
в городе Тантала[60] — мне! Избавь от битвенной бури
и пощади породу твою: ведь много безбожных
стран у тебя от зятьев-преступников[61] страждут не меньше!»
Так скончала, смешав с мольбою упреки, Юнона.
Ей Юпитер в ответ — не грозно, хотя и сурово —
так отвечал: «А я и не думал, что ты благосклонно
примешь то, что я о твоих — вполне справедливо —
Аргах решил, — ведь и Вакх с Дионой[62], я в этом уверен,
многое в пользу Фив, была бы воля, дерзнули
молвить, да им не дает пред нашим могуществом трепет.
Но леденящей водой и гладью стигийского брата
я поклянусь, и навек неизменною клятва пребудет:
просьбы ничьи меня не склонят! Итак, легкокрылый
отпрыск[63] килленский, лети стремительных Нотов быстрее
через прозрачный эфир и, в мрачное царство спустившись,
дяде[64] скажи: „Пускай в поднебесье подымется старец,
Лаий, принявший смерть от сына и на берег дальний
Леты не взятый еще уставами бездны Эреба,
и повеленья мои донесет до чудовища-внука[65]:
пусть он брата[66], что ждет в изгнании, гордый аргосским
гостеприимством, вдали от хором вожделенных удержит
и вероломно черед не признает царственной чести".
Так начнется их гнев, а за ним учиню остальное».
Тотчас Атлантиад[67] подчинился родительской речи:
вмиг к оконечностям ног привязал крылатую обувь,
кудри покрыл и сияние звезд убором умерил,
ветвь десницею сжал, которою гонит он сладкий
сон и наводит его, а также в Тартара сумрак
сводит тени и вновь в обескровленных дух пробуждает;

ринулся и — задрожал, дуновением легким охвачен,
310 но не замедлил пронзить пустоту высоким полетом
и преогромной дугой заоблачный путь свой означил.
Тою порой, потеряв — бездомный изгнанник — отчизну,
брел Эдиподионид, как вор, аонийским безлюдьем.
Он — на беду! — в душе представлять грядущее царство
начал уже и стенал, что звезды неспешны и долгий
год неподвижен; одна ночами и днями забота
сердцем владеет: когда расстанется с царством ничтожный
брат, а себя, наконец, он владыкою мощи фиванской
узрит, — и всю свою жизнь он на этот лишь день променял бы!
320 То он пенять начинал запоздало на тяжесть изгнанья,
то воздымался в нем дух вождя и, гордый, он видел
свергнутым — брата, себя — на престоле; рассудок терзали
страх и надежда, в мечтах беспрестанных растратилась радость.
Тут он держать бестрепетный путь к городам инахийским
твердо решил, и к данайским полям, и к покинутым солнцем
мрачным Микенам[68], — его повела Эриния, видно,
или случайный пути поворот, иль зов неподвижной
Атропос[69]. Прочь он бежит от пещер, безумьем Огига
полных[70], и прочь от холмов, напитанных вакховой кровью;
330 местности, где Киферон, оседая в равнину полого,
распространился, клонясь некрутою горою к заливу,
быстро проходит; затем, повисая на тропах скалистых,
камень, который Скирон обесславил, и Скиллы угодья,
в коих старик багряный царил[71], и Коринф безмятежный
также минует и гул двойного слышит прибоя[72].
Тою порой на простор сопредельный ушедшего Феба
вышла титанова дщерь, и, повиснув над миром безмолвным,
росоносящий возок[73] истончил хладеющий воздух.
Скот домашний молчит и птица, и Сон, среди горьких
340 тихо прокравшись забот, с эфира долу склонился
и милосердно принес забвение тягостной жизни.
Но ни сиянья, с небес багровых сходящего, тучи
не пропустили, ни там, где тени были прозрачны,
сумерек долгих тьма отраженным не вспыхнула Фебом.
Плотная возле земли, ничьим лучам недоступна,
черная ночь окутала мир. Эолии стылой —
сотрясены — затворы гремят, грядущая буря

воем зловещим грозит, а ветры встречные с шумом
сходятся и, расшатав крюки, ворота срывают,
каждый небом своим завладев; но Австр утесняет
тьму сильнее других: свивает мглистые кольца
и проливает дожди, — а их колючим дыханьем
тут же скрепляет Борей; и не прерываясь трепещут
молнии, небо дымясь, разрывается в огненных вспышках.
Вот под дождем Немея и рощ на границе тенарских
мокрые пики вершин аркадских, и мчится лавиной
Инах, а там — Эрасин устремился к Медведице стылой[74].
Пыльные реки, дотоль прохожие, ныне, плотиной
их заградив, сдержать невозможно; в глубинах вскипая,
поверху древнею вновь отравою[75] пенится Лерна.
Нет неповаленных рощ, и мертвые буря ломает
руки деревьев в лесах; от века незримые солнцем.
пастбища ныне видны по тенистого склонам Ликея.
Путник меж тем, — то камням поражаясь, несущимся с кручи,
то трепеща рожденных от туч грохочущих горных
речек и мчащихся встречь обломов жилищ и загонов,
бешеной смятых волной, — безумный, стремится упорно,
не разбирая пути, в пустыне молчащего мрака:
страхом повсюду гоним, повсюду — призраком брата.
Словно пловец[76], кому в объятиях бурного моря
ни непоспешный Возок, ни Луна приветливым светом
не указует пути, средь вскипающих неба и моря —
где он, не зная, стоит и вот уж, вот, ожидает,
скалы, в коварной воде укрывшись, иль с острой вершиной
в пене белой утес пронзят взлетевшее судно, —
так и кадмейский герой, лесов избирающий сумрак,
в спешном пути расчищает щитом ужасные чащи —
хищных приюты зверей, ломает кусты, налегая
грудью, и тягостный страх в душе пробуждает отвагу.
Тут, темноту одолев ночную, аргивские кровли
и ларисейский дворец блеснули, и блеск отразили
стены отвесные; — к ним устремясь в последней надежде,
бросился, с левой руки оставив в Просимне высокой
храмы Юноны, с другой — огнем Геркулеса известный[77]
черный простор лернейских болот; и вот он влетает
меж приоткрытых ворот и царское видит подворье;
здесь он тело свое простирает, от ливней и ветра

стынущее, приклонясь к двери чужого покоя
и безмятежные сны призывая на жесткое ложе.
Мирно в этом дворце, от порога среднего жизни
к старости переходя, Адраст народами правил[78],
предков кровью гордясь, восходящей к Юпитеру дважды.
Был он лучших лишен потомков, но порослью женской
царь процветал, на двойной залог уповая дочерний.
Феб, предводимый судьбой, ему провещал (и промолвить
страшно, и трудно понять предзнаменованье), что станут
щетиноносный кабан и лев желтогривый зятьями.
Этого смысл ни сам ты, отец, ни ты, прорицатель
Амфиарай, не открыл, — запретил Аполлон провещавший;
только в сердце отца оседала все горше забота.
Рок между тем велит этолийцу Тидею оставить
древний град Калидон: мучительный братоубийства
ужас гонит его. Ночлега тою же ночью
ищет и он, на Нот точно так же пеняя и ливень.
Оледенела спина, дождевые потоки стекают
и по лицу и с волос; он входит в то же укрытье,
где на холодной земле гость прежний лежит распростершись.
Здесь повергает двоих судьба в кровавую ярость[79].
Не пожелали они защитить дружелюбною кровлей
ночь: и тот и другой сначала меняются грозной
речью и медлят, затем, когда от дротов словесных
гнев до предела возрос, уже в исступлении, оба
с плеч срывают покров и в бой обнаженный вступают.
Ростом выше один, он более строен и вместе —
в первом цветении лет; другого, а он не слабее,
храбрость — Тидея — ведет: по всем разлитая мышцам,
большее в небольшом царило мужество теле.
Множат, вплотную сойдясь, в лицо и вкруг впадин височных
ряд ударов сплошной, — у стрел иль рифейского града
вид таков, — и, колено согнув, в живот ударяют.
Именно так, когда к низейскому вновь Громовержцу
игры приходят[80], — то пыль пылает от пота сырого
юношей нежных; но тех — возбуждает разноголосье
зрителей, а вдалеке о наградах матери молят;
этих же — гнев окрылил, и к славе они не стремились,
в стычке жестокой сойдясь, и цепкой рукою пытая
недра лица, и вглубь, на глаза надавив, устремляясь.

Их бы, пожалуй, мечи, прикрепленные сбоку, заставил
яростный пыл обнажить, — и лучше бы вражьим оружьем
430 был ты, брата беда, фиванский юноша, сгублен! —
но — неожиданный крик и рев, вылетающий с хрипом
вон из грудной глубины, царя поражает во мраке,
вынудив с ложа восстать: трезва и в великих заботах,
старость его на краю некрепкого сна колебалась.
Он поспешил меж огней многочисленных через высокий
атрий и — двери едва навстречу свету открылись —
страшное зрелище вдруг увидел: изранены лица,
градом кровь на вспухших щеках. — «Безумства причина,
пришлые юноши, в чем? — До этаких, знаю, побоищ
440 подданный мой не дойдет! — Так что за пыл неуемный
ненавистью возмутил молчание мрака ночного?
Да неужели вам дня не хватило? Иль жалко на время
душу миром и сном смирить? Ну, что вы молчите?
Кто вы, путь ваш куда? В чем спор? — Но ярости вашей
если судить, — вы не из низов, и гордой породы
ясные знаки видны в обильно пролитой крови».
Молвил, они же, сплетя голоса, но искоса глядя,
начали вместе: «О царь ахейцев, о милосердный,
нужно ль нам говорить? Ты сам залитое кровью
450 видишь лицо!..» — сочетав голосов озлобленных звуки,
оба промолвили так, а после Тидей, по порядку
первым, продолжил: «Стремясь позабыть о случившемся горе,
я Ахелоя луга и мой Калидон оставляю,
чудищ родящий[81]; меня непогодная ночь застигает
в ваших краях, — и что мне метало укрыться от неба
кровлею? — Может быть, то, что к порогу этому первым
путь свой направил другой? — Однако мы слышим, что делят
общий кентавры приют, а также Киклопы на Этне
вместе живут. Но когда даже чудища дикие знают
460 долг и природный закон, то нам вдвоем поместиться… —
впрочем, о чем я? — Сейчас ты либо — кто бы ты ни был —
гордый доспехом моим уйдешь, либо — если от скорби
кровь, изнурясь, не застыла моя — узнаешь, что отпрыск
корня великого, я ни отца Ойнея, ни Марса
не посрамлю!» — «И я — ни духом; ни родом не беден…»!
тот возражает ему, но, вспомнив о роке семейном,
медлит имя отца произнесть. Адраст-миротворец

«Полно, — сказал, — отложив угрозы — их ночь ли внушила,
доблесть, иль гнев, разыгравшийся вдруг, — под кров мой вступите.
Пусть залогами душ десницы вместе сойдутся;
нет, не попусту все, не без воли богов совершилось:
гнев же начало любви затем предварил, чтобы после
вспомнить с улыбкой о нем». — И как безошибочно понял
старец судьбу! — Ведь не зря говорят: у связанных битвой
верность такая была[82], какою Тесей Пирифою
верен был до конца, какою Орест, обезумев,
был от жала спасен пораженной Пиладом Мегеры.
Тут уже оба легко допускают, чтоб царь умягчил им
речью суровость сердец, — так, с бурей сразившись, стихает
море[83], но долго еще умирает ее дуновенье
в складках опавших ветрил, — и в покои царские входят.
Тут впервые Адраст рассмотреть одежды пришельцев
мог и оружие их, он видит: вздыбился полый
лев на спине одного с торчащею в стороны гривой,
видом подобный тому, кого в тевмесской долине
Амфитриониад сокрушил еще в юные годы,
кем себя прикрывал до борьбы с грозой Клеонейской[84].
Рядом, щетиною страх наводя и клыком искривленным,
сверху могучих рамен обнять Тидея пытался
вепря покров — калидонская честь[85]. Пронзенный великим
знаменьем, старец молчал, реченья небесные Феба
сразу признав и вещих пещер наставления вспомнив;
замер взгляд, застыло лицо, счастливый по членам
трепет прошел — он ясно постиг: ввели к нему боги
тех, кого Аполлон, прорицатель, плетущий загадки,
выбрал ему в зятья, обманчивым ликом звериным
их наградив. И вот, воздев к светилам ладони,
«Ночь, — промолвил, — земли и неба труды обнимая,
звездные ты высылаешь огни путем многостранным,
сил душе набраться даешь, покамест ближайший
слабым Титан существам не пошлет пошлет восход торопливый, —
ты, благодатная, мне, одолев заблуждений плетенья,
редкую веру даришь и рока истоки вскрываешь
древнего, — будь же ты мне утверждением данных обетов!
Дом этот вечно тебя, годовые круги отмеряя,

станет чтить, принося, богиня, лишь черные в жертву[86]
стати отборной стада, а кроме того — пятилеток
пламя Вулкана пожрет, парным молоком политое.
Древняя вера в треног, и тайные глуби[87], — привет вам!
510 О, судьба, я понял богов!» — сказал и, обоих
за руки взяв, под кров покоев внутренних с ними
вместе идет. — На седых алтарях еще сохранялись
в сонной золе — огонь, возлияния — в утвари теплой.
Царь повелел, чтобы вновь очаги запылали, и новый
пир повелел учинить. Приказам спешат подчиниться
слуги наперегонки; дворец оглашается пестрым
гомоном: тонким одни багрецом и золотом звонким
ложа устлав, громоздят ковры друг на друга высоко;
блюда хрупкие — их протерев — расставляют другие;
520 там над мраком и тьмой одержать ночную победу[88]
рвутся, цепями сдержав на весу золотые лампады;
здесь, железом пронзив, бескровное тщательно жарят
мясо царских говяд, а эти — полнят кошницы
прахом Цереры, в камнях растертой. Покорным кипеньем,
полнящим дом, доволен Адраст. И вот он меж гордых
тканей сам возблистал, на ложе из кости возлегши.
Юноши против него, водою высушив раны,
также легли: на лица глядят в отметинах мерзких,
каждый другого простив. А царь престарелый Акасту —
530 ту, что вскормила его дочерей и стражем вернейшим
стыд их святой хранила теперь для законной Венеры —
вызвать велел и ей прошептал в безмолвное ухо.
Только был отдан приказ, немедленно отроковицы
из потаенных пришли покоев: дивные видом,
звонкооружной одна Палладе, Диане колчанной
ликом другая равна, но грозны не столько. Их скромность
тотчас узрела мужей незнакомых: румянец и бледность
вместе на нежных щеках застыли, а взоры, робея,
чтимого ищут отца. Затем, обеденным чином[89]
540 голод уняв, Иасид велит по обычаю слугам
чашу с прекрасным подать рисунком[90], блестящую златом, —
некогда оной богам Данай совершал возлиянья
и Фороней, — а на ней деянья чеканные были:
тут летун золотой с отсеченной горгоньей несется

змееволосой главой: вот-вот он выпрыгнет, мнится,
в вольный воздух, она — тяжелые веки подымет, —
и на застывшем лице бледнеет злато живое;
там фригийский ловец летит на крылах золотистых:
он — возносится, вниз удаляются Гаргары, Троя.
спутники в горе стоят, собаки тщетным рычаньем
пасть изнуряют, и тень догоняют, и лают на тучи.
Чашу налив кипящим вином, небожителей чинно
всех призывает Адраст, но в первую очередь — Феба
славит у жертвенника увитая лавром стыдливым
слуг и близких толпа, ловящая блеск разожженных
в праздник алтарных огней, курящихся щедрой смолою.
«Может быть, юноши, вы узнать об этих обрядах
и о причинах того, что Феба чтим мы особо,
жаждете[91], — вымолвил царь. — Вины сознанье внушило.
В прежнее время бедой побужденный великой, приносит
жертвы аргивский народ. Я рад поведать, — внимайте.
После того, как змеи бирюзовой мощные кольца
(был то — исчадие недр — Пифон, — он темными обвил
кольцами Дельфы семь раз, дубы ободрав чешуею
древние, и подползал с раскрытою пастью трехжальной,
черный яд напитать вожделея, к потокам Кастальским)
стрелами бог[92] поразил, без счета их в раны вонзал,
и на кирренских простер равнинах, едва не на сотню
югеров труп распластав, — ища найти искупленье
крови, приблизился он к небогатым жилищам Кротона
нашего. А у того, вступая в первую младость,
дивной прелести дочь[93] хранила богов благочестья,
девственно чисто живя и счастливо. Если б ей Феба
тайной не ведать любви, не делить делосского ложа!
Ведь как познал ее бог близ токов влаги немейской
и совершила кругов дважды пять безущербная ликом
Кинфия, — звездное мать родила Латоне потомство —
внука; но кары боясь, — отец насильственной свадьбы
ей, без сомненья, простить не сумел бы, — село в отдаленье
выбрала и, поместив младенца в ограде овчарни,
стражу блуждающих стад тайком воспитать поручила.
Рода, дитя, твоего в недостойной ты спал колыбели:
луг тебя ложем из трав одарял, решеткой дубовой
дом осенял, и держал покров земляничного древа

тело в тепле, а полый тростник слал сон беззаботный —
пусть на полу, скотины вблизи. Увы, даже этот
дом постигла судьба! На земле, на дерне зеленом
как-то лежало дитя, эфир впивая устами, —
бешенство яростных псов его растерзало, кровавый
590 справивших пир. Едва лишь дошла до слуха убитой
матери весть, — пропали в душе родитель, стыдливость,
страх: не сдержавшись, она дом полнит, безумица, страшным
воплем и тут же сама, покров на груди раздирая,
перед отцом признаться спешит; но зачем побудила
боль к добровольной — увы! — как вымолвить? — гибели черной?
Поздно вспомнив жену, ты — страшной смерти утеху.
Феб, чудовище шлешь; в Ахеронтовых безднах на ложе
было зачато оно Эвменид: и ликом, и станом —
дева; но, вечно шипя, с макушки змея воздымалась,
600 темную ржавчину лба подобием ленты делила.
Эта язвящая месть, шурша ночною стопою,
в спальни взялась заползать, и свежие души под корень
с лона кормилиц срывать и окровавленною пастью
их пожирать, от скорбей отцовских весьма утучняясь.
Но — разъярился Кореб, оружьем и мужеством лучший:
он за собою увлек отобранных юношей, мощью —
первых, из тех, что жизнь легко меняют на славу.
Дева же, опустошив обиталища очередные,
шла к двоепутью ворот[94]: двоих привязала младенцев
610 сбоку и, скрючив персты, в живые тела их впивалась,
около нежных сердец согревая железные когти.
Оной навстречу — венцом окруженный мужей приближенных
юноша встал, смертоносный свой меч под крепкие ребра
деве вонзил и, до тайников острием растревожив
блещущим недра души, Юпитеру глубей подземных
диво его возвратил. Мог всякий, приблизившись, видеть
смертью подернутый взор, и течь продолжавший из чрева
мерзкий поток, и грудь, густой осквернённую кровью, —
наших могилу детей. Инахийцы застыли младые:
620 радость, сменившая плач, велика, но опаслива все же.
Крепкие колья схватив (бессильная скорби утеха!),
стали безжизненный труп истязать и уродовать щеки
градом острых камней, — но гнев не могли успокоить.

С шумом кружася ночным, ее даже вы избегали,
стаи голодные птиц; а ярая псиная злоба,
пасти пугливых волков на нее, не касаясь, взирали.
Но на несчастных в сердцах из-за мстительницы, умерщвленной
роком, Делосец восстал: в тени высочайшей Парнаса
сев двувершинного, он, жестокий, с неправого лука
гибельный мечет снаряд, поля и жилища Киклопов[95]
гордые пламенем жжет, облаков одеянье набросив.
Гибнет сладчайшая жизнь: мечом своим смерть обрезает
нити Сестер и держит в руках захваченный город.
И на вопрос вождя[96]: «За что? Чей гибельный пламень,
Сириус правит какой с эфира[97] в течение года?» —
снова вершитель-Пеан велит кровавому диву
юношей в жертву принесть, которые казнь совершили.
Дух благородный, в веках по достоинству дня заслуживший
долгого, — ты не сокрыл недостойно святого оружья,
не убоялся пойти навстречу погибели верной!
Нет, он с открытым лицом на пороге кирренского храма
встал и такими разжег священную ярость речами:
«Не по приказу, Фимбрей, к жилищам твоим не с мольбою
я прихожу: мне честь и сугубая доблесть внушили
в этот отправиться путь, — я тот, кто убийством осилил
смертную нечисть твою; Аполлон, ты в облаке мрачном,
в свете губительном дня и в черном поветрии неба
злобного ищешь ее, неправый, — но пусть даже лютый
дорог зверь великим богам, людская ж для мира
смерть дешева, и столь безжалостно гневное небо, —
Арги-то терпят за что? Лишь я, о бог наилучший,
голову должен лишь я подставить року; ужели
по сердцу больше тебе, жестокий, безлюдными видеть
кровли жилищ и поля, скорбящие о землепашцах,
сгибших в огне? — Но речью зачем удержать я пытаюсь
жала и руки твои? Ждут матери, я же исполнил
то, что хотел, и твою вполне заслужил беспощадность.
Что же, достань стрелу и, лук напрягши звенящий,
славную душу отправь в обитель смерти, но тучу
бледную, ту, что грозит инахийскому Аргосу свыше,
прочь, покуда я жив, отгони». — На достойных взирая,
рок милосерд. Удержал распалившегося Летоида
стыд пред убийством. Смирясь, он мужу печальную почесть —

жизнь подарил; а с наших небес тотчас разбежались
черные тучи. Порог изумленного Феба оставив,
ты, прощенный, ушел. — Священные эти уставы[98]
чтит торжественный пир ежегодно, и новый смиряет
фебовы храмы почет. Вы случаем не заходили
в них — из ваших краев? В Калидоне, я знаю, Ойнея
670 партаонийский очаг — коль верные нас достигали
слухи — достался тебе. А ты нам поведай, откуда
в Аргос пришел, — как раз для бесед подходящее время».
Но опускает лицо, опечалившееся внезапно,
долу исменский герой, за Тидеем израненным молча
искоса взглядом следит и нескоро молчание рушит:
«Чтущему ныне богов, тебе вопрошать не пристало,
род мой каков, из какой я земли, откуда струится
дедовской крови черед: средь праздника вымолвить стыдно.
Но — коль торопит тебя забота узнать о пришельце —
680 Кадм — начало отцов, земля моя — марсовы Фивы,
а родила Иокаста меня». — Адраст же, радушьем
движимый — он ведь узнал пришельца: «Известное, — молвит, —
что же скрывать? Мы знаем: молва до Микен докатилась, —
путь недалек. Престол, безумье и взор посрамленный
знает и тот, кто дрожит под солнцем арктийского неба,
тот, кто на Ганге живет, в Океан, под закатами черный,
входит; и если кого оставляют на бреге неверном
Сирты[99], — то знает и он. Крушиться не нужно и беды
предков себе причислять: грехов предовольно и в нашем
690 роде противу богов, — но в них неповинны потомки.
Сам лишь — своим не в пример — благими старайся делами
предков грехи искупить. Но вот уже, дышло склоняя,
льдистый бледнеет Возок Медведицы гиперборейской.
Вина пролив в алтари, отцов спасителя наших
снова и снова, мольбы вознеся, воспоем Летоида. —
Феб-родитель, — тебя блюдут ли Патарские чащи
в снегом покрытых горах ликийских; иль чистой росою
любо тебе касталийской кропить власы золотые,
или же Троей владеть, Фимбрей, где фригийские скалы
700 ты добровольно взвалил на плечи, не ждущие платы;
или ты хочешь, о Кинф латонин, Эгейского моря
тенью касаясь, в волнах не искать устойчивый Делос; —
стрелы и лук у тебя, врагов разящие диких

издалека; уделили тебе небесные предки
вечное нежных ланит цветенье; неверная Парок
ведома пряжа тебе и грядущие судьбы открыты, —
все, что Юпитер решит высочайший, и год, приносящий
гибель и войны стране, и грозящие скиптрам кометы[100];
ты и фригийца склонил пред кифарой[101], и к чести Латоны
Тития ты распластал земнородного[102] в поле стигийском.
Оба, — зеленый Пифон и фиванская матерь[103] трепещут
славной твоей тетивы; казнящая страшно Мегера
вечно лежит на огромной скале, под коей без пищи
Флегий простерт, и его тебе терзает в угоду
мерзкими яствами, но — и голодный — он брезгает ими.
Помни свой прежний приют[104], помогай нам, юнонины пашни,
правый, блюди, — называть ли тебя румяным Титаном
ахеменийцам вослед, Озирисом ли плодоносным,
или же так, как тебя величают в пещере Персея. —
Митрою, — гнущим рога, разгневанные на погоню[105]».

КНИГА II

Майи пернатый посев[1] между тем от хладеющих теней
шел, исполняя приказ Юпитера; всюду густые
тучи препятствовали, и клубы тумана сбивали.
Не на зефиры шаги опирались, — на жуткие вздохи
свода безмолвного: Стикс, девятью полями текущий[2],
перегораживал путь, не пускало казнящее пламя.
Сзади Лаий спешил дрожащею старческой тенью,
рана мешала ему: вонзившийся по рукоятку
меч нечестивый пронзал ударом родственным душу[3],
первопричинный гнев являя мстительниц-Фурий, —
все же он шел и шаги укреплял целительной ветвью[4].
Как же пустые леса и поля — обиталища манов[5],
мрачные рощи ему поражались! Тому, что вернулся
старец назад, — дивилась Земля, и даже в умерших,
света лишенных уже, болезненная пробуждалась
черная зависть. Из них один, чье глупое рвенье
вечно до самых небес — отчего и трудна у них старость —
радо несчастьям других, несчастно чужою отрадой,
молвил: «Счастливец, ступай, зачем бы ни был ты призван, —
дал ли Юпитер приказ, Эриния ль старшая гонит
солнцу навстречу идти, иль ты фессалиянки[6] волей —
жрицы безумной — с твоей укромной расстался гробницей, —
ах, но на милый взглянув небосвод, на покинутый светоч,
на зеленеющий луг, на влагу источников чистых, —
вдвое печальней сюда возвратишься ты в эти потемки!»
А уж когда их узрел лежащий на мрачном пороге
Кербер и все устремил голов отверстые пасти, —
он, кого и входящие злят! — и черная вздулась
шея, грозя, и груду костей он разбрасывать начал, —
богу летейской пришлось унять лиходея лозою
и троекратной дремой[7] угасить железные очи.
Место известно — оно инахийцами Тенар зовется, —
где устрашающий мыс бурливой Малеи выходит
ветрам навстречу, залив вершиной от взоров скрывая.
Мощная круча стоит и, ясная, ливни и бури

все презирает: на ней лишь звезды, устав, отдыхают[8].
Там истощившиеся укрытье устроили ветры,
молний пути по скале, ее середина — летучих
туч приют, а вершин — полет стремительный птичий
не достигает, и их не тревожат грома раскаты.
Если же солнце вверху, то тень от скалы покрывает
моря далекую гладь и в толще, огромная, тонет.
А под скалою внизу изгибается Тенара пенный
берег, не смея дойти до открытого токов простора.
Там утомленных Нептун из пучины Эгейского моря
к пристани гонит коней[9]: следы на песке оставляет
первый, а двое других разбегаются рыбами в море.
Здесь, говорят, тропа неприступная бледные тени
сводит к черному вниз Юпитеру[10] и открывает
мертвым чертоги его. И, ежели верить аркадцам,
казней скрежет и вопль им слышен, и, мрачно вздуваясь,
поле кипит, звенят Эвменид глаголы и длани
там среди белого дня, а Леты привратник трехликий[11]
пахарей — если его услышат — с полей прогоняет.
Этой вот мрачной тропой и выскользнул бог окрыленный[12]
с тенью старца наверх; с чела подземные тучи
тут же смахнул и уста освежил живым дуновеньем.
После, летя на Арктур, оставил Луны пограничной
пашни с народами их. В пути ему Сон повстречался,
Ночи гонящий коней: отпрянув в почтительном страхе,
Сон божеству уступил в небесах дорогу прямую.
Тень, летя не столь высоко, за отнятым звездным
сводом следит[13] и вождем, и вскоре — кирренские кручи
видит внизу и свою в осквернённой Фокиде могилу.
Ветер был — в сторону Фив: застонал у порогов сыновних
Лаий и медлил войти в пенаты, знакомые слишком.
А уж свои увидав на столпах вознесенные кровли
и колесницу свою, до сих пор покрытую кровью, —
в трепете чуть не вернулся назад: ему не преграда
ни Громовержца приказ, ни аркадской лозы[14] увещанья.
Кстати, этот же день Юпитер отметил ударом
молнии: нежный Эван, тебя неурочные роды
препоручили отцу[15]. По этой причине тирийцы
ночь порешили без сна провести в веселии общем[16]:

всюду — в домах и полях — плетеницы разбросаны были,
и выдыхали они меж кратеров, вино истощивших,
сонного бога в лучах зари, и флейты гремел и,
медный звон побеждал по бычьей коже удары;
в радости сам погнал Киферон лесов бездорожьем
здравых умом матерей, одержимых счастливейшим Вакхом.
Так, внезапно сойдясь, на Родопе пиры учиняют[17]
или же между холмов срединной Оссы бистоны:
полурастерзанный скот, отбитый у ярости львиной, —
вот их яство; они парным молоком укрощают
пыл свой; но если на них Иакха огигова веет
бешеный дух, то — к камню рука, то чащи — приличье
мигом крушат, и кровь соплеменная льется обильно,
тем указав на праздничный день и пир отмечая.
Этою ночью летун килленский и призрак безмолвный
спальни достигли царя эхионского[18], где, велемощный,
тело свое он простер меж ковров ассирийских на гордом
ложе. Увы! Он смертным своим несведущим сердцем
рока не знал, и он пировал, и сном наслаждался.
Старец тогда, исполняя приказ, — чтоб не мог показаться
лживым образ ночной, — пророка древнего темный
принял Тиресия вид и голос[19], приметную также
волну надел, а пряди — свои оставались, и белый
клок бороды, и бледность своя; но инфула лживо
волосы переплела, и с бледной оливой сплетался
лживых повязок почет. Итак, перстами коснувшись
груди, привиделся он судеб глаголы рекущим:
«Спать не время тебе[20] и ночью глубокой бездельно
здесь возлежать, о брате забыв, — громада деяний
кличет давно, нерадивый, тебя и замыслов важность.
Над эонийским когда простором висит грозовая
туча и Австры шумят, тогда мореход забывает
парус и рвущее гладь правило, — он медлит; вот так же
медлишь и ты. Но знает Молва, что некто недавним
браком гордясь, готовит войска, чтоб царство добыли,
свергли тебя, а в хоромах твоих — он стариться будет.
Одушевляет Адраст, приметами тесть предреченный;
Арги — приданого часть; к тому же — союзом до гроба
связаны он и Тидей, забрызганный братоубийством.
Вот он и горд, а тебя — он изгонит и, видно, надолго.

Сам из участья меня родитель богов посылает
с неба: Фивы — храни, слепца, взалкавшего власти,
брата, который готов изгнать, гони, да не впустишь
ждущего смерти твоей, преступно сгубившего клятвы,
и да не впустишь с ним владыкою Кадма — Микены».
Вымолвил; и, уходя, — уже побледневшие звезды
скрылись от светлых коней[21] — с лица оливу и волну
сдернул и — деда явил: над ложем злобного внука
низко склонясь, обнажил ударом пронзенную шею
и увлажнившеюся сновидение раной наполнил.
Внук проснулся тотчас, взмахнул руками и с ложа
прянул, ужасом полн: приснившейся крови потоки
гонит прочь и дрожит пред дедом в поисках брата.
Словно дремлющий тигр, услышав охотников шопот,
сети увидев, — рычит, ленивые сны прогоняет.
жаждет битвы, глаза сужает и пробует когти, —
вдруг — прыжок на толпу, и в пасти он тащит живого
мужа, кровавых снедь детенышей; — так и правитель
гневом вскипает, к войне против дальнего брата готовясь.
Вышла уже в небеса[22] из опочивален мигдонских
и холодеющий мрак с высот поразила Аврора,
росы стряхнула с кудрей, алея все больше при виде
Солнца, спешащего вслед, к которому поздний сквозь тучи
луч обращал, на коне чужой эфир покидая[23]
медленном, Люцифер; но — отец пламенеющий полнит
мир[24] и даже сестре[25] лучи посылать запрещает.
Тотчас же Талайонид почтенный, а следом, недолго
медля, диркейский герой, а с ним и герой ахелойский
прянули с лож: и тот, и другой, утомленные боем
и пережитой грозой, вкусили полную меру
сна, инахийский же царь, лелея душу покоем
легким, перебирал в уме богов и нашедших
в доме приют у него и тревожился: чем обернется
рок обретенным зятьям. Сойдясь у срединных сидений
дома, десницы они очередным сжимают пожатьем,
и, где удобно вбирать и высказывать тайные речи,
вместе садятся; Адраст обращается к полным сомненья:
«Гордые юноши, вас привела благосклонная полночь
в царство мое не без воли богов, и вам сквозь смешенье
ливней и молний, когда Громовержец гремел непогодой,

к этим жилищам моим был путь Аполлоном указан.
То, что скажу, известно и вам, и народу Пеласга:
сколь вожделен союз и для скольких юношей знатных
с домом моим. У меня — надежда сладкая внуков —
дочери две возросли, при одних рожденные звездах.
Сколь милолики и сколь стыдливы, — не речи отцовой
верьте, а только тому, что вчера на пиру увидали.
Их, полями кичась и широковластным оружьем,
многие жаждут мужи, — мне всех и не вспомнить ферейских
и эбалийских вождей, и матери в грядах ахейских
верят в потомство от них. Прибегал к условиям многим
даже Ойней твой[26] и тесть, опасный пизейской вожжею.
Мне же ни тех, кто Спартой рожден, ни посланцев Элиды
сделать зятьями нельзя, но кровь эта — ваша, забота —
ваша о доме моем по обету старинного рока.
Слава бессмертным, что вы — таковы и породой, и духом,
что предсказанье — сбылось; а это — почет, порожденный
ночью суровою, так за битвой награда приходит».
Выслушали; напрягся их взгляд, они друг за другом
молча следили: один уступает, казалось, другому
речи черед. Но начал Тидей, во всяком деянье
первый: «Насколько же скуп о твоей возглашающий славе
зрелый твой ум, — ты сумел, вынося великую долю,
доблестью счастье смирить! А кому Адраст уступает
властью, и кто позабыл, что от древних полей сикионских
призванный[27], ты усмирил законом бесчинные Арги? —
Если бы стало тебе, справедливый Юпитер, угодно
вверить деснице его народы, которые держит
Истм дорийский с одной стороны, а с другой не пускает[28], —
свет от страшных Микен, свой ход изменив, не сбежал бы[29],
и близ Элиды холмы не гремели б от схваток свирепых![30]
Те у одних из царей, у других Эвмениды другие… —
прочее ты, фиванец, оплачь. Итак, я согласен
и расположен душой». — И он замолчал, а продолжил
следом другой: «Но кто отказаться от тестя такого
мог бы? Изгнанникам, нам, отвергнутым родиной милой,
правда, Венера еще не мила, но с нею утихнут
горести в сердце, уйдут пронзившие душу печали.
Радость такую дарит утешение это, как будто

мы увидали с кормы, бросаемой бешеным Нотом,
милую землю. Хотим, обретя счастливые знаки
власти, остаток судьбы, трудов и жизни под кровом
счастья прожить твоего». — И тут же, нимало не медли,
все поднялись. Отец инахийский без счета обеты
к прежним прибавил речам и клятвой заверил, что будет
200 им помогать и вернет изгнанников в отчие царства.
Вот уже Арги — спеша наполнить улицы слухом,
что де явились зятья к вождю, и цветущие девы,
Аргия дивной красы, Деипила, не менее ликом
славная, женами им с гименеями первыми[31] станут, —
радость готовят. Идет Молва[32] к городам дружелюбным,
и от соседних полей разносится вплоть до ликейских.
и парфенийских высот лесистых и пашен эфирских.
И до огиговых Фив добирается та же богиня:
бурная, стены она до самых краев заливает
210 и, согласуясь с ночным обещаньем, вождя Лабдакида
сильно страшит: приют, и брак, и царства обеты,
смешанный род поет и (вольность откуда такая,
ярость — зачем?) возвещает войну. Пролился на Арги
день долгожданный: толпа веселящаяся наполняет
царский дворец и вблизи на изображения предков[33]
смотрит, и лицам живым соревнуют медные лики —
дерзкий труд человеческих рук. Двурогий родитель
Инах слева сидит, на сосуд опершись наклоненный;
кроткий его Фороней заслоняет и старец Иасий,
220 воин Абант, а за ним — негодующий на Громовержца
царь Акрисий, Кореб с головой на мече обнаженном,
образ Даная за ним, замыслившего преступленье,
тысяча следом вождей. Входя сквозь гордые двери,
толпы народа шумят, а знати горстка и те, что
честью ближе к царю, в ряду обретаются первом.
Жертвами внутренний двор загорелся, звеня суетою
женщин: чистейшим кольцом арголидянки мать окружают,
прочие — возле невест: со всех сторон обступив их,
новых обрядов черед толкуют, боязнь умаляя.
230 Девы пошли: красы блистательной, скромны повадкой, —
по белоснежным разлив ланитам румянец стыдливый,
долу склонили лицо; нечаянно к ним подступила
поздняя к девству любовь, и первого стыд прегрешенья

лица обеих смутил: омылися благоприличной
щеки слезой, пробудив в родителях трепетных гордость.
Именно так с небесной оси спускаются вместе
строгая Феба сестра[34] и Паллада, — обе с оружьем,
взгляды обеих тверды, власы златые — узлами:
спутников с Кинфа ведет одна, с Аракинфа — другая;
даже взирая на них продолжительно, если дозволят, —
не разрешить: какая из них прекрасней, достойней,
больше — Юпитера дочь[35]; когда б поменялись убором, —
шел бы Палладе колчан, а Делии — шлем оперенный[36].
Радуясь наперебой, инахиды богов утруждали
жертвами в меру щедрот и достатков каждого дома:
кровь и нутро — одни, другие — травы сжигают,
третьи — а слышат и их, коль искренне сердце — куреньем
чтут богов и порог покрывают сломленным лесом[37].
Вдруг неожиданный страх — изволением Лахесис строгой —
души людские сотряс, разрушил отцовскую радость,
праздничный день возмутил: к порогу безбрачной Паллады
шли они, — а для нее аргивский город Лариса
круч мунихийских отнюдь не ущербней[38]; по древним законам
дщери Иасия[39] здесь, в чистоте доросши до брака,
девичьи в жертву власы приносили, вину искупая
первого ложа; и вот, на идущих к высокой твердыне,
вниз по ступеням катясь, с вершины храма упавший
рухнул щит золотой, доспех аркадца Эвгиппа, —
светочей передовых огни, украшение свадьбы,
он загасил, и тотчас, раздавшись из глуби священной,
мощный голос трубы остановленный ход устрашает.
Первый ужас, прошел, и все к царю обратились:
то, что слышали глас, отрицают, но знаком зловещим
каждый был потрясен, и страх возрастал в пересудах.
Дивно ли? — Аргия, ты надела тогда украшенье —
мужа нерадостный дар — ожерелье Гармонии, многих
бедствий зловещий исток; черед их долог, но все же
я изложу, отчего столь злобная сила в обнове.
Древних преданье гласит, что Лемносского бога терзала
долгая ревность[40]: любви и застигнутой не помешала
казнь, и ее обуздать не сумели мстящие цепи
Вот почему для Гармонии он украшенье и создал —

к свадьбе подарок: его искусные в большем Киклопы
делали, ревностно им дружелюбной рукой помогали
оных трудов знатоки — Тельхины; но труд наибольший
сам он свершил[41]: огнем цветущие тайным смарагды
вставил в металл, адамант грозящим надрезав узором,
Здесь и Горгоны глаза, и последней молний блестки
(их с наковальни он взял сицилийской), и яркие гребни —
280 змей бирюзовых краса, а также — плача достойный
плод Гесперид и руна зловещее фриксова злато;
язвы различные здесь помещает и снятого с черных
влас Тисифоны вождя и мучащей Пояса мощью
все наделяет; поверх искусно лунною мажет
пеной, а все целиком поит усладительным ядом.
Ни Пасифея к нему, из прельстительных первая Граций,
ни Красота, ни сын идалийский[42] не прикасались, —
Слезы, Скорби, Гнев и десница Раздора клеймили.
Первая жертва его — Гармония, спутница Кадма
290 дольнего: вопли ее обратились в глухое шипенье[43],
а удлинившийся стан бороздил иллирийское поле.
Следом за ней — Семела: едва надела на шею
дар вредоносный, как в дом проникло коварство Юноны[44].
Бедная, ты, говорят, Иокаста, наряда нечестьем
в свой завладела черед и славой его украшалась,
к свадьбе готовясь, увы, — и какой! — но всего не расскажешь.
Аргия ныне горда подарком, сестры украшенья
скромные превосходя проклятою злата красою.
Оное видит жена обреченного смерти провидца[45], —
300 близ алтарей и меж яств потаенно злобную варит
зависть: когда бы самой завладеть свирепым нарядом.
Близкие знаменья ей, увы, помочь не сумели:
скольких желает скорбен и бед, преступница, жаждет!.. —
впрочем, достойная их. Но битв западни злополучной
муж за что заслужил, а сын — безвинного гнева[46]?
После того, как пиры во дворце и народная радость
длились двенадесять дней, герой исменский[47] решает
к Фивам взгляд обратить, своего потребовать царства.
Был ему памятен день, когда во дворце эхионском
310 он, лишенный всего счастливым жребием брата,
понял, что боги — не с ним, что ушли в смятенной тревоге

спутники, что никого вокруг не осталось, что счастьем
он обойден; одна изгнанника скорбного вышла
в путь сестра[48] проводить, — и ее на первом пороге
он оставляет, сдержав рыдания гневом великим.
Тех, кто изгнаньем его веселился, пристрастному князю
льстя сугубо, и тех, кто о нем, как сам он заметил,
изгнанном, плакал, — всю ночь и в течение дня разделял он.
Душу его извели безумная злоба, досада
320 и тяжелейшая всех человечьих забот — если долго
сбыться ей не дано — надежда. Замысла грозный
облак вздымая в душе, и Дирку, и дом недоступный
Кадма, — готовится в путь. Как бык без долины привычной[49] —
стада вожак, кого, отогнав от излюбленных пастбищ,
телки отбитой вдали заставил реветь победитель, —
оной в изгнанье опять возжелав и пылом исполнясь,
голову гордо подняв и сломленный дух пробуждая,
жаждет войны и лугов и пленного требует стада,
рогом уже и копытом сильней; пред вернувшимся страха
330 полн победитель, его признают пастухи с изумленьем.
Гнев не иной изощрял и тевмесский юноша[50] молча
в мыслях своих, но тайный их ход замечала супруга
верная: мужа обняв на ложе при первом румянце
бледной еще Авроры: «Куда ты, лукавый, стремишься,
бегство готовишь зачем?» — говорит. — «Любовь замечает
все: я ведь вижу, корысть твое учащает дыханье,
мира не знает твой сон, не однажды лились по ланитам
слезы, и стоны забот прерывала не раз я великих,
длань прижимая к устам. Меня не тревожит нисколько
340 мысль о неверности, мысль об измене, о юности вдовой:
наша любовь горяча, и еще после свадьбы не стало
ложе мое остывать, — твое лишь, любимый, спасенье,
верь мне, терзает меня. Ужель без друзей и оружья
требуя царства, из Фив, когда он откажет, ты льстишься
выскользнуть? — И от кого! — Молва, привыкшая власти
изобличать, говорит: он горд и счастлив добычей
и не выносит тебя; к тому же и год не закончен.
Карой небесной меня пророки и вещие жертвы,
также падение птиц[51], а также — образ тревожный
350 прежде не лгавшей во снах — насколько я помню — Юноны
сильно страшат… Но куда ты спешишь? Иль тайное пламя

в Фивы уводит тебя, иль тесть наилучший…» — Улыбки
юноша тут же сдержал эхионский, супруги страданья
нежные вознаградил объятием и поцелуи
впору по грустным щекам, удержав от рыданий, рассыпал.
«Душу от страхов избавь, поверь: благодетельной волей
день бестревожный придет; твоим же летам не пристало
бремя толиких забот: пусть сын сатурнов[52] несет их,
судеб отец, и пусть склоняет с небесного свода
взор Справедливость, дабы охранять на земле правосудье.
Утро, глядишь, и придет, когда и дворец ты увидишь
мужа, и по городам пройдешь царицей обоих».
Так он сказал и тотчас от милого прянул порога;
смутен, Тидея призвал, союзника в замыслах, верным
сердцем заботы его уже разделявшего (души
их после ссоры любовь сочетала) и зятя Адраста.
Времени много прошло, покуда в длительных спорах
лучшее к ним, наконец, не явилось решение: верность
брата пытать и, к нему обращайся с просьбой, разведать:
можно ли власть получить; и смелый Тидей добровольно
труд этот взял на себя. Тебя, этолиец храбрейший,
все же пыталась не раз рыданиями Деипила
не отпустить, — но отчий приказ, и возврат безопасный —
право посла, и сестры справедливый призыв победили.
Он уже вымерил путь сквозь лес на прибрежье суровом
топи Лернейских болот, где гидра сожженная греет
глуби виновных зыбей[53], миновал долины Немей —
песнею их пастухи еще оглашать не решались[54], —
мимо Эфиры прошел, повернутой к Эврам рассветным;
уж позади Сизифа приют[55] и бьющие в берег
гневные воды и их разобщивший Лехей палемонов[56];
Нис обойден стороной, Элевсин благодатный остался
справа, и вот — под стопой тевмесская пашня; он входит
в крепость Агенора[57], там сурового зрит Этеокла:
сам на престоле сидит, вокруг — щетинятся копья;
грозный, он суд над людьми — без права судить, ибо время
царства прошло — за брата чинит, готовый к злодействам
всяким, и сетует лишь, что должного требуют поздно.
Став двора посреди, посол — о чем объявляла
ветка оливы — сказал о причинах прихода и назвал

имя; и так как всегда был горяч и в речах незатейлив,
и на сей раз говорил справедливо, однако же резко:
«Если бы ведал ты честь и хотел договора условье
выполнить, ты бы тогда по прошествии года направил
к брату посланцев твоих, а сам — положенным чином
знаки достоинства снял и оставил мирное царство,
чтобы изгнанник, давно в чужих городах выносящий
долю недолжную, мог воссесть на законном престоле.
Но — так как царствовать страсть сладка, а власть соблазняет —
мы тебя просим: уже возвратился свод звездоносный,
круг совершив, и к горам отошедшие тени вернулись, —
этой порою твой брат повел по местам незнакомым,
странник печальный, беду; теперь же под небом открытым
время тебе влачить свои дни, на земле леденящей
спать и смиренно чужих обходить стороною пенатов.
Счастью предел положи: багрецом изобильный и златом
блещущий, досыта ты над скудным несчастного брата
годом смеялся, — итак, откажись от радостей царства
и — терпеливо снеся изгнанье — добудь возвращенье».
Вымолвил. А у того давно под спокойной личиной
в сердце огонь бушевал: так камня бросок заставляет
прянуть навстречу змею, у которой в недрах подземных
долгая жажда весь яд собрала, разлитый по телу,
в узкое горло ее под жесткой чешуйчатой шеей.
«Если б сомненья во мне вызывали все прежние знаки
дерзости брата и гнев очевиден не был сокрытый, —
я бы уже по тому в них уверился, как ты яришься,
злобу являя его: ты выслан, словно подкопник,
рушащий вал крепостной, ты словно труба, что отряды
вражьи сзывает. Когда б держал ты в собранье бистонов
речь иль гелонов среди, под низким бледнеющих солнцем, —
ты говорил бы скромней и почтительнее к беспристрастной
правде. Однако тебя, уличенного в яростной злобе,
я не виню: ты исполнил приказ. Но так как повсюду
вы нам грозите и скиптр не дружбой под сению мира
просите, нет, но взявшись за меч, — иные, чем он мне,
ты передай от меня царю аргосскому речи:
скиптром, который дала справедливая доля, а также
возрасту должная честь, — владею и буду владеть им.
Твой же царский престол — наследство жены инахийской,

груды данайских богатств (о, я не завидую большей
роскоши!) ты получил, и ты же при знаках счастливых
в Аргах и Лерне царишь; а мы — в полях каменистых
Дирки и на берегах, стесненных эвбейским прибоем[58],
правим, и нас не стыдит, что Эдип — наш несчастный родитель;
ты же теперь ведешь от Пелопа и Тантала[59] знатных
предков чередь, и течет Юпитер родственной кровью
ближе[60]. Ужели снесет привыкшая к пышности отчей
здешний царица очаг, к которому сестры обычно
робкие руна несут[61], который когда-то рыданьем
жалкая мать сотрясла и — из мрачных услышанный глубей
только что — старец святой! К тому же и мысли народа
свыклись уже с ярмом: отцов и люда мне стыдно, —
доли неверной они да избегнут, о сменной стеная
власти: им горько служить правителям непостоянным!
Краткий царствия срок народам погибелен: видишь,
ужас какой поразил горожан из-за нашего спора? —
Их ли во власть тебе на верную казнь я оставлю?
Брат, ты гневен придешь. Пусть я пожелаю, но сами —
ежели есть в них любовь, за труды благодарная — царства
мне не позволят отдать отцы…» — Не вытерпев дольше,
речи его прерывает Тидей: «Отдашь», — он промолвил
и повторил: «Отдашь, и даже когда бы железный
вал тебя окружил, и новою песней тройные
стены возвел Амфион[62], — ни это, ни стрелы, ни пламя
не помешает тому, чтоб смыл ты дерзость и умер,
пленным венцом бия по земле, завоеванной нами.
И поделом; но скорблю я о тех, не жалеющих крови,
бросивших жен и детей для битвы безбожной, кого ты
гибели, ласковый царь, обрекаешь. О, сколькие трупы
и Киферон, и Исмен, напитанный кровью, закружат.
Вот они — долг и великая честь! Но преступности рода
вашего я не дивлюсь, коль рожденья ближайший виновник
брачный покой отца осквернил. Но природа ошиблась:
отпрыск Эдипа — лишь ты, и его преступного нрава
знаки лишь ты, свирепый, несешь! Мы просим о годе… —
впрочем, я мешкаю зря» — уже с порога, отважный,
крикнул и только тогда стремглав сквозь строй потрясенный
выбежал. — Так убегал за Диану Ойнею отмститель[63],

вздыбив щетину, блестя клыками гнутыми; вепря
гнал пелопов отряд, вздымая каменья навстречу,
рощи по берегам Ахелоя изрытым срубая.
Вот Теламон на земле, и вот, Иксиона простерши,
он близ тебя, Мелеагр: тогда лишь жалом широким
был он пронзен, и в упорном боку отдохнуло железо.
Сильно собранье смутив, уходит герой калидонский[64]
так зубами скрыпя, словно сам он царства лишился.
Все ускоряет шаги и бросает молящей оливы
ветвь[65], а вслед ему пораженные матери смотрят
с верхних ступеней жилищ, и шлют проклятья Ойниду
лютому, и заодно царя про себя проклинают.
Ум у правителя был к злодейству готов и гнуснейшей
хитрости: верных ему молодцов отменной военной
выучки — мздою одних, других подстрекая речами
пылкими — битву в ночи завязать наставляет, свирепый, —
жаждет напасть на посла — от века священное имя! —
и, заманив в западню, сразить негромким оружьем.
Все ради царства — ничто! А какие б уловки нашел он,
если бы брата судьба привела! О, слепая злодеев
мысль, о, трусливое зло! — С оружием чернь устремилась,
против единой главы сговорившись, — а можно подумать,
крепость им брать предстоит, упорным ударом тарана
стену крутую крушить. Сплоченные, правильным строем
вытекли все пятьдесят из гордых ворот по порядку.
Слава тебе, если ты удостоен противников стольких!
Путь сквозь чащобу их вел кратчайший, они торопились,
скрытой стезей напрямик пробираясь густыми лесами.
Место злодейств найдено: поодаль от города узкий
ход был между холмов, которые тень от высокой
кручи и кряж защищал, зеленеющий лесом нависшим.
Место от взоров укрыв, его для засады природа
Выдумала: рассекла искусно тропой посредине —
скалы — под ними внизу луга и пологие пашни
далью просторной легли; напротив же — выступ жестокий:
прежде сидела на ней летунья эдипова[66]. Бледный,
чудище, лик приподняв, устремив налитые ядом
очи и слипшимися от крови ужасной крылами
оберегая мужей убиенных, в их кости вцепившись
полуобглоданные, с обнаженной грудью вставала,

с криком глядела в поля: загадку решить не решится ль
неразрешимую гость иль путник — выйти навстречу
и завести разговор на ее наречии жутком, —
длинные когти тогда на лапах своих почерневших
вмиг начинала острить и зубы — да ранят больнее,
и над лицом пришлеца устрашающе крыльями била.
Козни таились ее, покамест с камней кровавых,
сходственным мужем, увы, застигнута, крыл не расправив,
в горе она о скалу не разбила несытое чрево.
Лес — несчастья судил, стада близлежащих боялись
трав, и алкающий скот заклятых лугов не касался,
тень не влекла хоровода дриад, не служила для таинств
фавнам, и этих лесов роковых зловещие даже
птицы бежали. Сюда спустился неслышимым шагом
к смерти идущий отряд. Противника, гордого духом,
ждут, на копья склонясь и в землю щиты упирая,
и окружают венцом дозорные частые рощу.
Влажною паллой[67] своей начинала укутывать Феба
Ночь и в поля проливать прозрачные синие тени.
Тот приближался уже к лесам и с возвышенной кручи
рдеющий блеск щитов и шлемов гривастых заметил
там, где была негустой преграда ветвей и во мраке
пламенный трепет луны блуждал на оружии медном.
Он удивился, но путь продолжал, лишь дротов торчащих
жала придвинул и меч, скрываемый до рукояти.
«Кто вы, откуда, зачем таитесь с оружьем?»[68] — сначала
так он без страха спросил недостойного, но не услышал
звука в ответ: тишина не сулила, неверная, мира.
Тут-то как раз копье, необорною брошено мышцей
Ктония, — был он вождем отряда — сквозь темный промчалось
воздух, — но бог и судьба дерзнувшего не поддержали.
Шкуру пробило оно оленского вепря — щетиной
страшный покров — и, над левым плечом пролетев возле самой
кожи, задело легко неоправленным деревом шею.
Дыбом встали власы, и сердце оледенело.
Грозно туда и сюда обращая свой пыл и от гнева
мертвенный лик, он не знал, какая готовится битва.
«Кто здесь против меня? — Выходи на открытое место!
Смелость, тебе ли робеть? — Какая же трусость! — Один я
вас вызываю на бой!» — И тут же увидел он стольких,

сколько не ждал: а они, из бесчисленных выйдя укрытий,
те спускались со скал, из долин вырастали другие.
Сколько же их перед ним! — Уже под оружьем дорога
вся засверкала: вот так окруженных зверей заставляет
первый выбежать крик. Единственный для избавленья
выбрав путь смятенным умом, он ринулся к круче
Сфинги ужасной, затем, поломав на скалах отвесных
ногти, ужасный хребет одолел и встал на вершине.
Здесь — в безопасности тыл, и путь для отмщенья удобен.
Камень огромный — его, ревя и выи напружив,
выворотить и быки для стены крепостной не смогли бы —
вырвал, утес разломив, и, силою всей напрягаясь,
поднял, размаха ища для глыбы громадной, подобен
Фолу величьем души[69], который с лапифами в битве
поднял полый кратер. И замерли в страхе предсмертном
толпы, взирая наверх. Метнул, — застигает несчастных
вихрь сокрушенной скалы: уста, и мечи, и десницы,
хрупкие груди под ней, с железом смешавшись, остались.
Вопль четверых, на глазах под единою глыбой погибших,
сразу же бегством спастись устрашившийся строй заставляет,
помыслы их изменив. Тела не ничтожных остались
брошены: грозный Дорил, кого до царей подымала
пылкая доблесть; Ферон, гордившийся марсовой кровью, —
внук земнородных мужей[70]; и Галис — такого второго
править уздой не найти — на пашне покоится, пеший;
рода пенфеева — с ним, о Вакх, ты еще не смирился —
был четвертый, Федим. Тидей увидал, что в смятенье
строй разрушает толпа, напугана роком внезапным.
Оба копья, одной несомых рукой и к утесу
им прислоненных, метнул, разбегающихся подстрекая.
После на землю — дабы в беззащитную грудь не попали
дроты — прыжком со скалы метнулся и круглый Ферона
щит, от придавленного откатившийся прочь, как он видел,
мигом схватил и тогда, ограждая ведомым вепрем
спину и голову, грудь защищая вражьим доспехом,
стал. И на одного, сплоченная вновь, наступает
рать огигидов. Тидей извлекает из ножен бистонский
незамедлительно меч[71] — Ойнею великому марсов
дар — и ко всем, кто его окружал, равно обращенный,
этих сражает и тех, сверкающие отбивая

590 дроты щитом. А врагам мешает число их, оружье
этих стесняет других, и мало в их натисках силы,
и поражает иной своего, и своих же упавших
топчет толпа, — остается Тидей недоступен для грозных
дротов, противостоя ударам несокрушимо.
Именно так — если гетской должны мы Флегре поверить[72] —
против грозящих небес стоял Бриарей необъятный:
фебов колчан супротив и змея беспощадной Паллады,
и к пелетронской сосне прикрепленное марсово жало,
и — хоть Пирагмон устал — Ненавистник зазубренных молний;
600 так, осаждаемый всем — безуспешно — Олимпом, он все же
ропщет, что множество рук — без дела. — Не менее пылок,
щит выставляет Тидей: отступит, затем обернется,
или на робких вперед побежит, иль станет — исторгнуть
жала, — а множество их впивалися в щит и звенели,
мужу оружье даря, от ударов страдавшему частых, —
правда, из них ни один, не достигнув источников жизни,
смертью не мог угрожать. А он Деилоха сбивает
яростного, а за ним заставляет Фегея спуститься
к теням, который грозил топором, для удара воздетым;
610 Гиас диркейский за ним с эхионским сражен Ликофонтом.
Строй пересчитывая, своих не находят, и нет в них
к сече любви, но скорбят, что толпа постепенно редеет.
А выводящий свой род от Кадма Тирийского Хромий
(некогда он бременил финикиянки чрево Дриопы;
увлечена в хоровод, она о плоде забыла
и потащила быка, за рога ухватив, для Эвана, —
выпал младенец тогда трудом непосильным исторгнут)
тут, величаясь копьем и льва полоненного шкурой,
мощью сосновою стал потрясать узловатой дубины
620 и закричал: «Да неужто, мужи, он один — победитель
стольких — и в Арги придет? — Не поверят пришедшему люди!
Други, ужель бессильны у нас и рука, и оружье?
То ли царю мы, Кидон, мы то ли, о Ламп, обещали?»
Тут-то в зияющий рот и влетело тевмесское древко
и через глотку прошло: где только что голос струился,
плыл рассеченный язык в потоке излившейся крови.
Хромий покамест стоит, но смерть пробегает по членам, —
валится он и навек, вгрызаясь в копье, умолкает.
О Феспиады, а вас ужели хвалительной славе

630 я откажусь поручить? — Подхватил объятого смертью
брата с земли Перифант (прекраснее сей благочестной
доли — нет ничего), поникшую голову левой,
правою тело рукой обхватив; рыданьями горе
грудь его истерзало, тесня, и ремни не сдержали
шлема, от слез увлажненного; тут — стенящему громко
сзади тяжелый дрот проломил дуговидные ребра;
следом и в брата войдя, тела родные сцепило
жало; первый глаза, доселе мерцавшие жизнью,
поднял и взор угасил, увидав погибавшего брата;
640 тот, кто вторым был сражен и в ком были силы, промолвил:
«Так да целуют тебя, заключив в объятия, дети».
Роком одним сражены — достойная жалости жертва
смерти — каждый глаза закрывает десницей другому.
После сих двух Тидей, копьем и щитом потрясая,
в ужас Менета привел, который испуганным шагом
пятился прочь от него; но вот на глине неверной
он, оскользнувшись, упал и, выставив обе ладони,
стал умолять, отводя от горла блестящее жало:
«О пощади ради сих под скользящими звездами теней,
650 ради богов и ночи твоей[73]! Дозволь мне явиться
в Фивы вестником бед и петь пред народом дрожащим —
пренебрегая царем — о тебе и о том, что бесплоден
был наших копий полет, а твоя недоступна железу
грудь оставалась, и ты победителем к другу[74] вернулся».
Молвил. Тидей же, в лице не переменившись, «Напрасно
слезы ты льешь», — говорит. — «Мою, полагаю я, шею
ты обещал злодею-царю; — с оружьем и светом
ныне расстанься: к чему добиваться жизни трусливо? —
Войны нас ждут». — И из тела уже окрашенный кровью
660 дрот выходил. А Тидей, раздраженный, горькою речью
так проводил побежденных: «Для вас не праздник трехлетний
ночь принесла[75], как вашим отцам, не таинства Кадма,
те, где Вакха сквернит преступных родителей ярость[76].
Я, вы считали, несу, безоружный, небриды и тирсы[77]
ломкие, да возгремлю[78] и вступлю в келенскую битву
мерзостных флейт, — но их не ведает муж настоящий.
Здесь — иные бои и ярость, — спускайтесь же к теням,
трусов ничтожная рать». — Взгремел, но уже не служило

тело ему, и в предсердии кровь утомленная билась,
и, подымаясь, рука опускалась бессильным ударом,
медленны стали шаги, и шуйца держать уставала
дроты, вонзенные в щит; по вздымавшейся груди катился
пот ледяной, а с волос и ланит полыхавших стекали
росы кровавых расправ и погибели мерзкие брызги.
Лев таков же[79], в поля пастуха отогнавший далеко
и потравивший овец массильских: обильным убийством
голод насытив, главу опускает и гриву, от крови
отяжелевшую; сам утомясь, стоит средь убитых,
пасть разевая, жратвой побежденный; в нем больше не зреет
гнев: меж пустых челюстей один только воздух сжимая,
высунутым языком он шкуру обмякшую лижет.
Чуть было он не пошел, надменный оружьем и кровью,
в Фивы, да явится им — побежденным царю и народу,
гордо в город войдя, — но ты, Тритония Дева,
пылкого и ослепленьем побед надменного мужа —
речи своей удостоив — спасла: «О поросль Ойнея
гордого, Фивы кому одолеть я давно предлагала
дальние, — ныне уймись и богов, тебе потакавших,
не искушай: повторить сей подвиг тебе не удастся.
Счастья вдоволь вкусив, удались». — Оставался, избегнув
гибели горькой, один Гемонид, других переживший
не по случайности: все предвосхитив, и ведая неба
знамения, и отнюдь не обманутый птицами[80], Мэон
не устрашился вождя остеречь, но советчику судьбы
не дали веры. Итак, от бездействия был он избавлен,
жалкий: доверил Тидей трепетавшему грозные вести:
«О, аониец, кого моею милостью завтра —
отнятого у душ подземных — Аврора увидит, —
вот что вождю донеси: крепи врата загражденьем,
дроты остри, осмотри от времени ветхие стены,
главное же — людей собирай, следи, чтобы частых
было побольше рядов. — Взгляни, как широко курится
поле от длани моей: такие в сраженье идем мы».
Рек и, готовя тебе по достоинству дивную почесть
из окровавленных груд, о Паллада, лежащую всюду
сносит добычу, гордясь, и на труд необъятный взирает.
Дуб, который давно позабыл о юности нежной[81],
в поле стоял меж холмов, обильной покрытый листвою

на искривленных ветвях и твердою грубой корою.
Легкие шлемы к нему и в ранениях многих доспехи
нес и развешивал их, мечи же — привязывал, в сече
сломанные, и копья, из тел изъятые теплых.
После, тела и оружье собрав и их попирая,
начал молитву, а ночь и высокий хребет отзывались:
«Грозная дева[82], краса и ум верховного бога,
Ратница, страшным тебе лицо украшает убором
шлем и грозит со щита Горгона в брызгах кровавых;
Марс и Беллона с копьем не более яростно к битве
трубам велят призывать, — прими же священную жертву!
то ли являешься ты к пандионовой круче, чтоб наши
сечи узреть, то ли ты от Итоны идешь аонийской,
радуясь пляскам, а то — да омоешь в Тритоне ливийском
пышные кудри — тебя, двухвыйным гремящие дышлом
на безупречных конях похищают крылатые оси:
Груду доспехов тебе и одежды ужасные ныне
я посвящаю, но вновь к партаоновым пашням родимым
если вернусь и если Плеврон мне откроется марсов, —
храм тебе посвящу золотой на холме посредине
града, откуда смотреть на бурный простор Ионийский
весело, светлою где струёй отгоняющий море
мутный идет Ахелой мимо скал Эхинадских торчащих.
Выбить я сверху велю сражения предков и мощных
гордые лики царей и прибью под куполом гордым
вооруженье, что сам принес, добыв его кровью,
и дарованья твои из Фив, Тритония, пленных.
Сто посвященных тебе калидонянок жертвенник девий
будут актейскими чтить огнями и красные ленты
с чистой оливой сплетать вперемежку с белою нитью;
и неусыпный огонь в очагах долговечная жрица
будет питать и всегда сохранять сокровенную скромность.
В войнах и в мирные дни первины трудов, как и прежде
частые, будут твои, — и пусть не ярится Диана».
Так он промолвил и путь к вожделенным Аргам продолжил.

КНИГА III

В эту тревожную ночь аонийского края коварный
руководитель не мог — хотя увлажнившимся звездам[1]
долгий труд еще предстоял до рассвета — забыться
сном: не стихали в душе, заставляя терзаться, заботы
о подготовленном зле, и — худший в сомненьях советчик —
многое страх предвещал: «О горе мне, что ж они медлят?» —
так восклицал он, сочтя, что легко одолеют Тидея
столько мечей, что числом и дух возместится, и доблесть.
«Может быть, он с дороги свернул? А может быть, Арги
10 выслали помощь ему? И сразу же слух о злодействе
ближних достиг городов[2]? Не мало ль отобрано мною,
отче Градив, и не слабых ли рук? Но там и храбрейший
Хромий, а также Дорил; а наших не меньшие башен
мне Феспиады могли б сорвать с основания Арги.
Да и Тидей для моих, полагаю, мечей проницаем, —
сам он и руки его — не из меди иль адаманта
цельного[3]. Трусам позор, если сомкнутый строй безуспешно
бьется с одним». Но, кипя волнением многообразным,
он тосковал и прежде всего оттого удручался,
20 что не пронзил посланца мечом, пока пред собраньем
тот говорил, и свою не насытил мерзкую злобу.
Вдруг — стыдился того, что затеял, и каялся, — словно
меж ионических волн вожатый ольхи калабрийской[4] —
в плаваньи не новичок, хотя он родимую гавань
был бы не должен бросать при ясном светиле оленском;
бурный Юпитер едва загрохочет и мира устои
все загремят и склонит небеса Орион многозвездный, —
он и стремится к земле, и ей не дает приближаться;
буйствуя, Нот срывает с кормы, и, бросив уменье,
30 кормчий стенает, слепым поневоле волнам доверяясь; —
так же и Агенорид-предводитель[5], следя за денницей,
медлящей в небе, в сердцах рассвет укоряет нескорый.
Ночь, опускаясь, уже заходящую власть отдавала,
звезды скрывались, когда великая Тефия стала
с моря восточного гнать неспешного Гипериона.
В самых основах своих — несомненное знаменье бедствий —

сотрясена, задрожала земля, Киферон, покачнувшись,
древним снегам позволил сбежать: и казалось, вершины
ввысь поднялись, и с хребтом сошлись семивратные Фивы.
Нужно ль причины искать? — Ледяною зарей[6] возвращался,
рок свой кляня, Гемонид и скорбел, что отказано было
в смерти ему. Покамест лица нельзя было видеть,
но о великой беде возвещали уже издалёка
стоны и вопли его: ибо слезы он все поначалу
пролил. Подобно ему бегом возвращается пастырь[7],
стада лишенный ночным волков равнинных набегом:
скот господский из рощ у него внезапным был изгнан
ливнем и зимней луны несущими ветр остриями[8];
жертвы восход осветил, — донести господину боится
сам он о свежей беде; ужасен от грязи налипшей,
пенями полня поля, безмолвие пастбищ огромных
возненавидев, зовет поименно быков умерщвленных.
Матери, что собрались у ворот городских на порогах,
только завидев его — одного — возможно ль? — без войска,
без благородных вождей, — спросить ничего не дерзая,
подняли вопль, — таков перед взятием вопль в осажденном
городе[9] или же вопль на судне, тонущем в море.
Он же, тоску утолив ненавистного видеть владыку:
«Ярый Тидей лишь мою из отряда целого душу
бедную отдал тебе; не знаю, богов ли решенье,
случай ли здесь, или то, что стыдно и высказать: мужа
необоримая мощь, — я сам, извещая, не верю:
всех положил он, всех! Бегущими звездами ночи,
манами я поклянусь и мой лишь возврат предсказавшей
птицей зловещей, что я не хитростью или слезами
злую пощаду[10] и дар заслужил опозоренной жизни;
нет, но приказы богов и ничьей неподвластная воле
Атропос, к гибели мне иные открывшая двери[11],
смерть отложили мою. Но знай: ты взираешь на сердце,
с жизнью простившееся и страху пред смертною гранью
чуждое. Ты учинил преступный набег и без добрых
знамений выслал, злодей, отряд; попирая законы,
брата родного изгнав, покамест ты царствуешь, гордый
подвигами, — череда поредевшая кровель сиротских
будет рыдать, а кружась над тобой ночами и днями, —

души будут летать числом пятьдесят, угрожая
местью[12], — поскольку и я ухожу к ним». — Жесткий правитель
гневом пылал, а лицо угрюмое кровью зарделось.
Сразу же Флегий вперед и Лабдак, споспешник неправды, —
оруженосцы царя — спешат, Гемонида пытаясь
силою остановить. Но нет, — пророк благородный
меч свой уже обнажил и то на свирепого смотрит
деспота, то на клинок: «Тебе ли распоряжаться
кровью моей и мое, пощаженное мощным Тидеем,
сердце разить? — Я сам с восторгом за отнятой смертью
прядаю и уношусь — да встречу товарищей — к теням.
Боги и брат тебя…» — но начатой речи не может
грудь, вместившая меч, довершить; и одолевая
муки, могучий удар он с силой обрушил вторично,
и заметалася кровь в содроганиях жизни последних,
током одним из уст, из раны другим изливаясь.
Знати умы смущены, собрание, перепугавшись,
молча стоит; а его, чей лик и прежнюю строгость
не замутила и смерть, — жена и верные слуги
в дом понесли, не успев возвращеньем его насладиться.
Но нечестивый свой гнев успокоить не мог и на этом
яростный царь: запретив предать сожжению тело,
мирной гробницы лишил понапрасну он манов невинных.
Ты же, чей редкостный рок и дух никогда не узнают —
и по достоинству — тьмы забвения, ты, о дерзнувший
выйти, царей презрев, и путь, на котором свобода
полная ждет, проторить, — какою мне песней, какою
голоса мощью твою добродетель достойно восславить,
небу любезный вещун? Тебя не напрасно гаданьям
выучил сам Аполлон и лавром своим удостоил[13];
ныне и матерь лесов — Додона, и в храме киррейском
дева[14] решится смутить народы молчанием Феба.
Ныне от тартарова Аверна вдали обретаясь,
в дом элисийский ступай, под свод, чья ось недоступна
манам огиговым[15]: там бессилен сей несправедливый
власти преступной приказ; но и здесь — застывшее тело
хищник не смеет терзать, оставленного под открытым
сводом и роща хранит, и скорбная робость пернатых.
А между тем, по полям и по бездорожью разлившись,
жены, живые едва, и дети, и дряхлые старцы

в жажде оплакать своих бегут от города в скорбном
соревнованье, и их бесчисленные провожают
толпы, утешить стремясь, а частью — сгорая желаньем
подвиг увидеть ночной и свершенья единого мужа.
Путь от рыданий кипел, и воплям поля откликались.
По лишь достигла толпа бесславной скалы и злодейской
рощи[16], — как будто дотоль они не стенали и черный
дождь[17] дотоль не стекал, — толикий исторгся единым
выдохом горестным крик и настолько при виде кровавой
бойни взъярились они! И плащ разодрав обагренный,
лютая скорбь к матерям взывала, в перси вонзаясь.
Силятся мертвых узнать по шеломам и, труп обнаружив,
смотрят, готовы упасть равно на чужой и на милый.
К залитым кровью кудрям прижимаются, веки смыкают,
и орошают слезой глубокие раны, и жала
с тщаньем ненужным извлечь стараются и осторожно
рук обрубки к плечам и к вые лицо подбирают.
Между кустов и в пыли пустынного поля блуждая, а
Мощная юношей — нет, — мать двух покойников, Ида,
с грязной копною волос всклокоченных, в синие щеки
ногти вонзив, и уже не то что жалка и несчастна, —
в горе великом страшна, повсюду меж тел и оружья
лютую землю метет распущенною сединою:
бедная, ищет детей, пред каждым дрожащая телом.
Так фессалиянка, чье родовое нечестие может
пеньем людей воскрешать, случившейся радуясь битве,
многолучинный огонь подымая древнего кедра,
ночью выходит в поля[18], в крови различает побитый
люд и манов о них пытает: кому из лежащих
лучше в живых пребывать[19]. — Собрания скорбные теней
ропщут, и гневом кипит авернского мрака родитель[20].
Вместе они под скалой в отдаленье лежали, счастливцы,
оба одною рукой, одной унесенные ночью, —
дрот-посредник скреплял пронзенные ранами станы.
Оных завидев, глаза для хлынувших слез отворила:
«Эти ль объятия мне, лобзания эти ли, дети[21],
матери видеть? Вот так жестокая выдумка смерти
вас на последней черте сочетала! Чьих прежде коснуться
ран, к чьим прижаться устам? Не вами ли — мощью моею,

счастьем утробы моей — я мнила сравняться с богами,
ваших деяний чредой — перестигнуть огиговых предков?
Сколь же счастливей и сколь приятнее в браке бесплодном
той супруги удел, в чьем доме не слышит Луцина
криков страданья! А мне — беды причиною стали
прежние муки! Увы, не в явственном свете сраженья,
не на виду у судьбы, не ради славы в потомках
ран удостоились вы, приснопамятных матери жалкой, —
но обрели меж многих смертей безвестную гибель.
Кровь, увы, пролилась воровски, полегли вы бесславно!
Так; но дерзну ли разъять сплетенные скорбно десницы
или подобный союз погибели общей разрушить? —
Братья доселе, и сквозь последний огонь неразлучно
шествуйте ныне, смешав и прах, и милые души».
Так же, побитых тела разобрав, взывают другие:
Ктония кличет жена, Пенфея — мать Астиоха,
мальчики рядом — твои, о Федим, невинные чада —
в том, что отец их убит, убедились; Марпесса с Филлея
смыла кровь, жениха; Акаманта — сестры обмыли.
После железом леса обнажают[22] и древние рощи
на близлежащем холме, который ночные деянья
видел и вопли слыхал; тогда же старуха Алета
возле костров — покамест огонь расправлялся с телами —
так ободрить злосчастных собор речами пыталась:
«Горестный род наш не раз, испытываемый игрою
судеб, бывал сокрушен с той самой поры, как сидонский
странник железный посев свершил в борозде ионийской[23].
Странен был урожай, страшна насельцами пашня, —
но никогда — ни тогда, как древнего Кадма покои
в прахе перунном легли[24] мольбами неправой Юноны,
ни о ту пору, когда, достигши погибельной славы,
от устрашенной горы Афамант возвратился злосчастный,
полуживого неся Леарха с криком счастливым, —
в Фивах не плакали так; не более громкие вопли
дом финикийский слыхал, когда, осилив безумье,
кроткою став, сопутниц слезам ужаснулась Агава[25].
Этому — сходствуя с ним исходом и обликом бедствий —
дню был равен один: когда Танталида реченья
гордые смыла свои, и земля, напоенная смертью,
столько похитила тел, в кострах нуждалася стольких!

Так же застыла толпа, и так же оставили город
и старики, и юнцы, и долгою шли чередою
матери, зависть богов проклиная, и с гомоном горьким
по два костра близ мощных ворот городских громоздили.
Помню, как я и сама — а возраст мой был беззаботен —
не уступила тогда в рыданьях родителям милым.
Так уж угодно богам! И ни то, что чистый источник
(Делия, твой) осквернить посмевший кощунственным взглядом
не был, хозяин, увы, молосскою злобою узнан[26],
больших не стоило слез, ни то, что внезапно царицы
лужею кровь разлилась[27]: ведь это суровые слали
нити Сестер и Юпитер решал; а ныне — преступной
волей царя лишены безвинно фиванские кровли
стольких мужей; и еще о втоптанном в грязь договоре
в Аргах не знают, а мы — хлебнули военного лиха.
Сколько претерпят еще и кони, и воины в тучах
пыли, и сколько ручьев разольются ужасным багрянцем! —
Пусть это видит рука, не знавшая битвы; меня же
пламенем пусть одарят и в земле прародителей скроют».
Старая долго еще Этеокла нечестье бранила,
страшным, безбожным зовя и суля наказанье в грядущем.
Что ей свободу дает? — Приближение смерти, и долгий
век позади, и почет, подобающий поздней кончине.
Все это сеятель звезд[28] разглядел с вершины небесной,
понял, что первой уже напитаны кровью народы,
и поспешил Градива призвать. Обильным убийством
опустошив города бистонов и яростных гетов,
тот стремительный бег к эфирным направил твердыням:
шлема блеск оперен перуном[29]; оправленный в злато,
мрачный ужасен доспех, очертаньями див оживленный;
свод под осью гремит[30], багровеет сияньем кровавым
щит, вступающий в спор с далеко отражаемым солнцем.
Только завидев его, горящего пылом сарматских
подвигов, с помыслами, военною полными бурей, —
молвил Юпитер: «Таким, таким прошествуй по Аргам,
чадо, — и с влажным мечом, и сим омрачаемый гневом!
Пусть нерадивых умы возмутятся и, яростью полнясь,
жаждут тебя и тебе безоглядно десницы и души
пусть посвятят. Подтолкни медлительных, рушь договоры:

мы дозволяем тебе самих небожителей битвой
воспламенять и мое спокойствие. Сам я посеял
семя сраженья: Тидей возвращается с вестью о страшной
дерзости, и о преступном вожде, и о гнусной засаде —
первоначале войны, — отмстив оружьем коварству.
Все подтверди. — А вы, моей наследники крови,
гневу их стать поперек, с мольбою ко мне обратиться
и не пытайтесь: меня наставили судьбы, а также
черные прялки Сестер. От мира начала назначен
день неотменный войны[31] и рожденные биться народы.
Если же казнь племенам за древние их злодеянья
мне не дадите свершить и отметить ужасным потомкам, —
этой твердыней клянусь[32], для нашего рода священной,
рек элисийских водой, даже мне внушающей трепет:
Фивы своего рукой разнесу, сорвав с основанья
стены, и, башни подняв с земли, на инахов город
сброшу или в простор лазурный смету их, а сверху
ливнем залью, — хотя бы сама во всеобщем смятенье,
храмы свои обхватив и холмы, пострадала Юнона».
Рек и всех поразил приказаньями, но — словно были
смертны они — голоса и пыл свой умерили боги.
Так морской замирает простор при длительном мире
бурь[33]: по лежащим в дреме его берегам бестревожным
нежит томительный зной при полном безветрии кудри
леса и строй облаков, и воды тогда опадают
в реках и звонких ручьях, и молкнут сожженные струи.
Счастлив приказом, Градив ликует и гонит проворный
виды видавший возок, поводьями правя налево.
Путь он уже совершал по краю небесного свода, —
вдруг, навстречу коням устремившись бесстрашно, Венера
стала пред ними: тотчас попятившись, кони поникли
грозными гривами их. Она же, на самую вагу
грудью опершись, лицо, увлажненное плачами, пряча,
так начала (а меж тем, к стопам госпожи приклонившись,
копи грызли губник адамавтовый, пеной покрытый):
«Значит, ты войны, о тесть[34] драгоценнейший, войны ты, значит,
сам же готовишь для Фив и потомков своих истребляешь?
Буйный, ужели тебя ни Гармонии имя[35], ни свадьба —
всех небожителей пир, ни эти вот слезы не сдержат?

Это ль награда за грех? Того ль от тебя заслужила
я за оставленный стыд, и честь, и лемносские цепи[36]?
Что ж, отправляйся! Но к нам вулканово расположенье
не таково, — уязвленный супруг и в гневе нам предан.
Ежели я прикажу, то он близ негаснущих горнов
ночи свои для меня проведет в трудах неусыпных:
с радостью даже тебе он новый доспех и оружье
280 выкует, ты же… — но нет, я камень и медное сердце
просьбами тщусь преклонить! Одно меня мучит, одно лишь
я проклинаю: зачем ты позволил с тирийским супругом[37]
милой породе[38] моей сочетаться на свадьбе несчастной?
Всё бы тебе восхвалять оружием славных тирийцев,
неистребимый их пыл — наследие крови змеиной[39],
род, поколений чредой восходящий к Юпитеру[40]! Мне же
много была бы милей под ситонской Медведицей свадьба,
там, где Борей и фракийцы твои[41]. Иль мало позора
мы испытали, когда Венеры божественной дочерь
290 вдаль уползала[42], следы в иллирийской траве оставляя?
Ныне невинный народ…» — но тут повелитель сражений
слез не сдержал и, шуйцей копье переняв, с колесницы
прянул высокой стремглав и, щитом прижимая, Венеру[43]
стиснул в объятиях и так успокаивал ласковой речью:
«Ты, мой межбитвенный мир[44], святое мое услажденье,
буйного сердца покой! Другим ни бессмертным, ни смертным
власти такой не дано — идти безнаказанно против
дротов моих и моим в сражении яростно ржущим
противостать жеребцам и вырвать сей меч из десницы.
300 С Кадмом сидонским союз достопамятный и уж конечно,
дивная верность твоя — не тешься притворным попреком! —
мной не забыты, — чтоб мне в преисподней дядиной сгинуть[45],
хоть я и бог, и попасть безоружному к теням бесплотным!
Ныне, однако, судьбой предводимый, я должен исполнить
горнего волю отца — ведь негодной деснице Вулкана
было нельзя поручить такую задачу; так смею ль
против Юпитера прать, презирая закон изреченный, —
против него, перед чьей и земля, и небо, и море
речью — вот сила! — дрожат и прячутся столькие боги —
310 веришь? — один за другим?! Но, милая, к сердцу угрозы
горние не принимай! Поскольку приказ этот силой

нам отменить не дано, — то едва под тирийской стеною
битву начнут племена, помогу я союзным отрядам.
Тут не отвергну тебя, вот увидишь, и в поле кровавом
я широко разгорюсь в защиту аргосского дела.
Это — могу, здесь рок — не запрет». — Сказал и направил
нетерпеливых коней с небосвода, — и сверху на землю
мчится Юпитера гнев не быстрее, когда он на снежный
Отрий и кряж ледяной надвигается Оссы арктийской,
в туче оружье найдя: летит огневая громада,
грозные божьи неся указы, и гривой тройною
прежде всего небеса устрашает, иль тучное поле
метит, иль топит суда, застигнутые непогодой.
Заново вымерив путь, Тидей данайские пашни
шагом усталым прошел и кручи зеленой Просимны.
Вид его страшен: власы, пропитаны пылью, торчали,
пот почернелый стекал по плечам на глубокие раны,
и воспалились глаза от бессонницы, рот разверзался
в жажде хрипящей, но мысль, о подвигах помня, дышала
честью высокой. — Таков возвращается к пастбищам милым
бык после битвы: чужой и своею окрашена кровью
шея, и струи текут по бокам рассеченным к подгрудку,
Но надмевается он утомленною доблестью, гордо
держит побитую грудь: соперник, простертый во прахе,
стонет позорно и тем причиненную боль унимает.
Точно таков и Тидей. Уже города он минует,
что меж Асопом лежат и древними Аргами, — гнев же
прежний не гаснет, и он обстоятельно всем открывает,
как он явился послом от племени греков, о царстве
для беглеца Полиника просил, а царь эхионский
злобу, насилие, ночь, коварство, оружие, — вот что
чести взамен предъявил и престол уступить отказался.
Верят народы всему, их перу могучий оружьем[46]
бог укрепил, а Молва удвоенный ужас внушила.
Только вошел во врата (а тогда как раз досточтимый
сам родитель Адраст вождей созывал на собранье),
только предстал и едва косяка дверного коснулся, —
тут же вскричал: «К оружью, мужи! И ты, наилучший
вождь лернейский, коль кровь у тебя от дедов могучих, —
к бою оружье готовь! Юпитера, долг и законность
всюду по-разному чтут, — но лучше бы к буйным сарматам

был я отправлен послом иль прибыл к коварному стражу
рощ бебрикийских! Но нет, не виню порученье, не стыдно
службы: я рад был пойти, был рад преступные Фивы
этой рукой испытать. Клянусь, в настоящем сраженье —
словно я мощный отряд или город, сплотившийся тесно, —
тайных засад знатоки коварством и ночью, при полном
вооруженье, меня — одного, незнакомого с местом —
остановить не смогли, — лежат близ сирого града
360 грудой кровавой они. Так грянем теперь же, доколе
в страхе враги, и без сил от смятенья, и трупы таскают,
помнят доколе, о тесть, о деснице моей! — Изнуренный
оных пятидесяти героев тенями, сам я,
раны свои позабыв, не смыв запекшейся крови, —
выступить тотчас готов!» — В смятении все инахиды
встали, но прежде других к нему с потерянным видом
прянул кадмейский герой[47]: «О горе, богам ненавистный,
гибельный людям, увы, я на раны его невредимый
ныне взираю! О брат, такой мне возврат ты готовил?!
370 Мне эти стрелы ты слал!.. О жизни позорная жажда!
Жалкий, и я отрицал злодейство толикое в брате!
Но пребывают пускай и теперь ваши стены в покое
мирном! И больше для вас я, гость ваш, не стану причиной
бедствий… — Ведь я сознаю — не столь избалован я счастьем —
как с детьми тяжело, как больно с женою расстаться,
с родиной… Пусть не винит ничей меня дом удрученный,
матери пусть на меня не глядят исподлобья сурово!
Сам я пойду на верную смерть, хотя б не пускали
чтимый мой тесть и моя супруга достойная… — Фивам,
380 брат, и тебе, и тебе, могучий Тидей, задолжал я
голову…» — разными так речами души пытал он,
так мольбы отклонял. Но жалобы — гнев пробудили,
скорбь, со слезами слиясь, запылала. И все добровольно —
нет, не одна молодежь, но и возраст холодный и косный —
к мысли одной склонились в душе: оставить пенатов,
в помощь соседей призвать и тут же идти. Но глубокий
в помыслах так им отец, искусившийся править громадой
Власти, сказал: «Богам и моим заботам оставьте
эти решенья, прошу, — ни брат без отмщенья не будет
390 скиптром владеть, ни мы безрассудно войною грозиться.
Славного подвигами Ойнида, толикою кровью

гордого, примем теперь: пусть сон усмирит запоздалый
пылкую душу, а нас пусть скорбь не лишает рассудка».
Тут всполошились и двор, и жена побледневшая: тотчас
все — к Тидею спешат, после битвы и долгой дороги
слабому. Радости полн, на срединных сиденьях палаты
он поместился, спиной прислоняясь к могучей опоре,
раны покуда ему омывал Идмон Эпидаврский, —
скор в примененье ножа, в применении теплых настоев
нежен. Тидей же, умом высоким отвлекшись, истоки
гнева опять объяснял, и что они оба сказали,
где он в засаду попал, о времени тайного боя,
сколько было вождей и кто они, как приходилось
тяжко ему, как он спас Мэона для скорбных известий, —
всё рассказал. А знать, и тесть, и верная стража
речи дивились его, и ярился изгнанник тирийский[48].
Солнце, по краю небес к вечернему морю склонившись,.
пылких коней распрягло, и огненно-красные кудри
под океанской струёй омывало; к нему подбегает
дщерей нереевых сонм и Горы поспешной стопою:
те — поводья берут, другие — венца золотого
гордый убор и на влажной груди ремешки распускают
жаркие; часть — запряжку ведет утомленную к сочным
травам и, дышло подняв, возок запрокинутый ставит.
Ночь подошла и заботы людей и зверья возбужденье
угомонила, плащом небеса укутала черным
и успокоила всех, одного исключая Адраста[49]
да лабдакийцев вождя[50]: Тидея же долгий осилил
сон, наполняя его виденьями доблести мощной.
И между теней, в ночи блуждающих, бог — зачинатель
битв, — и аркадский предел облетев, и немейские пашни,
также и тенарский мыс, и град Аполлона Ферапну, —
звоном оружия всё поражает и, сея смятенье,
полнит любовью к себе: Гнев с Яростью шлем оперяют[51],
Страх-приспешник коней погоняет, Молва — как дозорный, —
разноголосо трубя, повязавшись пустою тревогой,
пред колесницей летит, подгоняемая крылоногих
храпом коней, и ворчит беспрестанно, и перья смятенья
сеет: кровавым бичом её побуждает возница
с былью и небыль сказать, а отец с колесницы высокой
яростно скифским копьем ей спину и голову хлещет.

Так — коли выпустят их из узилищ эоловых — гонит
вихри Нептун пред собой и бросает летящие вольно
в море Эгейское; с ним — невеселое сопровожденье:
над кнутовищем ревут Ураганы, обильные ливни
и Облака, и земли исторгающая основанья
черная Буря; стоят Киклады, дрожа на опорах
зыбких, и даже тебе от Микона с Гиарою страшно,
Делос, отторгнутым быть, и ты призываешь питомца[52].
Рдяная ликом, уже выводила седьмая Аврора[53]
радостный день к земле и богам, когда из покоя
тайного старец — герой персеев[54] — вышел впервые,
недоумения полн пред войной и зятьев озлобленьем,
духом — нетверд: вернуть ли закон оружьем, народы
новым стрекалом язвя, иль, может быть, лучше уздою
гнев их унять, удержав на аркане мечей беспокойство.
К этому — мира покой побуждал, к другому — безделья
мерзкого стыд, и люд несговорчивый, новой приманкой
битв увлеченный. И вот его посетила в сомненьях
поздняя мысль: пророков умы и божий храмы,
зрящие правду, спросить. Тебе о грядущем забота,
Амфиарай, предстоит, а с тобой — Амифаона отпрыск,
старец и сам, однако умом и Фебом цветущий[55],
вместе шагает Меламп; — и кому Аполлон благосклонный
полнил щедрее уста киррейской водой[56] — неизвестно.
Прежде всего по нутру и крови животных пытают[57]
трепетно волю богов, и в пятнах сердец у двузубых
видят запрет, и беду — в угрозах жилы зловещей.
Но у бесплодных небес предвещаний просить остается.
Есть дерзновенным хребтом устремленное ввысь возвышенье
(жители Лерны его Афесантой наименовали),
у арголидских племен — священное. Молвят, оттуда
быстрый Персей посягнул на тучи полетом высоким, —
в ужасе матерь его, завидев, как он устремляет
шаг со скалы, за сыном едва не ринулась следом.
Оба пророка к скале, власы святые украсив
бледной оливы листвой, а чело белоснежной повязкой,
вместе выходят, едва осветило всходящее солнце
луг, увлажненный росой, и расплавило стынущий иней.
Первым Эклид призывал Юпитера просьбой привычной:

«О всемогущий отец, ты даешь пролетающим крыльям
силу совета, и ты грядущего знание даришь
птицам и с неба вещать о причинах велишь сокровенных, —
знаем о том; и верней ни Кирра[58] для нас из пещеры
бога не вышлет, ни дуб, который листвой хаонийской
в чаще молосской звенел у тебя, — пусть даже иссохший
спорит Аммон и пытается глас состязаться ликийский,
или же нильский телец, иль Бранх, сравнявшийся с отчей
честью, иль Пан, чью свирель насельники Пизы холмистой
480 могут в ночи услыхать из ликаонийского мрака.
Прочих щедрее почтен, кому очевидно Диктиец
вышлет летуний благих. За что — непонятно, но древен
оный пернатым почет: творец ли небесного свода
так уготовал, сплотив в зародыши новые хаос;
в том ли дело, что быв изначально нашими, души
тело сменив, в дуновенья вошли; иль чистейшая область,
чуждая зла, и с землей общенье нечастое учит
истине, — это тебе, земли и богов созидатель
высший, виднее. А нам — о началах войны арголидской
490 и предстоящих трудах дозволь у неба проведать.
Коли дано и уже неизменно решенье у строгих
Парок — лернейским копьем отверзть врага эхионцев, —
знаменья дай и слева греми, — и добрые вести
всякая птица меж звезд провещает на тайном наречье.
Коли нельзя — то сдержи нас теперь и птицами справа
день бездонный закрой». — Так вымолвил он и на мощном
выступе тело простер, — и много неведомых знаков
сплел воедино, впитав темноту необъятную мира.
Звезды как должно засим разделили и всею душою
500 долго и зорко они за воздушным пространством следили.
И наконец произнес Амифаонид-прорицатель:
«Амфиарай, посмотри: в высоте поднебесья тревожной
не провела ни одна борозды безоблачной птица,
и ни одна, охватив окоём, не парит в безмятежном
реянье, в благостный час ни одна, улетая, не крикнет.
Тайный треножников страж и пылающий молниеносец[59]
скрылись, и русой молчит Минервы когтистая птица[60];
коршун — а нет никого для гадания лучше[61] — не виден,
не веселится вверху добычей высокою ястреб.
510 Дива летят, верещат в облаках зловещие птицы,

стонет ночная сова, кричит об утратах могильный
филин[62]. — Из оных каким устрашениям божиим верить?
Небо для них ли, Фимбрей, — царапающих исступленно
скрюченным когтем глаза, и — подобно скорбящим — крылами
бьющих зефирам на страх[63], и в пернатую грудь колотящих?»
Тот отвечал: «Не раз я, отец, превратного Феба
знаменья видел с тех пор, как младостью первой цветущий,
царственных полубогов посреди[64], на сосне фессалийской
отплыл: и если я пел о превратностях суши и моря, —
520 диву давались вожди, а Иасон мои о грядущем
в недоуменьях слова не реже, чем мопсовы, слушал.
Но устрашающих столь и более гибельных знаков
прежде не видывал я, — а готовится большее даже.
Взор свой туда обрати, где реют в прозрачном просторе
необозримых небес лебедей бесчисленных стаи.
То ли Борей их прогнал от стримонской Медведицы, то ли
не приняла благодать плодоносная кроткого Нила, —
путь свой прервали они: узнай в их образе Фивы,
ибо в недвижном кругу и мирном молчании, словно
530 в стенах за рвом, укрылись они. Однако подходит
более мощный отряд: в просторе чредой золотистой
семь с ликованьем летят Юпитера оруженосцев[65], —
вообрази, что они — цари инахийского края.
Вот нападают они на ряды белоснежные, щеря
клювы для новых убийств и острые выставив когти.
Вот посмотри: непривычная кровь небеса оросила,
перьями день пролился[66]; но что за внезапную ярость
слева Юпитер наслал, неся победителям гибель?
Ввысь устремившись, один вдруг вспыхнул в пламени солнца[67],
540 мужества прочих лишив; другого, с пернатыми большей
мощи вступившего в бой, сгубили вы, юные крылья;
рухнул, сцепившись с врагом, и третий; четвертый, отброшен,
бегством избавил себя от погибели стаи союзной;
облаком пятый сметен, шестой погибает, живую
птицу терзая, и кровь окропляет бесплодные тучи».
«Что же ты плачешь тайком?» — «Меламп досточтимый, того, кто
падает, я узнаю[68]». — Устрашенных грядущего грузом,
всё, что свершится, уже испытавших в подобии верном,
ужас пророков объял: они сожалеют, что вторглись

в схватку пернатых и ум в недоброе небо вперили;
давших ответ — ненавидят богов. — И откуда впервые
в жалких живых существах[69] мучительная пробудилась
страсть — грядущее знать? Богов ли то дар, или сами —
алчущий род, никогда не стоящий на месте спокойно —
ищем, какой был первым из дней, где века граница,
что предрешили богов родитель благой и железной
воля Клото. Оттого — гаданья, и птичьи сквозь тучи
речи, и звездный черед, и лунного бега расчеты,
и фессалийское зло. А прежняя — та, золотая,
дедова — кровь у племен от камня иль дуба рожденных,
этих не знала забот, — любили одно лишь: рукою
землю и лес укрощать. Течение завтрашней жизни
знать человеку грешно. А нам, порочным и жалким,
всё бы терзать небеса, — поэтому зависть и злоба,
козни, насилье везде, и скромность в молитвах исчезла.
Что же, — повязки сорвав, венка отслужившую зелень
прочь отринув с волос, удаляется жрец без убора
от ненавистной горы. Отныне и войны, и трубы —
рядом, и в сердце уже бушуют далёкие Фивы.
Было ему не снести любопытства народа, с владыкой
с глазу на глаз бесед и встречи со знатью… Укрывшись
в мрачном жилище, один, он молчал о решениях неба.
Стыд и заботы в полях и тебя, о Меламп, удержали:
уст не раскрыв двенадесять дней, от тревог ты избавил
люд и вождей. — И уже Громовержца последняя воля
всюду бушует, мужей похищая у пашен и древних
градов; и тысячу бог — владыка боев — набирает
всюду отрядов себе, и воины — рады оставить
милых и жен, и детей, на пороге рыдающих первом:
так их бог поразил, одержимых. Им любо оружье
с отчих срывать косяков, колесницы, стоявшие в божьих
храмах[70], катить. Копье, покрытое ржавчиной тусклой,
праздно коснеющий меч готовят вновь для ударов
страшных и молодость им возвращают камнем точильным.
Там — блестящий шелом[71] и мощного панциря медный
кров примеряют и стан скрывают рубахой, гремящей
громом булатных чешуи, а здесь — гортинский сгибают
рог; и свирепо уже багровеют в пылающих горнах
плуги и крючья багров, и мотыги, и кирки кривые.

590 И от священных стволов уже отсекают бесстыдно
мощные древка, щиты одевают быком отслужившим.
В Арги нагрянув, гремит пред дворцом, удручая Адраста,
в душах — война, война — на устах; и в воздухе — грохот,
словно шумит тирренская соль, иль силится словно
бок поменять Энкелад[72], под которым гора, пламенея,
в недрах грохочет[73], с вершин извергаются токи, Пелорий,
сузив пролив, приближает к земле отторгнутый остров.
Тою порой Капаней, великим пристрастием к Марсу
движим и длительный мир давно ненавидя надменным
600 сердцем (при том, что он был исключительно знатен и древней
крови, своею он сам превзошел деяния предков
мышцею, долго богов презирал безнаказанно[74], правды
не выносил, не щадя и жизни в приступах гнева, —
словно один из живущих в лесах тенистой Фолои[75],
равный ростом своим любому из братьев этнейских),
встав у дверей, где толпа вождей и народа шумела, —
Амфиарай, у твоих, — кричал: «Что за трусость такая,
о Инахиды и вы, союзной крови ахейцы?
Здесь, близ ничтожных дверей одного — не стыдно ли? — мужа
610 медлят, взявшись за меч, народы, военного пыла
полные! Даже когда б под киррейской вершиною полой[76]
сам Аполлон — как считает молва и робкие души —
стал вопиять, запершись в глубинах безумной пещеры, —
ждать я не стал бы, пока возвестит побледневшая дева[77]
страшный намек. Для меня лишь доблесть, меч и десница —
знаменья. Пусть-ка сюда выходит с ложью трусливой
жрец, или ныне же я испытаю, насколько могучи
птицы». — Довольный, шумит ахейский отряд, одобряя
ярость его. Наконец, Эклид принужден был наружу.
620 выйти: «Смятенье иной меня побуждает тревоги,
нежели эти юнца развязного гнусные вопли,
нежели страх перед тем, чем он угрожает безумно, —
выйти из мрака на свет: иной мне роком назначен
гибели день, и меня не смертное сгубит оружье.
Нет, но забота о вас и неистовый Феб заставляет
тайну изречь. Грядущее вам и все, что случится,
скорбный, пришел я открыть. А прежде было недолжно,
ярый, тебя убеждать: для тебя Аполлон наш безмолвен.

Жалкие, ради чего вопреки и року, и небу
вы за оружье взялись? Незрячие! Вас погоняют
Фурий мечи! Ужели вам жизнь надоела, и Арги
столь ненавистны, и дом — немил, и бог — безразличен?
Но для чего вы меня к вершинам персеевой дальней
кручи[78] послали идти трепещущим шагом, да вторгнусь
в сонмы богов? — Я мог бы не знать исхода сражений,
дня рокового, судьбы для всех уготованной вместе
и для меня. Подтвердят вопрошенного мира глубины,
речи пернатых и ты, Фимбрей-глаголатель, прежде
столь не страшивший меня, и грядущего знаменья, — те, что
вам сообщу: я зрел крушенья великого призрак,
ужас зрел людей и богов и радость Мегеры,
Лахесис зрел, очищавшую век от пряжи загнившей… —
Прочь мечи от десниц: се бог запрещает безумье,
бог! Несчастные, вам ужель угодно насытить
страшного Кадма поля и Аонию кровью сражений?..
Впрочем, тщетно реку: не сдержать назначенных бедствий.
Выступим…» — и застонал, замкнув уста, прорицатель.
Вновь к нему Капаней: «Твой гнев все это пророчит
только тебе, чтоб бесславно в пустых оставался ты Аргах,
чтоб никогда до твоих ушей призывный тирренский
зов не достиг. Но каких мужам дожидаться призывов?
Ты бы хотел, ради птиц бессмысленных лежа бездельно,
сыном, домом, женой наслаждаться, — а мы чтоб молчали,
чтобы не мстили за то, что Тидей могучий изранен,
в битве — разбит договор? Коль войны жестокие грекам
ты запрещаешь, — ступай послом к враждебным сидонцам:
эти венки[79] принесут тебе мир. Коль выманить могут
речи твои у пустых небес причины явлений,
тайные их имена, — мне жаль богов, подчиненных
песням и просьбам людским! — Зачем ты страшишь малодушных?
Страх — вот кто первым богов сотворил. Я эти обманы
ныне прощу. Но когда под первые трубные зовы
будем мы пить враждебный Исмен шеломом и Дирку, —
ты мне навстречу тогда, готовому броситься в битву,
не попадайся, прошу, и, увидев жилу иль птицу,
не отлагай начало войны: пусть инфула эта
сгинет тогда, и с ней — безумье страшащего Феба.

Там жрецом буду я и те, что со мною готовы
впасть в исступленье борьбы[80]». — И тут же грянул могучий
670 гром одобренья, до звезд необъятным взлетающий гулом, —
словно бегущий поток[81], когда его бодростью полнят
вешний Зефир и холмы, лишенные плотного хлада:
если он вышел в луга, то против него загражденья
тщетны, — и гулко гудят увлеченные вихрем жилища,
пастбища, скот, пастухи, пока он, бесчинный, не встанет
и, уступая холмам, не найдет берегов в их прегради.
Оные споры вождей наступившая ночь прекратила.
Но не сумела снести равнодушно стенаний супруга
Аргия: всею душой не чужой соболезнуя скорби,
680 так, как была, не прибрав волос, висящих клоками,
и от рыданий ланит не омыв, к высоким чертогам
достопочтенного шла отца, и, к груди прижимая,
деду малютку несла, Фессандра. Уж ночь отступает,
близится новый восход. С Возка Медведица только
смотрит завистливо вслед в Океан убегающим звездам[82].
Аргия входит и, пав пред великим родителем, молвит:
«Знаешь и сам ты, отец, о чем умолять со слезами
ночью на этот порог я пришла без скорбного мужа, —
что же скрывать? — Но, отец, тобою и божьим законом
690 брака клянусь, что не он, но тоска неусыпная гонит.
Лишь прозвучал гименей и Юнона недобрая факел
слева зажгла[83], — с тех пор — наготове рыданья, а слезы
мой возмущают покой. Но этого страха пред тигром[84],
этого перед скалой подводною ужаса в сердце
мне не снести: а спасти и можешь, и право имеешь
ты лишь один. Начни же войну, отец, ты ведь видишь:
жалок поверженный зять, а это — изгнанника[85] отпрыск, —
видишь, отец, и ему — стыдиться родителя! Где же
гостеприимство твое и сведенные богом десницы[86]?!
700 Это ведь он — подарок судеб, обет Аполлона:
я не пыталась украсть Венеры огонь потаенный[87],
факел, зажженный грехом, но твою досточтимую волю,
просьбу почтила твою. Так мне ли скорбящего пени
жестокосердно презреть? — Не знает отец безупречный,
сколько у верной жены любви к супругу в несчастье!
Скорбная, ныне — прошу о грозном и горестном даре,

даре, сулящем и страх, и страданье… Но ежели скорбный
день разлучит меня с ним, и хриплые трубы прикажут
выступить войску, и вы заблещете златом свирепым, —
710 горе, но, милый отец, как бы снова просить не пришлось мне!..»
Дочери губы ловя на лице увлажненном, родитель:
«Нет, родная, тебя не виню за жалобы эти, —
страхи отбрось, ты вправе просить и не ведать отказа.
Так; но сильный… — нет, ты не теряй вожделенной надежды —
сильный пред богом страх и царства летучее бремя
душу тревожат мою. Придут надлежащие, верь мне,
сроки, и ты не сочтешь, о дочь, что просила напрасно.
Так что супруга утешь: пусть злом не считает задержку
необходимую, дочь: нас держат великие сборы.
720 Всё это — ради войны». Рекущего новорожденный
день оборвал, и восстать громада забот повелела.

КНИГА IV

Третий Зефирами Феб[1] растапливал стылую зиму
и по весенней тропе выводил все более длинный
день, когда, наконец, внушенное богом решенье
принято было и рать для битвы злосчастной готова.
Факел горящий тогда над вершиной Ларисы Беллона
левой рукой подняла[2], а правой рукою, нацелив,
мощный взвихрила дрот: звенящий в безоблачном небе,
он пролетел и в берег вошел аонической Дирки.
В стан устремилась затем и, с мужами в златом и железном
блеске смешавшись, шумит, наделяет идущих мечами,
гонит коней и к воротам зовет, — не ждут уговоров
храбрые, но внушена и робким недолгая доблесть.
Названный день наступил. Громовнику вместе с Градивом
грудами жертвы легли; но, знамений добрых не видя,
жрец побледнел и внушил притворную войску надежду.
И обступая своих, родители, дети и жены
встали пред ними и их не пускают с высоких порогов.
Слезы без меры текут, щиты орошая и шлемы
скорбно прощающихся, и нельзя оторвать от доспехов
семьи любимые: им целовать закрытые шлемы
любо и долу склонять объятьями грозные перья.
Те же, кого лишь булат и самая смерть привлекает,
стон издают и дрожат от рыданьем разбитого гнева.
Именно так мореходов, в простор уходящих далекий, —
ежели Нот — в паруса, и якорь со дна выбирают, —
милая держит рука, и сплетаются длани вкруг шеи[3];
то увлажнившийся взгляд лобзанья тревожат, то моря
необозримая мгла; оставленные продолжают
все же на круче стоять: за бегущими прочь парусами
сладко следить, тяжело, что с берега ветер крепчает.
[Все же стоят и корабль со скалы провожают знакомой.]
Первой Молва, но и ты, сокровенная древность вселенной,
мне — да воспомню мужей и заботно их судьбы раскрою —
выведи оных, а ты, царица певучей дубравы,
ты, Каллиопа, внуши помощнице лире, какие
вывел тогда отряды Градив и силы какие,

сколькие грады лишил людей: коль исчерпан источник,
мыслью нельзя воспарить никому. — Уныл и печален,
шел под грузом забот преклонному возрасту близкий
40 меж ободряющих царь Адраст — едва ли по воле.
Он опоясан одним мечом, доспех — рядовые
следом несут; у самых ворот возница крылатых
чистит коней[4], и уже Арион от ярма убегает.
Воинов шлет Лариса царю, крутая Просимна,
славный стадами Флиунт, Мидея конная, Нерис —
та, что пенный Харадр устрашает огромной преградой;
кроме того, скалой укрепленные мощной Клеоны,
также Фирея, где кровь Лакедемона будет стекаться.[5]
Помня родство с царем, перебравшимся в Аргос, примкнули
50 те, кто Дрепана скалу бороздят и поля Сикиона,
края масличного, — их омывает молчащею влагой
Лангии топь и Элисс, чей берег крут и изломан.
Люто река почтена: говорят, суровые воды
зрят Эвменид стигийских, в поток погружать приобвыкших
лики и змей, от питья флегетонского дышащих тяжко,
коли фракийцев дома сокрушили они, иль преступных
кровли Микен, иль Кадмов очаг[6]; бегут от плывущих
воды, а заводи все черны от обилия яда.
Следом Эфира идет, услыхавшая жалобы Ино[7],
60 следом — Кенхрейский отряд — из мест, где поэтам нечуждый
выбит конем горгоновым ключ[8], где Истм разделяет
воды и прочь от земель моря уступившие гонит.
Эти отряды — всего три тысячи воинов — рады
вслед за Адрастом идти: несут кто копья, кто колья,
в пламени их закалив, — ибо кровь и обычай у разных
воинов разные; кто вращать пращею привычен,
крепко сплетенной, и день пустым препоясывать кругом[9].
Сам же Адраст, почтенный равно годами и скиптром,
так, словно гордый идет по полям, где издавна пасся,
70 бык: и шея его нетверда, и бессильно оружье, —
все ж он вожак; и с ним молодые бычки не решатся
в схватке сойтись: они и рога, от многих ударов
сбитые, видят, и грудь в огромных рубцах от ранений.
Рядом несущий значки со старцем Адрастом диркейский
зять[10] выступает, к кому благосклонны сраженья, чью ярость

весь укрепляет отряд: а в нем — из отчего края
воины есть, и одних подвигает изгнанник, их верность
крепнет от бед и растет, другим основное — владыку
переменить, но много таких, кого справедливость
с жалким свела. А тесть ему Эгион и Арену
отдал, добавил же к ним Трезены тесеевой силу,
дабы не шел он, ведя, бесславный, редкое войско,
дабы с тоской не следил за отечества отнятой славой.
Те же наряд и оружье на нем, в каких он явился
бурною ночью, пришлец роковой: тевмесский распластан
лев на спине, и древки двойным блистают железом[11],
сбоку на остром мече суровая Сфинга застыла.
В чаяниях и мольбах престол он уже обретает,
нежную мать и верных сестер[12]; но на башне высокой
горем убитую, всем вперед устремленную станом
Аргию видит: она и мысли, и очи супруга
вспять возвращает, гоня любезные Фивы из сердца.
В самой средине ряды родимого племени движет
с молнией схожий Тидей: он счастлив и мышцею крепок —
стоило трубам пропеть. — Змея из глуби подземной
так выскользает[13] к лучам ласкающим вешнего солнца:
старости дряхлой наряд поменяв и иссохшие годы
скинув, она меж трав молодых наливается силой;
горе тому, кто в густой мураве на нее натолкнувшись,
грозно шипящую пасть от первого яда избавит!
Также молва о войне из Этолии благоспоспешных
шлет на подмогу мужей, скалистая здесь же Пилена,
и мелеагров Плеврон, где сестры пернатые плачут;
здесь и крутой Калидон, и Юпитера именем звавший
Иду Олен, и меж волн ионийских приютной Халкиды
гавань, и облик реки, в борьбе с Геркулесом разбитый[14].
(Оный поток до сих пор из вод не дерзает глубоких
лоб рассеченный поднять и прячет в укрытье зеленом
голову, а берега унывают, в пыли задыхаясь.)
Грудь плетеным щитом укрыта, окованным медью.
хищные дроты в руке, и Марс-прародитель на шлеме.
Юность отборная вкруг могучего духом Ойнида
встала кольцом, а он — войной веселится, красуясь
славными ранами: нет, грозою и гневом не ниже
он Полиника, и кто причина войны — непонятно.

Следом дорийцев отряд идет в небывалом доспехе, —
тех, кто твои берега, о Лиркий, взрывают широко
плугом и поймы твои, о вожатый ахейских потоков,
Инах (ведь оный поток из персеевой почвы[15] клокочет
бурно, когда, от Тельца и Плеяд дождливых наполнясь,
пенится, зятем надмен Юпитером[16]); быстрый течет там
Астерион, Эрасин, увлекающий злаки дриопов[17],
ток, утоливший поля эпидавровы; холм, что не знает
геннской Цереры[18], но рад Иакху; и дальная Дима
помощь им шлет, и конную рать шлет Пилос нелеев, —
Пилос, безвестный досель, и в пору вторую цветущий
Нестор[19], — но сам он идти отказался в поход обреченный.
Вел же их и наставлял любить достославную доблесть
грозный Гиппомедонт в гремящем медном шеломе
с белым торчащим тройным острием, а стан под оружьем
стиснул железный наряд; и грудь, и плечи широко
огненный круг укрывал[20], и данаева в золоте зримо
ночь ожила: пятьдесят — под черными Фурий огнями[21] —
грешных лож багровеют, и сам у кровавых родитель
встал косяков и глядит на мечи, и славит нечестье.
Гиппомедонта несет от палладиной кручи[22] немейский
конь, пред оружьем дрожа, и тенью летучей обильно
полнит поля и, пыль вознося, воздымает равнину.
Так, плечами леса сокрушая и станом сугубым,
мчит двуприродный Гилей[23] по крутому пути из пещеры
горной: и Осса дрожит, и стада, устрашившись, и стаи
диких припали зверей; и даже собратьями ужас
овладевает, когда он скоком огромным к пенейским
водам стремится и ток заграждает громадою тела.
Может ли кто и число, и силу племен и оружья
смертною песней объять? — Своим божеством[24] побуждаем
к битвам старинный Тиринф: мужами могучими оный
город весьма плодовит, и он не унизил питомца[25]
мощного славу; но нет удачи бывалой, и мощи
воинской нет, и в пустых просторах редкий насельник
произведенные зрит Киклопов трудами постройки[26].
Все же сумел он прислать трех сотен могучую младость, —
в битвах — бесчисленный люд; копейных ремней и мечей им
блеск не претит, на главах и по спинам — желтые шкуры

львов, их исконный наряд; оружье — сосновые колья,
стрелы же плотно торчат из неисчерпаемых тулов.
В честь Геркулеса поют пеан[27], о том, как от чудищ
мир он избавил, и бог их слышит с Эты[28] лесистой.
Вот из Немей отряд, и военная сила, какую
лозы священные шлют клеонейца Молорха в сраженье; —
дом его славный (а в нем — доспех гостившего бога[29]
ивовым входом сокрыт) на малом виднеется поле,
где поднимается дуб, — к нему был мощный когда-то
лук прислонен, а земля следы сохраняет от локтя.
Пеший над всеми главой возносясь, Капаней озирает
войско: вращал он в руке четырех бычков непахавших
снятые шкуры, а их неподатливым грузом покрыла
медь, — застыла на ней, как будто сейчас лишь убита,
Гидра о грех головах: одни, воздымаясь, — живые —
змеи чеканным блестят серебром; другие, искусно
впаянные, умерев, чернеют золотом желтым;
Лерна и стынущий ток[30] вокруг голубеют железом.
Ребра его и пространную грудь защищает кольчуга
(оный соткали покров из бесчисленных нитей халибы) —
грозный — не материн — труд[31]; на нем выдается блестящим
сводом шелом, и только ему одному и подъемный
жалом снабженный стоит кипарис[32], обделенный листвою.
Шли под началом его питомцы Амфигении[33],
дольней Мессены, и те, кто вскормлен в Итоме гористой;
прочих прислали Фрион и высокогорная Эпи,
Гелос и Птелеон, Дорион, печально известный
гетским певцом[34]: превзойти Аонид велемудрых надеясь
в пении, был осужден Фамир на годы безмолвья
уст и кифары (но кто ж превозносится, встретясь с богами?),
и онемел; а ведь он и о состязании с Фебом
знал, и том, как повис сатир в знаменитых Келенах[35].
Но и авгура[36] уже роковещего ум осажденный
сдался: хотя он беду и знаки, несущие гибель,
зрел, но оружье сама подала неспешной рукою
Атропос, бога затмив; и не были тщетны супруги
козни: покои уже засверкали златом запретным[37].
Знала она, что сулит пророку аргивскому злато
верную гибель, но все ж вероломно решила, злодейка,

мужа на дар поменять: она домогалась доспехов
Аргии мощной, чтоб всех превзойти, похитив убранство.
Та же охотно (она понимала, что души героев
зыбки, но чаша войны опустится, если провидец
к войску примкнет) роковой наряд любимого мужа
с груди сняла, не жалея почти, и при этом сказала:
"Время такое, что мне не к лицу в блестящем убранстве
быть, Полиник: без тебя для красы обездоленной роскошь —
лишнее, — только бы страх опасности встречей грядущей
мне унимать и мести алтари разметавшейся прядью.
Стало быть, мне ль не грешно Гармонии великолепной
брачный подарок носить, когда, под грозящим шеломом
скрывшись, ты будешь бряцать оружием? Если ж позволят
случай и боги, то я превзойду нарядом аргосских
жен — как супруга царя, и храмы наполню священной
пляской — затем, что ты цел; пусть ныне нарядом владеет-
алчная, та, в ком горит по супруге воюющем радость".
Так наряд золотой к Эрифиле вторгся в пенаты ,
волею рока и внес семена необъятные бедствий;
и, над грядущим смеясь, Тисифона возликовала.
Конь тенарских коней (его в неравном соитье
Киллар[38] на свет произвел без ведома Кастора), гордый,
землю разит; облачает жреца парнасская волна[39],
и украшает шелом олива[40] лиственной прядью,
пурпурных перьев убор с белоснежною инфулой сплелся.
Держит оружие он и натянутый повод упряжки,
здесь и там — защиты от стрел, на ходу громыхает
лес железный: за ним, устрашающий дротом тяжелым,
сам он стоит, и осиленным щит полыхает Пифоном[41].
За колесницей идут аполлоновы следом Амиклы,
Гелос, и та, что кормой избегаема робкой, Малея[42],
Карии (им отвечать Дианы пляске привычно)[43],
Фарис, и та, что пернатых плодит, — кифереина Месса[44],
следом — тайгетская рать и с лебяжьих прибрежий Эврота[45]
грозный отряд: сам бог в орошенной пыли их питает —
пращур Аркад, и в них обнаженную доблесть и ярость
будит, — могуч оттого их пыл и сладостна жертва
смерти достойной: отцы прославляют сыновнюю участь
и вдохновляют на смерть, смятенной толпой о погибших

сверстники плачут, но мать увенчанным прахом гордится.
Держат бразды и по два копья, продетые в петлю,
обнажены рамена, суровая виснет хламида[46],
в лединых перьях[47] шелом. Но не только они выступают,
Амфиарай, за тобой: Элида холмистая войско
множит, за нею народ, населяющий дольную Пизу, —
тот, что в твоих золотых, о достигший синайского края,
240 плавает водах, Алфей, не смешанный с морем глубоким[48].
Бегом несметных колес чернозем терзают широко,
диких коней для войны приручают (ужасный обычай
памятен всем до сих пор эномаев, и слава осталась
им сокрушенных осей[49]), — удила от укусов скрежещут
ценные, взрытый песок кропят белоснежные хлопья.
Вел паррасийцев ряды, родительнице не сказавшись,
нежный годами (но так притягательна новая слава!)
Партенопей: ведь тогда суровая матерь[50] случилась
в рощах далеких (она не позволила б выступить сыну),
250 луком смиряя своим тылы ледяного Ликея[51].
Ликом прекрасней его из идущих в суровую распрю
не было — так в нем цвела благодать красоты превосходной,
и не отсутствовал пыл, — когда б только возраст был крепче!
В ком из властительниц рощ, из богинь, посвященных потокам[52],
в ком из напей не зажег он страсти великое пламя?
Видя, как отрок в тени меналийской траву приминает
легким касаньем шагов, сама Диана прощала
прежней сопутнице[53] (так говорят) и диктейские стрелы
в тул амиклейский вложив, ему рамена оснащала.
260 Дерзкою к Марсу пронзен любовью, он устремился
в битву, горя услыхать рога, и пылью сраженья
русую прядь осквернить, и, врага поразив, воротиться
с пленным конем: постылы ему дубравы, и стыдно,
что человечьей досель не прославил он стрел своих кровью.
Огненный, всех впереди он златом и пурпуром блещет,
под иберийским узлом морщинится ткани волненье,
а на щите у него — Калидонская матери мирной
битва[54]; ошую звенит натянутый лук; оперенный,
бьется колчан за спиной, кидонскими стрелами[55] полный, —
270 желтый от янтаря и светлый от яшмы восточной.
Он высоко восседал на звонкокопытном (привыкшем

робких косуль обгонять) коне в двойном облаченье
рысей[56], дивящемся, сколь тяжел при оружье хозяин —
в нежном румянце ланит, замечательный веком цветущим.
Верные сонмы ему вы, древние дали аркадцы,
старшие звезд и Луны, рожденные, молвят, на крепких
ветках дубрав[57]. — Тогда впервые земля поражалась
стоп бременящих следам, и не было пашен, селений,
и городов, и семей: маслина и дуб приносили
280 новорожденных детей, умножал населенье тенистый
ясень, ребенок, родясь, с плодоносного падуба падал;
смене ночи и дня они, говорят, изумлялись
и ввечеру, проводив Титана в закатную бездну,
не уповали на день. — Высылает насельников Менал
гордый, и мужи спешат от рощ парфенийских; Рипеи,
Стратия войско дарят и открытая ветру Эниспа[58].
Не отказались прийти Тегея, Киллена (чья гордость —
бог окрыленный[59]), лесной алтарь алейской Минервы,
быстрый Клиторий, Ладон (едва, Пифиец, не ставший[60]
290 тестем твоим), и средь гор блестящая снегом Лампия,
также Феней, посылающий Стикс к подземному Диту[61].
Шли соревнующийся с идейскими воплями Азан[62]
и паррасийцев вожди, и (ваша забава, Аморы)
села Нонакрии — край, Громовержцу с колчаном любезный[63],
шли изобильный скотом Орхомен[64], зверьем — Киносура.
Тот же задор разорил Эпита поля и Псофиды
кручу, и скалы, твоей, Геркулес, известные мощью,
чудищ приют — Эриманф, и Стимфал кимвалогремящий[65].
Племя аркадцев одно — породою, но снаряженьем —
300 разделено на тех, кто мирт пафийский сгибает[66]
и опекает бои суковатой пастушеской палкой:
лук у этих, и дрот у других; а волосы скрыты
шлемом: у этих на вид — аркадская шапка из меха,
тем — медведицы пасть ликаонской главу укрывает[67].
Оный военный собор и сердца, посвященные Марсу,
воина ни одного из соседних Микен не узрели:
там совершались пиры людоедские[68], вспять возвращалось
Солнце, и битву свою затевали братья другие.
Но досягает уже до ушей Аталанты известье,
310 что отправляется сын на войну и всю за собою

гонит Аркадию: шаг у нее задрожал, и упали
стрелы, — и мчится она сквозь леса стремительней ветра,
скалы минует и рек, к берегам подступивших, преграду, —
так, как была, связав волоса и русый с затылка
сноп распустив по спине. — Так в ярости лютой тигрица,
коли похитят приплод, за добычливым всадником мчится.
Встала она и, грудью вперясь в натянутый повод
(сын же, бледнея, — к земле): "Сей пыл безумный откуда,
сын, у тебя, и в юной груди — недолжная доблесть?
Ты ли способен мужей к боям побуждать и обузу
Марса нести и ступать среди меченосных отрядов?
Ладно бы сила была! — Но, бледнея, сама я видала,
как ты рогатиною кабана упорного встретил:
ты ведь навзничь едва не упал, и дрожали колени;
если б я жала тогда не метнула с двурогого лука, —
где были б войны твои? Но ни стрелы тебе не помогут
здесь, ни тугая дуга, ни этот надежный, но чуждый
скверне убийственной конь. На великое ты посягаешь,
сын мой, доросши едва до чертогов дриад и до гнева
нимф эриманфских. Увы, но знаменья были неложны:
я-то дивилась, с чего недавно дрожали Дианы
храмы, и низко лицо опустила богиня, и пали
кровы с наверший святых; и лук мой от этого медлит,
и тяжелеет рука, и шлет неверные раны.
Ты бы дождался, пока почтеннее станешь и крепче,
розы ланит — окутает тень, и сходство исчезнет
с ликом моим, — тогда и воюй, и меч вожделенный
Я же подам и тебя не стану удерживать плачем.
Ныне с оружьем домой воротись. — Но как же, Аркадцы, —
подлинно, скал и дубов сыновья[69], — его вы пустили?!"
Хочет чрезмерного! Все — и сын, и вожди — утешают,
тщатся тревогу унять, и уже — глухие несутся
зовы трубы. Но не может она из нежных объятий
выпустить сына, вождю Адрасту его поручая.
А от другой стороны — кадмейцев марсовы толпы[70],
царским безумьем крушась, но робкой молвы не пугаясь
(слухов, что Арги в поход выступают с союзною силой),
медленней, нежели те, стыдясь за царя и причину,
все же готовят войну. Но никто обнажить не стремится
меч иль свод заключить рамена в отцовы доспехи,

иль снарядить крылоногих коней — отраду в сраженье.
Нет, но понурив главы, без мысли и гнева, роняют
руки дрожащие: тот скорбит о родителе милом
в доле ужасной, другой — о сладостных летах супруги
юной, а также о том, что несчастными вырастут дети.
Бог-воитель ни в ком не пылал, старинные стены —
рухнуть грозили и те; амфионовы мощные башни[71]
ветхий от старости бок обнажали, и — верой святою
возведены до небес — трудом простым и негромким
360 камни скреплялись. Но все ж и от градов Беотии ярость
мстящая жаждет нестись, — отнюдь не затем, чтоб на помощь
выйти злодею-царю, но — град побуждает союзный.
Тот же — вылитый волк[72], губитель тучной скотины:
чрево от сукровицы тяжело, и вздыбился волос,
обезображена пасть отверстая шерстью кровавой, —
с пастбищ спешит он, туда и сюда тревожно кидаясь
взглядом: не гонятся ли, открыв злодеянье, крутые
пастыри вслед, — и бежит, великость вины сознавая.
Множество страхов Молва смутливая нагромождает:
370 тот говорит, что вразброс по асопову брегу блуждают
всадники Лерны, другой — но тебе, Киферон вдохновенный,
третий — что взяли Тевмес и во мраке ночном загорелись
от караульных огней Платеи сторожевые.
То же, что пот проступил на ларах тирийских[73], а Дирка
кровью течет, что родят — уродцев, что вновь говорила
Сфинга в горах, — любому узнать повсюду возможно,
да и увидеть. И страх вдобавок к прежнему новый
мукой стесняет сердца: подхватившись и бросив кошницы,
вдруг в долину бежит хоровода лесного царица[74]
380 с кручи Огига; сосны, расщипанной натрое, мечет
скорбно туда и сюда окровавленный свет[75] и, пылая,
вздыбленный ужасом град[76] возбужденными криками полнит:
"Веледержавный отец нисейский[77], твоя закатилась
к дедову роду[78] любовь! — Под стылой Медведицей ныне
жезлом железным Исмар воинственный ты сотрясаешь
и виноградным велишь проникнуть лозам к Ликургу;
иль на взбухающий Ганг[79], иль к недавним Тефии красной
храминам, или в дома восточные пылким триумфом
грянешь, а то, золотой[80], от Гермовых токов исходишь.

Мы же, потомство твое, оружье исконное бросив —
празднеств приметы твоих, — войну, и страхи, и слезы,
мерзость привычных бесчинств и дары неправого царства
жертвуем. Лучше бы, Вакх, меня средь вечного снега
ты поместил, унеся за Кавказский хребет, амазонок
распрей гремящий, чем мне о вождях и племени грешном[81]
ужасы молвить: тебе для иных я безумств присягала,
Вакх, — не неволь. Я вижу быков одинаковых битву:
равен обоим почет, и кровь их едина в истоке;
лбом упираясь в лоб, рогами крутыми сцепились
неукротимо и вот — погибают во гневе взаимном.
Худший, ты уступи и один не пытайся, губитель,
дедовы оборонять поля и общие горы![82]
Жалкие в рвенье своем, вы бьетесь, кровь проливая,
а получает луга — другой". — Изрекши, застыла:
Вакх отпускает ее, и она отрезвляется тут же.
А трепетавший беды, различными страхами сломлен[83],
царь, терзаясь, как все, кто робеет неверного завтра,
к старческой мощи воззвал пророка Тиресия, к зрячей
оного тьме. А тот не по жертвам быков изобильным,
не по пернатым крылам, не по недрам, бьющимся правдой,
не от расчисленных звезд, не по знакам невнятной треноги,
не по курению смол благовонных над алтарями
тайны богов доносил, но из царства смерти суровой
вызванных манов явил[84] и таинства Леты, так молвят,
перед вождем, омытым в воде Исмена[85], где токи
с морем мешает река; пространство вокруг он очистил,
недра двухлеток разъяв[86], а воздух — дыханием серы,
зельями редкостными и длительною ворожбою.
Лес в умудренных летах, согбенный старостью мощной,
с неопадавшей листвой стоял, недоступный от века
солнца лучам, — и его сокрушить не могли ураганы,
или же Нот, иль Борей, Медведицей Гетской гонимый.
Тишь гробовая в лесу: принуждал безотчетный к молчанью
ужас, а свет, заключенный, бледнел, на свет непохожий.
Тьма не пуста божеством: Латонию, рощ опекуншу,
в каждом дуба стволе и в каждом кедре смолистом
запечатленную, лес священным окутывал мраком.
В чаще звеня, летят незримые стрелы богини,

псы завывают в ночи, когда, чертоги покинув
дядины[87], облик она обретает новой Дианы;
но, притомясь на хребтах, — когда высочайшее солнце
шлет сладчайшие сны, — здесь, кругом широким повсюду
стрелы вонзив и склонясь на исчерпанный тул, засыпает.
Марсова рядом земля простирается[88] полем широким,
Кадма вместившего сев крутого, который решился —
после родственных битв в бороздах губительных — плугом
первым вспахать целину и взрыхлить увлажненную кровью
пашню. Великим досель земля смятением теней
и среди дня, и в безлюдной ночи, несчастная, дышит,
ежели вновь восстают земнородные ради сражений
тщетных, — и в страхе тогда, не кончив начатой вспашки,
пахарь бежит, и к дому быки, обезумев, стремятся.
Здесь прорицатель седой — где столь для стигийских подходит
таинств земля и кровь текущая почве угодна —
сумрачношерстных быков и черных коней[89] заставляет
остановить и к нему подвести отборные выи
стада. Тогда застонал Киферон, сокрушаясь, и Дирка,
а между шумных долин тишина нежданная встала.
Ярые старец рога облек плетеницей зеленой,
сам их нащупав рукой, и у входа в знакомую рощу
вакхову прежде всего изобильную девятикратно
влагу склонил над изъятой землей, и вешнего млека
дар, и актейский поток[90], и кровь, влекущую манов;
и доливал он, пока не насытилась почва сухая.
После срубленный лес собирают, и жрец для Гекаты
три повелел костра возвести и столько же — Девам[91],
близ ахеронтовых вод рожденным. И твой, о Аверна
царь[92], до небес высокий костер воздвигся, хоть был он
в ямину врыт; а за ним — для подземной Цереры[93] вздымался
жертвенник меньший, с лица и со всех сторон кипарисом
горестным скрытый. И вот — уже со знаком железа[94]
на запрокинутых лбах, орошенных влагой плодовой, —
пали стада на убой. Манто безбрачная тотчас
пробует кровь из наполненных чаш и после, по кругу
трижды костры обойдя, по святому уставу отцову
молвит о жилах живых и недрах, еще не застывших.
После немедля она умещает под черные ветви

жадный огонь. И едва ощутил Тиресий, что хворост
в пламени начал трещать и что, наконец, загудели
470 скорбные груды — ему опалил дыханием щеки
мощный огонь, и жар наполнил пустые глазницы —
он возопил, и костры, трепеща пред глаголом, дрожали.
"Тартара грозный предел, и ненасыщаемой Смерти
страшное царство, и ты, о самый свирепый из братьев[95],
коему подчинены и души, и вечные грешных
вопли, и служат кому глубинного мира чертоги, —
дайте открыться немым укрытиям и Персефоны
строгой бесплотный народ[96] отпустите, направив в просторы
ночи, и челн через Стикс пусть полным назад возвратится.
480 Пусть устремляют свой шаг к обители света не только
маны, — и ты, Персеид, повели благочестный Элисий
толпам покинуть своим, и сумрачный пусть их Аркадец
мощною ветвью ведет[97]; а навстречу — во зле опочивших
(многих вмещает Эреб, и многие — кадмовой крови),
трижды потрясши змеей и тисом зовя их зажженным[98],
дню, о вождь Тисифона, яви, и солнца лишенных
да не прогонит назад устремляющий головы Кербер".
Так он сказал, а затем и старец, и фебова дева[99]
души свои напрягли и бестрепетно оба стояли,
490 в сердце вместив божество; дрожал в неописанном страхе
лишь Эдиподионид, и пророка, поющего ужас,
он то за плечи хватал, то за руки, то за повязки,
то, истомившись, просил прекращения священнодейства.
Сходно у логовища в чащобе лесов гетулийских
льва, раздражая его неистовым криком, охотник
ждет, душою крепясь и сжав в ладони вспотевшей
дрот; леденеют уста, шаги трепещут от страха:
выскочит кто и каков? — и льва по ужасному рыку
воображая, его измеряет слепящим смятеньем.
500 Тут, поскольку досель не явилися тени, Тиресий
молвил: "Клянусь, о богини, кому сей огнь насыщал я
и над разрытой землей проливал кархесии шуйцей[100], —
более не потерплю промедленья! Ужели взываю
тщетно? — Появитесь вы, коль велит фессалиянка воплем
буйным иль вас призовет колхидянка, скифской отравой
напоена[101], — и, дрожа, побледнеет трепещущий Тартар.

Я же для вас не указ, раз вы вознести не хотите
трупы пред нашим костром и урны воздвигнуть с костями
древними, и оскорбить и неба богов, и Эреба —
510 тех и других — и сюда, ради ликов, железом лишенных
жизни, явившись, принять принесенные недра закланных.
Немощных лет и чела моего омраченного тучи
не презирайте, прошу: и мы разгневаться можем.
Знаю я все имена и знаки, которых бойтесь,
мог бы Гекату смутить, когда б не робел пред Фимбреем,
или того, кто царит, непостижный, над миром трояким[102]:
оный… — однако, молчу: запрещает мирная старость.
Вас же…." — но страстно Манто возразила, фебова дева:
"Слышат, родитель, тебя: бесплотные близятся толпы[103],
520 зев элисийский разъят, отверстого поля расселась
емкая тьма, — уже и леса, и черные реки
стали видны, и бледный песок, Ахеронтом омытый.
Катит дымный поток Флегетона ужасное пламя[104],
Стикс, разделяя миры, заключенным препятствует душам.
Бледный, на троне сидит властелин[105], а вокруг различаю
сеющих пагубу дев — Эвменид, и стигийской Юноны[106]
сумрачный вижу покой и ее суровое ложе.
Темная Смерть сидит меж зеркал[107] и ведет для владыки
счет безмолвных племен, и огромна толпа несочтенных.
530 Теням гортинский судья, грозящий безжалостной урной[108],
правду велит говорить, заставляет поведать о прошлой
жизни и кончить рассказ признаньем заслуженной кары.
Но об Эребе зачем, о скиллах, о тщетной кентавров
ярости, иль о цепях нерушимых, сковавших Гигантов,
иль о стесненной вещать Эгеона сторукого тени?[109]"
"Право, известное всем, дочь, старости кормчий и сила,
не пересказывай мне. Ибо кто о камне Сизифа,
водах, вводящих в обман[110], и Титии, пище пернатых,
и об огромных кругах слепца Иксиона, не знает?
540 Я же разверзшиеся и сам, покуда был крепче,
глуби видал, — Геката меня провожала, покамест
бог мне очей не затмил, единой душе оставляя
зрение. Лучше сюда аргосцев, а также фиванцев
души заклятьем гони, а прочим — четырежды млеком
их окропив[111] — повели, о дочь, вернуться, оставив

скорбную рощу; и мне о лицах, облике, силе
крови вкушенной, о тех, кто знатен в обоих народах
молви, прошу, и ночи моей поведай о каждом".
Та — как велел — заклятье плетет, их сонм разделяя
и окропленных тесня, — по виду — Медея иль Кирка,
что на Ээе творит превращенья, но только безгрешна.
После же так говорит родителю-священнодею:
"Первым Кадм безжизненные уста приближает
к яме кровавой, за ним киферейская отрасль влечется
следом, и обе змеи[112] испивают живящую влагу.
Их окружают земли порождения — марсово племя:[113]
век их одним измеряется днем, на каждом доспехи,
каждый сжал рукоять; теснят, сминают и мчатся,
словно живые, ярясь, и в них — не забота приникнуть
к яме печальной, но страсть отторгнуть кровь друг у друга.
Следом — горсть дочерей и плача достойные внуки:
сирую зрим среди них Автоною и гневную Ино,
что, озираясь на лук, к сосцам залог прижимает[114]
нежный, а рядом — прикрыв руками утробу — Семела;
матерь кадмейская[115] там — уже отпущена богом,
тирсы свои поломав, вопит над Пенфеем, терзая
окровавленную грудь, а он — по летейским беспутьям
к берегу вод стигийских бежит, где кроткий о сыне
плачет отец Эхион и растерзанный труп сочленяет.
Скорбного Лика я зрю; назад занесший десницу,
тело с плеча Эолид[116] отягченного наземь бросает.
Не изменился и здесь наказанный чуждым обличьем
сын Аристея[117]: досель чело угрожает рогами,
стрелами — руки, — он псов прогоняет, стремящихся к ране.
И ненавидимая за потомство обильное, следом
Тантала дочерь[118] идет и трупы считает надменно,
не изменившись от бед: она не жалеет, что неба
волю презрела, и здесь тем пуще язык развязала".
Так покамест отцу Манто непорочная пела, —
космы седые его, подымая повязки, вздыматься
стали, и крови прилив окрасил иссохшие щеки.
Не опираясь уже на крепкую палку и деву
верную, он, над землей распрямившись, промолвил: "Довольно"
пения, дочь, не нужен мне свет наружный: сплошная

мгла разошлась, и черный туман с очей упадает.
Духа я полн — от теней ли он, Аполлоном ли послан
вышним, — но вижу я все, что слышал. Но как же, однако,
взоры к земле опустив, печальны аргосские души!
Грозный Абант, губительный Прэт, Фороней-миротворец
и рассеченный Пелоп[119], и свирепою пылью покрытый
с ним Эномай[120] лицо увлажнил обильной росою.
В этом провижу для Фив удачу в боях. Но другие
души, что плотной стоят и — судя по ранам и латам —
бранелюбивой толпой, — зачем залитые кровью
лица, и перси свои, и длани — воздев их в подобье
крика — не с миром на пас устремляют? О царь[121], не они ли
те пятьдесят?[122] — Посмотри: вот Ктоний, и Хромий, и, видишь,
тут же Фегей и Мэон, как мы, отмеченный лавром…
Ярость уймите, вожди, поверьте, смертные мненья
здесь не дерзают решать: прядет железные годы
Атропос нам, а вы — избегли невзгод и ужасных
войн, и новых боев с Тидеем". Промолвил и связкой
веток зеленых прогнал подступивших, на кровь указав им.
Без приближенных стоял на бреге печальном Коцита
Лаий (Аверну его беспощадному крылообутый
бог возвратил) и косо смотрел на свирепого внука[123],
ибо его он признал; ни крови он не отведал,
как остальная толпа, ни к иной не приблизился влаге,
ненавистью бессмертной дыша. Но его вызывает
сам аонийский пророк: "Вождь славный Фивы Тирийской,
с чьею кончиной уже амфионовы стены не зрели
доброго дня над собой, о ты, вполне отомстивший
лютую гибель, о тень, с которой в расчете потомки,
жалкий, куда ты бежишь? Простерт тебе ненавистный
в пагубе долгой, краев соседственной смерти касаясь,
свой исчерпанный лик[124] и смрадом, и кровью засеяв,
изгнан из светлого дня, — и смерти лютейшая доля,
мне уж поверь! Но ради чего безвинного внука
ты избегаешь? Приблизь лицо и жертвенной крови
вдоволь испей — и грядущий удел, и потери сражений,
судьбы своих приоткрой — из жалости или презренья.
Только тогда на ладье вожделенной запретную Лету
дам переплыть[125] и в земле по обряду тебя упокою

и допущу к стигийским богам". — Того умягчает
дар достодолжный, — лицо заалело и так он ответил:
"Сверстный мне жрец, почему избираешь ты, души пытая,
для предвещанья — меня, предпочтенного стольким умершим,
чтоб о грядущем я рек? — И о прошлом помнить довольно.
Внуки преславные, вам не стыдно ль нашего мненья
630 спрашивать? Нет, для нечестии святых того извлеките,
кто поразил счастливым мечом отца[126], кто к истокам
влекся своим и детьми наградил неповинную матерь.
Ныне же он досаждает богам и подземным собраньям
Фурий и наши увлечь умоляет в сражения маны.
Что ж, коль избран я был прорицать о плачевном грядущем,
то расскажу, что Лахесис мне и Мегера крутая
дали открыть вам: война, бесчисленным движется строем
всюду война, и Градив роковой лернейских питомцев
гонят бичами: их ждут земли откровенья и божьи
640 стрелы, и славная смерть, и закон, отказавший преступно
им в погребальном огне. Победа назначена Фивам, —
не трепещи: не взойдет на престол твой брат разъяренный,
Фурии будут царить, и грех двойной, и — увы мне! —
злобный меж жалких мечей победит родитель[127]". — Промолвив,
меркнет и в сбивчивом их оставляет тумане сомнений.
Тою порой по холмам леденящей Немеи и чащам
битв геркулесовых[128] шли инахиды строем походным.
Страстью пылают они сидонскую вырвать добычу[129],
рвутся дома сокрушить и расхитить… — А кем остановлен
650 гнев их, и кто их сдержал и как заблудились в дороге, —
Феб, научи[130]: лишь редкая ткань молвы перед нами.
Войско хмельной возвращал от Гема смиренного к дому
Либер[131]: уже две долгих зимы он бранелюбивых
гетов безумствам учил и привык, что там зеленеет
Отрия снежный хребет и Родопы в тени икарийской.
Ныне же путь свой, лозой освящаемый, он к материнским
правит стенам: бегут без упряжи справа и слева
рыси, а тигры узду, вином увлажненную, лижут.
Следом ликующие мималлонки[132] с добычею мчатся,
660 тащат быков и волков, и медведиц, растерзанных ими.
Сопровождают его удалая Гневливость и Ярость,
тут же Угроза и Пыл, и Горячность, Трезвости недруг, —

сбивчив сопутников шаг, совершенно подобных владыке.
Оный, едва увидал, что пыльной Немея клубится
тучей и вспыхивает на железе лучащемся солнце,
Фивы ж досель к боевым столкновеньям отнюдь не готовы, —
зрелищем был потрясен: и, расслабленный видом и духом,
тут же замолкнуть велел тимпанам, меди и шуму
сдвоенный флейт[133], поражающих слух с превеликою силой.
Молвил же так: "Сей сброд и меня, и род истребить мой
мыслит, а ярость горит издалёка: свирепую битву
Аргос и мачехи[134] гнев необузданный мне посылает.
Всё-то ей мало, что мать повержена в прах недостойный,
мало родильных костров и мною испытанных вспышек
молнии, — ныне она преступно соперницы прежней[135]
холм и останки мечам предает и беспечные Фивы.
Кознью помеху сплету, — к тому, к тому устремляйтесь,
спутники, полю! Ио!" — по знаку гирканские тигры
вздыбили шерсть, и у пашни он был, едва приказав им.
Час приближался, когда задохнувшийся полдень подъемлет
солнце к вершинам небес, когда на пашнях пустынных
зной неподвижный стоит, а рощи — лишаются тени.
Либер речных призывает богинь и, между молчащих
став, говорит: "О духи ручьев, о сельские Нимфы!
Вместе с толпой сопутниц моих труды претерпите,
ради меня удержав арголидские реки в истоках,
и озерки, и ручьи, бродящие в пыльных просторах.
Влага Немеи-реки, вдоль которой шествует войско
к нашим стенам, — в глубину да скроется первой. Сам будет —
чтобы не медлили вы — помогать с высоты поднебесной
Феб; начинаньям успех обещан и звездами: в пене
знойный Пес Эригоны моей[136]. Так шествуйте бодро,
шествуйте в глуби земли. Потом из пучины глубокой
вас извлеку и храмов моих дорогими дарами
сам окажу вам почет и сам наглецов козлоногих[137]
кражи ночные сдержу и страстные Фавнов порывы".
Молвил, — и лица у Нимф, казалось, застыли и ссохлись,
пряди зеленых волос, лишенные влаги, торчали;
лютая жажда тотчас поля инахийские выжгла:
вмиг разбежались ручьи, засохли ключи и озера,
реки в пустых берегах раскалившимся илом твердели.

Засухой страждет земля, и пробившийся нежного стебля
долу склонился побег; обмануты, овцы застыли
по берегам, и быки истомилися по водопою.
Так убывающий Нил, в огромных скрываясь вертепах,
ликом восточной зимы заставляет луга заливные
твердыми стать, и холмы, оставлены влагой, дымятся,
и ожидает отца[138] растрескавшийся Египет,
чтобы — в плеске воды — полям по просьбам фаросцев
710 дал он питанье и год к изобильным подвел урожаям.
Гиблая Лерна суха, сух ток диркейский и мощный
Инах, а также Харадр, влекущий подводные камни,
и Эрасин, всегда берегам непокорный, и столь же
быстрый Астерион, чей ток в бездорожьях высоких
слышимый издалека, дрему пастухов нарушает.
Древле, когда без узды огонь, по своду летящий,
гиперионовых вниз увлек коней Фаэтона[139]
и о беде небеса вопияли, и дрогнули море,
суша и звездный убор, — тогда ни в источниках — влаги,
720 ни на деревьях — листвы не осталось, — повсюду пылало
пламя, повсюду — пожар, и — подобно реке обмелевшей —
изнемогал Эгеон в пространном подобии брега.
Смолкшие воды питать продолжала в тени сокровенной
Лангия только одна, но и та — велением бога.
Водам еще Архемор унесенный печального не дал
имени[140], и о реке — не знали: беспутье хранило
рощу и самый поток; ждет Нимфу великая слава
после того, как ахейцев вожди почтут состязаньем
скорбь Гипсипилы, а чин трехлетний[141] — память Офельта.
730 Ни пламеневших щитов нести не могли, ни плетенья
стиснувших панцирей (столь жестокая жажда томила!),
воины: ссохлись у них не только губы и глотки,
но допекал и внутренний жар: затрудненно стучало
сердце и билось слабей, недужная кровь коченела
в жилах сухих. Над землей, растрескивавшейся и пыльной,
зноем дышал раскаленный туман. И потная пена
не покрывала коней, удила сухие грызущих
и заключенный язык высовывающих наружу.
Плеть позабыв и хозяйскую власть, метался по пашням
740 воспламенившийся скот. Тотчас же Адраст рассылает
всюду разведателей: не осталось ли вод ликимнийских,

и не течет ли ручей Амимоны. Но вглубь исчезает
все от слепящих огней, и Олимп безнадежно безводен, —
так, словно Ливию вдруг, иль пустыню песков африканских
видят они, или град незнакомой с дождями Сиены.
Вдруг, лесов посреди блуждая, — Эвой подготовил
встречу — внезапно они Гипсипилу в прекрасной печали
видят: хотя у груди Гипсипила Офельта держала —
горестное дитя инахова сына Ликурга,
а не свое — и были власы неприбраны, платье ж
бедно, но лик сохранял достоинство царское, горем
не истребленное. Ей говорит Адраст пораженный:
"Властное рощ божество — ибо ясный твой лик запрещает
смертным твой род почитать! Под этим жаром небесным
ты бестревожно без вод не страждешь, — так помоги же
близким народам. Тебя, отделив от толпы непорочной,
либо Латония, лук носящая, выдала замуж,
либо высокая страсть, с небес соскользнув, осенила:
спален аргосских не чужд и богов председатель[142]. Призри же
полк наш плачевный! Мечом разрушить виновные Фивы
мысль увлекла нас, но рок невоинственный жаждой суровой
души бойцов одолел и праздные силы похитил.
Помощь измученным дай, укажи нам поток ли бурливый,
влагу ли мерзких болот: в беде ничто не зазорно,
все подойдет. Так проси же скорей Юпитера ради
ветра с дождем и верни ушедшую силу, а душам —
битвенный пыл: и так же пускай под счастливой звездою
груз твой растет. И если нам даст возвратиться Юпитер, —
о, сколь великой тогда тебя награжу я добычей!
Жертвами я возмещу из диркейского стада, богиня,
воинов наших число и в роще алтарь твой воздвигну".
Молвил; речей посреди прерывалися просьбы дыханьем
жарким, и в душных струях пересохший язык запинался.
Все были бледны равно и дышали открытыми ртами.
Им лемниянка так, потупив лицо, отвечает:
"Но почему же для вас — хоть и чту небожителей в предках —
я божество? — Увы, лишь в одном перестигла я смертных —
в горестях. Сирую вы кормилицу сына чужого
зрите, а есть ли кому моих кормить и лелеять, —
ведает бог; а ведь был и престол, и родитель великий… —
впрочем, зачем я держу изможденных у вод вожделенных? —

Тотчас за мной, — если только хранит вековечные струи
Лангии ток, — но всегда — и под знаком палящего Рака[143],
и невзирая на блеск лучей звезды икарийской[144], —
все ж он бежит". — И, боясь, что ноша ей быть помешает
скорым вождем, кладет младенца несчастного (горе!),
рядом в траву — так Парки велят; он было заплакал,
но, подвигая цветы и утешно шепча, унимает
сладкие слезы она. — Такова берекинтская матерь:
790 робким Куретам она плясать[145] над Громовником малым
повелевает, и те, соревнуясь, священной посудой
громко грохочут, но все ж оглашается криками Ида.
Мальчик[146] на лоне земли расцветающей то меж высокой
вешнею зеленью полз, склоненным лицом подминая
мягкие травы, а то взывал к кормилице милой,
плача без млечных сосцов; потом начинал улыбаться
и, замышляя слова для губ необорные нежных,
шуму дивился дерев и схватывал, что ни заметит,
время с веселым лицом провождал, блуждая по лугу
800 в полном неведенье зла и непотревоженный жизнью, —
словно маленький Марс в одрисийских снегах, или словно
мальчик пернатый в горах Менала, иль шаловливый
на берегу Аполлон, наклонявший Ортигию набок[147].
Те же — сквозь чащу спешат, в зеленой тени бездорожья
часть окружает вождя, а часть — густою толпою
следом стремится за ней; она же идет посредине
спешно, но без суеты; и вот — недалеким потоком
глухо долина шумит, а журчанье камней наполняет
слух, и Аргус, к ручью подбегающий первым, ликуя
810 и на ходу подымая значок для легких отрядов,
крикнул: "Вода!", — и из воинских уст понеслося далеким
криком: "Вода!" — Так вдоль берегов Амбракийского моря[148]
глас молодых моряков, побуждаемых кормщиком, с весел
вдруг раздается, а им в ответ откликается гулко
суша, — едва Аполлон, здесь чтимый, Левкаду откроет.
Все устремились к реке, вперебой, без различия чина,
вместе и люд, и начальники: всех друг с другом смешала
равная жажда; волы, запряженные, вместе с возами
входят, и быстро летят со всадниками при оружье
820 кони; одних — стремительный ток, тех скользкий подводит

камень: вода, без почтенья к царям, влекомым пучиной,
валит их с ног иль уста затопляет зовущих друг друга.
Волны гудят, и река расхищается вплоть до истоков
дальних: за миг лишь — мощна, несмутима, с чистым теченьем,
видным насквозь, теперь — до дна лишенное влаги
русло: в него берегов обвалились края и разрытый
дерн, — но и мутный ручей, осквернённый грязью и пылью,
жажду унявшие пить продолжают. Можно подумать, —
воины в битве сошлись, и подлинный Марс разъярился
в водах речных, иль захваченный град разорил победитель.
Молвил один из царей, окруженный стремниной потока:
"Ты, о Немея, лесов зеленых по праву царица,
чтимый престол Юпитера, ты — Геркулеса трудами
кроткою стала с тех пор, как гривастую страшного зверя
вью он сжал и душу стеснил в напрягшемся теле[149].
После сего — перестань на почин подвластных народов
гневаться; так же и ты, пред любым непривыкший смиряться
солнцем, носящий рога даритель несякнущей влаги[150],
весел гряди и в доме любом уста ледяные
ты разомкнешь, бессмертьем дыша; не Зима ведь седая,
снег растопив, не Дуга[151], из иных истоков похитив
воды, питает тебя, и не тучи набухшие Кавра, —
сам от себя ты течешь, никаким не подвластный светилам.
Ни аполлонов Ладон, ни троянский Ксанф, ни ликийский,
ни злоковарный Сперхей, ни Ликорм, Кентавром хранимый[152],
не предпочту: и в мирные дни, и в дни грозовые
войн я буду тебя почитать — и в будни, и в праздник —
вслед за Юпитером. Нас прими и победами гордых
радостно и, допустив утомившихся к водам приветным
так же, как ныне, — признай тобой защищенное войско".

КНИГА V

Струями жажду отбив, истребив глубины потока,
войско назад отошло с берегов реки обмелевшей;
полем стремятся быстрей звонкоступы, и пашню, ликуя,
пешие полнят; к мужам вернулись и пыл, и угрозы,
и обещанья: с водой они вобрали как будто
кровопролитья огонь и великое к битвам безумство.
Вновь по отрядам своим построясь, порядку послушны
чина сурового — всяк при своем вожде и на месте —
рады продолжить поход. Уже поднялась над дорогой
первая пыль, и леса пронизаны блеском оружья.
Так над простором морским[1] — застигнуты зноем фаросским —
стаи, курлыча, спешат от паретонийского Нила
к землям, в которых зима утесняет; несущимся криком,
тенью летят по морям и полям, и звенит непроезжий
воздух: Бореи сносить и дожди, парить над разливом
рек и под Гемом нагим провести им лето угодно.
Тут обратился опять знатнейших венцом защищенный
отпрыск Талая[2], как раз стоявщий под ясенем древним,
облокотясь на копье Полиника, бывшего рядом:
"Все-таки, кто ты ни есть и к которой — великая слава! —
мы, бойцы без числа, притекли одолжиться судьбою,
честью кого не обнес и сам богов зачинатель, —
молви, поскольку твои на крылах покидаем мы воды,
где твой и дом, и страна, под какими светилами к жизни
ты приобщилась, и кто твой отец: божества недалёко
в роде твоем, — хоть и счастье зашло, но высокая дышит
в речи порода, в лице — былого величия отблеск".
Стонет Лемниянка, но — постепенно смиряя рыданье —
так начинает рассказ: "О вождь, великие раны
требуешь разбередить: и Фурий, и Лемнос, на тесных
ложах завязанный бой[3], и меч, бесстыдно сгубивший
мужеский пол. Нечестье и с ним — леденящая Кара
в сердце вошли. О горькие мы, о жертвы безумья,
о эта ночь, о отец! Ведь я — радушной хозяйки
не устыжайтесь — одна, о вожди, одна утаила,
спрятав, отца… Что долго плести начало несчастий? —

Вас призывают бои и великая сердца готовность.
Ныне довольно вам знать, что славного дочерь Фоанта,
я, Гипсипила, рабой Ликурга вашего стала".
К ней обратилися все и, видя величье и гордость,
равную тяжкой судьбе, — о несчастьях узнать запылали.
Опережая других, родитель Адраст поощряет:
"Право, пока мы отряд передних бойцов пропускаем —
ибо Немея не даст широко развернуть наши силы,
оною скрыта листвой и непроницаемой тенью, —
ты расскажи о грехах, и о славе твоей, и о горе
близких, и как ты пришла к сим бедам, лишенная царства".
Сладко в беде говорить, возвращая былые утраты.
Так начала: "Омываем вокруг Нереем Эгейским
Лемнос, где после трудов огнедышащей Этны вкушает
Мулькибер отдых.[4] Страну покрывает пространною тенью
близкий Афон[5], отраженьем лесов омрачающий море.
Фракия — насупротив, берега роковые фракийцев —
наших несчастий исток. Богатый питомцами, остров
цвел, и ни Самосу он, ни звонкому Делосу славой
не уступал, ни любым островам в пучине Эгона.
Боги решили покой возмутить, но были и наши
души не без греха: Венере мы храм задолжали,
жертв для богини не жгли[6], — иногда огорчается сердце
и у богов, и Кары ползут неспешным отрядом.
Паф свой старинный и сто алтарей оставив, богиня —
с мрачным лицом, волос не прибрав — отринула брачный
пояс и прочь прогнала, говорят, идалийских летуний[7].
А по рассказам других, посреди полунощного мрака
чуждое пламя неся и сильнейшие стрелы, богиня
в сопровожденье сестер тартарийских[8] по спальням летала.
Стоило ей запустить в глубины тайных покоев
цепкие когти и злой нелюбовью чертоги наполнить
брачные, жалость забыв к народу верного мужа, —
нежные, с Лемноса прочь убежали вы тотчас, Аморы,
смолк Гименей, угасли огни, на ложах законных
страсть охладела; и ночь не дарила уже наслаждений,
более сон не сходил к обнявшимся, — лютые всюду
Ненависть, Ярость, Раздор разделили супругов на ложах.
Страсть пробудилась в мужах сокрушить на чужом побережье

чванных фракийцев, разбив свирепое племя в сраженье.
И как оставили дом и детей, стоящих на бреге, —
сладко им стало сносить Медведицы холод суровый,
стужу эдонской зимы, и в тихую ночь после боя
грохот вдруг услыхать растрескавшегося потока.
Скорбные жены (меня тогда от тревог избавляли
девичья доля и век молодой) ночами и днями
то — в бесконечных слезах истомись — утешной беседой
жили, то за море взор устремляли к Фракии лютой.
Солнце, трудов посреди замерев как будто, сдержало
светлых коней на вершине небес; четырежды грянул
ясный возок[9], и из солнечных недр огневых полыхнули
дымных четыре вихра, и Эгон в безветрии полном
дрогнул и вдруг окатил берега огромной волною.
Тут беспричинно пришла в великую ярость Поликсо,
женщина зрелых годов, и, покои нежданно оставив,
прянула, словно ее, как тевмесскую фийю, безумный
бог охватил[10], и призвал священный обряд, и сманила
флейта на Иде и с гор высоких донесший Зван:
так же лицо запрокинуто, взор затуманен кипеньем
крови, и крики ее безумные город пустынный
будят, — колотит она в дома и закрытые двери,
всех созывает на сход, а за нею четыре злосчастных
сына бегут. И все как одна немедленно жены,
кров покидая, спешат к высокому храму Паллады.
Здесь торопливой толпой собралися они и бесчинно
сгрудились. Меч обнажив, преступлений зачинщица тут же
всем приказала молчать и вот что дерзнула промолвить:
"Страшную месть по внушенью богов и заслуженной скорби,
вдовые, вам — о, крепитесь душой и пол свой забудьте! —
ныне, лемниянки, я предлагаю. Коль горько пустые
вечно дома охранять и следить, как вянут позорно
в долгих слезах и юности цвет, и бесплодные лета, —
верьте мне, я — дорогу нашла (и знаменья были!),
как обновить Венеру[11]; но вы преисполнитесь силы,
равной страданьям, и в ней я должна быть уверена твердо.
Третья белеет зима, — кто узы брачные носит,
или на ложе почтен потаенном? Чью грудь согревает
муж? И страдания чьи Луцине возможно увидеть?
Или же чьи-то мольбы, признайтесь, в законные сроки

вдруг понесли? — Но один сопрягаться и зверю, и птице
способ. О немощь, увы! Но грек для отмщенья возмог же
девам — отец — вручить мечи[12] и, великим страданьям
радуясь, юношей сны беззаботные кровью окрасить?
Мы же — беспомощный люд! — Но если в недавних примерах
надобность есть, то жена родопская мужеству учит[13],
дланью измену отметив, отобедавши с мужем совместно.
Вас призывая, сама злодейств не бегу и не прячусь.
Полон мой дом, и о нем, поглядите, мала ли забота:
всех четверых сыновей, отца красу и утеху,
к лону прижав — и препятствуют пусть, обнимая и плача —
я мечом заколю и, братьев кровь и раненья
Перемешав, прибавлю еще и отца к неостывшим.
Дух у кого для стольких убийств готов?" — Побудила
многих. Пред ними простор заблистал парусами: лемносский
флот возвращался домой. Ухватила, ликуя, Поликсо
случай и вновь начала: "Небожители нас призывают!
Струсим? — Но вот корабли: их бог доставляет отмститель
ярости нашей и нас поощряет. Был образ неложен
сна моего: с обнаженным мечом стояла Венера[14],
явственно зрима; и мне в сновиденье "Что губите век свой? —
молвит. — Велю от мужей отвратившихся спальни очистить.
Новое пламя зажгу и скреплю иные союзы[15]".
Проговорив, сей меч, сей — верьте мне — меч положила
на покрывало. Почто, когда уже действовать время,
жалкие, медлите вы? Могучими мышцами вспенен
моря простор, и, быть может, грядут бистонские жены".
Тут разъярились они, и до звезд вознесся великий
вопль, — как будто кипит амазонским Скифия криком,
и налегают ряды щитолунные[16], коим оружье
дарит отец и жестокой войны отворяет ворота[17].
Разноголосицы нет, противоположные страсти
мыслей не рвут, как обычно в толпе, — но единая ярость,
жажда — одна: обезмужить дома, поломать веретена
отроков и стариков[18], и мальчиков даже во чревах
вырезать, чтобы любой уничтожить возраст железом.
В лиственной роще… — сия высокую кладку Минервы[19]
роща густая с земли укрывала, а сверху давила

мощная круча, и свет погибал от мрака двойного —
здесь освятили союз: Энио бранолюбая, клятву
ты принимала, с тобой — Церера подземная[20]; вышли
Стикса богини[21], раскрыв Ахеронт; но тайная всюду
к битве Венера влекла, жгла Венера, Венера ярила.
Тут же и кровь пролилась: супруга Харопа выводит
160 сына, — к нему подступив и десницы с жадным железом
все как одна устремив, удивленное сердце пронзают,
сладостное совершить злодеянье живою клянутся
кровью, и свежая тень над матерью реет кругами.
Это увидев, какой до костей содрогнулась я дрожью,
как побелело лицо! — Не так ли серна[22], волками
хищными обойдена, лишенная твердости в нежном
сердце своем и с худой на летучее бегство надеждой,
тщится в отчаянье шаг ускорить и ждет, что теперь уж
схватят ее, и зубов избегаемых слышит погоню.
170 Те — подплывали, и вот — в прибрежье врезались днища;
спрыгивая вперебой, мужи спешили коснуться
суши, несчастные, — те, кого суровая доблесть,
с Марсом одрисским бои и открытого моря немилость
не поглотили. Богов горделивые храмы дымятся,
к ним волокут обещанный скот. Но в пламени черном —
все алтари, и бог — не чист ни в единой утробе[23].
Медленнее опускал с Олимпа сырого Юпитер
ночь[24] и грядущую тьму — из кротких, должно быть, стремлений
—
сдерживал, сколько судьба дозволяла, и сумерки позже —
180 после того, как солнце зашло — дотоль не спускались.
На небо все же пришли запоздалые звезды; под ними
Парос и Фасос мерцал лесистый, виднелись Киклады
дробные, — Лемнос один был скрыт небосводом тяжелым
(мрачные тучи над ним и слепая погода сплетались),
Лемнос один, морякам блуждающим небезызвестный.
Расположившись в домах и в рощах священных укрывшись,
яствам богатым мужи предавались, до дна осушали
емкое золото чаш и неспешно стримонские битвы,
или Родопу, иль труд, снесенный под Гемом студеным,
190 перечисляли меж тем. И жены, преступное племя,
с ними, сплетясь меж веселых пиров, с превеликой охотой

все возлегли: в последнюю ночь дала Киферея
(кроткая!) женам мужей и за долгое время — недолгий
мир бесполезный и пыл последний вдохнула в несчастных.
Хоры умолкли, пиров и приятной забавы означив
меру, и стали стихать голоса с наступлением ночи.
Тут-то, пропитан насквозь темнотою родственной Леты,
Стикса росой увлажнен, обреченные кровли объемлет
Сон и тяжелый покой изливает из грозного рога[25]
200 и отделяет мужей; но готовы невестки и жены
к бойне, и сестры[26], смеясь, изощряют хищные стрелы.
Близко злодейство: своих Эриния, пылом исполнясь,
гонит. По скифским степям не иначе скот окружают
львицы гирканские: их впервые после окота
голод погнал, и сосцов детеныши алчные ищут.
Право, из стольких убийств разноликих не знаю, какие[27],
выбрав, тебе описать: Безумная Горга, воздвигшись
над оплетенным листвой на коврах, набросанных грудой,
и выдыхавшим во сне распиравшие вина Элимом,
210 ран намечала места меж складок одежды, но мужа
Сон, несущий беду, пред натиском смерти оставил.
Он, смятенный, врага не признав разбуженным оком,
обнял супругу, но та, ударив немедленно, мужу
в спину вонзалась, пока железо собственной грудью
не ощутила. И так преступленье свершилось; откинув
все еще ласковый лик со взглядом живым, прошептал он:
"Горга…", — и рук не разъял, преступную шею обнявших.
Но пересказывать вам погибель мужей я не стану,
как ни ужасна она, — воспомню о собственной скорби:
220 русый Кидон, о тебе, о тебе, до плеч разметавший
длинные кудри Креней, молочный брат мой, иного
отпрыск отца, и о том, как храбрый, кого я боялась,
Гилас, о суженый мой, как ты, Мирмидоной кровавой
раненый, рухнул, и как, меж венков услаждаясь на ложе,
был ты пронзен, Эпопей, родительницей одичавшей.
Плачет Ликаста-сестра над Кидимом единолетним:
и, безоружна, глядит на черты обреченные, с нею
схожие, и на ланит румянец, на кудри, что златом
сколоты ею; а мать, свирепо сразившая мужа,
230 рядом стоит, и деве грозит, и меч ей вручает.
Но — словно зверь, что, забыв при кротком хозяине ярость,

в ход не пускает клыки и под плетью и градом ударов
к прежней породе своей вернуться не хочет, — так дева,
пав на лежащего, ток на груди ощущает кровавый
и, растрепав волоса, зажимает свежие раны.
Стоило мне увидать Алкимиду, несущую отчий
обезображенный труп, бормотавший еще, и несытый
кровью клинок, — власы поднялись, и неистовый в сердце
ужас проник: представилось мне, что могу я Фоанта
дланью своей умертвить. В отцовский покой, обезумев,
я ворвалась, где давно — до сна ли великой заботой
полному? — он одиноко гадал, хоть был и не в самом
городе дом, — кто это шумит, кто ночью грохочет,
чем взбудоражена тьма? — Сбиваясь, ему злодеянье,
скорбь излагаю и гнев: "Сдержать безумных — нет силы, —
следуй, несчастный, за мной: помедлишь, — настигнут, захватят,
сгибнешь, а следом — и я". — Рассказом взволнован, поднялся
с ложа отец, и мы понеслись по проулкам пустого
града и всюду ночных убийств огромные груды
видели, после же — тех, которых в рощах священных
вечер жестокий простер, а сами — во тьме укрывались.
В ложе вдавились лицом одни, у других — рукояти
в персях пронзенных торчат и копий сломившихся древки,
там — разодранные мечами одежды на трупах.
Чаши лежат на боку, убийством залиты яства;
и у того, кто жаждой горел, из пронзенного горла
с кровью смешавшийся Вакх стекал в осушенный кубок.
Там отряды юнцов, и неподлежащих оружью
старцев толпа, и живые еще, лежащие поверх
отчих стонущих уст, младенцы со всхлипом предсмертным<
дух испускали. Такой свирепостью хладная Осса
не веселит Лапифов пиры[28]: коль тучерожденных[29]
выпитое вино распалит, — чуть кто побледнеет
в гневе, как тут же, столы опрокинув, бросаются в битву..
Только тогда Фионей себя объявил устрашенным,
в сумраке ночи принес Фоанту в опасности крайней.
помощь и вдруг возблистал в сиянии многолучистом.
Деда узнала[30]: чело у него от венков воздымалось,
и не сорвал он с волос золотистые винные грозди;
мрачный, с текущей из глаз ему непривычною влагой,
так он сказал: "О сын, пока тебе судьбы давали

Лемнос владычный хранить и держать племена в устрашенье
внешние, — я никогда не бежал от законной заботы.
Но обрезают теперь суровые Парки жестоко
нити, и речью — мольбы пред Юпитером многие тщетно
я изливал — и рыданьями мне беду отодвинуть
не удалось: почтил несказанной он почестью дочерь[31].
С бегством спешите, и ты, моя достойная отрасль,
дева, отца проведи, где вал двойною стеною
к берегу сходит, а в тех, что спокойными мнятся, воротах,
смертью Венера грозит и, мечом обвязавшись, безумных
гонит — откуда в ней мощь, и откуда сей марсов в богине
пыл? — Поручи же отца простору глубокого моря, —
далее — я помогу". — Промолвил и вновь растворился
в воздухе, но освещал, виднеясь во тьме обступившей,
нам, милосердный, тропу полосой протянувшейся света.
Знаменью вслед поспешив, сокрытого в древе долбленом[32]
моря и ветра богам, Эгеону, в объятьях Киклады
сжавшему, я доверяю отца: взаимным рыданьям
не было меры, пока не согнал с восточного неба
Люцифер звезды. Тогда, наконец, с прибрежьем гремящим, —
многого в мыслях боясь, но все же доверясь Лиэю, —
я расстаюсь и силюсь идти, но тоска — возвращает
вспять, и спокойствия нет: слежу за поднявшимся в небе
ветром и взглядом к волнам с вершины холма устремляюсь.
И наступил постыдный рассвет. Небеса распахнувший
пламень за Лемносом встал, и Титан, укрывая запряжку
тучею, не дал коням закатиться. Открылось ночное
буйство, — от страха во всех — хоть и были равны — но родился
пред наступающим днем неожиданный стыд: злодеянье
гнусное прячут в земле и в огне сожигают поспешном.
И Эвмениды уже, и Венера бежали насытясь,
из покоренных твердынь; и можно, свершенное видя,
копны волос растрепать и очи наполнить слезами.
Остров, обильный землей, достатком, оружьем, мужами,
и знаменит, и богат вчерашней победою гетской,
не от набегов морских, иль врагов, иль злобного неба
осиротел, но себя погубил, подрезав под корень
жителей всех: ни в поле мужи, ни в море не выйдут,
и позамолкли дома, всё залито кровью, всё рдеет
сукровицею густой, — в стенах великого града —

мы лишь одни да маны в домах свирепостью дышат.
Я же в жилище своем, в домашнем святилище строю
мощный костер, на него — отцовы скипетр, доспехи
и облаченье царя, знакомые всем, водружаю;
после возле костра у огней разметавшихся стоя
скорбно с кровавым мечом, над обманным огнем погребенья —
в страхе, что могут застичь, — воплю и молю, чтобы не был
вещим обряд для отца, чтоб смерти угрозы исчезли.
И по заслугам моим[33] — поскольку я веру внушила
хитростью ложной вины — мне отдали (о наказанье!)
царство и отчий престол. Мне б их настоянья отвергнуть,
я ж — уступила, богов и в верности клятвой заверив,
и в неповинных руках. Ужасный удел: мне досталась
силы лишенная власть и горестный Лемнос безглавый.
Больше и больше меж тем скорбь чувства бессонные давит,
явственней стоны слышны, и все ненавистней Поликсо,
и вспоминают уже о свершенном злодействе, и манам
строят уже алтари и к могильному праху взывают.
Так, когда задерет вожака и заступника стада,
пастбищ опекуна и славу растущей породы,
враг из массильских песков, — оцепеневают телицы;
скот без главы понурясь идет, о правителе павшем
поле само, и ручьи, и безгласое сетует стадо[34].
Но, разрезая простор острием золоченым, из далей
девственных моря — сосна пелионская[35] близится гостьей:
к брегу минийцы грядут, вдоль крепких бортов раздается
сдвоенный плеск, — поверишь, плывет Ортигия[36], с корня
сорванная, иль скала, обвалившись, свергается в море.
Стоило весла поднять, — и гладь умолкла морская:
вдруг — нежней лебедей отходящих и фебова плектра —
голос раздался с кормы, и море — само уступало
днищу. И только потом мы узнали: тогда, прислонившись
к мачте, Эагров Орфей запел и, гребцов прерывая
песнею, им позабыть о трудах необъятных позволил.
К скифскому путь их лежал Борею и к берегу моря
ближнего меж Кианей. А мы, увидав и сочтя их
войском фракийцев, к домам побежали с гомоном пестрым, —
обившимся тесно стадам или снявшимся птицам подобны.
Где наша ярость теперь? На крепость и сжавшие берег
стены, с которых видны открытые дали морские,

мы поднялись и на башни взошли; каменья и колья,
мужеский скорбный доспех и мечи, осквернённые кровью,
жены несут, трепеща, — им даже покрытые пылью
панцырей кровы надеть не стыдно и шлем — на ланиты
нежные. Храбрым дивясь отрядам, зарделась Паллада,
и засмеялся Градив с вершин супротивного Гема.
В душах исчезло тогда впервые крутое безумье, —
им показалось: грядет не судно морское, но волны
360 позднюю правду богов и казнь преступлений приносят.
Те отстояли от нас всего на полет гортинийских
жал[37], — но Юпитер воздвиг и навлек тяжелую тучу
с синим дождем на самую снасть пеласгийского судна.
Воды ужас объял, и всякого света лишенный
день растворился во тьме, немедленно свет угасившей
моря; а ветр налетел, раздирая набухшие тучи,
пену срывая с волны; размывами черными влажный
брег отступал, а простор, в боренье враждующих Нотов
встав и хребет изогнув, уже возле самых созвездий
370 рушился и налетал не раз на нетвердое судно
и содрогал выступающий ростр в глубокой пучине,
или Тритона вздымал к небесам[38]. Героям их сила —
полубогам — не может помочь: безумная, хлещет
мачта корму и касается вод клокотавших, нестойким
грузом кренясь, и в грудь ударяют ненужные весла.
Также и мы — и со скал, и со всех городских укреплений —
на истомленных мужей, поборающих волны и Австры,
слабых усильем рамен рассеваем скользящие стрелы
(как поднималась рука?) — на Пелея и на Теламона,
380 даже тиринфский герой был целью нашего лука.
Терпят ныне они от войны, а не только от моря:
часть укрепляет ладью щитами, другие стремятся
вычерпать воду, в борьбу устремляются третьи, но тело —
сковано качкой, и нет напора в колеблемых мышцах.
Мы же им россыпью стрел угрожаем, и ливень железный
рвется из туч, а копейная мощь и разбитые глыбы,
жала и частый огонь, несомый косматой стрелою[39], —
то между волн, то в корму попадают: обитое судно
треск издает, и гудят над раздельными недрами доски.
390 Так Юпитер сечет снегопадом гиперборейским[40]
зелень полей, и в лугах погибает звериное племя,

падают птицы с небес, урожай полегает под коркой
льда, и грохочут в горах обвалы, и реки ярятся.
Но — лишь рассек облака Юпитером пущенный мощным
горний огонь и на миг явил мореходов могучих, —
оцепенела душа, из рук, обессиленных страхом,
падает чуждый снаряд, и пол возвращается в души[41].
Вот Эакидов мы зрим, и Анкея, грозящего мощно
стенам, и дальним копьем разящего кручи Ифита;
и, возвышаясь, стоял над смятенным отрядом приметный
Амфитрониад, отягчающих поочередно
судно с обеих сторон и в самые рвущийся волны.
Легкий и бедственной мне еще незнакомый Иасон
между гребцовских скамей, и меж весел, и спин заклейменных[42]
то необорного звал Ойнида, то в Ида с Талаем
бодрость вселял, то к двоим обращался забрызганным пеной
моря седой Тиндаридам, просил — и криком, и знаком, —
чтобы Калаис под тучей Отца леденящего с мачты
парус убрал.[43] Одни поражали ударами море,
стены — другие: одним не сдавались пенные воды,
и возвращались к другим от башен меткие копья.
Тяжесть соленой волны и невнемлющее кормовое
Тифис весло усмирял и приказы частые, бледный,
слал и то с правой волной, то с левою сталкивал судно,
жаждущее налететь на кораблекрушащие скалы.
Встав тогда на самом краю, Эсоном рожденный[44]
древа палладина ветвь[45] — красу прорицателя Мопса —
поднял, прося перемирья у нас, хотя запрещали
спутники. Голос его подхватила безумная буря.
Смолкло оружие вдруг, и вместе — угасшее пламя
стихло, и выглянул день с разведрившегося Олимпа.
Те же, числом пятьдесят, привязав как следует судно,
издали сильным прыжком на неведомый прыгают берег —
мощных отцов и честь, и краса; их ясные лики
можно уже опознать, поскольку с чела убежали
гнев и смятение. Так летят из ворот сокровенных
боги[46], как молвят, когда на брег и в дома им любезно
красных вступить эфиопов для их пиров невеликих:
Реки и Горы дают им место, Земля же гордится
поступью их, и тогда небодержец-Атлант отдыхает.

Из Марафона, что стал лишь недавно свободен[47], Тесея
гордого зрим и детей аквилоновых — братьев исмароких,
оба у коих виска пером рудожелтым звенели;
рядом — Адмета (он был отпущен без негодованья
Фебом), а там и Орфей, на фракийца ничуть непохожий,
и калидонская ветвь — подводного старца Нерея
зять[48]. И обманом двойным близнецы Эбалиды смущали
взоры: хламида на том, и на этом сверкает хламида,
оба несут по копью, у обоих открытые плечи,
440 оба еще без бород и звездой одинаковой блещут[49].
Выступил дерзостно в путь и вослед Геркулесу стремился
мощному (еле за ним бегом поспевая, поскольку
тяжкою ноша была) несущий лернейское бремя[50]
Гилас и радостен был, под тулом огромным страдая.
Снова Венера тогда и Амор огнем потаенным
стали сердца лемниянок жечь. А царица Юнона
вид и оружье мужей и знаки преславной породы
в души внедряла. Гостям вперебой одни за другими
все открывались дома. И уже загорелся алтарный
450 первый огонь, и пришло забвение мук несказанных:
ныне пиры, и блаженная лень, и покойные ночи —
думаю, что не без воли богов, — нам стали угодны.
Может быть, вам, о вожди, о простительном роке проступка
хочется знать моего, — клянусь и прахом, и гневом
близких: ни воля, ни страсть меня не влекла иноземных
браков вкусить — так хотелось богам, а Иасону любо
новых путами дев оплетать; он ныне кровавый
Фасис присвоил себе и колхидского похоть отродья[51].
Звезды сбросили лед и уже согревались под долгим
460 солнцем, и вспять стремительный год уже возвращался,
как появился приплод: по молитвам отверзлись утробы,
и неожиданными огласился питомцами Лемнос.
Двойню и я родила — о ложе насильственном память —
и одному из двоих, не в угоду суровому гостю,
дедово имя дала[52]; мне неведома брошенных мною
доля, — а им по четыре теперь пятилетия полных,
ежели милостив рок и вскормить их склонилась Ликаста.
Пыл у супруга угас; уже призывает кротчайший
Австр паруса, и само ненавидит судно задержку

в гавани тихой и рвет со скалы супротивной причалы.
К бегству минийцы зовут, и друзей призывает Иасон, —
лучше б, безжалостный, он берегов моих мимо прямою
гладью проплыл, для кого не дОроги дети родные
и обещанья — ничто: до самых далеких народов
слава дошла, что Фрикса руно из-за моря вернулось[53].
Свет над водою померк и погоду грядущую Тифис
по багрецу распознал почивален закатного Феба.
Снова рыданья, увы, и ночь невозвратная снова!
Стоило дню проглянуть, как судну гордый Иасон
плыть повелел, и гребцы понт первым хлестнули ударом.
Мы же со скал и с вершины холма высочайшей за ними,
веслами пенный хребет ударявшими глади глубокой,
взглядом следили, пока догонявших очей не ослабил :
свет и не начал сливать просторные дали со сводом,
крайнею неба чертой утесняя морское волненье.
В город молва пробралась: Фоант, переплывший глубины,
Хиосом братственным днесь владеет, и я — неповинна,
ибо пылал порожний костер. Нечестивые толпы,
вспыхнув под плетью вины, шумят и взывают к отмщенью.
Черни уже голоса, хоронясь, все чаще звучали:
"Верность родным — лишь у ней? А нам — по убитым веселье?
Бог и судьба — ни при чем? — Так зачем ей преступными
править?" —
С этих речей ни жива, ни мертва (а близилась злая
кара, и царский престол опостылел), — одна устремляюсь
к зыбкому брегу тайком и гиблые стены бросаю,
бегство отцово избрав. Но мне не способствовал Эван,
ибо, нагрянув, меня отряд разбойный похитил
и молчаливой привез рабою в области ваши".
Вот что лернейским царям беглянка лемносская в слове
воспроизводит, и боль утоляет жалобой долгой, —
и о питомце своем — так боги внушили — не помнит.
Он тяжелеющий взор и лик разомлевший роняет
в пышную зелень, устав от забот младенческих долгих,
и засыпает, в траву ладошку зажатуто свесив.
А между тем — ахейских дубрав устрашитель священный —
змей[54] земнородный в лугах появился и ходом свободным
влек громаду свою, оставляя себя за спиною.
Тускло пылают глаза[55], пасть пенится ядом зеленым,

бьется трехжальный язык, тройным изогнуты строем
зубы и лоб золотой выдается красою свирепой.
У инахийцев он слыл Громовержца священною тварью,
коего эти места в лесных святилищах скудно
жертвами чтили. Скользя убегающим кругом, то храмы
божии змей обвивал[56], то дубы злосчастного леса
скреб, то, обняв, истончал стволы у ясеней мощных;
часто, сплошною грядой брега смыкая речные,
он возлегал, и вздымался поток, чешуей прегражденный.
Ныне, когда и земля по приказам огигова бога[57]
вся задыхалась, и в прах пугливые прятались нимфы, —
грозным изломом боков продвигая волнистую спину,
полз он и, пыша огнем, лютовал от твердевшего яда[58].
Меж опаленных болот, и озер, и ручьев пересохших
вился и тщетно блуждал в речных пустующих руслах,
или, не помня себя, лизал расплавленный воздух,
пастью отверстой дыша, и, скребя стонавшую пашню,
к самой земле приникал: не хранится ли влага в зеленом
поле. Но там, где травы раскаленные вздохи касались[59],
зелень сгорала, и луг умирал под шипящею пастью.
Так разделяет эфир Дракон[60], от арктийских повозок
вплоть до самих доходя в чужом полушарии Нотов.
Так и другой, отроги обвив святого Парнаса[61],
змей содрогал их, пока, тобою, Делосец, пронзенный,
на изъязвленной спине не вместил стрелоствольного леса.
Бедный младенец, почто исключительной участи бремя
дал тебе бог, враждебностью чьей на первом пороге
жизни своей ты сражен? — Отныне навеки для греков
будешь священ и умрешь, удостоенный славной могилы.
Ты погибаешь, дитя, без ведома змея — сраженный
взмахом хвоста: тотчас же дрема покинула члены,
и на мгновенье глаза — чтобы смерть увидать —
приоткрылись.
Но умирающий плач едва раздается над лугом
и в пораженных устах оборванной жалобой молкнет
(так в сновиденье порой смолкают, не кончившись, речи), —
вмиг Гипсипила, его услыхав, обмирает, торопит
бег обессиленных ног и, всюду бросаясь, пытает
взглядами землю, зовет, вотще повторяет младенцу

ведомых слов череду: но нет его, — поле лишилось
сочной травы, возлежит, в ядовитые кольца свернувшись,
враг неподвижный, собой заполняя пространную площадь
даже и так, — уложив на утробе изогнутой шею.
Лес, злодейство узрев, задрожал и вспыхнул, услышав
возглас протяжный, а змей им не был испуган нимало
и возлежал. Но сразил аргосские уши истошный
вопль: по знаку вождя немедленно конник аркадский
ринулся и доложил о причине. — Оружье сверкает,
войско шумит, — лишь тогда свирепый чешуйчатой шеей
двинул. В ответ ухватил могучим усилием глыбу[62] —
знак межевой — и ее пустил в пустое пространство
яростный Гиппомедонт: с подобною силой в сраженье
мощные камни, летя, поражают ворот укрепленья.
Тщетна доблесть вождя[63], ибо змей отклоняется гибкой
шеей назад и легко избегает грозящей громады.
И загудела земля, и гул отразили густые
чащи лесов. "Но зато от моих, — Капаней восклицает,
с ясеневым копьем навстречу бросаясь, — не сможешь
ран убежать, — жилец ли ты злой устрашающей рощи,
или богов — о если б богов! — законная радость, —
даже когда бы ты нес Гиганта, который с тобою
сросся[64]". — Копье, трепеща, летит и входит в отверстый
чудища зев, языка трехжального узел пронзает,
и над торчащим хохлом — главы блестящим отличьем —
дрогнув и соком насквозь пропитавшись черного мозга,
входит в толщу земли. Едва лишь боль охватила
долгая каждый сустав, — как змей стремительным кругом
дрот обежал и, вырвав, унес в потаенные божьи
храмы и здесь, бременя великою тяжестью землю,
жалобный дух испустил на алтарь своего господина[65].
Вами оплакан он был, раздраженная родственной Лерны
топь и весною цветы рассыпать привычные Нимфы;
полем немейским, где он проползал не однажды, и вами,
о поселенцы лесов и тростник преломившие Фавны[66].
Сам от эфирных высот тогда же потребовал было
дротов Юпитер: уже облака и тучи сходились,
но — невелик был гнев божества и для дротов мощнейших
он Капанея хранил; лишь от молнии брошенной ветер

вдруг налетел и ему опалил оперенье шелома.
Только змея уползла, как лемниянка все обежала
поле, несчастная; вдруг, побледнев, на холме невысоком
590 издали видит траву, окропленную каплями крови.
Бег устремляет туда, обезумев в тоске несказанной,
и преступление зрит, — на землю гиблую рухнув,
словно перун, ни слов над недавней добычею смерти
не проронила, ни слез: лишь горькие множит лобзанья
и, обнимая дитя, души живое биенье
жаждет найти. Но ни лик, ни грудь не остались целы,
содрана кожа, видны некрепкие кости, суставы
детская кровь залила, младенец — рана сплошная.
Так, когда разорит гнездо и потомство летуньи
600 медленный змей[67], заползший на дуб с густою листвою,
та, возвратись, тишине беспокойного дома дивится
и замирает над ним, и из клюва, сведенного скорбью,
собранный корм уронив, одну лишь видит на древе
кровь и разбросанные по жилищу плетеному перья.
Только когда прижала к груди останки младенца,
бедная, и оплела их прядями, — голос страданью
путь лишь тогда проложил, и в слове вылились стоны:
"О, обездоленной мне сыновей моих сладостный образ,
о Архемор, для меня, отчизны лишенной, утеха,
610 рабской судьбины краса! Почто, моя радость, сгубили
злобные боги тебя? С тобой, уходя, я рассталась
только что: был ты резов и ползал, траву приминая.
Где ж твой сияющий лик? Слова, с которыми голос
сладить еще не умел? И смех, и мне лишь понятный
лепет? А сколько же я про Арго и про Лемнос рассказов
пересказала тебе, баюкая жалобой долгой!
Так утоляя печаль, уже я младенца питала
из материнских сосцов, молока сиротливого горький
дождь на раны твои изливающих ныне напрасно.
620 Знаю: то — воля богов. О ужасного сна предсказанье,
страхи ночные; ведь мне — как всегда, грозящий бедою —
призрак Венеры предстал… Однако виновны ли боги?
Я ль не сама — для; чего признанья страшиться пред смертью? —
бросила судьбам тебя… — но каким же безумьем влекома?
Так ли забывчива я, чтоб забыть о толикой заботе?
Отчие беды пока я вещала, любуясь корнями

славы своей — благочестьем своим и верностью вящей! —
Лемнос, тебе заплатила я дань! Где змей смертоносный, —
молвите мне, о вожди, в благодарность за злую услугу
630 и за рассказ! Или сами меня сразите железом,
чтобы скорбящих господ не пришлось мне увидеть, врагине,
и Эвридики, дитя потерявшей, — пусть мне и не меньше
больно, чем .ей. Но это ль сложу злополучное бремя
к ней на колени? Меня подземные глуби ужели
прежде не скроют?" — Сказав, с осквернеными перстью и кровью
ликом, она вкруг великих царей неотступно металась,
молча печальных прося расплатиться с нею за воду.
Мигом внезапный под кров Ликурга-священнодея[68]
вестник приспел и жреца и жилище наполнил слезами.
640 Жрец же с вершины святой персеевой кручи[69] вернулся,
где, рассмотрев, он принес Громовержцу сердитому жертвы,
а возвращаясь, главу поражал, ради недр разъяренных[70].
Оный себя охранял от участья в аргосском походе:
сам он пылал, но держали его обряды и храмы. ,
Он не забыл ответы богов и остереженья ,.
давние, помнил и глас, из священных глубин прозвучавший:
"Первым, Ликург, тебе погребать в диркейском сраженье".
Этим тревожась, крушась пропылившим поблизости Марсом,
он устыжался трубы и в поход обреченный стремился.
650 Тут — да спасут небеса! — приносит фоантова дочерь[71]
(и провожатые с ней) останки, а мать — им навстречу,
женщин толпу с собою ведя и плакальщиц стаю.
Но не ослабила боль могучего духом Ликурга:
он устоял пред бедой, и слезы отцовы безумный
гнев иссушил. По ниве спеша стремительным шагом,
так он вопил: "Но где же она, для которой ничтожна
крови погибель моей и отрадна? — Все Лемноса басни,
и об отце, и о том, что род у гордячки божествен, —
660 все позабудет". — Он шел и готовился к скорой расправе,
в ярости выхватив меч. Но отпрыск ойнеев[72] навстречу
мощную грудь устремил и выставил щит, и при этом
зубы со скрежетом сжал: "Сей гнев удержи, о безумный,
кто бы ты ни был". — А с ним — Капаней, и с мечом отведенным
—

яростный Гиппомедонт, и Партенопей — с занесенным, —
и ослепили они великим юношу блеском.
Но за царя — толпа поселян. Адраст — между ними,
кроткий, и Амфиарай — за ним, положась на посредство
повязи мирной, сказал: "Не надо! Мечи уберите:
кровь наших дедов — одна; прошу, не потворствуйте гневу,
первый же — ты!" — Но, пыл не смирив, Тидей возражает:
"Ты ли дерзаешь вождя и спасительницу инахидов
перед глазами у столь многочисленных неблагодарных
ныне закласть на холме, толикую гибель отмщая, —
царскую дочь, чей родитель — Фоант, а сияющий Эван —
дед? Но ты ли не трус? Ведь твои племена отовсюду
к битве стеклись, и лишь ты меж отрядов, свирепостью полных,
в мире живешь. — И живи, и тебя да застанет победа
греков — над этим холмом о своем стенящегб роке".
Кончил, а тот, наконец, смиряя свой гнев и смягчаясь,
так говорит: "Я не ждал, чтоб вы — словно к стенам фиванским —
ныне враждебными мне полками сюда подступили.
Так начинайте губить союзную, коли вам в радость,
кровь, чтобы дома клинки напитались; Юпитера храмы,
ныне ненужные, огнь — все дозволено! — гнусный да сгубит, —
коль учинить над дешевой рабой расправу задумал,
скорбью великой тесним, ее господин и владыка.
Оное зрит правитель богов, он зрит, и дерзнувших
позднее пусть, но найдет наказанье". — Промолвил и к башням
взор устремляет. А там — иная великая схватка
кровлям грозит: обошли летучую конников стаю
свежие слухи, объяв крылами двойное смятенье.
Те говорят, что казнь ей грозит, другие — что смерти
(и по заслугам) уже предана Гипсипила, и верят,
гневом полны; и с огнем и с оружьем стремятся к пенатам,
царство разрушить грозят, захватив, уничтожить Ликурга,
с ниш — и Юпитера храм. Огласились криками женщин
здания, и, отступив, обернулось страдание страхом.
Но, возвышаясь, Адраст на запряжке своей крылоногой
вез фоантову дочь на показ бушевавшему войску,
ехал отрядов среди и "Уймитесь, уймитесь" — кричал им, —
"Страшного не свершено; Ликург же изничтоженья
не заслужил, — вот она, нашедшая ток драгоценный".
Так, если моря простор возмутят супротивные ветры,

вместе и Эвр, и Борей, и Австр, от гроз почерневший, —
день отступает, царит ураган; но если пучинный
царь, возвышаясь, грядет на конях, и Тритон при поводьях
пенных, двуликий[73], трубит широко над сникающей бурей, —
снова Фетида ровна, и растут утесы и берег.
Кто из богов, по великой мольбе призрев на утрату,
слезы решил возместить и вернул Гипсипиле скорбящей
радость нежданную? — Ты, о Эван, породы зиждитель,
ты, что в Немею привел с лемносского берега взятых
оной обоих сынов и готовил предивные судьбы.
Мать прогоняет рабу: под кров неприветный Ликурга
доступа нет для нее с тех пор, как владыке злосчастный
вестник донес, что младенец погиб от чудовищной раны.
Спутники тут подошли (о случай, о к будущим наша
дням слепота!) и внимали царю; но только до слуха
Лемнос дошел, и Фоант прозвучал, — сквозь копья и длани
бросились оба и мать заключили в объятиях жадных,
и зарыдали, и к ней то один, то другой приникали.
Та же — словно скала, не пошелохнувшись, стояла
и не дерзала богам, очевидно вмешавшимся, верить.
Но — при виде их лиц и знаков Арго на наследном
вооруженье (к тому ж на плечах у них вышит Иасон) —
горе ушло, и она толиким сраженная счастьем,
рухнула, и от иных увлажнилися очи рыданий.
Знаки явил небосвод: раздавшись радостным гулом,
божий бубны и медь в налетевшем грянули ветре.
Тут благочестиый Эклид — как только смягченная ярость
угомонила людей и слух благосклонный отверзла:
"Вождь Немей[74] и вы, инахиды мощи отборной,
слушайте, что нам свершить Аполлон указует неложно.
Эта великая скорбь на аргосцев обрушилась ныне
не без причины: тропой неслучайною Парки приходят.
Жажда виною ручьев пересохших, и змей смертоносный.
и Архемор, чье имя, увы, на наш указует
рок, — все это — богов попущенье высоких и высших
замыслов ход: сдержите же гнев и поспешные стрелы
спрячьте. — Младенцу воздать долговечные почести должно, —
он заслужил. Что ж, доблесть, сверши возлиянья благие
манам его! О, если бы Феб поболе задержек
нам учинил, и все новые нам приключенья мешали

в битву вступить, и навек смертоносные Фивы исчезли!
Вы же, великих отцов превзошедшие долю счастливцы,
имя которых отсель в веках сохранится, покуда
Лерны не высохнет топь, не иссякнет Инах-родитель,
не перестанет бросать Немея трепещущей тени, —
750 плачами не оскверняйте святынь, о богах не рыдайте:
ибо он бог, он — бог, — и его ни пилосская старость[75]
не привлекла бы, ни рок, долголетья фригийского[76] больший".
Кончил, и ночь облекла небосвод пространней тенью.

КНИГА VI

Вестницей по городам данайским стопой многостранной
мчится молва: инахиды хотят на свежей могиле
празднества чин[1] учредить, и с ним — состязания, чтобы
марсова доблесть могла перед битвою воспламениться.
Греков обычай таков: впервые на нивах пизанских[2]
сим состязаньем почтил Пелопа Алкид благочестный
и запыленную прядь очистил оливою дикой.
Следом — освобождена от объятий змеи[3] — ликовала
ради ребяческих битв аполлонова лука[4] Фокида.
Также печальных вблизи алтарей Палемона блюдется
мрачный обряд[5]: здесь из года в год Левкотея рыдает
пылкая и к берегам дружелюбным является в пору
праздника[6]; горестно с ней восклицает тогда обоюдный
Истм, и вторят ему эхионовы Фивы рыданьем.
Мощные ныне цари, каковыми питомцами Аргос
с небом в родстве и чьи имена великие шепчет
и Аонийский предел, и матери крови тирийской, —
сходятся в споре и в бой обнаженную силу выводят.
Так и биремы, решась по неведомым далям впервые
то ли тирренскую глубь[7], то ль эгейские воды разрезать, —
прежде в недвижной воде оснашенье пытают, кормило,
легкие весла и так наперед изучают опасность;
но лишь испытан отряд, тогда — в морские просторы
рвутся и взглядом уже покинутой суши не ищут.
Трудолюбивый возок Тифония светлая в небо
вывела, и от него бессонная бледной богини
упряжь бежит, а с нею и Сон об исчерпанном роге.
Воплями полны пути[8], раздаются рыданья в чертогах
царских, и чаща лесов дробит отдаленные звуки
и умножает. Сидит, плетенья почетных повязок
сбросив[9], родитель Ликург, — по обезображенным льются
слезы щекам, и клочья брады — в пыли погребальной[10]
Горестней насупротив, превзошедшая мужнины стоны
(строгий служанкам пример, поощрение благоизвольным),
осиротевшая мать[11] к останкам растерзанным сына

жаждет припасть, но ее что ни раз, оторвав, отстраняют.
Держит ее и отец. — Едва на порог огорченный
с должною скорбью в лице ступили вожди инахийцев[12], —
тут же, словно беда теперь лишь стряслась и младенец
только что сгублен, а змей погибельный в атрий вползает, —
так, отовсюду несясь, из уст — хотя и усталых —
вопли удвоились вдруг, и вспыхнули возобновленным
криком врата, а в царе не приметить не могут пеласги
ненависти, но, слезы пролив, вину искупают.
Сам — всякий раз, как ему позволяли и, вопль прерывая,
дом, замерев, умолкал, — отца ободрять принимался
речью утешной Адраст[13], то с ним рассуждая о роке,
горьком уделе людей и прядильщицах неумолимых,
то о потомстве ином и грядущих — благим изволеньем —
детях. Речам — не видно конца, рыданьям — предела.
Но не участливей тот дружелюбным призывам внимает,
нежели злобный простор Ионийского бурного моря
внемлет молитвам мужей, а молния — тучам летучим.
Скорбным убором ветвей молодых кипариса покрылись
ложе, добыча огня[14], и младенческие носилки,
устланные изнутри луговины зеленым нарядом.
Место, где будут сжигать, означают венки травяные,
а разукрашен костер обреченными смерти цветами;
третий же ряд, громоздясь, вздымается грудой арабской,
средства Востока в себе заключающей: смолы кусками
древние и киннамон, от времен сохраняемый Бела[15].
Златом навершье гремит, и высится пурпуром тирским
выступ его некрутой[16]: самоцветы резные повсюду
свет излучают, и Лин[17] меж листьев аканфовых вышит,
и смертоносные псы, — чудесной работы боялась
издавна матерь и взгляд отвращала от знаменья злого.
Слава с бедой пополам и гордость скорбящего дома
расположили вокруг оружье и предков доспехи, —
словно несут хоронить великую силу и тело
мощное сжечь предстоит: пустая и тщетная, скорбных
тешит молва, и по смерти растут невеликие маны[18].
Здесь и безмерных почет рыданий, и скорбная радость
несообразно летам приношения жертвуют праху.
Ибо ему посвятил и тул, и короткие копья

ранее срока отец, а также — безвинные стрелы
(а на лугах он уже отменной породы отборных
ради него лошадей выпасал), и пояс звенящий,
и предназначенное для мышцы мощнейшей оружье.
[В жадной надежде каких во имя его не потщилась
матерь одежд взгромоздить? — И пурпурное облаченье —
царский наряд, и скиптр, — она ничего не жалеет,
буйная, мрачным огням; и свои принесла бы уборы,
если б сей жертвой могла свирепое горе насытить.]
А в отдаленье — жреца указаньям[20] послушное войско
в самое небо костер, леса вырубая и руша, —
гору на вид — спешит возвести[19], да сожжет он провинность
змееубийства и грех несказанный войны злополучной[21].
[Оных труды — Немею срубать, и Темпейской долины
чащу густую валить и рощи раскрыть перед Фебом.]
Лес, который не знал топора, внезапно простерся
древней листвой, — а его обильнее не было тенью:
он выдавался весьма меж аргосских лесов и ликейских
и головою до звезд возносился, священный, являя
старости образ[22]. Своей долговечностью лес, по рассказам,
превосходил не дедов одних, но Нимф и народы
Фавнов сменил, пережив[23]. Подступала жалкая гибель
к роще: бежало зверье, и с насиженных гнезд улетали
птицы, — гнала их боязнь. Вот бук повалился высокий,
строй хаонийских дерев, кипарис, зиме неподвластный[24];
падают сосны огню высочайшему на прокормленье,
падубы, илика ствол, ядовитым соком опасный
тис[25] и готовый войны изобильною кровью напиться[26]
ясень и дуб вековой, неодолеваемый гнилью.
Здесь же и дерзкую ель[27], и сосну с духовитою раной
рубят, а рядом ольха, подруга прибоя, склоняет
долу нестриженый верх, и вяз, лозе невраждебный[28].
Стоны земля издает[29], — говорят, Исмар не бывает
столь разоренным, когда выскользает Борей из пещеры;
рощи разит не быстрей под натиском Нота ночное
пламя; — рыдая, покой излюбленных место покидают
Палее, и древний Сильван — тенистого леса хранитель,
и полускот-полубог; провожают изгнанников стоном
рощи, и Нимфы — стволов не хотят выпускать из объятий.

То же бывает, когда отдает победителям жадным
крепость плененную вождь: лишь подал он знак, — и не сыщешь
города, — тащат, влекут, угоняют, уносят, не зная
меры, и грохот, с каким устремлялись в сражение, — меньше.
Равной красы алтари с одинаковым рвением были
этот — для скорбных теней, а тот возведен для бессмертных[30].
Тут застонала дуда — знак тягостный горя, которой
рогом кривым провожать бестелесные маны привычно
в скорбном фригийском ладу…[31] — Говорили, что найден Пелопом
сей погребальный обряд и напев, пригодный для меньших
теней, с которым от двух потерпевшая тулов Ниоба
перенесла на Сипил, каменея, двенадесять прахов.
Знатные греки несут в огонь погребальные жертвы[32],
каждый при этом свои приношенья почетные метит
надписью; и наконец — через долгое время — воздвигся
одр под яростный крик над выями юношей, коих
выбрал из множества вождь. Тогда окружила Ликурга
знати лернейской толпа, а более нежные толпы —
матерь, и воинский строй инахидов вокруг Гипсипилы
стал благодарной стеной, — сыны под багровые руки[33]
держат ее, извинив новонайденной матери слезы.
А Евридика, едва из хором злополучных выходит,
тут же из груди своей обнажившейся крик исторгает
и, убивался, так говорит после длительных воплей:
"Сын мой, не этой толпой окруженная жен арголидских
я бы идти за тобой предпочла, не эти начала
жизни твоей представлялися мне в мольбах неразумных,
и не ждала я беды: твой век невелик был, но все же
я отчего-то войны и Фив безотчетно боялась.
Кто из богов пожелал начать сражение с нашей
крови? Кто нашу беду пожертвовал войску?[34] — А в доме
Кадма тирийской толпой ни один не оплакан младенец!
Я принесла первины и слез, и утрат неурочных
ранее зова трубы и звона оружья, беспечно
преданной веря груди, на сосцы положившись чужие.
Но ведь она об отце говорила, спасенном уловкой,
что, мол, безвинна была. — Но кто же сочтет непричастной
к жертве губительной ту, и чистою от преступленья,

Лемнос объявшего, ту, которая — ей ли поверить? —
столь благочестна была, что бросила в поле пустынном
не господина, царя, а младенца, злодейка, чужого —
только всего! — на тропе оставила рощи зловещей,
коего даже не змей (о, зачем груз смерти толикой —
горе! — потребовался?), но всего только неба суровый
вздох, иль от ветра листва задрожавшая, иль беспричинный
страх могли погубить. Но вас обвинять я не стану[35]
в горе моем: лишь на ней, кормилице, грузом недвижным
это нечестье лежит… — А ведь ты к ней был более ласков,
сын мой, и только когда она позовет, откликался;
не признававший меня, ты и радости матери не дал.
Та же и пени твои, и смех твой плачевный, злодейка,
знала, и первой она срывала младенческий лепет.
Матерь — она для тебя, покуда ты жив оставался;
ныне же — я. И злоучастной, мне — ее по заслугам
казни предать не дано?! Зачем же дары и пустая
почесть костру? Нет, ее — только этого требуют тени! —
я умоляю, ее и праху, и мне, сокрушенной,
дайте, прошу вас, вожди ради первой сражения жертвы,
мною рожденной; и пусть огиговы матери стонут
так же, как я!" — И, власы растрепав, взывать продолжала:
"Дайте, молю; но меня ни жестокой, ни алчущей крови
не называйте: я с ней погибну, едва лишь насыщу
казнью заслуженной взор, — в единое ввергнемся пламя!"
Так вопияла она; но напротив себя Гипсипилу
стонущую (ни волос, ни груди та не щадила)
издалека увидав, — возмутилась сходственной скорбью:
"Вы, благородные, ты, пред кем распростерта надежда
нашего ложа, — сего не дозвольте: гоните от тела
прочь ненавистную! Как? Она ли с матерью скорбной
рядом встает и сама средь бедствий является наших?
[Ей ли рыдать, обнявшей сынов?" — рекла и внезапно
рухнула: оборвались в устах онемевших упреки.]
Если оторванного от первого млека теленка,
коего трепетна стать, чья жизнь — в сосцах материнских,
хищный ли зверь унесет, иль пастух — к алтарям беспощадным,
—
мать, лишившись его, то луга, то реку, то стадо
стоном смущает своим, то поля вопрошает пустые;

горько ей к дому брести: последнею с пастбищ печальных
тащится и, голодна, не глядит на встречные травы.
Гордые скиптр и убор Громовержца бросает родитель
сам в готовый костер и железом власы умеряет,
скрывшие спину и грудь, и лежащего лик невеликий
срезанной прядью прикрыв, речет, со святою мешая
речи слезой: "Не с таким тебе, вероломный, условьем
эти, Юпитер, власы посвящал я[36], о том умоляя,
чтобы позволил ты их в твой храм пожертвовать вместе
200 с первою сына брадой, — но ты жреца не услышал,
просьбы отверг; пусть же тень достойнейшая их получит!"
Первые ветви уже огонь охватил поднесенный, —
вскрикнули оба: тоска безумных родителей сжала.
Встав по приказу к костру и багры устремляя, данайцы
недозволительное от взоров зрелище скрыли[37].
Вспыхнуло пламя: пышней погребения прежде не зрели
эти края, — самоцветы трещат, серебряный ливень
хлынул, и пот золотой заструился с одежды расшитой;
и преобильно дрова ассирийской смолою сочатся,
210 и, загораясь, меды шипят поблёклым шафраном;
с пенным сосуды вином пролились и чудные чаши,
полные кровью густой и насильственно отнятым млеком.
Тут отряды (числом их семь, и конников в каждом
высится по сто) цари грекородные сами выводят[38]:
скорбно значки наклонив, костер объезжают по кругу
(слева, как должно), и огнь полыхающий пылью склоняют.
Трижды свершили объезд круговой, — гремят, ударяясь,
копья о копья: удар оружьем четырежды издан
грозный, четырежды вопль из груди прислужниц исторгнут.
220 Свежезакланных овец и быков неостывших другое
приняло пламя, — тогда предвещание скорби и новой
смерти велит отвратить пророк, хотя он и верно
ведал грядущее; те, потрясая копьями, вправо
кругом пошли, и часть своего снаряжения каждый
мечет в костер: поводья — один, другой погружает
перевязь в пламя, иль дрот, иль сень горделивого шлема.
[Хрипло запели в ответ многогласно стенящие пашни,
резкими звуками слух у округи рога поразили.
Рощу крик устрашил, — так трубный призыв вырывает
230 марсовы стяги: ни гнев не вспыхнул еще, ни железо

кровью не рдеет, — войны украшает обличив первой,
к чести взывая, труба, и покамест — во мгле непроглядной
кроется, чье предпочтет благосклонный оружие Маворс.]
Вот и конец[39]: пробегал истощившийся Мулькибер, тая
в пухлой золе, и, смиряя огонь, костры усыпляет
дождь проливной; но труды исчерпаны были, когда уж
солнце легло, — лишь пред позднею тьмой отступила забота.
Девятикратно уже по росе отпускала Денница
звезды с небес и, коня поменяв, до Луны подымалась
к ночи вечерней звездой, — созвездия ведают верно,
что в переменной чреде единственный светоч родится.
Диво, но труд завершен: встал храм громадою камня
не по младенцу велик. Являл причину созданья
изображений черед: Гипсипила данайцам усталым
здесь указует поток, здесь ползает жалкий младенец,
здесь он — лежит; чешуйчатый змей бороздою последней
холм окружает, — и ждешь: вот, мраморным древком проколот,
он извиваясь, издаст перед смертью шепот кровавый.
Жаден до зрелища битв невоинственных[40] люд возбужденный.
Всех созывает молва: приходят от стен и от пашен;
даже и те, для кого недоступны военные страхи,
коих исчерпанный век или юный в домах оставляет,
сходятся, — и никогда такая толпа не шумела
ни на эфирском брегу, ни на аномаевых играх.
Между холмами лежал, зеленой увенчан стеною,
дол в объятиях рощ[41]. Вокруг заросшие скалы
встали, а вал, супротив поднявшийся двух возвышений,
поле перегородил, но пространство его расширялось
долгого трав полосой и покатостью склонов в ложбинах,
коих подъем некрутой луговинами был оживляем.
Рать собралась и — едва на заре зарумянились пашни —
там разместилась, — тогда мужам во всеобщем смешенье
численность, облик своих и осанку оценивать было
сладко, поскольку такой веселит ожидание битвы.
Гонят туда медлительный строй — сто черных, опору
стада, быков и то же число такого же цвета
крав и телиц, над челом у которых рога не пробились.
Следом — извечный черед родителей, духом могучих,
вносят[42], — и в дивных они представлены образах были.
Первым тиринфский герой прижатого к персям могучим

льва, испускавшего дух, на груди своей раздирает.
Он хоть и медный, и свой, но взирать на него инахидов
ужас берет. А за ним непосредственно — Инах-родитель:
изображен на брегу, камышами заросшем, лежит он,
влево склоняясь, и льет из сосуда чеканного влагу.
Ио — следом за ним: приземленная — отчее горе! —
смотрит на Аргуса, чьи незакатны звездные взоры;
но на фаросской земле ее благосклонный Юпитер
поднял, и чтить начала Аврора гостеприимно.
Тантал-родитель за ней, — не тем, кто над влагой коварной
виснет и воздух пустой, а не лес отбегающий ловит,
но благочестным грядет Громовержца великого гостем.
Там — в колесничной борьбе победитель — поводья Нептуна
тянет Пелоп, и возничий Миртил повозки коснулся
зыбкой, и та — та уже отстает от оси летучей.
Грозный Акрисий за ним, и Кореб, ужасный обличьем;
следом — в повинной красе — Даная; грустит Амимона,
токи ручья обретя; Алкмена горда Геркулесом
маленьким, — волосы ей тройная Луна увенчала.
Не примирившись, свели десницы в союзе враждебном
братья-Белиды, но лик у Египта был более кротким,
а у Даная лицо очевидно собою являло
и вероломного знак перемирья, и ночи грядущей.
Тысячью ликов иных, наконец, насыщаются взоры, —
доблесть к наградам своим могучих мужей призывает.
Первыми спорить коням.[43] Назови же мне славных возничих,
Феб, и коней назови, — крылоногих породистей стая
не собиралась досель, и мнится, что сонмища птичьи
в беге летучем сошлись, иль словно на бреге едином
яростным ветрам Эол решил учредить состязанья.
Всех во главе — Арион, по огню узнаваемый гривы,
изжелта-красной, — ему родитель (коль древних преданье
верно) — Нептун. Говорят, он первый коня удилами
нежными ранил, его укротив на песчаном прибрежье
без примененья бича, — постольку в коне ненасытен
к бегу порыв, а буйство равно непогодному понту.
Часто он ширью ходил Ионической либо Ливийской
вместе с морскими впряжен конями, чтоб мигом доставить
к тем иль иным брегам отца голубого; и Тучи —
стыли, отстав, и стремились вдогон и Эвры, и Ноты.

Он и на суше потом аврисфеева ведшего битвы
Амфитрониада возил, луга разрывая,
даже пред ним норовист и к повиновенью не склонен.
Власти Адраста-царя позднее он был удостоен
даром богов и весьма приручился за долгие голы.
Зятю правитель тогда Полинику доверил поводья
и объяснил, почему конь буйствует и отчего он
кроток, — дабы не ярилась рука иль не бросила вольно
вожжи. "Других, — говорит, — поощряй и рожном, и угрозой;
320 этот пойдет, — сам захочешь унять". — Титан, огневые
сыну[44] вручая бразды и на быструю ось его ставя,
радостного обучал со слезами попарным созвездьям,
зонам, где мчаться нельзя, и меж полюсами срединной
области; был он и добр, и опасливо был осторожен,
но непреклонные внять не дозволили юноше Парки.
Амфиарай-великан эбалийских (надежду награды
верную) гонит коней, — от тебя понесенных украдкой,
Киллар, покамест, с тобой у скифского понта расставшись,
Кастор сменил на весло бразды амиклейской упряжки.[45]
330 Сам — белоснежен, ярмо белоснежное выи смиряет,
повязь жреца и шелом — под цвет белоснежному гребню.
Здесь и счастливец Адмет[46] с фессалийских брегов укрощает
не без труда холостых кобылиц, отродье Кентавров;
я полагаю, они — забыли свой пол, и Венера
полностью в мощь перешла; равно они свету и мраку
уподоблялись: белы, но с черными пятнами были;
черный и белый цвета таковы, что пошли бы и стаду,
кое при свисте дуды касталийской блаженно немеет
и не желает пастись, едва Аполлона услышит.
340 Иасониды тогда, Гипсипилы недавняя радость,
тоже на оси взошли, увлекаемый каждый своею.
Звался в честь деда один — Фоантом, другой же — Эвнеем,
в память Арго[47]. Все у них — близнецов — одинаково: лица,
кони, повозки, наряд; и молитвы их единодушны:
всех победить, а если отстать, так только от брата.
Хромий идет, а за ним Гипподам: посеян могучим
тот Геркулесом, а тот — Эномаем; чьи вожжи свирепей, —
трудно сказать: у того — диомедовы гетские кони[48],
сей на четверке отца пизанского; обе ужасны

сбруи, и лютая кровь на обеих спеклась колесницах.
Метами были у них: здесь — остов безжизненный дуба,
некогда — в буйной листве; там — нагроможденные камни,
знак землепашцев[49]; меж той и другой в четыре полета
было копейных иль в три полета стрелы расстоянье.
Пением тою порой Аполлон усладительным тешил
славное общество Муз и, персты с кифарой сплетая,
из поднебесных высот Парнаса оглядывал землю.
Прежде певал он не раз Юпитера, Флегру, со змеем
битву свою и братьев чины: а ныне являл им
божьи начала: какой дух молнии шлет[50] и выводит
звезды; откуда в ручьях божества; где ветры пасутся;
моря безмерного жизнь из какого истока; какая
солнце свергает тропа и ночи выводит; внизу ли
иль посредине земля; что с тыла незримого виснет.
Кончил певец, взволновав сестер, до пения алчных;
и между тем, как лавр он сплетал с черепахой[51], венчая
блещущий строй, и с груди снимал тесьму расписную, —
вдруг к геркулесовой взор опустил он Немее[52], услышав
крики, и там увидал колесничного образ сраженья,
сразу же всех опознал и как раз на поле ближайшем
рядом стоящих узрел Адмета и Амфиарая.
Он про себя: "Какой это бог двоих посылает
преданных Фебу царей именитых в подобную битву?
Набожны оба и мне драгоценны, — я даже не смог бы
выбрать из них. Когда я служил в полях пелионских[53]
(так и Юпитер велел, и черные выпряли Сестры),
этот — смолы слуге воскурял, надмеваться не смея;
тот — треножников друг и горних искусств почитатель
набожный. Больше заслуг у первого, но у второго —
жизни кончается нить: Адмета — старческий возраст
ждет и поздняя смерть[54], а тебе — совсем не осталось
радостей, рядом уже и Фивы, и мрачная бездна, —
бедный, ты знаешь о том — пернатые наши пропели".
Молвил и, плачем лицо увлажнив, незнакомое с горем[55],
тотчас Немеи достиг прыжком, сквозь воздух сверкнувшим,
мчась быстрей, чем отчий огонь иль стрелы свои же:
сам он давно на земле, но на небе след сохранился,
и меж зефиров стезя лучезарная долго блестела.

В медном шеломе смешав, Протой уж вытащил жребьи[56], —
каждому место его и бега начало известно.
Гордость народов — мужи, и кони — не меньшая гордость
(боги и в тех, и в других) — у черты единой застыли:
тут и надежда, и страх дерзновенный, и бледность отваги.
В сердце — твердости нет: и рвутся скакать, и страшатся, —
и напряжения дрожь пробегает по трепетной коже.
Тот же огонь и в конях: их взоры пламенем пышут,
звонко кусают уста, железо и пеной, и кровью
обожжено, ударов сдержать ни замки, ни преграды
дольше не могут, и храп выдает стесненную ярость.[57]
Им нестерпимо стоять, и шагов пропадают до бега
тысячи, тяжкое бьет по далекому полю копыто.
Верные — рядом стоят, разбирая узлы и сплетенья[58]
грив, и души бодря, И щедрые множа советы.
Насупротив возгремел тирренский грохот[59], — и с места
все сорвались. — Какие в морях — паруса, иль какие
стрелы в сражениях так пролетают, иль в воздухе — тучи?
И ни поток непогоды, ни огнь не столько напорист,
медленней звезды с небес упадают[60], и сходятся тучи
медленней, и с крутизны свергаются медленней реки.
Видели ринувшихся и опознавали пеласги.
Вдруг те — скрылись из глаз[61], в пыли слепящей смешались,
в облаке общем слились; и в сумятице, лица сокрывшей,
каждый других едва узнает по крикам и кличкам.
Но размотали клубок, расстоянье меж ними — по силе
каждого, первых следы колея набежавшая рушит;
то, наклоняясь вперед, в нетерпении ваги коснутся[62],
то, колено вперив, изогнутся и вожжи натянут:
мышцы на выях коней вздуваются, вставшие гривы
ветер гребет и сухая земля пьет пенные ливни.
Звон копыт нестерпим, колес — пронзительно тонок.
Отдых неведом руке, и воздух от частых ударов
свищет, — град ледяной от Медведицы сыплет не гуще[63],
и от Оленских рогов дожди не обильнее льются.
Вещий узрел Арион, что поводья его напрягает
вождь непривычный: его испугал, неповинного, мощный
Эдиподионид; и, встревожен еще от порога,
конь осердился на груз и свирепей пылал, чем обычно.

Инаха дети сочли, что он разгорелся от криков,
он же бежит от возницы, грозит вознице, неистов,
гибелью и, на бегу озираясь, хозяина ищет.
Все же он всех впереди несется, вторым в отдаленье
гонит Амфиарай, с которым Адмет Фессалиец
вровень идет; затем — близнецы: то Эвней пред Фоантом,
то пред Эвнеем Фоант, — победят и отступят, но слава —
как ни влечет — ни на миг не ссорит любящих братьев.
Вот и последний раздор: Гипподам — неистов, неистов —
Хромий, — искусны они, но тяжесть четверокопытных
бегу во вред. Гипподам обошел отстающих оскалы,
ржание их обошел и плечи обжег их дыханьем.
Фебов пророк[64] воспылал — вблизи огибаемой меты
вожжи к средине ведя и этим пробег сокращая —
выйти вперед; но не меньше его герой фессалийский[65]
близкой надеждой горит, поскольку — не сдержан возницей —
вправо помчал Арион, забирая по дальнему кругу.
Первым теперь — Эклид, и Адмет не третьим несется.
Но — возвращен, наконец, с колеи, удаленной чрезмерно, —
их настигает морской звонкоступ[66] и обходит недолгой
радостью полных, — до звезд взмыл треск, и дрогнуло небо.
Все опустели места: народ подскочил, ужаснувшись.
Но Лабдакид, побледнев, поводьев не выправил, плетью
не подхлестнул. Таков безрассудству поддавшийся кормчий:
мчит он в буруны, к камням и более не наблюдает
звезды, искусство презрев и во всем положившись на случай.
Поля простор и пути поворот стремглав огибают
снова и рвутся вперед, и снова оси об оси
бьются, и в спицы колес — колеса, — ни лада, ни чина.
Мнится, легче бои на мечах, — так бой ужасающ,
так их слава ярит: дрожат и смертью грозятся,
и поперечным рывком через поле — тупится копыто.
Мало уже и стрекал, и бичей: по имени кличет[67]
и побуждает Адмет Фолою, Ириду, а также
Фое кричит пристяжной; ободряем данайским авгуром[68]
быстрый Асхет и другой, заслуживший прозвания Кикна;
Хромию внемлет Стримон геркулесов, и внемлет Эвнею
сходный с огнем Эфион; Гипподам укоряет Кидона
медленного, и Фоант бежать умоляет Подарка.

Мрачный Эхионид один в блуждающем беге
слова не молвит, боясь, что в голосе дрожь отзовется.
Только что спор коней начался, а они уж четвертой
по полю пылью летят, и сякнет в их теле горячий
пот, и от жажды и вдох, и выдох четверокопытных
жаром пустым налиты, и в них уже небезупречно
рвенье, и долгое им бока подводит дыханье.
Долго неясное, тут решается Счастье означить
первого: рухнул Фоант, пока Гемонийца Адмета,
пылкий, пытался догнать. Не смог подать ему помощь
брат, хотя и желал, — но раньше помехою марсов
противостал Гипподам[69], ослабивший вожжи меж ними.
Хромий — за ним, и вблизи поворота вкруг меты ближайшей
он, изо всех геркулесовых сил и мощи отцовой
ринувшись, оси сравнял: но тщетно стремятся запряжки
выйти вперед, и ремни, и застывшие вытянув выи.
Так, коль теченье суда сицилийские держит, но гонит
Австр, — то средь моря стоят недвижно тугие ветрила.
Вдруг повергается тот, сломав колесницу, и Хромий
вырваться мог бы вперед, но как только фракийские кони
видят, что, рухнув, лежит Гипподам, — в них вновь возникает
голод былой, и он — был бы хищно растерзан, но тут же
вожжи и лютых коней тиринфский герой[70] увлекает
прочь, о награде забыв, — побежден и осыпан хвалами.
Феб уж давно для тебя вожделел обещанной чести,
Амфиарай, и, решив, что милости время приспело,
выступил он на взрытый простор пропыленного круга.
Бег завершался, и миг решал колебанья победы.
Тут змеевласую тварь — созданье, свирепое видом, —
выставил бог (из Эреба ль изъяв, иль тут же измыслив)
и безобразьем снабдив поистине неизмеримым,
мерзость вознес к небесам: его бестрепетно сторож
Леты ужасной, его без дрожи пронзающей сами
зреть не смогли б Эвмениды, оно и бегущих спугнуло б
Солнца коней и Марсов ярем; — Арион пламеневший
лишь увидал[71], как грива — взвилась, сам — в упряжи вздыбясь
—
и сояремника вверх, и пристегнутых слева и справа
поднял высоко коней. Сей миг аонийский изгнанник
рухнул, влачась на спине, пока не распутались вожжи, —

и колесница летит, от возничего освободившись,
вдаль, а мимо него, на пути простертого стертом,
бег тенарских колес, фессалийская ось и лемносский
юный герой пронеслись, отклонившись, насколько позволил
510 им поворот. И тот, наконец, осененную мглою
голову с помощью слуг воздвиг, побитое поднял
тело с земли и ушел к отчаявшемуся Адрасту.
Где ж ты, фиванец, умрешь? Ведь когда б Тисифона-злодеика
не запрещала, — ты б мог отменить толикую битву!
Фивы тебя, а наружно — и брат, и оплакал бы Аргос,
как и Немея; власы посвятили бы Лерна, Лариса
преданная, и почтили б холмом, археморова выше.
Все же Эклид — и вторым приходя, получавший награду
первую, ибо один Арион без хозяина мчался, —
520 страстно пылать продолжал хоть пустую догнать колесницу.
Бог и помог, и дал ему сил: мчась Эвра быстрее,
он, словно только теперь из ограды был выпущен в поле,
гривы — бичом, а спины хлестал вожжами, Асхета
легкого криком бодрил и Кикна, подобного снегу.
И уж теперь, когда никого впереди, — раскалившись,
ось понеслась, и взрытый песок разлетался далёко.
Стон земля издает и уже угрожает бедою.[72]
Первым, пожалуй, прийти мог Кикн, победив Ариона, —
быть побежденным морской не дозволил отец[73], — и по праву
530 слава досталась коню, а победа досталась пророку.
Юноши вносят вдвоем кратер геркулесов — награду
первому[74]: в прежние дни возносил одною рукою
чашу тиринфский герой и, бывало, уста запрокинув,
пенную опустошал — в честь Марса, иль чудищ осилив.
Грозных кентавров на ней поместило искусство, — страшило
золото: здесь в разгар сраженья с лапифами камни,
факелы всюду летят и тоже — кратеры; повсюду —
буйных гибнущих гнев; сам — ярого держит Гилея[75],
и завитки бороды посягают на плотность металла.
540 Ты же, Адмет, по заслугам твоим, получаешь хламиду:[76]
и с мэонийским она рисунком, и крашена дважды
пурпуром. Здесь — молодой презритель фриксова моря[77]
плыл и, светясь, голубел сквозь изображенные волны;
в очередь руки гребут и, мнится, он их переменит;

даже поверить нельзя, что кудри на ткани сухие.
Насупротив, тоскуя вотще, на башне высокой
дева сестейская ждет, и гаснет огонь-соучастник[78].
Повелевает Адраст, чтобы в дар отошли победившим
эти изделья, а зять — рабой утешался ахейской.
Следом наград дорогих добиваться зовет он быстрейших
в беге мужей, — сей стремительный труд и простейшая доблесть,
мирным потребные дням на празднествах, небесполезны
и на войне, — коль откажет рука. — Ид ранее прочих,
вкруг чела олимпийской листвой осененный недавно,
вышел вперед: рукоплещет ему как пизейская младость,
так и элейцев отряд. За ним — Алкон Сикионец.
Вызван Федим, на истмийском песке одержавший победу
дважды, а также Димант, крылоногих коней обгонявший
прежде, а ныне от них отстававший, замедлен годами.
Прочих встречая, молчит народа неосведомленность[79],
те же — отвсюду идут; но Партенопея Аркадца
кличут, и вспыхнувший шум по кругам переполненным бродит.
Матери бег знаменит: кому Аталанты Мениальской
редкая слава и шаг неизвестны, которого было
не одолеть женихам? Знаменитая матерь и сына
обременяет, но тот — и сам знаменит: безоружным
гоном (молва говорит) оленей в ликейских долинах
он добывал и бегом настигал запущенный камень.
Ждали его, и он, наконец, меж толпою летучим
шагом мелькнув, разомкнул хламиды злато витое.
Тело его блеснуло, и вся обнаружилась прелесть
членов: и развитость плеч, и персей не меньшая гладкость,
чем у ланит, — и лицо померкло в сравнении с целым.
Сам он однако хвалы красоте презирает и гонит
прочь восхищенных. Но вот он к палладиной горсти со знаньем
дела прибег[80] и — померк, натершись жирной оливой,
Ид от которой, Димас и все остальные блестели.
Так, когда заблестят светила над морем спокойным
и задрожит на воде отражение звездного неба, —
все они ясно горят, но более ясно меж всеми
Геспер свои устремляет лучи: каков он в глубоком
небе, таков же его в волнах лазоревых образ.
Столь же красив, как и он, лишь немного медлительней в беге
Ид, ближайший ему по возрасту; правда, палестра

жирная стала уже покрывать его порослью нежной:
стал по щекам пробиваться пушок, хотя он и не был
виден в тени неснятых кудрей. Положенным чином
начали скорость шагов проверять и оттачивать, в разных
вялость телес ухищреньях бодря беспокойством ученым:
то, колена согнув, приседают, то звонкой ладонью
хлопают гладкую грудь, то вздымают горячую голень
и кратковременный бег у нежданной черты прерывают.
Ринулся строй, единый порог за собой оставляя, —
легкие, смяли простор, и в поле взблистала нагая
стая: по той же стезе крылатые давеча, мнится,
медленней кони неслись; недолго подумать, что мчатся
столько же стрел от парфян убегающих или кидонцев.[81]
Так быстроногие мчат по гирканским безлюдьям олени,
если послышится рев голодного льва издалёка
или почудится: бег ослепленный встревоженных гонит,
страх — собирает, и гром сцепленных рогов раздается.
Ветра быстрее меж тем убегает от взоров менальский
мальчик; бегущий вторым, с ним рядом — Ид возмужалый
разгоряченным плечо обжигает дыханьем и тенью
спину теснит. За ними — Федим с Димасом стремятся
в равноуспешной борьбе, им — быстрый Алкон угрожает.
Русых аркадца волос неостриженная ниспадала
грива, — ее он растил в подношение Тривии с малых
лет и предерзко ее — но вотще — отеческим храмам
пообещал, коль с победой придет из огиговой битвы.
Волосы, освободясь от пут и рассыпавшись сзади,
тут устремляются вспять над напором Зефира, и ими
приостановлен он сам, а Ид разъяренный опутан.
Оный решился на кознь против юноши и для злодейства
миг усмотрел: близ цели, когда к черте победитель
Партепопей подступал, его, за власы ухватившись,
тот оттеснил и первым достиг ворот отдаленных.
Рати аркадцев грозят за царя с оружием выйти,
чтоб присудили ему дар отнятый с честью добытой:
требуют все и готовы сойти сомкнувшимся кругом.
Ида коварство — другим по нраву. Партенопей же,
прах зачерпнув, посыпает лицо и влажные очи:
но из-за слез красота прекраснее прежнего стала[82].
То он в отчаянье грудь, то безвинные щеки кровавым

ногтем разит, то виновницу прядь; крик буйствует всюду
разноголосый; принять решение трудное медлит
старел Адраст. Наконец, он сказал им: "Уймитесь, не спорьте,
дети мои! И опять испытайте уменье[83], но каждый
мчитесь своею стезей: край этот — Иду уступим,
630 а супротивный — тебе, да не знаете в беге уловок".
Выслушали — и приняли речь. К божеству обращаясь
гласом безмолвным, тогда тегейский юноша[84] молит:
"Рощ госпожа, для тебя, для тебя я хранил эти пряди,
из-за обета тебе приключилась такая обида.
Ежели мать или я прилежаньем к охоте угодны
были тебе, то, прошу, не дозволь с подобным предвестьем
в Фивы прийти и Аркадии стать толиким позором!"
Явственно был он услышан: шагов пробегавших не видит
поле[85], — лишь тонкий летит под стопами у юноши воздух,
640 длинных следы прыжков висят над нетронутой пылью.
Вот он в ворота вбежал и вскричал, вскричал и промчался
перед вождем и, победу стяжав, искупил задыханье.
Так был бег завершен. Награды трудов — наготове:
конь — аркадцу и щит бесчестному Иду был отдан;
прочих толпа, получив ликийские тулы, ликует.
Следом Адраст сразиться зовет искушенных в метанье
диска и ждущих свою горделивую мощь обнаружить.
Вышел по зову Птерел и гладкую медного круга
тяжесть с трудом, всем телом вперед наклонясь, пред собою
650 сбросил, — в молчанье за ним инахиды следили и взором
взвешивали. И двое вперед шагнули ахейцев,
трое эфирских мужей и пизеец один, — с акарнанцем —
семеро их; и других побудила бы слава, когда бы
доблестный Гиппомедонт, поощряем толпою, не вынес
на середину и всем показал десницей прижатый
жёрнов другой: "Не лучше ли вам, идущим разрушить
скалами стены и сбить тирийские башни, вот этот,
юноши, бросить, а тот — метнуть под силу деснице
всякого". — И, подхватив, без малейшей натуги отбросил
660 в сторону. Изумлены, отступились они и признали,
что неспособны, и лишь Менесфей горделивый и Флегий
(их удержали и стыд, и отцов великая доблесть)
вызвались, руку подняв. Иных же сдалась добровольно
юная мощь и бесславно ушла от священного диска.

Марсов щит в бистонских полях зловещим сияньем
так поражает Пангей и отблеском солнца внушает
ужас и гулко гремит, разимый божественным древком.
Флегий пизеец за труд принимается первым и взоры
всех привлекает к себе, — такую могучее тело
670 доблесть сулит. Сначала землей и диск, и ладони
Флегий шершавит, затем поворачивает, подымая
пыль, чтоб удобнейший край для пальцев найти и для сгиба
локтя. — Он был искушен, — ему по нраву забава
эта была не только во дни состязаний — сей славы
родины, — нет: он любил измерять Алфей и, сменяя
берег на берег, умел диск даже в самом широком
месте пересылать, воды им не тронув ни разу.
Веря толиким трудам, не вдаль — над взрытым простором
поля — но в небо свою нацелил десницу и, в землю
680 вдавленный, силу собрав обоих коленей, забросил
диск вращавшийся вверх над собой[86] и вонзил его в тучи.
Быстро диск устремляется ввысь, и — словно он падая —
скорость растет с высотой; наконец, истощившийся, сверху
медленнее на землю летит и скрывается в пашне.
Падает так, коль ее низводят — к ужасу неба,
мглистая Феба сестра[87]; помогающей медью народы
гулко гремят и трепещут вотще; Фессалиянка только
над задыханьем коней, усмиренных заклятьем, смеется.
Все восхваляют его, но ты неприветливо смотришь,
690 Гиппомедонт, и ждешь, чтоб длань в длину размахнулась.
Вдруг настигает того Случайность, которая любит
сбить непомерную спесь, — а людям возможно ли тщиться
против богов? — Уже он бросок необъятный готовил,
шею уже изогнул, всем телом уже наклонился, —
под ноги груз полетел, соскользнув, и удар обратился
мощный — в ничто, и пустая рука ни с чем опустилась.
Вырвался стон большинства, а кому — и смешным показалось,
Следом бросок Менесфей с осторожным готовит искусством
тщательнее и — тебя призывая, от Майи рожденный[88] —
700 прахом стремится пресечь скольжение глыбы тяжелой.
Та от могучей руки полетела намного счастливей
и, одолев немалую часть долины, упала.
Звон раздался, и стрела отметиной в землю вонзилась.
Третьим — Гиппомедонт к состязанию дюжему держит

медленный шаг: в глубинах души его поощряет
жалкий Флегия срыв и удачный бросок Менесфея.
Он воздымает борьбу, деснице привычную: глыбу
вверх устремив, напрягшийся бок и мышцы литые
выверив и широко размахнувшись, бросает, невольно
710 следом влекомый. А диск устрашающим летом несется,
помнит — уже вдалеке — десницу и ход сохраняет
прежний и вот, победив Менесфея, не вровень, не рядом
падает, а далеко за ревнивым врезается знаком.
Плечи зеленых холмов и тенистые кручи театра —
как от обвала в горах могучего — затрепетали.
Так Полифем, скалу отломив от дымящейся Этны,
зренья лишенной рукой, по слуху, во след уплывавшей
с шумом корме запустил, в ненавистного метя Улисса.
[Так Алоады (когда Олимп уже попирала
720 Осса, на нем громоздясь) несли Пелиона вершину
снежную, полны надежд до дрожащего неба добраться.]
Отпрыск Талая[89] решил: победителю — тигр пустотелый
пусть отойдет, у коего край блистал окаймленьем
желтым и злато концы торчащих когтей укрощало[90].
А Менесфей заслужил летучие стрелы и кносский
лук. "Ты же, Флегий, кого обделил несчастливый случай,
сей — когда-то красой и помощью бывший Пеласгу
нашему — меч получи, — не к зависти Гиппомедонта.
Ныне — мужеству труд: направьте же друг против друга
730 грозные песты[91], — сей бой всех ближе к доподлинной
битве".
Тут — на диво велик, велик чудовищно — отпрыск
Аргоса встал, Капаней, и пока от свинца почерневший
грубый бычачий ремень (сам крепок не менее) ладил
к пясти. "Из тысяч, — сказал, — одного[92] — любого — подайте,
юноши, мне, — и лучше бы мой соперник породы
был аонийской: тогда я мог бы предать его смерти, —
кровь своего жестокой мою ославила б доблесть".
Замерли души, и страх всеобщее вызвал молчанье.
Но наконец из толпы обнаженных лаконцев нежданный
740 выступил Алкидамант[93]. Царей дорийских отряды
диву дались, но знали друзья, что, Поллуксом обучен,
Алкидамант вырастал на палестрах, основанных богом.

Бог ему сам и руки напряг, и запястья устроил —
ради любви к задаткам его — и биться с собою
ставил не раз и, дивясь стоящему в сходственном гневе,
радостно превозносил и нагого притискивал к сердцу.
Но презирает его Капаней: смешон ему вызов, —
просит замену, смеясь; но все ж, принуждённый, выходит, —
и от ударов тотчас неупругая шея распухла.
Тело на стройных ногах вознося, они устремляют
вспышки ударов, лицо в отдаленье спасительном держат,
скрыв за подобьем щитов[94], и доступ для ран закрывают.
С Титием схож Капаней[95], когда бы тому от стигийских,
пашен птицы восстать разрешили: так всюду открыта
членов поверхность, и так подставляет он в ярости кости.
Тот — из мальчишек едва, но крепостью — зрелого крепче,
и предвещает напор молодой могучие годы.
Кто ж пожелает, чтоб он — проиграл? Или кровью жестокой
был окроплен? Кто, мольбы вознося, за него не страшится?
Но, присмотревшись, они оценили, что каждый стремится
к первенству, и не спешат ни гнева явить, ни ударить.
В меру друг друга страшась, они сочетают с безумством
разум, их выпады чуть отклоняют противника руки
и проверяют, удар направляя ослабленный, цесты.
Меньший искуснее: он порыв отлагает и тратит
силы без спешки, боясь за грядущее[96]; больший — к ударам
рвется, уверен в себе, всем телом стремится и в дело
обе пускает руки, беспорядочно, тщетно молотит,
всё распаляясь, и сам наседает. Но навык старинный
строго лаконец блюдет: одного избегает удара
и отбивает другой; то пригнувшись, то быстро подавшись,
он — невредим; а руками отбив кулак наведенный,
сам начинает теснить, но лицо осторожно отводит.
Кроме того, на врага, непомерно сильнейшего, часто
(вот она, живость ума, такова искушенность десницы!)
дерзкий душой нападал, налегал, а также бросался
издали, — словно волна на грозные скалы крутая,
вздыбившись, мчит и, сокрушена, отступает, так оный
ярого обуревал; и вот он отходит и долго
целится в бок и в глаза, отвлекая угрозою крепких
цестов своих, и затем удар нежданный проводит
ловко и раной чело помечает по самой средине.

Кровь показалась, виски ручьем окрасились теплым.
Не замечает его Капаней и дивится внезапным
крикам; но вот, пронеся над лицом утомленным случайно
руку, он пятна узрел на перстах, обтянутых шерстью.
Так не ярится ни лев, ни тигрица, пронзенные дротом,
как, закипев, он врага отходящего по полю гонит[97]
и заставляет назад отбегать и грозит опрокинуть,
790 страшно зубами скрыпя; и множит вдвое и втрое
взмахи кружащихся рук; но ветр похищает удары,
часть — отбивает кулак; и грозящих вискам беззащитным
сотен спартанец избег смертей, уклоняясь мгновенно
или доверясь ногам: но и в бегстве, помня науку,
тыла не кажет, — бежит, но все ж отражает удары.
Тот догоняет с трудом, и этот уже не проворен, —
оба, силу колен растеряв, передышки взыскуют.
Так, если водный простор обессиливает мореходов,
то — по знаку с кормы — они опускают все вместе
800 руки[98], но чуть отдохнут, — вновь к веслам крик призывает.
Вот он опять обманул безрассудно шагнувшего: наземь
вдруг устремился, нырнув плечами, и тот — повалился
вниз головой, а когда он вставал, — юнец вероломный
снова направил удар и — сам побледнел от успеха.
Крик инахидов взлетел, поражая и берег, и рощу.
Тут же Адраст, увидав, что тот, с земли подымаясь,
длани занес и готов свершить нестерпимое, кличет:
"Быстро, молю, друзья, он взбешен, его удержите,
810 медлить нельзя, он взбешен; несите и ветвь, и награды:
вижу, теперь он уже не отстанет, пока не наполнит
мозгом исторгнутым рта, — уведите от смерти лаконца!"
Мигом Тидей рванулся, за ним — послушен приказу —
Гиппомедонт, но оба — с трудом прижимают и держат
обе руки и смиряют его многословной мольбою:
"Ты победил, уходи! Даровать слабейшему сладко
жизнь: он ведь наш, он союзник в войне…" — но тот не сломился
и, отшвырнув рукою и ветвь[99], и назначенный панцырь,
так завопил: "Дозвольте! Ужель я пылью густою[100],
820 кровью ужель этих щек, которым столько обязан
сей полумуж, не покрою и труп не отправлю в могилу,
обезобразив, дабы зарыдал эбалийский наставник[101]?"

Так говорит, но его, спесивца, который победы
не признает, уводят друзья; а Лаконяне хвалят,
громко угрозам смеясь, питомца Тайгетской вершины[102].
Многообразье похвал и сознание доблести душат
мукой великой давно Тидея, могучего сердцем.
Он ведь и диск отменно метал, и взапуски бегал,
цестами бился других не слабей, но его особливо
830 радовал труд умащенной борьбы: в ней отдых от Марса
он обретал и ею свой пыл разряжал браненосный,
силою на берегах Ахелоя мерясь с мужами
мощными, где божество[103] счастливые метит палестры.
Тотчас, едва призвала, вдохновляя, борцовская слава
юношей, с плеч этолиец[104] сорвал покров, наводящий
ужас — отчий наряд — кабана. Супротив обнажает
крепкое тело[105] хвастун Агилей клеонейского корня,
столь же, сколь Геркулес, громаден: крутыми плечами
ввысь возносясь, он превосходил человека, негодный,
840 крепок же менее был и мощью отцу не равнялся, —
пышного тела его расплывались дряблые члены
с вялою кровью. Ойнид потому и надеялся только,
дерзкий, что равного он одолеет, — хоть сам он казался
маленьким, но и костяк был тяжел, и руки в суставах
неодолимы: такой не вмещала доблести в меньшем
теле и сил таковых заключать не дерзала Природа.
Кожу масла услад приобщив, на средину равнины
каждый стремится, и там облачаются в пригоршни пыли[106],
после песком рамена одно за другим осушают.
850 Шею в плечах утопив, выставляют широким захватом
руки, и тут же Тидей уловкой равняет с собою
и наклоняет вперед Агилея высокого, хитрый,
спину свою изогнув и колени к песку пригибая.
Словно альпийских высот властелин, кипарис, наклоняет
долу вершину, едва держась под напорами Австров
силою корня, и льнет к земле, постоянно готовый
вновь устремиться назад — в просторы эфирного свода, —
именно так Агилей высочайший огромное тело
сам изогнул и сложился вдвойне пред врагом невеликим.
860 Руки меняя[107], он то ему темя заденет, то плечи,
бок, или шею, иль грудь, иль увертливых голеней кожу.

Или, надолго сцепясь и упершись в захвате взаимном,
станут и вдруг разорвут, разъярившись, пальцев оковы.
Иначе стада вожди, быки-соперники, грозный
бой затевают: стоит прекрасная в поле телица
и победителя ждет, а те — встречают удары
грудью упорной, им страсть — и стрекало, и ран врачеватель.
Так, сцепляя клыки, как молнии, сходятся вепри,
так в мохнатых тисках медведи сжимают друг друга.
Мощь сохраняет Ойнид: ни солнце, ни пыль не сломили
силу его, и тверда, и туга, бугрясь над литыми
мышцами, кожа. А тот — уже поддается истоме:
сбито дыханье и ртом, запыхавшись, хватает он воздух,
и омывает песок налипающий пота потоком,
и подпирает себя, украдкой цепляясь за землю.
В схватке подвижней Тидей: обманом — на шею нацелясь —
к голени ринулся, но — не смогли довершить начинанья
и промахнулись его короткие руки; — тот круто
бросился сверху и, всей навалившись громадою, спрятал
смятого. — Именно так иберийских холмов испытатель[108]
в недрах пещеры и день, и жизнь навек оставляет,
если поля задрожат, всколыхнувшись, и рухнет внезапно
треснувшая земля; и лежит, сокрытый горою
севшею, труп и — разбит и расплющен всецело — не может
звездам родным возвратить души вознегодовавшей.
Но расторопней Тидей и душою и мужеством выше.
В тот же миг, ускользнув от тенет и чудовищной ноши,
он простака обошел и успел со спины ухватиться:
сразу оплел и бока, и живот узлом неразрывным,
тут же колени прижал к поджилкам и — как ни пытался
тот от захвата уйти и сбоку десницу просунуть —
дерзостно груз, ужасный на вид и невероятный,
поднял. — Доносит Молва: объят Геркулеса руками,
так ливиец терпел земнородный, когда, уличенный
в хитрости, поднят он был: упасть не надеется больше
и прикоснуться к земле даже краем стопы он не может.
Шум поднялся, и радостный плеск учинили отряды.
Тут он врага, раскачав на весу, отпускает нежданно,
набок обрушивает и, бросившись вслед за упавшим,
шею десницей теснит и пах прижимает коленом.
Натиску тот уступал, противясь единою честью.

Но уж и грудь на земле, и весь он распластан на брюхе, —
долгое время лежит, потом подымается, жалкий,
и остаются следы позора, хранимые пашней.
Пальму в деснице, доспех блестящий — награду за битву —
в шуйце неся, Тидей: "Как будто бы и не терял я
крови немалую часть — вы знаете — в поле диркейском!
Где они — раны сии, недавние Фив договоры?" —
Молвил и, всем показав, награды славные отдал
спутникам, а Агилей и не глянул на панцырь добытый.
Есть и готовые в бой вступить с обнаженным железом.
Вышли уже, доспехи надев, Агрей Эпидаврский
и не гонимый еще судьбою диркейский изгнанник[109].
Но запретил Иасид: "Для смерти — будет раздолье,
юноши, — так что храните свой пыл и лютую жажду
лить супротивную кровь. А ты, которого ради
мы от любезных ушли городов и дедовых весей,
битвы допрежь, умоляю, не дай толикой поблажки
случаям злым и мольбам — божества да избавят нас! — братним".
—
Так говорит и шеломами их золочеными дарит.
После велит оплести чело крутое у зятя —
да не бесславен уйдет — и его объявить громогласно
Фив победителем, но — вслед Парки зловеще пропели.
Тут призывают вожди и Адраста своими трудами
чин состязанья почтить и этим последнюю жертву
круче могильной принесть. Дабы всем видам победы
были причастны цари, — шумят, чтоб ликийские стрелы
он разослал или тучи пронзил трепещущим древком.
С радостью тот уступает, с холма зеленого в поле
сходит, толпой окружен знатнейших юношей. Следом
оруженосец несет — как приказано — легкие тулы
и тетивы: решено одолеть простор необъятный
лётом стрелы и раной настичь предназначенный ясень.
Как отрицать, что от тайных причин предвещанья исходят?
Смертным рок их открыт: ужасно взирать, ибо гибнет
то, что надежда сулит в грядущем; случайностью знаки
склонны мы счесть, — так множит Судьба погибели силы.
Поле измерив, на миг стрела роковая коснулась
древа[110] и — ужас очей! — сквозь только что пройденный воздух
вспять устремилась и вот, с конца до начала обратный

выполнив путь, возле уст знакомого тула упала[111].
Кривотолкуют вожди: одни облаков иль высоких
Нотов набег усмотрели; другим показалось, что крепким
древом отбита стрела. — Конец небывалый глубоко
спрятан, и явлено зло; один лишь вернется из битвы[112], —
скорбный возврат роковая стрела господину сулила.

КНИГА VII

Но на пеласгов, войны тирийской первоначала
длящих, Юпитер взирал нисколько не благосклонно
и помавал головой[1]: высокие звезды терзались
гневом его, и Атлас кричал, что на плечи давит.
Быстрому вот что тогда он молвил Тегеи питомцу[2]:
"Мчись и самый Борей пронзи стремительным летом,
сзади бистонцев дома и звезды белоснежной оставив
ось[3], — туда, где огонь паррасиянки кормится, чуждый
вод Океана, от туч непогодных и нашего ливня.
Там отложивший копье либо Марс передышку вкушает,
хоть он покою и чужд; либо, думаю, жаждет, несытый,
браней и зовов трубы и тешится кровью народа
милого. Ты же ему изложи повеленья, а также
отчего гнева не скрой: когда еще был он обязан
полк инахийцев разжечь и всё, что Истм серединный
делит и в гневе глухом Малеи прибой оглашает[4].
Там, едва отойдя от родимого града, святыню
юноши чтут и — словно с войны возвратились — усердно
рукоплеща, прилежат раздраженной гробницы обрядам.
В том ли, Градив, вся ярость твоя, что, вращаясь, со звоном
диск пролетел и в схватке сошлись эбалийские цесты? —
Нет, коли пыла он полн и безумная жажда оружья
душит его, — пусть бесчинно сотрет безвинные стены,
меч и огонь принеся, и воспомнивших о Громовержце
смертных прострет по земле, окоем обезлюдив злосчастный.
Ныне он кроток в войне и о нашем не думает гневе.
Если ж сражения он не начнет и — быстрей, чем приказа
слово — данайскую рать к тирийским стенам не пригонит, —
казнью ужасной грозить не стану: пусть мягким и добрым
будет он богом и нрав разнузданный поуспокоит,
мне же и меч, и коней возвратит и не ведает боле
крови, а я — за землей пригляжу, водворяя в народах
мир, — для огиговых битв одной мне Тритонии станет".
Так он изрек, — и к фракийским полям устремился Киллений.
Вот он уже проскользнул над порогом двери арктийской:
здесь охватила его извечная полюса стужа,

и облака, небеса затянувшие, и Аквилона
первые вздохи; а слух поражает ударами града
палла, и худо его аркадский убор защищает.
Тут по бесплодью лесов узнает он капища Марса[5],
и устрашается взор при взгляде на неукротимый
дом у Гема в тылу, окружаемый сонмом неистовств;
стены — железо крепит, порог — железом обужен
стершийся, и на столбах железных покоится кровля.
Феба сиянье от стен убегает, и, местом испуган,
прячется свет, а пугающий блеск затмевает созвездья.
Стража чертогу подстать[6]: из первых дверей вылетают
ярый Порыв, и Ужас слепой, и багровые Гневы,
и обескровленный Страх; мечи сокрывая. Засады
рядом стоят, и Раздор двуострое держит железо.
В доме Угрозы гремят без числа, посредине тоскует
Доблесть, весельем кипит Исступленье, и с ликом кровавым
Смерть при оружье сидит. Алтари орошает Сражений
кровь, и огонь похищен для них в городах подожженных.
Разных доспехи земель[7] — по бокам, а спереди храма —
изображенья племен полоненных; отлиты в железе
сбитых обломки ворот, судов воинственных днища,
и кузова колесниц, а под колесницами — лица
смятые — мнится, кричат: толикая мощь и такая
мука во всем. И во всем (но ни разу — с лицом безмятежным)
виделся сам: так вывел его с искусством предивным
Мулькибер, — прелюбодей тогда еще явленной свету
мерзостной связи своей не смывал на опутанном ложе[8].
Только менальский летун[9] искать хором властелина
начал, как вдруг — задрожала земля, и Гебр роговевший,
воды сломав, взревел[10]; и стадо, пригодное в битве,
пеной меж дрогнувших трав в попираемом поле покрылось,
чуя того, кто грядет: и замкнутые адамантом
вечным, разъялись врата, — сам, кровью красуясь гирканской,
на колеснице вкатил, окропляя пространные пашни
страшной росой, а за ним — добыча и слезные толпы.
Чащи и толща снегов уступают. Запряжкой Беллона
мрачная правит, рукой окровавленною подстрекая
с длинным копьем. Застыл от зрелища отпрыск килленский[11],
долу ланиты склонил, — и отца удержала б опаска,

будь он вблизи, от недавних угроз и подобных приказов.
"Что от Юпитера, что от великого неба приносишь? —
Оружемощный вступил; — ибо к этой оси в эту стужу,
брат, ты не сам ведь пришел, — для тебя соседство росистой
Менала кручи милей и знойного ветер Ликея".
Тот доложил порученье отца. И, долго не медля,
Марс задыхающихся и новым покрывшихся потом
гонит летучих коней, и сам негодуя, что греки
не поспешают с войной. А горний родитель смягчаясь
в гневе, за сыном главу обращал с достоинством важным.
Именно так, когда, налетев, побежденные воды
Эвр оставляет, — сама вздымается гладь, и волнует
мертвая зыбь улегшийся понт; но еще над судами —
снасти не все, и вздохнуть моряки всей грудью не смеют.
Чин погребальный меж тем завершил безоружные битвы,
но на местах оставалась толпа. При всеобщем молчанье,
вина на землю лия[12], герой Адраст замиряет
прах Археморов: "Дозволь, о дитя, не раз на трехлетнем
празднестве день твой почтить; да приходит не чаще к аркадским
жертвам увечный Пелоп, в элидские храмы рукою
кости слоновой стучась, и змей к алтарям касталийским,
и на сосновый Лехей да является тень не скорее[13].
Не отдадим мы тебя Аверну унылому, мальчик,
но поминальным причтем обрядом к созвездиям вечным.
Ныне — торопится рать; но мечом беотийские кровли
дай сокрушить — и тогда, алтарей достойный великих,
будут тебя, божество, не в одних городах инахийских
чтить, но на верность тебе присягнут и плененные Фивы".
В этом Адраст — за всех, а всяк за себя поручился.
А уж коней распластав, Градив попирает эфирский
берег, где в горний простор воздымается Акрокоринфа
верх, на море ложась с двух сторон переменною тенью.
Тут он велит, чтоб один из сонма приспешников — Ужас —[14]
четвероногих коней обогнал: никто не способен
большего страха вселить и душу вконец обессилить;
ибо у чудища есть без числа и глоток, и дланей,
может любое принять обличье, легко заставляет
верить всему и, боязни нагнав, города помрачает[15]:
стоит внушить, что два солнца горят, иль сыплются звезды,
или трясется земля, иль шествуют древние рощи, —

бедные! — кажется им, что видят. А тут он пустился
в новую хитрость: застлал равнину немейскую пылью
мнимой, и вот уж с холма в тревоге вожди замечают
темную тучу; затем он множит смятенье обманным
120 криком и поступи войск подражает, и конскому скоку,
и устрашающий вопль с блуждающим ветром разносит.
Дрогнули души, и люд растерялся, в сомнениях ропща:
"Где этот грохот, коль мы не ослышались? — Да, но откуда
в сумраке пыльном встают светила? Ужель там исменский
воин? — Конечно, — идут. Так вот сколь дерзостны Фивы!
Им ли бояться? А нам — не продолжить ли тризну по мертвом?"
Ужас войска потрясал, меж рядов принимая обличья
разные: то как один из пизейских или пилосских
воинов, или представ лаконцем, ручался, что видит
130 близких врагов и отряды терзал беспочвенным страхом.
Верят в смятенье всему; когда же напал на безумных
сам и помчался кругом священного поверху вала,
трижды приподнял копье и, летя стремительным вихрем,
трижды коней подстрекнул, щит грудью трижды ударил, —
слепо хватается всяк за оружье свое и чужое,
в ярости, шлемы сорвав, безумцы, четверокопытных
к дальним гонят горам: у каждого в сердце бушует
страсть[16] умереть и убить, и нет преткновенья для пылких.
Мчатся, дабы искупить промедленье: так, если подует
140 ветер, то берег шумит покидаемой пристани, всюду
плеск парусов и броски отпускаемых всюду канатов;
вот уже весла плывут, и плывет подымаемый якорь,
милая суша, а с ней провожающих толпы уходят
вдаль от взора пловцов, выходящих в открытое море.
Как инахийская рать в торопливом походе теснилась, —
Вакх увидал, — застонав, повернулся к тирийскому граду,
к стенам, вскормившим его, воспомнил перуны отцовы
и, опечалясь душой, в лице изменился румяном.
Кудри его и венки растрепались, расстался с десницей
150 тирс, и упали с рогов[17] виноградин нетронутых гроздья.
Вот он как был — неприбран, в слезах, в сползающем платье —
перед Юпитером (вмиг оказавшись на небе тайно)
встал, в обличье таком никогда не являвшийся прежде,
и обратился к отцу, причин не скрывая, с мольбою:
"Ты ли Фивы свои истребишь[18], богов созидатель?

Или взъярилась жена, и не жаль тебе милого края,
лара, которого ты обманул, и родимого пепла?[19]
Пусть, я поверить готов, что тогда ты из туч против воли
пламя метнул, — но черный пожар ты вновь насылаешь
ныне без стиксовых клятв и наложницы просьбой не скован.
Где же предел? Или в нас ты как в гневе, так и в приязни
молнии мечешь? Но ты не таким к порогу Данаи[20],
и к паррасиянке в дебрь, и к Леде в Амиклы приходишь!
Значит ли это, что я из всех, порожденных тобою, —
самый презренный? Ужель? — Но носившему разве я не был
бременем сладким[21], не мне ль соизволил ты жизни начало,
прерванный путь подарить и месяцев срок материнских?
Также добавь, что мой люд — невоинственный, ведавший редко
ратную жизнь — лишь к моим походам и битвам привычен:
в кудри вплетают листву и под бук вдохновенный кружатся,
тирсы невест и бои матерей в них ужас вселяют.
Где же им трубы снести и Марса, который, бушуя,
вон что готовит! А что, коль твоих он Куретов в сраженье
выведет и повелит непорочным щитами сражаться?
И почему ты избрал ненавистные Арги? Ужели
мало врагов? — Самих тяжелей испытаний приказ твои
мачехиных Микен[22] добычею пасть, о родитель.
Что ж, уступлю[23], — но куда повелишь священным обрядам
сгибшего рода и мне, кого, для могил бременея,
мать сохранила, — уйти? — Во фракийские чащи к Ликургу?
Может быть, мне убежать в полон к поверженным индам? —
Дай изгою приют! — Я зависти чужд, но сумел же
брат скалу закрепить латонину, Делос, и вверить
глуби морской; Тритонида смогла от милой твердыни
вражьи потоки прогнать[24]; и видел я сам, как могучий
дал законы Эпаф племенам восточным; укромной
войны отнюдь не грозят Киллене иль Иде Минойской.
Что же к моим алтарям — увы мне! — такая немилость? —
Здесь ты — пусть я нелюбим — Геркулесом чреватые ночи[25]
знал и желанную страсть блуждающей дщери Никтея[26];
здесь — тирийцев народ, и бык, счастливейший нашей
молнии[27], — так сохрани хотя б агеноровых внуков!"
Ревность забавна отцу[28], и уже простершего длани
он подымает с колен преклоненных, лобзая безгневно,

и возражает ему любезною речью: "Не думай,
будто внушеньем жены это вызвано: я не настолько
злобным податлив мольбам; судеб мы гонимы недвижным
круговоротом: к боям — тьма поводов, старых и новых.
Должно ли нам удерживать гнев, скупясь на людскую
200 кровь? Ведь знает и ось, и дом этот — вечный, доколе
не завертится мой век — как часто и молний удары
сдерживал я, и как редко мой огнь царил над землею.
Кроме того, ради велих обид, к отмщенью зовущих,
древний сразить Калидон — Диане, а Марсу — лапифов
я против воли, но дал; — и невыгодно мне. и досадно
столько и душ заменять, и тел восстанавливать новых.
А лабдакийцев казнить и потомков пелопова корня —
медлю; но знаешь и сам (если даже забыть о злодействах
дорян[29]), насколько легко фиванцы богов обижают,
210 даже тебя… — но молчу, раз утихла старинная ярость.
Впрочем, припомни: Пенфей — не забрызганный кровью отцовской[30],
не обесчестивший мать супружеством и не рождавший
братьев, преступник, — твои растерзанным трупом украсил
празднества, — где же тогда был твой плач и в мольбах искушенность?
Нет, не в угоду своей обиде эдипову отрасль
я повергаю, — о том земля умоляет и небо,
правды нрава, оскорбленная честь, природа, а также
самый устав Эвменид. Но о граде своем сокрушаться
не торопись: я решил, что в пору иную наступит
220 для аонийцев закат, придет опаснее время,
мститель — иной[31]; а ныне скорбеть — владычной Юноне".
Тот, изрекшему вняв, просветлел и лицом, и душою.
Так, сожжены и злою жарой, и Нотом унылым[32],
розы сникают; но день лучезарный и вздохи Зефира
небо смягчат, — вся их стать возвращается, блещут побеги
новые, свежей красой веселя безобразные прутья.
Вот уже вестник спешит к Этеоклу с верным доносом
и, устрашая, речет, что грядут с огромным отрядом
греков вожди и подходят уже к полям аонийским;
230 все, к кому ни придут, дрожат и жалеют фиванцев;
также о роде вождей доложил, именах и оружье.
Пряча испуг, Этеокл рассказчика слушает жадно

и ненавидит его. А затем — союзников вызвать
требует и оценить мощь силы своей[33]. — Подымает
Марс и Аонию всю, и Эвбею, и ближней Фокиды
ширь, — так Юпитер велел. Бежит чередой бесконечной
быстрый приказ: отряды спешат и являют готовность
к бою, на поле сходясь, которое — с городом рядом —
обречено межусобью лежит и ждет разъяренных.
Враг еще не напал, а матери вспугнутым строем
всходят на стены и блеск сыновних доспехов оттуда
зрят и отцов под шеломами их, внушающих ужас.
Одаль на башне пустой Антигона, еще не решаясь
перед людьми показаться, свой лик охраняет одеждой[34]
черною; с ней провожатый, — он был у Лаия прежде
оруженосцем, а днесь царевна доверена старцу.
Первой вступила она: "Надеяться ль, что от пеласгов
эти знамена — заслон? Пелоповы сходятся, слышно,
все племена, — назови, умоляю, царей чужеземных.
Нашего я и сама различаю значки Менекея,
силы, с которыми наш выступает Креонт, и высокий
с медною Сфингой[35] идет из ворот Гомолоидских Гемон".
Так в простоте Антигона, а ей — Форбант престарелый:
"Тысяча лучников там с ледяной тапагрской вершины,
вождь их — Дриант, — у него на щите белоснежном трезубец
изображен и перун золотой; Ориона потомок,
доблестен он, но его да минует отчая доля
и да утихнет, молю, гнев давний безбрачной Дианы[36].
И подчиняясь царю добровольно, Окалея рядом,
следом за ней Медеон, и славная рощами Ниса[37],
и оглашаемая Дионы летуньями Фисба[38].
Рядом — Эвримедонт в пастушеском вооруженье
Фавна отца, осенивший шелом сосной, словно конской
гривой; он страшен в лесах, — и, думаю в битве кровавой
будет таков же. А с ним — Эритры, где стад изобилье[39],
Скол и те, что живут на хребтах Этеона опасных[40],
и на гилейских брегах нешироких, и в аталантийском
Схеноне, гордые, чтут следы знаменитого поля[41].
По-македонски они сариссы[42] из ясеня держат
и от убийственных ран загражденье надежное — пелты[43].
Вот из Онхеста сюда нептуновы люди[44] стремятся

с криками, — их Микалес в полях[45], поросших сосною,
кормит, и Мелас поит палладин, и влагой Гекаты —
ключ Гаргафийский; у них — Галиарту на зависть — сжинают
злаки, которые тот изобилием трав превосходит[46];
дроты — обломки стволов, шеломы — львиные пасти,
выдолбы древ — их щиты. Лишенных царя, посмотри-ка,
наш Амфион предвождает, — его — легко опознаешь:
лира на шлеме его и пращуров бык различимы.[47]
Юноша чистой души, готов он в гущу сражений
прянуть и стены своей заслонить обнаженною грудью.
Даже и ты, геликонский отряд[48], на помощь явился
нашему граду, и вы, о Пермесский ручей со счастливой
Ольмией, певчей струёй питомцев вооружили,
не признающих войны. Прислушайся: с отчим напевом
бодрая стая летит; — когда непогода седая
выпадет — лебеди так забелевший Стримон покидают.
Мчитесь же смело: вовек не изгладятся подвиги ваши,
память о войнах спасут нескончаемой песнею Музы".
Так он сказал, а дева вплела невеликое слово:
"Братья вон те истоком каким связуются оба?
Сколь же доспехи у них одинаковы, сколь же шеломы
вровень вздымаются вверх! — Будь бы в наших такое согласье!"
Старец с улыбкою ей: "Не первая ты, Антигона,
зреньем в обман введена, — их братьями часто считают,
лет их не зная, но нет: то сын и отец, хоть и трудно
каждого век различить. Деркето, бесстыдная нимфа,
Лапифаона, еще не познавшего ложа и браку
чуждого, страстно стремясь к супружеству, невпору мужем
сделала, и Алатрей прекрасный вскоре родился.
Днесь за родителем он, расцветающим юностью первой,
следует, близок ему и чертами лица, и летами;
и незаконным своим прозванием оба гордятся,
больше — отец: его веселит и грядущая старость.
Триста на битву отец выводит воителей конных,
столько же сын, — они, говорят, из Глисанта сухого[49]
и из Коронии[50] в путь устремились: Корония жатвой
хлеба обильна, Глисант почитает Вакховы лозы.
Лучше, однако, взгляни на Гипсея, чья тень над четверкой
мощной широка лежит: семислойною шкурой обтянут,

в шуйце — щит, грудь скрыта тройным нашитым железом, —
грудь, ибо он никогда не боится за тыл. Украшенье
древнего леса — копье, чей лет неизбежно нацелен
в плоть иль доспех, и рука никогда не перечит приказу.
Молвят, что он от Асопа рожден, — тогда бы хотел я
видеть отца, когда, распалясь и мосты сокрушая,
в небо взвился он и, дочь, негодующий, деву отмщая,
гневные воды свои на Громовника-зятя обрушил[51].
Ибо, от отчих брегов похитив Эгину, Юпитер
прятал в объятьях ее, а поток обезумел и звездам
в гневе готовил войну: такого тогда не прощали
даже богам. Он восстал и, в ярости дерзкой разлившись,
в бой рукопашный вступил, но кого вызывал — не добился;
и, наконец, поражен трехжальною вспышкой и громом, —
пал. До сих пор в берегах задохнувшихся бурные воды
рады золу в небеса выдыхать грозовую, а также
казни великой следы — этнейские дымные тучи.
В поле кадмейском Гипсей — он таков же — еще поразит нас,
коль Громовержца смирить Эгина счастливая сможет.
Он итонейцев ведет и алалькомепейской Минервы
рати, какие дала Мидея и Арна хмельная[52],
тех, что Платеи луга засевают, Авлиду и Грею,
и бороздой Петеон усмиряют, и нашей владеют
частью Эврипа, чей ток переменчив, и самым далеким
краем — тобой, Анфедон[53], где Главк с травянистого брега
прыгнул в зовущую гладь и, уже голубея власами
и бородою, своих испугался конечностей рыбьих.
Камнем Зефиры пронзать из крученой пращи им привычно,
гезы тяжелые их даже стрел кидонских быстрее[54].
Ежели б также и ты красоты знаменитой Нарцисса
выслал, Кефис! — Но в феспийских полях сей отрок угрюмый
блекнет[55], и сирой волной родитель цветок омывает.
Кто же, однако, привел и фебову рать, и Фокиду[56]
древнюю, — тех, кто Панопу рыхлит, Кипарисс и Давлиду,
долы твои, Лебадия, тебя, висящий на острых
скалах Гиамполь, тебя, Парнас с двойною вершиной,
тех, кто Кирру и кто на волах Апеморию пашет,
край корикийских лесов, и Лилейю, откуда Кефиса
бьет леденящий исток, к которому жажду обычно

нес, задыхаясь, Пифон, отводивший воды от моря;
также на тех посмотри, кто лаврами шлем оплетает, —
Титий у них на щитах или Делос; и тех, у которых
тулы наполнил сей бог бесчисленным смертоубийством[57].
Вождь их — суровый Ифит, чей отнят родитель недавно —
славный Навбол Гиппасид, твой некогда, Лаий кротчайший,
гостеприимец… — О, сколь колесницей я правил беспечно,
как под копыта копей ты упал от ударов жестоких,
горло (о, если б моей истекавшее кровью!) пронзивших".
Щеки при этих словах увлажнились, лицо побледнело,
слов беспрепятственный ток прервался пробежавшей внезапно
судорогой, но силы влила питомица в сердце
старца любезное, — тот, успокоившись, тихо продолжил:
"Гордость моя, и тревога моя, и последняя радость,
о Антигона! Лишь ты здесь держишь мой призрак отживший.
Видно, старинный мне зреть и удар, и злодейство все то же,
мужу доколе тебя я не выдам, невинную деву, —
после ж из жизни меня отпустите усталого, Парки.
Но понапрасну крушась, упустили мы, я замечаю,
стольких вождей: ибо мной ни Клонис[58], ни с гривой по спинам
Абантиады, ни ты, скалистый Карист, ни долина
Эг, ни крутой Каферей доселе не названы были, —
ныне же сбившийся строй не дает, и скопленье мешает,
и призывает уже ополчение брат[59] твой к молчанью".
Вот что с твердыни старик, и следом с вала правитель[60]:
"Гордые духом цари, которым готов подчиниться
я, воевода, дабы родные отстаивать Фивы!
Нет, не хочу подхлестывать вас, поскольку свободен
воинский пыл: вы сами клялись по заслугам яриться.
А восхвалить и воздать благодарность достойную — трудно:
пусть небожители вам воздадут, пусть — ваши отряды,
свергнув врага. Вы сошлись от союзных племен на защиту
града, который попрать не насильник с далекого брега
и не воитель, землей порожденный чужою, намерен,
но своеземец: и здесь у вождя полков супротивных
есть и отец, здесь и мать, здесь единоутробные сестры,
здесь же был некогда брат. Смотри: ты, всеокаянный,
дедам погибель чинишь, — но тут же без зова вступилась
мощь аонийских племен; о злодей, я тебе — не добыча!

Волю защитников сих тебе подобало бы ведать:
царство вернуть не велят". — Изрек и как должно расставил
всех: кто бои поведет, кто будет защитником стенам,
кто устремится вперед, а кто в середине поддержит.
Так на рассвете пастух по росе сквозь решетчатый выход[61]
высвобождает загон прутяной, велит, чтобы сначала
шли вожаки, а стада ядро составили овцы;
сам принимает приплод и сосцы, бороздящие землю,
высвобождает, неся кормилицам слабеньких ярок.
А между тем и ночью и днем при оружье данайцы,
новую ночь и день, что за ней, — так гнев подгоняет —
мчатся, привалы презрев: ни сон, ни еда их похода
не замедляет почти, — они на врага поспешают,
словно бегут от врага. Их дива не держат, какие
случай наслал, предвещающий зло и рок неминучий.
Страшные знаменья им рассевают и птицы, и звери,
звезды, а также ручьи, из своих убежавшие русел,
грозно грохочет отец, и зловещие вспышки сверкают,
ужас наводят могил голоса, открываются сами
двери святилищ; с небес — то каменья, то ливень кровавый;
духи внезапно встают и сонмы рыдающих предков.
Не раздавались тогда аполлоновой Кирры вещанья,
и неурочной порой Элевсин оглашался всенощный
воплями, и — отворив святилища — вещая Спарта
зрела, как сшиблись (беда!) меж собой амиклейские братья.
Весть от аркадцев пришла, что безумная тень Ликаона
выла в ночной тишине, и что по свирепому полю
шел Эномай, — из Пизы неслось; а что обломился
рог и второй Ахелоя, — пришлец акарнанский поведал.
И омрачившийся лик Персея, и смутной Юноны
молят точеный кумир Микенцы; об Инаха стонах
пахари передают, а моря двойного[62] насельник
вопли фиванца донес Палемона над понтом спокойным.
Внемлет вестям пелопидов отряд, но жажда сраженья
воле богов противостоит и страха лишает.
Вот и твои, Асоп, берега и ток беотийский
виден, — но с ходу пройти через вражьи струи не решилась
конница: ибо тогда как раз он разлился, огромный,
по встрепетавшим полям, возбудясь от дуги дожденосной
или от туч над горной грядой, иль то было просто

волей реки, и родитель сдержал войска половодьем.
Яростный Гиппомедонт согнал с возвышенной кручи
вздыбившегося коня и уже из самой пучины
крикнул вождям остальным, поводья подняв и оружье:
"Мужи, идите за мной! Клянусь, что так же на стены
вас поведу и так же ворвусь в укрепленные Фивы".
Все поспешили в поток, и стыд охватил отстававших.
Так, когда подведет к реке неизведанной стадо
пастырь[63], то скот — понуро стоит: противоположный
брег далеко, а страх посреди — широк; но едва лишь
ступит вожак и укажет им брод, — теченье спокойней
мнится, и легче прыжок, и берег им кажется ближе.
Невдалеке и хребет, и для стана удобное видят
поле[64], откуда и град различить, и сидонские стены
можно. Понравилась им защищенного места надежность:
холм высокий, внизу распростерлось открытое поле,
и ни единой горы, с которой за ними противник
мог бы следить; укреплений чреду добавил недолгий
труд, ибо место самой опекаемо было природой:
скалы высокие вал заменяли, ущелья служили
рвами, и случай возвел четыре холма, словно башни.
Прочее сами вершат, покамест не скрылось за горы
солнце и сон не послал утомившимся освобожденье.
Может ли чья-либо речь описать возбужденные Фивы?
Эта последняя ночь пред войной, несущей погибель,
город бессонный страшит и грозит наступлением утра.
Все на стены взошли, но нет от толикого страха
верной ограды, — слаба перед ним Амфиона твердыня.
Шепот все новых врагов указует повсюду, а ужас
множит их мощь и число: инахийцев палатки напротив
видят они и на скалах своих — костры иноземцев.
Эти взывают к богам, умоляя и плача; другие —
к марсовым дротам, к коням боевым; а третьи — рыдают,
близких обняв, и, несчастные, их о кострах и могилах
просят. А ежели сон и сомкнет, ненадежный, им веки, —
битвы ведут. То отсрочка мила, то жизнь ненавистна
жалким, и, утра боясь, умоляют, чтоб утро настало.
И Тисифона, змеей потрясая двойною, ликует
в лагере том и другом, и брата преследует братом,
братьев обоих — отцом[65]; а тот в отдаленных покоях,

яростный, Фурий зовет и неистово требует зренья.
Фебы холодной лучи и звёзды померкшие ранний
день угашал, и уже Океан воздымался грядущим
светом[66], и водная гладь, разомкнувшаяся пред Титаном,
новым коней огненосных лучам уже уступала.
Тут — с безумьем в очах, с сединою, посыпанной пеплом,
с ликом бескровным, рукой, от ударов о грудь почерневшей,
ветку оливы неся, оплетенную темною шерстью,
видом ужасным своим Эвмениде старейшей[67] подобна,
в скорбном величии бед из ворот Иокаста выходит.
Дщери с обеих сторон — днесь лучшая поросль — старуху,
свой торопящую шаг с непосильной поспешностью, держат
под руки. Та, ко врагу подойдя, обнаженною грудью
бьет в супротивный засов и впустить с дрожащими молит
воплями: "Дайте войти, вас просит преступная матерь
этой войны: у чрева сего на стан ваш есть право
страшное". — Вида ее трепеща, но более — речи,
в ужасе войско молчит. Но вот от Адраста вернулся
вестник: по слову вождя ее пропустили, меж лезвий
путь приоткрыв. А она, воевод увидев ахейских,
ярая в горе своем, ужасающий крик испустила:
"О арголидская рать! Но кто же меж вами — противник,
мною рожденный? Найду под каким я шеломом, скажите,
сына?" — Кадмейский герой навстречу смятеной выходит
и обретенную мать слезами и радостью полнит,
хочет утешить, обняв, и шепчет "о мать" меж рыданий,
"мать" повторяет и к ней приникает, и следом — к любезным
сестрам, но старая тут умножает рыдания гневом:
"Слез умиленных зачем и ласкающей речи притворство?
Царь аргивский, зачем, обвивая объятьями шею,
ты ненавистную мать к железной груди прижимаешь?
Ты ли — скиталец, изгой, чужак, вызывающий жалость?
Нет, ты всех поразишь: ведь твоих ожидает приказов
мощная рать, и сотни мечей у пояса блещут.
Горек удел матерей! О тебе ли денно и нощно
плакала я? Но если слова и родных уговоры
чтишь, то покамест войска молчат и пока благочестье
медлит в испуге, — я, мать, и велю, и тебя умоляю:
шествуй со мной и отчих богов, и кровли, пожаров
ждущие, снова узри, и брата — что взор ты отводишь? —

брата о царстве проси, и ныне — я рассужу вас.
Иль он отдаст, иль меч ты возьмешь по лучшей причине.
Или боишься, что мать — соучастница козни — обманет
сына?[68] — Но всё ж не настоль бежала от наших пенатов
всякая честь: и Эдипу вождю ты довериться мог бы.
Мерзостны брак и потомство мое[69], но всё же люблю вас —
горе! — и ваши прощать до сих пор я готова безумства.
Если ж стоишь на своем, — тогда мы тебе доставляем
сами триумф: полоненных сестер свяжи и в оковы
ввергни меня, и недужный отец приведен непременно
будет к тебе. А теперь обращаюсь я к совести вашей,
о инахиды: и вы оставили малых и старых
дома, и так же о вас рыдают, — доверьте ж родившей
чадо ее! Коли вам стал он дорог за краткое время
(так пусть и будет!), то сколь он мне, о пеласги, и этим
дорог сосцам! — Своего я добилась бы и от гирканских
иль одрисийских царей и любых, кто яростней наших.
Только кивните, — не то я умру, обнявшая сына,
здесь — в преддверии битв". — Отряды надменные были
сломлены речью: уже кивают шеломы, слезою
чистой доспех окроплен. — Вот так на ловчих и колья
груди могучим броском разъяренные львы налетают[70];
после ж — и ярость слабой, и рады плененной утробы
глад утолить без забот. — Смиренные души пеласгов
заколебались, и пыл, вожделеющий битв, укротился.
Сам он уже, то лицо обратя к материнским лобзаньям,
или к Исмене младой, а то — к Антигоне, молящей
слезно, — за бурей страстей, волнующих разноречиво,
царство забыл; он стремится идти, и не запрещает
кроткий Адраст, но вступает Тидей, гнев праведный помня:
"Лучше, о други меня, испытавшего честь Этеокла, —
а ведь ему я не брат — меня к царю отошлите,
чье миролюбье досель и добрую волю лелею
в этой груди. А тогда, посредница мира и чести[71],
мать, где была ты в ту ночь, меня задержавшую славным
гостеприимством? Влечешь не к такой ли и сына ты встрече?
В поле его поведи, которое вашею тучно
кровью досель, и тучно моей. Ты — следуй за нею,
кроткий чрезмерно, увы, и чрезмерно не помнящий близких.
Мнишь, что когда над тобой отовсюду враждебные длани

вскинут мечи, то она усмирит рыданьем оружье?
Он ли тебя, о глупец, заключенного в городе, гневом
полного, пустит назад в аргивские станы вернуться? —
Раньше вот это копье железное выгонит листья[72],
Инах и наш Ахелой потекут к истокам скорее!
Кроткие речи и мир достигаются грозным оружьем.
Стан ведь и этот открыт, и не за что нас опасаться.
Мне он не верит? — Но я отступлю и прощу свои раны[73].
Пусть с ним войдет та же самая мать и посредницы сестры,
И предположим, что он, как условлено, царство оставит, —
сам-то — вернешь ли назад?" — И вновь передумав, отряды
к мненью склонились его (так воздуха вихрем внезапном
встречный Нот увлекает простор, подчиненный Борею):
любы им вновь и оружье, и гнев. А Эриния злая,
миг улучив, семена подбросила первого боя[74].
Две близ диркейских тогда потоков тигрицы бродили[75]:
смирно они под ярмом колесничным служили, и Либер —
в битве восточной досель истребитель, но днесь победитель[76] —
их отослал к аонийским полям от брегов эритрейских.
Рать божества[77] со старейшим жрецом тигриц, позабывших
кровь и дышавших травой индийской земли, по уставу
спелой лозой и плетеньем цветов украшали различных
и между темных полос наносили связующий пурпур.
Их и холмы полюбили уже, и — кто бы поверил? —
скот на полях, и близ них мычать не страшились телицы.
Голод тигриц никогда не терзал, — из рук их кормили;
пищу вкушали они и страшные пасти склоняли
к струям вина, забредая в село; и если входили
поступью кроткою в град, — все жертвами храмы и каждый
дом пламенел, ибо сам их Лиэй посетил, полагали.
Каждую трижды бичом из змей перевитых коснувшись,
их Эвменида опять повергла в свирепость и буйство
прежнее, — и понеслись по полям удивленным тигрицы.
Словно с различных сторон две молнии одновременно
вспыхнув, срываются, след в облаках оставляя[78] пространный,
именно так промчались они в стремительном беге
и, пересекши поля, огромным прыжком на возницу
(Амфиарай, твоего — то знаменье было: господских
первым случайно коней он к ближайшему вел водопою)

бросились, — тут же был смят Ид — рядом стоял он — тенарский,
и Акамант этолиец; в поля звонкоступы лавиной
ринулись, но Аконтей, распаленный зрелищем бойни
(диких зверей поражать ему, аркадцу, привычной
доблесть была), отогнал к стенам обратившихся верным
тучею жал и, метнув не одно копейное древко[79],
трижды, четырежды им хребет пробивает и брюхо
метким ударом. Они след тянущийся оставляя
льющейся крови, влекут к воротам торчащие дроты
и, издыхая уже, с похожим на жалобу стоном
раненные бока прислоняют к возлюбленным стенам.
Мнится, что храмы и град захвачены, и запылали
Лары сидонцев огнем несказанным, — такой из открытых
стен подымается вопль: потерять колыбель Геркулеса
мощного легче для них, иль покои Семелы[80], иль храмы
древней Гармонии. Тут жрец Вакха Фегей Аконтея,
копья рассеявшего и гордого кровью двойною,
в грудь поражает мечом. Подоспела тегейская младость
поздно на помощь к нему: уже на тигрицах закланных
юноши тело лежит — за вакхову кровь искупленье.
Переговоры тогда из-за шума внезапного в стане
оборвались: Иокаста бежит меж врагов разъяренных,
длить не решаясь мольбы. Ее и дщерей толкают
прежде жалевшие их, крутой же Тидей улучает
время: "Подите теперь понадейтесь на мир и на верность!
Вновь Этеокл от нечестья не смог удержаться, дождавшись,
чтоб возвратилася мать!" — Так молвя, мечом обнаженным
он созывает своих. Стал крик — свиреп, и пылает
ярость — повсюду, и бой идет без всякого чина:
люд и вожди — смешались, никто не внимает приказам,
вместе и всадников строй, и пешие сходятся рати,
и быстрота колесниц; неуемные толпы сминают
павших и ни показать себя не дают, ни увидеть
воинов вражеских. Так с аргивской фиванская сила,
сгрудясь внезапно, сплелась. Знамена и трубы остались
сзади, и зовы рогов завязавшийся бой догоняли.
Сколь разъяряется Марс от малости пролитой крови! —
Сходственно ветер, меж туч собирающий первые силы[81],
легкий, сначала листву и вершины высокие треплет,
после же — сносит леса и хребты обнажает густые.

О Пиериды, теперь (ведь мы вопрошаем вас, сестры,
не о чужом) о ваших боях, об Аонии вашей
молвите нам: вы видели все, и от близкого Марса
в громах тирренской трубы геликонские плектры дрожали.
Вот звонкоступ, ненадежный в бою, Птерела Сидонца,
рвущего повод, тащил через вражьи отряды, свободный, —
столь ослабела рука. Тидея копье сквозь лопатку
входит и, слева пронзив у юноши пах, пригвождает
падающего к коню, — и, связан с хозяином мертвым,
конь — бежит и уносит того, кто оружье и повод
больше не в силах держать. — Из душ одну сохранивший,
раненый насмерть кентавр так телом на круп поникает.
Спорит оружия мощь: разъярившись в бою, Сибариса
Гиппомедонт поразил, Менекей — Перифанта пилосца,
Итиса — Партенопей; Сибарис от меча погибает,
злой Перифант — от копья, от стрелы злокозненной — Итис.
Марсов Гемон поражает клинком инахийца Кайнея
в выю, и — разлучены с огрубленным телом — взыскуют
очи отверстые — плеч, дыханье — главы. За доспехом
павшего прянул Абант, но, стрелою настигнут ахейской,
он, умирая, щиты и вражий, и свой выпускает.
Кто, о Эвней, надоумил тебя оставить служенье
Вакху и рощи его (уходить из которых не должен
жрец) и другой заменить привычную Бромию ярость?[82]
В ком ты вызовешь страх? — Щита сквозное плетенье
блёклый плющ и венки с нисейских вершин покрывают,
приплетена виноградной лозой белоснежная повязь[83],
на плечи пряди легли, на ланитах пушок пробивался,
панцырь, негодный в бою, тирийскою пряжею рдеет,
руки в плену рукавов, подошвы цветные — в плесницах,
складками тонкий виссон[84], булавка злата резного
с яшмою светлой насквозь прокусила тенарскую паллу,
гул висящий звенит, золотистой обтянутый рысью.
Шествует, полн божеством, меж тысячами и глаголет
громко: "Прочь длани свои, — при знаменьях благоприятных
место сих стен указал Аполлон телицей киррейской!
Сжальтесь, ведь в стены сии сошлись добровольно утесы,
мы — священный народ: зять этого града — Юпитер[85],
тесть — Градив, и доподлинно Вакх — питомец фиванский,
и многомощный Алкид". — Ему, взывавшему тщетно,

бурный навстречу грядет Капаней при древке летучем.
И словно лев, поутру воздымающий с мрачного ложа[86]
ярости первый порыв и ждущий в пещере свирепой
лань ли, или бычка, чей лоб еще невоинствен,
рыком красуясь, идет и, теснимый оружьем и стаей
ловчих, добычу следит и не замечает ударов, —
так тогда Капаней ликовал перед схваткой неравной,
и примерял кипарис, угрожающий весом великим[87].
Прежде однако: "Зачем, — говорит, — причитанием женским,
смертный, мужей ты страшишь? Вот если бы тот[88] появился,
кем ты безумен! А ты — пой женщинам тирским!" — и древко
бросил; оно же, летя так, словно был путь беспрепятствен,
только о щит прогремев, уже из спины вылетает.
Наземь — оружье, звенит протяжными воплями воздух,
хлынув, кровь заливает наряд, и гибнешь ты, дерзкий,
гибнешь, Аонии сын, другая забота Лиэя.
Тирсы сломив, оплакал тебя хмелеющий Исмар,
Ниса цветущая, Тмол и Наксос тесеев[89], а также
Ганг, который признал фиванские таинства в страхе.
Неторопливого зреть не пришлось Этеокла аргосцам:
скромен — своим не в пример — он страшился мечей Полиника.
Амфиарай на конях, уже опасавшихся пашни,
мчится других впереди, в негодующем поле вздымая
преизобильную пыль: Аполлон красою ненужной
вознаграждает слугу и кончину его озаряет.
Он зажигает ему и щит, и шелом драгоценным
блеском, и вовремя ты, Градив, Аполлону дозволил,
чтобы рука не коснулась жреца и не был он ранен
смертной стрелою в бою, — да к Диту достойно и свято
он отойдет. И таков он в гущу врагов устремился,
зная о смерти и сам[90], — придавала верная гибель
силы ему: возросли и мышцы у мужа[91], и ярче
виделся день, и досель не читал он в небе яснее,
но не гадал, ибо Честь отвлекла, сопредельная смерти.
Он ненасытной пылал любовью к свирепому Марсу,
мощной десницей играл и пылкой душой надмевался.
Он ли, бывало, смирял несчастья людей, отнимая
силу у судеб? — Насколь был сей непохож на былого[92],
кто соблюдал и треножник, и лавр[93], а также во всякой

туче умел распознать летуний — свидетельниц Феба.
Люд без числа закалал он мечом[94] — словно год смертоносный,
710 или губительный блеск злосчастной звезды — для своих же
манов; а гордый Филей копьем был сражен, и копьем же —
Флегий, а Хреметаон и Клопис — серпом колесницы[95]:
этого ссек стоящего в рост, того — под колена.
Выпустив дрот, поразил Ифиноя[96], Хромия, Сага,
Гиаса с гривой волос, Ликорея, служителя Феба —
не злонамеренно[97]: он метнул уже ясень могучий,
и обнажилась тогда из под сбитого шлема повязка.
Камнем сражен Алкафой, у кого близ вод каристийских
были и дом, и жена, и дети, любившие берег;
720 долгую прожил он жизнь небогатым пытателем моря,
а погубила — земля; умирая, и бури, и Ноты
он вспоминал, и счастливейший гнев привычного понта.
Оное долго уже одиноких бойцов избиенье
зрит асопов Гипсей и отвесть сраженье стремится.
Правда, изрядно и сам колесницей тиринфскую силу
он разметал, но вся эта кровь уступала авгуру,
к коему дух и доспех он стремит; но — с мощным отрядом
связано — клина крыло препятствует; все ж, приподнявшись,
дрот, на родных берегах[98] отобранный, он направляет,
730 прежде воззвав: "Аонидовых вод даритель прещедрый,
славный Асоп, и досель знаменитый гигантовым пеплом[99], —
помощь деснице даруй! Умоляю и я, и твоею
влагой воспитанный дуб: я Феба могу не бояться,
если родитель богов к тебе благосклонен; — оружье
в воды твои погружу и с авгура снятую повязь".
Внял родитель мольбам, но явить пожелавшему милость
Феб помешал и удар отклонил в возничего Герса.
Рухнул возничий, и бог сам взял безвольные вожжи[100],
облик притворный приняв Галиагмона, родом лернейца.
740 И отступали тогда перед ярым любые знамена:
от одного погибали они перепуга, — без раны
робких жалкая смерть настигала, и было неясно,
держит ли груз норовистых коней иль гонит быстрее.
Словно гор**ы** заоблачный склон[101], не выдержав бури
вновь налетевшей зимы или сломленный возрастом, с кручи
рушится, страшно грозя долинам, и тащит с собою

с разных высот по пути поля, и селян, и деревьев
древних стволы а потом, истощившись, лавиной бессильной
то углубленье пробьет, то реку прервет посредине, —
так — обременено и мужем могучим, и богом —
дышло кровью то с той, то с другой стороны закипает;
Сам равно и бразды опекает[102], и стрелы Делосец,
сам направленье дает броскам, и враждебные жала
сам отвращает, лишив летящие древка удачи.
Пеший простерт Меланей[103], и простерт Антифон, высотою
не защищенный коня, и — нимфы дитя геликонской —
Аэтион, и Полит, обесславленный братоубийством,
и попытавшийся смять Манто-пророчицы ложе
Ламп, на которого Феб потратил священные стрелы[104].
И звонкоступы уже, дрожа и храпя, бороздили
гибнущей плоти поля, и всякий их след доставался
трупам, и в крошеве тел колея глубокая рдела.
Тех, отошедших уже, ось лютая давит, другие —
ранены, но не мертвы — не в силах с пути отклониться,
видят, как ось наезжает на них; узда напиталась
кровью, и скользкий возок неустойчивым стал, и колеса
сукровицей тяжелы, и медлит копыто во взрытых
внутренностях; и тогда, взъяренный убийствами, жала
брошенные и в костях пробитых торчащие копья
бог вырывает, и вслед колеснице стон душ[105] раздается.
Бог Аполлон, наконец слуге открываясь, промолвил:
"Жизнью своей насладись, облекись грядущею славой, —
днесь я с тобой, и меня невозвратная смерть стережется;
но покоримся: ничьей не раскрутят суровые Парки
нити; — ступай: ты обещан давно элисийским народам
к радости их, — не придется тебе приказаний Креонта
гнет испытать и лежать в наготе пред запретной гробницей".
Он же ему возразил, на миг прерывая сраженье:
"Отче Киррейский, тебя, на запряжке, к погибели мчащей,
прежде еще (откуда почет толикий несчастным?)
я опознал. Теснящих доколь удерживать манов?
Слышу и Стикса уже стремительный бег, и потоки
мрачные Дита, и пасть ужасного стража тройную.
Что ж, — и главы украшенье прими, и лавр возвращаю, —
было б нечестьем в Эреб их унесть. И просьбой последней —
коль отходящему мне причитается малая милость —

Феб, я тебе и обманутый лавр, и казнь нечестивой
препоручаю жены, и сына прекрасную ярость".
Горестный спрянул тогда Аполлон, рыданья скрывая, -
ось застонала тогда и осиротевшие кони.
Именно так в порыве слепом полночного Кавра
судно предчувствует смерть, когда ферапнейские братья
прочь от ветрил, обреченных огню сестры, убегают.
И начинала уже земля, расседаясь, вздыматься,
почвы поверхность — дрожать и вскипать набухшею пылью,
поле — гудеть из глубин преисподней уже начинало.
Трепетным толпам — войной, этот грохот войною казался,
тверже ступали, но тут — трус новый оружье, и воев,
и пораженных коней покачнул; вершины деревьев,
стены уже колебались, Исмен от брегов обнаженных
прочь побежал; и гнева — как нет; и в землю вонзая
зыбкие копья, бойцы за неверные держатся древка,
и отступают, взглянув на бледные лица друг друга.
Так, если, море презрев, для схватки в соленом просторе
сводит Беллона суда, то стоит приспеть благосклонной
буре, — и всякий, себя упасая от гибели новой,
прячет свой меч, и сдружающий страх врагов примиряет.
Точно таков был вид всколебавшейся на поле битвы.
То ли, страдая, земля, вобравшая воздуха вздохи,
буйство ветров изгоняла и их сокрытую ярость;
то ли изъела вода подземная рыхлую почву
и поглотила, размыв; то ли мчащееся небозданье
вдруг налегло, или глубь морскую нептунов трезубец
вздыбил и мощным сотряс прибоем пределы земные;
или был издан сей гром для пророка; иль пашня грозила
братьям… — Но тут глубокий провал отверзшейся бездны
вскрылся, и тени — светил, и светила — теней ужаснулись.
Зев необъятный вместил пророка с упряжкой, готовой
перескочить, и тот — ни оружье, ни повод не бросил.
На колеснице — как был — он мчал непосредственно в Тартар:
падая, в небо взглянул, и при виде того, как смыкалась
пашня, — стенал, пока не свела разошедшейся почвы
менее сильная дрожь, отнявшая свет у Аверна.

КНИГА VIII

Только нежданный пророк[1] к мерцающим теням низвергся
и к смертоносным домам во владенья царя схороненных
рухнул, своим всполошив погребеньем воинственным манов, —
ужас всех охватил: в стигийском краю поражались
стрелам, коням и плоти живой, — ведь тело не знало
жара костра и пришло не из урны печальной, обуглясь,
но накалилось в бою, и щит кровавой росою
был окроплен и прахом покрыт разъятого поля.
И не взирала еще на него Эвменида с лучиной
тисовой, и, записав на черном столбе, Прозерпина[2]
к сонму умерших его не причла; и даже круженье
прялки Судеб он застал, и только при виде авгура
Парки, вострепетав, оборвали бегущую нитку.
Также вторженье его элисийцы беспечные зрели,
также и те, кто вдали — в глубине преисподней — томился
ночью иной под сводом слепым темницы мрачнейшей.
И застонали тогда застойные воды и гари,
бледный тогда возроптал тененосной волны бороздитель[3],
что до глубин растворен земли непривычным разъятьем
Тартар и маны теперь непривычным путем прибывают[4].
Сидя тогда в срединном дворце несчастливого царства,
за преступленья судил народы правитель Эреба[5],
доли людской не щадя, суров со всякою тенью.
Фурии рядом стоят, и разных смертей вереницы,
и беспощадная Казнь готовит гремящие цепи;
Парки — души сучат и тем же перстом обрекают —
труд непосильный! Вблизи благодетельный Минос с ужасным
братом решенья блюдет наилучшие и умеряет
ярость царя. Близ них, набухая огнем и слезами,
бдят Флегетон и Коцит, а Стикс — богов обличает
клятвопреступных[6]. Плутон, доселе не ведавший страхов,
видя отверзшийся свод, испугался светил заблиставших,
после ж, вознегодовав от милого света, промолвил:
"Что за крушенье небес Аверн эфиром пронзили
чуждым? Кто мрак разомкнул, в безмолвных память о Жизни
вызвав? Откуда гроза? Кто из братьев[7] готовит сраженье?

Что ж, коли так, я готов: пусть различия мира погибнут!
Мне это слаще других![8] Побежденного, с горнего свода
сверг меня третий удел блюсти подземное царство.
Но и оно — не мое, если звезды ужасные могут
к нам заглянуть! Уж не робкий ли царь[9] проверяет с Олимпа
силы мои? — У меня и Гиганты в разбитых оковах[10],
и под эфирную ось готовые выйти Титаны,
и несчастливый отец[11]. Что ж он мне мешает, свирепый,
скорбный досуг мой сносить и отдых безблагодатный,
и отвергать покинутый день? — Всё царство открою
сам я, пущу в небеса стигийские Гипериона[12],
и не верну Аркадца к богам[13] (зачем мне сей вестник
между домами одним и другим?), Тиндаридов обоих
здесь удержу. Для чего в ненасытном кружить Иксиона
вихре, волнам почему губ танталовых не дождаться?
И неужели терпеть, что Хаос не раз оскверняли
гости живые?[14] Меня опрометчивый пыл Пирифоя
мучит, а также Тесей, присягнувший бесстрашному другу,
и беспощадный Алкид, пред которым — смирителем стража —
смолк железный порог[15] хранимого Кербером входа.
И одрисийским, о стыд, открылся жалобам Тартар:[16]
видел я сам сей позор, как под звуки чарующей песни
слезы текли Эвменид и Сестры — урок повторили.[17]
Также и я… — но лучше блюсти закон беспощадный[18].
Я ведь всего только раз — и не к звездам высоким — решился
выйти тайком и жену с лугов сицилийских похитил[19].
Но оказалось — нельзя, и Юпитера правая воля
вместе с родившею год для меня сократили, урезав.[20]
Впрочем, довольно! — Иди, Тисифона, и мсти за глубины
Тартара: выбрав из всех небывалых лютейшее, мукой
редких чреватое бед, доселе невиданных небом,
зло учини — к моему восхищенью и сестрам на зависть.
Пусть же братья (вражды меж нами первым явившись
знаменьем) — братья в борьбе падут на раны друг друга[21]
к радости Марса, и пусть разъяренному зверю подобный
вражью главу пожирает один, другой — воспрещает
мертвым последний огонь[22] и эфир оскверняет нагими
манами: пусть же на них поглядит Громовержец свирепый.
А чтоб неистовство их не мои лишь терзало владенья,

противоборца богов отыщи, и пусть отразит он
молнии огнь[23] запылавшим щитом и Юпитера злобу.
Сделаю так, что никто не сочтет, будто менее страшно
Тартар теснить, чем сомкнуть Пелион с лесистою Оссой[24]".
Так он промолвил; в ответ на призывы его отозвался
дрожью угрюмой чертог[25] и сотряс давящую сверху
землю. — Юпитер-отец поражает не более небо,
хмуря лицо, и зведную ось наклоняет не круче.
"Как же тебя мне казнить, — продолжал, — о слетевший внезапно
по пустоте сквозь неведомый вход?" — Тот встал перед грозным
взгляду прозрачен уже, уже при оружье бесплотном,
пеший уже, но еще на угасшем лице оставался
прежний авгура убор, и темнеть на челе продолжала
повязь, и ветку в руке держал он оливы умершей.
"Если дозволено здесь и возможно чистым отверзнуть
манам уста, о ты, для всех других завершитель,
а для меня — я ведь знал причины и первоначала —
сеятель, — сжалься, молю, смягчи и угрозы, и ярость
и не гневись на меня, — твоих трепещу обвинений.
Не Геркулесу вослед (не столь я отважен), а также
не для запретных услад (поверь сим стонам!) дерзнул я
в Лету вступить, — и пусть не бежит угрюмый в пещеру
Кербер, и пусть не дрожит колесницы моей Прозерпина.
Я, недавний авгур, алтарям Аполлона угодный,
Хаосом полым клянусь (здесь ничто аполлоновы клятвы):
рок необычный меня постиг без вины, и похищен
у благодатного дня незаслуженно я, — это знает
критского урна судьи, и Миносу правда известна.
Был я коварством жены и златом губительным предан,
и в Арголидский поход (откуда все новые тени —
а среди них и моей пораженные дланью — приходят)
я не невеждой вступил[26], но твердь расходилась внезапно
(дух мой дрожит до сих пор!), — и был извлечен я из тысяч
ночью твоей. Что пережил я, пока сквозь пустые
недра земли пролетал и во тьме сокровенной кружился!
Горе мне! Я без следа для друзей и для родины сгинул, —
лучше б к фиванцам в полон! — Уже не увижу лернейских
кровель и даже как прах с отцом удрученным не встречусь.
Жалкий, — ни холм, ни костер, ни близких меня не проводят
слезы; пришел я к тебе целокупностью непогребенной.

Я ни на что не дерзну на сей колеснице, и тенью
стать не страшусь, и своих треножников впредь не воспомню.
Ибо нужна ли тебе авгура вещего служба,
ежели Парки плетут приказы твои? Так смягчись же,
120 лучше, чем боги, молю, окажись! Для злобной супруги,
если прибудет сюда, сбереги беспощадные казни:
добрый правитель, она твоего достойнее гнева".
Оный склонился к мольбам, но негодовал, что смягчился.
Сходственно лев: коль пред ним массильское блещет железо[27], —
кажет оружье и гнев; но если противник повержен, —
шествует, перешагнув, и жалкому жизнь оставляет.
А колесницы меж тем, блиставшей жреческим пышно
лавром и в свете дневном вызывавшей мощным оружьем
страх, и никем не разбитой, никем не отброшенной в бегство,
130 ищут: конников тьмы отошли, и во всех спасенье
будит земля; обходит следы неверного поля
воин, и скорбный простор обширного землекрушенья
пуст: избегают его из почтенья к подземной гробнице.
С вестью к Адрасту, войска созывавшему в поле далеком,
мчит Палемон, сам веря едва тому, что он видел,
и, трепеща (ибо он к провалившемуся оказался
ближе других и, зиянье узрев, стал мертвенно бледен[28]),
молвит: "Беги, возвращайся, о царь, если только на том же
месте осталась земля дорийцев и отчие стены!
140 Кровопролитье зачем и оружье? — Вотще обнажаем
против Фиванцев мечи: поглотила земля колесницу,
битву ведущих бойцов и доспехи! Казалось, уходит
поле само, на котором стоим. И ночи подземной
видел я путь, и то, как Эклид в разъятие почвы
рухнул, увы, и к нему, любезней которого вещим
звездам нет никого, длань тщетно простер я, взывая.
Речь — о чудесном, но он — коней управитель — оставил
след, и курится досель увлажненная пеною почва.
Эта беда — не для всех: земля отличила питомцев, —
150 войско фиванцев — стоит". — Адраст поразился и верить
медлил, но Мопс — о том же донес, и о том же — дрожащий
Актор, поскольку Молва, гораздая ужасы множить,
передала, что пропал не один. Отряды невольно,
не дожидаясь, когда возвестят отступление трубы,
вспять подались. Но путь — застывает, и гнутся колени

ринувшихся, и, озлясь, — решишь, будто поняли, — сами
кони противятся всем приказаниям и не желают
шагу прибавить и взор оторвать от земли напугавшей.
Тут набегают храбрей тирийцы, но сумрачный Вечер
160 лунных выводит коней, — перемирием кратким дозволен
отдых тревожный мужам и ночь, кормилица страхов.
Лица-то их каковы, когда изобилию стонов
воля дана, а слез-то течет у снявших шеломы!
Прежде привычное им, утомленным, не мило: бросают
липкий, не вытерев, щит, и никто не острит наконечник,
и не ласкает коня, и блестящего шлема высокий
не поправляет хохол, и разве что крупные раны, —
те сквозь которые жизнь сочится, — омыв, зашивают, —
вот сколь скорбь велика. Их к яствам грозящая битва
170 и пропитанье, боям потребное, не призывает, —
Амфиарай, поминают тебя и дух твой, обильный
правдою, хвалят в слезах. Лишь одно раздается по стану:
боги покинули нас, и рассеялась их благосклонность!
"Горе нам! Где лавроносный возок, святые доспехи,
волной увитый шелом? Таковы-то Кастальские воды,
своды пещер, и треножников честь, и любовь Аполлона?!
Кто мне теперь изъяснит падение звезд, и споспешной
молнии смысл, и бьющихся жертв предостереженья,
время ль в поход выступать, какой — свирепым сраженьям,
180 миру какой полезнее час? Кто все это явит
мне, и кому о судьбах моих летуньи расскажут?
Также и то, чем и нам, и тебе грозят эти битвы, —
знал ты заранее, но — вот мощь безупречного сердца! —
выступил все ж и союзником стал злосчастному войску.
Будучи призван землей, в последние жизни мгновенья
войско тирийское ты и значки супротивные мог бы
не поражать, — но видели мы, что и в недрах у смерти,
и уходя, ты врагов устрашал копьем неуемным.
Как-то теперь обретаешься ты? А назад из стигийских
190 мест воротиться нельзя ль, пронизав земные глубины?
Или сидишь ты вблизи божеств твоих, Парок, и, весел,
учишь и учишься сам грядущему поочередно?
Или в блаженных лесах[29] тебе правитель авернский
милостиво поручил блюсти элисийских летуний?[30]
Как бы там ни было, — ты — скорбь вечная Феба и вечно

свежая боль и длительный плач умолкнувшим Дельфам.[31]
Нынешний день замкнет Тенедос, и Хрису, и Делос —
остров, где Феб родился, и храм пышновласого Бранха;
на диндимейский порог, и к воротам кларосским, а также
В Ликию днесь никто не придет с мольбой о совете.
Роща, где властен пророк рогоносный, и дуб, где Додонский
дышит Юпитер в листве, и троянская Фимбра умолкнут.
Также потоки и лавр пожелают сами усохнуть[32],
самый эфир ничего достоверного клекотом вещим
не пропоет, ни одна не прорежет пернатая тучи.
А в предназначенный день для тебя причастные судьбам
храмы воздвигнем[33], и в них твой жрец ответствовать будет".
Так славословьем они пророка-царя почитают,
будто огонь воздают и дары для костра и землею
легкой останки его и душу его покрывают.
Тут надломился их пыл и возненавидел сраженья.
Так и минийцам, когда их, храбрых, внезапно погибший
Тифис оставил, тотчас показалось, что снасть — непослушна,
веслам — не сладить с водой, и ветер — не полнит полотнищ.
Стоны стихали уже; постепенно, исчерпана речью,
скорбь отпустила сердца, наступившая ночь затопила
боль, и легкие сны незаметно сквозь слез проскользнули.
Эта же ночь иною была во граде сидонском:
ибо враги, веселясь, часы провождают ночные
возле домов и в домах, и стражники даже сомлели
около стен, — гром меди двойной и кожи идейской
слышен, и букс зазвучал[34], усмиренный искусным дыханьем.
То для любезных богов и героев, воспитанных в граде,
чинно повсюду поют святые пеаны, повсюду —
чаши в венках[35] и цветов плетеницы; а то веселятся
смертью провидца-глупца и ему вперекор, соревнуясь,
хвалят Тиресия ум; потом вспоминают деянья
предков и Фивы свои воспевают от их основанья:
кто-то сидонскую гладь и рога Громовержца, и длани,
сжавшие их, и быком взборожденного мощным Нерея
вспомнил, а Кадма — другой, и телицы усталость, и ярым
полные Марсом поля; а третий — как скалы и камни
к тирской кифаре ползли, вдохновляемые Амфионом.
Эти Семелу поют непорожнюю иль киферейн

брак и Гармонии путь, озаряемый братьев огнями[36]
многими, — и ни одна не лишилась трапеза песен.
Мнилось: склонив лишь теперь Гидасп, жемчугами обильный,
тирсу и домы Зари, — в темнокожем триумфе ведомых
Либер народам являл дотоле неведомых индов.[37]
На многолюдье тогда и в собрания дружеских трапез
скрытый от взоров досель постоянно в обители страшной,
вышел впервые Эдип, говорят, и с лицом просветленным
черные освобождал седины от грязи налипшей,
мерзостный лик — от волос перепутанных; и, допуская
слово привета, внимал утешениям, прежде гонимым.
Мало того: он яства вкушал, со щек отирая
невысыхавшую кровь, всех слушал и всем отзывался, —
он, донимавший одних только Дита и фурий, да разве
поводыря-Антигону еще укорами злыми.
Не догадался никто, что не тирскую в битве удачу, —
битву саму он любил; что хвалил и подбадривал сына, —
но не победы желал; что едва лишь мечи обнажились, —
он молчаливой мольбой разрыхлял преступления всходы
Сладки пиры оттого, и в лице — непривычная радость.
Он на Финея похож, казнимого голодом долгим:
тот, узнав, что разогнанных птиц не услышит он в доме,
даже не веря еще, счастливый, к столам и на ложе
бросился, к чашам стремясь, не разбросанным злыми крылами.
Утомлены трудами войны и тревогами, спали
греков войска, и только Адраст с укрепления стана
чуткой душою ловил ликующее возбужденье.
Возраст его тяготит, но злосчастная власть побуждает
бодрствовать в бедах. Его донимают медные крики
и голоса торжествующих Фив, и терпкая флейта
мучит, и вдруг — похвальбы захмелевших чрезмерно спесивцев,
зыбкий светильников свет и огней затухающих стража.
Так, если в бурю ладья замолкает, охвачена общей
дремой, и глуби морской доверяет беспечная младость
жизни свои, — то один на палубе бодр неизменно
кормчий и бог, плывущий в челне, по нему нареченном.[38]
Близилось время, когда сестра огнеликая[39] видит
фебовых запряг коней и гудящий в преддверии света
дом Океана, и свой блуждающий бег прерывает,
и заставляет зайти бичом помаваемым звезды.

Царь созвал печальный совет: решают, стеная,
кто соблюдет треножники, лавр прозорливый, а также
повязей вдовую честь унаследует.[40] Все, не колеблясь,
чтимого общей молвой, непорочного отрасль Мелампа,
Фиодаманта кричат, которого к таинствам божьим
сам приобщил и кого одного для птицегаданий
Амфиарай привык призывать и в толиком искусстве
близким себе без зависти звал и вторым за собою.
Громкий почет тревожит того, он трепещет нежданной
славы и, перед листвой подносимой склоняясь смиренно,
бремя ему, говорит, не под силу, и просит — заставить.
Так, если отчий престол и страну ахеменский[41] внезапно
отрок получит, кому при живущем отце безопасней
было б, — он радость свою ненадежную страхом смиряет:
знать — верна ли, и чернь — не встанет ли на браздодержца;
он, кому и Евфрат подчинен, и каспийские земли,
взяться робеет за лук, на коня отцова страшится
сесть и считает, что он не удержит рукой неумелой
скиптра, что до сих пор он еще не дорос до тиары[42].
Вот он, отметив уже чело несканою волной,
благоугоден богам проходит по стану и слышит
радостный шум; и, себя жрецом проявляя впервые,
Землю решает почтить[43]. Показалось унылым данайцам
мненье его не пустым. — Он тотчас велит, чтоб сложили
два алтаря[44] из деревьев живых и травы луговинной;
и без числа для богини дары, порожденные ею, —
груды плодов, и цветы, и всякой поры приношенья —
сносит и, жертвенники окропив неразбавленным млеком,
так начинает: "Людей и богов предвечная матерь![45]
Ты и ручьи, и леса, и зародыши всяких животных
миру даришь, и оную рать Прометея, и камни
Пирры; и первое ты дала пропитанье голодным
преображенным мужам.[46] Ты поит окружаешь и держишь,
кроткое племя скотов и хищников ярость блюдешь ты,
и отдыхающих птиц; крепишь ты недвижно и прочно
незаходящую ось, над тобой с небозданием вместе
оба несутся возка; витая в свободном пространстве
воздуха, ты — середина всего великим на зависть
братьям! И стольких племен кормилица, стольких народов

и городов горделивых, — одна — и здесь, и под нами —
терпишь ты всех; и того, кто несет небесные домы
с тяжким трудом, — ты легко звездоносного держишь Атланта[47].
Мы лишь одни для тебя несносное племя, богиня!
Грех — не зная того — какой искупаем? Не тот ли,
что, чужеземцы, сюда мы пришли от брегов инахийских? —
Люди везде — на родимой земле, и тебе не пристало
злобный и жалкий рубеж проводить, разделяя народы,
кои повсюду — твои. Оставайся же общей, и брани
в месте любом допускай, и дозволь, умоляю, в сраженьях
яростный дух выдыхать, чтоб он к небесам возвращался,
Не похищай живые тела погребеньем внезапным,
не торопись: мы сами придем, но к тому же порогу,
той же дорогой, что все. Мольбам уступив, для пеласгов
зыбкое поле упрочь и Прях[48] упредить не пытайся.
Ты же, любезный богам[49], — кого не мечи, не отряды
вражьи, но — недра разъяв — Природа великая (словно
чтя по заслугам тебя) погребла, как в Киррейской пещере[50],
стиснув в объятьях, — молю, дозволь благодатные просьбы
ведать твои, приобщи к небесам и внушающим правду
жертвам и то, что ты сам народам изречь собирался,
мне сообщи: храм вещий тебе возведу и, толкуя
волю твою, к тебе обращусь за отсутствием Феба.
Делоса, Кирры самой тебя поглотившее поле
для прорицаний моих и достойней, и лучше". — Изрекши,
черных овец и темных быков погружает под землю[51]
и воздвигает песка увлажненного холм над живыми,
так воздавая ему его же кончины подобьем.
Так — у греков. Но тут раздаются Марсовы трубы,
тут к разъяренным мечам громыхание меди взывает.
И, разметав волоса, Тисифона с Тевмесской вершины
яростный вопль издала и трубы усилила, к меди
свист примешав: хмельной Киферон и скалы, когда-то
шедшие песне вослед[52], — от чуждого шума застыли.
Уж, сотрясая врата, стучится Беллона у входов
вооруженных, уже отворяются Фивы семижды[53].
Конники пеших теснят, колесницы мешают бегущим, —
мнится, что с тылу на них напирают данайцы: так тесно
в каждых воротах, — все семь готовыми выступить полны.

Стал у Огиговых врат Креонт, Этеокла к Нейстийским
жребий направил, спешит к Гомолоидам Гемон высоким,
а из Претийских — Гинеей, и Дриант из Электровых вывел
войско, в Гипсисты стучат отряды Эвримедонта,
мощной души Менекей ворота Диркейские занял.
Нил удаленный, когда впивает он устьем великим[54]
яства небес супротивных и снег, от Зари приходящий, —
русло свое разделив, так семь по простершимся пашням
паводков в море несет, — и тогда Нереиды в глубины
скрыться спешат, опасаясь попасть в опресненные воды.
Скорбно навстречу шаги влачит инахийская младость:
в первых элейцы рядах, лаконян, пилосцев отряды, —
Фиодаманту вослед они устремляются наспех:
отнят пророк, а новый еще непривычен водитель.
Полк не твой лишь тебя, о владыка треножников, ищет:
войску всему ущерб причинен, — шести полководцам
шлем уступает седьмой. — Так, если в прозрачном эфире
скроет из звезд паррасийских одну завистливый облак, —
меркнет Возка красота, без светила смещается полюс,
и, растерявшись, пловцы путеводные звезды считают.
Ныне — сраженья зовут: обновясь, собери, Каллиопа,
силы иные, дай мне, Аполлон, мощнейшую лиру.
Час, роковой для племен, добровольно его призывавших,
гибельным выведен днем, и Смерть, из стигийского выйдя
сумрака, зрит небеса и, лётом своим осеняя
бранное поле, к мужам чернеющей пастью взывает;
не простолюдье любя, но кончину достойнейших жизни[55],
тех, чьи лета и пыл совершеннее, ногтем кровавым
метит, и пряжа Сестер обрывается для обреченных
разом, и Парок уток добычей становится Фурий.
Посередине полей с копьем, покуда не влажным,
Браневладычный[56] стоит, к тем — щит, а к тем обращая
громкий доспех, и губит дома, семейства, младенцев.
К родине гаснет и — та, что последней из сердца уходит, —
к жизни любовь; устремил к рукоятям и древкам копейным
длань напряженную гнев, дыханию пылкому тесны
панцыри, и на власах подъятых шеломы трепещут.
Диво ль, что мужи в огне, коль против врагов пламенеют
кони и ливнем седым[57] орошают взрытую землю;
мнится, они с седоками срослись и окутались гневом

всадников: мощно грызут удила и сражения просят
ржанием, встав на дыбы и под конниками выгибаясь.
Мчатся уже, и уже под ногами мужей заклубилась
первая пыль[58], и с обеих сторон в поспешности равной
близятся рати, и вот меж них сокращается поле.
Щит щитами уже отбит, навершьем — навершье,
меч угрожает мечу, шаг — шагу, и дротику — дротик;
400 столь одинаков напор бойцов, выдыхающих жарко,
что на шеломе врага налетевшие перья сверкают.
Битвы лик — прекрасен еще: вздымаются гребни,
всадник на каждом коне, с колесничими все колесницы,
целы доспехи, щиты — блестят, разукрашены тулы
и пояса, и злато еще не залито кровью.
Вскоре же яростный пыл и себя не щадящая доблесть
сыпали душами так, как не хлещет при льющих Козлятах
кручи родопских хребтов Медведица смерзшимся ливнем.
Так не гудит Авсонии брег, когда громыхает
410 в небе Юпитер, и град истязает Сирты не столько,
ежели черный Борей шлет в Ливию дождь италийский[59].
Свет затмился от стрел, в небесах железные встали
тучи[60], и дротам уже нет места в воздухе тесном.
Гибнут от пущенных те, другие — от копий отбитых,
Кол налетает на кол, и каждый силу другого
губит, дробится копье о копье, свистящие камни
льют из пращей, летучий свинец и смертью двойною
грозные стрел острия[61] с блистающей молнией схожи.
Наземь снарядам упасть невозможно: телам достается
420 каждый железа удар, — наудачу и губят, и гибнут.
Доблести труд случайность вершит: толпа то отступит,
то налетит, то поле отдаст, то вновь возвращает.
Так, когда облаков и ветров отпускает поводья
грозный Юпитер и мир от вихрей дрожит переменных, —
в небе стоит разногласная рать: то Австра мощнее,
то Аквилона порыв, покуда в битвенной смуте
краснопогодьем один иль ненастьем другой не осилит.
Битвы зачин — Асопов Гипсей, эбалийцев отряды
прочь отогнавший: они, родовым надмеваясь величьем,
430 натиском крепких щитов сокрушали эвбейское войско;
он же исторг из рядов предводителя клина Меналку.
Сей, лаконец душой, реки питомец суровой,

предков не посрамил: копье, входящее в грудь, он —
тыл от позора храня[62] — вытаскивает, сокрушая
кости и плоть, и кровавое шлет на врага ослабевшей
дланью. Пред взором его умирающим кручи Тайгета
милого всплыли, бои и в честь матери славные плети.[63]
Федим сражен Иасид из лука диркейским Амиитой:
Парки поспешны, увы! — уже впиваются в пашню
Федима пальцы, а лук еще не умолк у Аминты.
А Калидонский Агрей отсек у Фегея десницу
вплоть до лопатки: она на земле сжимает и движет,
неукротимая, меч. Испугался лежащей средь копий
мимоидущий Акет и смирил обрубок ударом.
Ярый Ифиса поверг Акамант, Арг — диким Гипсеем
ранен, Феретом — Абант; лежат, над увечьями плача
разными, конник Ифис, Арг пеший, Абант колесничий.
С Инаха два близнеца близнецов из кадмова рода,
шлемами скрывших лицо, — о слепое неведенье битвы! —
насмерть железом разят; но, снимая доспехи с убитых,
видят, что зло свершено, и каждый из братьев, с печалью
взгляды другого ловя, о равной ошибке жалеет.
Пизы насельник Ион Дафнея, насельника Кирры,
сверг, коней испугав, — с небес восхваляет Юпитер
первого, тще о втором Аполлон припоздавший крушится.
Счастье метит мужей могучих из ратей обеих
кровью сраженных врагов: данайцев — Гемон Кадмеец
губит и гонит, Тидей — тирийцев преследует, ярый;
рядом с одним — Паллада, другой — Тиринфием полон.
Зимние два таковы потока, с вершин высочайших
рвущиеся и двойным водопадом летящие долу;
кажется, спорят они, кто рощи и пастбища глубже
взроет и скроет мосты; когда же их воды вмещает,
переметав, единый разлог, то — гордые — тщатся
розно бежать, разойдясь до совместного в море впаденья.
Ид Онхестийский спешил, потрясая огнем дымоносным[64],
между срединных бойцов и, греков ряды разрушая,
пламенем путь расчищал; его копьем поражает
ярый Тидей, раскроив шелом могучим ударом.
Ид на спине, громадный, лежит; изо лба, выступая,
древко торчит, а к вискам крадется упавшее пламя.
Молвил над мертвым Тидей: "Не скажешь, что Арги жестоки[65]:

вот и костер, — гори же в своем огне, о фиванец".
После же, возликовав, — так, крови отведав, тигрица[66]
стадо всё начинает губить, — он камнем — Аона,
Хромия с Фолом — мечом, двоих Геликаонов — дротом
жизни лишил, — родила их Мэра, Венеры Эгейской
жрица, нарушив запрет богини[67]; кровавым Тидеем
вы сражены, а мать — всё богиню жестокую молит.
Мечен не менее шаг геркулесова Гемона[68] буйством
смерти: железо его, несытое сотнями, тратит
то спесивую мощь Калидона, то рати Пилены
хищные, то сыновей печального Плеврона[69] гонит.
И с утомленным уже острием на оленского Бута
он нападает, а тот как раз обернулся с призывом
не отступать: ни ланит, ни волос не касавшийся мальчик, —
мальчик двупёрою был поражен фиванской стрелою,
точно умеченной в шлем; острием оказались пробиты
оба виска, и на плечи легли отсеченные пряди,
и без испуга с черты непредвиденной жизнь улетела.
Русый Гипаний затем и русый Полит погибают
(этот для Феба браду, тот гриву растил для Иакха, —
но не помог ни один); Гиперенора к ним причитает,
следом — Дамаса (Дамас убегал, но пробившее панцырь
вышло из персей копье и щит, прижимаемый дланью,
выбило и унесло, улетая, на кончике жала).
Гемон исменский еще погубил бы врагов инахийских
много (оружье ему подавал и поддерживал силы
Амфитрониад), — но Тидея навстречу Паллада
ярого шлет, и уже осенявшие милостью разных
встретились. Первым сказал Тиринфий миролюбиво:
"Случай какой, дорогая сестра, во мраке сраженья
нас к столкновенью привел? Неужели Юнона-царица
оной причина беды? Но она обнаружит скорее —
вымолвить страшно! — что я на перун устремился, сражаясь
с мощным отцом. А Гемона род… — но оставим, поскольку
мил супротивник тебе, — и пусть Тидеево древко
метит хоть Гиллу в лицо или Амфитриону, когда бы
мог он от Стикса уйти; — я помню и век не забуду,
сколько и дивная длань, и эгида твоя[70] потрудилась
ради меня, кто слугой в тяжелейших скитаниях земли

все обходил[71]. Ты со мной сопутницей и в недоступный
Тартар — когда б Ахеронт богам не закрыт был — сошла бы.
Ты для меня — небеса и отечество[72]: можно ль такое
в слове обнять? — Целиком разрушь, коль замыслила, Фивы,
я уступлю и прошу о прощении". — Молвив, уходит.
Тронул Палладу почет: смягчилось лицо, перестали
щеки пылать, на груди успокоились вставшие змеи[73].
Видя, что бог отошел, беспомощней Гемон кадмейский
мечет копье и не может узнать бросающей длани;
и у него что ни миг исчезают и силы, и бодрость,
и отступления стыд; нападает герой ахелойский
на отходящего: дрот, ему лишь подъемный, колеблет
и направляет удар туда, где не скрытая шлемом,
выше, чем кромка щита, уязвимая светится шея.
И не ошиблась рука, и жизнь — настигнута древком,
но помешал Геркулес, копью дозволивший только
слева коснуться плеча, — и Тритония брату простила.
Гемон не смеет уже ни на месте стоять, ни навстречу
прянуть, ниже выносить лица кроволюбца Тидея:
сломлена сила его, и уверенность духа исчезла.
Словно кабан, чей щетинистый лоб оцарапан луканским
жалом[74], — хотя острие и не тронуло мозга глубины,
ибо десницы удар был несчастлив, — для гнева уловку
ищет и против копья испытанного не стремится.
Следом главу верховых (негодуя на то, что счастливой
мышцею точные тот рассеивал стрелы), Протоя
бурный Ойнид поразил: два тела — конь и наездник —
дротом пробиты одним; на Протоя упавшего сверху
падает конь, вминая шелом искавшему дланью
выпавший повод — в лицо, щитом же ему раздробляя
грудь; наконец, удила с последнею кровью извергнув,
конь затихает, свою близ хозяйской вытянув выю.
Вяз оплетенный лозой — садовода двойная утрата —
падает так с Гауранской горы, — и больше крушится
гибелью общею вяз, на лету не о собственных ветках
плача, но только о том, что невольно он гроздья сминает.
Вооружает себя на данайцев Коримб Геликонский,
Музам служивший досель; не чуждая пряже стигийской[75],
смерть предсказала ему Урания, звезд положенье

знающая; но боев и воителей тот домогался, —
видно, чтоб их воспевать; сам пал он для песни и долгой
славы, и гибель его, чередуясь, оплакали Музы.
Атис, что был обручен с агеноровою Исменой[76],
юноша, Тирской войне совсем не чужой, выступает.
Был он из Кирры, но все ж и в бедах не переменился
к тестю и теще[77]: глазам влюбленным безвинная кротость
горя и скорбный наряд к украшенью невесты служили.
Сам он — отменно хорош, и дева — с ним красотою
560 схожа, и дай им судьба — они подошли бы друг другу;
брак запретила война. Тем пуще врагов ненавидя,
в первых рядах он бросился в бой и отряды Лернейцев —
то в рукопашном бою, то, правя поводьями, сверху —
как на показ — отгонял. В троекратный пурпур[78] одела
плечи, еще не раздавшиеся, и гладкие перси
матерь ему; из злата — щитки, позолочены стрелы
и рукавицы его, и перевязь — чтобы супруге
не уступать; и был перевит шлем поверху златом.
Вот на какой положась доспех, звал греков он биться!
570 К коннице легкой сперва устремившись с копьем, он добычу
спутникам передает и к верным отрядам отходит,
выиграв бой. Так лев каспийский во мраке гирканском[79]
(юный и страшной красы не обретший — желтеющей гривы,
и не пролившей еще, невинный, крови обильной)
логова невдалеке похищает, коль страж отлучится,
медленный скот и нежной овцой свой глад утоляет.
После ж, доспеха его не признав и меря по виду,
не устрашился дерзнуть на Тидея, и немощным дротом
мужа пытал, на других скрежетавшего и за другими
580 гнавшегося. Наконец, этолиец взоры случайно
к слабым ударам его обратил и, смеющийся страшно:
"Вижу, негодник, давно ты почета великого смерти
жаждешь", — сказал. И с тем, смельчака меча или дрота
не удостоив, легко метнул, перстов не сжимая,
нож, непригодный в бою, — и тот, просвистев, попадает
в пах, да так глубоко, как если бы с силой был пущен.
Не усомнясь, что убил, Ойнид горделивый доспехов
трогать не стал: "Не тебе же, о Марс, и не ратной Палладе
их посвятить, — говорит, — а носить самому запрещает
590 стыд; вот если б меня, оставив чертог, Деипила

сопровождала в боях, — я взял бы их — ей на потеху".
Молвил и гордой душой к ценнейшим наградам сраженья
был уведен. Так лев, средь убийств бесконечных случайно
нежных телиц и телят поразив невоинственных, мчится
мимо — в свирепой алчбе упиться могучею кровью
и успокоиться лишь у быка-вожака на загривке.
Но Менекея достиг предсмертный Атисом павшим
изданный крик. Коней повернув, с колесницы летящей
спрянул и видит: на труп налетела тегейская сила,
600 тирских же воинов — нет. "Устыдись, кадмейская младость,
и не позорь земнородных отцов[80]! Да где ж вы, отродье
низкое?!" — крикнул. — "Ужель по душе, что простерт чужестранец
Атис, досель чужестранец, своей еще не супруги[81]
мститель несчастливый сей? И мы — ужель потеряем
оный залог?" — Отряды, стыдом укрепленные правым,
ринулись в битву, и долг возвратился каждому в сердце.
А между тем во дворце, в потаенный покой удалившись,
братьям своим не в пример, неповинные дщери Эдипа —
сестры беседу ведут, разнородные жалобы множа
610 не о сегодняшнем зле, но самом источнике бедствий.
Эта оплакала брак материнский, та — очи отцовы,
брата на троне — одна, другая — изгнанника брата,
обе — войну. И медлят они молить о злосчастных:
страх за обоих томит, не знают, кому пораженья
или победы желать; но втайне — с изгнанником обе.
Так, едва обретут пандионовы птицы[82] приюты
верные и очаги, от коих зима прогнала их, —
тут же, над гнездами встав, о древних источниках бедствий
кровлям поведать спешат — не словами, но резким и скорбным
620 щебетом (впрочем, сей звук словам не совсем не созвучен).
После же, слезы прервав и молчание долгое, первой
молвит Исмена: "Почто сей обман и яви подобье
смертных смущает? Почто в забытьи нас мучат заботы,
и перед спящей душой возникают живые виденья?
Я вот, которой и мысль не пришла бы о брачном чертоге
даже и в мирные дни, — как стыдно! — увидела ночью
свадьбу свою. Откуда принес жениха с незнакомым
ликом бессмысленный сон? Я у нас его только однажды —
в пору, как с ним обо мне, меня не спросив, сговорились —

видела — и против воли, поверь. А после внезапно
перемешалося все: вдруг гаснет огонь, и за мною
гонится, злобно крича, чтобы Атиса ей возвратили,
мать жениха. Какую беду сей сон предвещает?
Я — не боюсь, — лишь бы дом не погиб, и воин дорийский
спасся, и нам удалось унять распалившихся братьев".
Так они речи плели. Но от шума внезапного скорбный
дом ужаснулся: несут отбитого с вящей натугой
Атиса, — юноша жил, но крови почти не осталось,
рану сжимала рука, голова бессильно свисала
с края щита[83], волоса перепутались, лоб закрывая.
Первою видит его Иокаста, — трепеща, Исмену
милую кличет: молил лишь об этом кончавшийся голое
зятя, из уст ледяных одно лишь еще вылетало
имя невесты. Вопят служанки, к ланитам взметнула
дева персты, — безжалостный стыд не пускает[84], но гонит
мать: предсмертной мольбе не смогла отказать Иокаста, —
дочь привела и лицо ей открыла. Пред самою смертью,
званый четырежды, взор и угасшие очи отважно
поднял, — и только ее, позабыв и о свете небесном,
видит, но взора лицом любимым не может насытить.
Так как и матерь была далеко, и скончался прекрасной
смертью отец, — невесте обряд печальный доверен:
вежды прикрыть. И она, уже ото всех удалившись,
горестный стон издала и очи в слезах утопила.
Так было в Фивах. Меж тем, и змеями свежими пыша,
и обновленным огнем, Энио продолжала сраженье.
В битву стремятся бойцы, как будто теперь лишь удары
первые нанесены и блеск не утерян мечами.
Всех превосходит Ойнид; хотя без промаха стрелы
Партенопей рассылал, и давил умирающим лица
Гиппомедонт разъяренным конем, и сосны[85] Капанея
дальний полет без труда узнавали полки аонийцев, —
все же — Тидеев сей день: бегут от него, устрашаясь
крика: "Почто вы кажете тыл? Отмщать подобает
за убиенных друзей и за скорбную ночь — расплатиться.
Это ведь я погубил — один — ненасытным убийством
жизни пятидесяти: и столько же, столько же дланей
выставьте ныне! Ужель ни отец, ни единоутробный
брат ничей не погиб? Иль горе уже позабылось?

Вы к инахийским меня отпустили Микенам позорно, —
в Фивах вы все таковы? Где ж царская сила и где же
сам выдающийся вождь?" — И в это мгновение видит:
тот на левом крыле побуждает отряды, сверкая
гордым убором главы. Тидей, запылав, устремился
так, как птица грозит огненосная лебеди белой[86]
и осеняет ее, смятенную, тенью огромной.
Первым — Тидей: "Справедливейший царь аонийского рода!
В битве давно мы сошлись, а теперь и мечи показали?
Или же ночи опять подождем и привычного мрака?"
Тот — ни слова в ответ, но к противнику древко со свистом
мчится, неся порученье вождя; его на излете
перехватил и отбил герой осторожный и также
истово дрот огромный метнул с невиданной прежде
силой, и жало его неслось, супротивнику верной
смертью грозя. Богов сидонских и греческих взоры
к ним обратились, помочь готовых. Эриния, твердо
противостав, сберегла Этеокла для страшного брата, —
в оруженосца копье угодило — Флегия. Лютый
бой завязался тогда: этолиец с мечом обнаженным
ринулся яростно, — вождь отступил, а его прикрывали
силы фиванские. Так пастухи густою толпою
волка во мраке ночном от бычка отбитого гонят, —
волк же бесчинно вперед устремляется, не замечая
бдящих: его лишь, его, с кем однажды схватился, взыскует.
Так и Тидей сквозь защитников строй, как будто число их
невелико, проходит с мечом и в ланиты Фоанта,
в грудь Деилоха разит, в бок — Клония, а Гиппотада
грозного — в чрево; и вдаль отсеченные части кидает
и то и дело до туч непорожние мечет шеломы.
Вот он телами уже окружен и доспехами павших, —
на одного устремимся все, одному посвящая
стрелы и копья свои: те в самые кости впились,
те пронеслись, не попав, Тритония часть отвратила,
множество в щит вонзены, — он, древками густо усеян,
рощи железной уже не может вместить[87]; и растерзан
вепрь родовой на плечах и спине[88]; и гордая слава
грозного шлема (Градив на вершине его воздымался)
рухнула — горестный знак для хозяина. И, накаляясь,
голая медь защищала виски, и, звонким отбиты

710 верхом, свергались на щит и броню налетавшие камни.
Вот уже шлем заалел, побежал по израненной груди
черный поток, сочетающий пот с горячею кровью.
Он обернулся: свои — ободряли, вдали прикрывала,
загородившись щитом, Паллада верная взоры,
прочь уходя, — слезами склонить отцовское сердце.
Ясень в тот миг зефиры рассек[89], несущий с собою
мощные гнев и судьбу. Метнувшим копье неприметный
был Астакид Меланипп, — он сам вперед не стремился,
он предпочел бы сокрыть свою длань, но отряда восторги:
720 всем указуют его: увы, Тидей, наклонившись,
бок приоткрыл, окружность щита отстранив на мгновенье.
Крик аонийских бойцов смешался со стоном пеласгов:
выслав подмогу, они негодующего прикрывают,
он же, вдали разглядев врагов посреди Астакида
жалкого, всеми души остатками сосредоточась
ради броска, — устремляет копье, которое подал
ближний Гоплей, — и кровь от усилия хлынула пуще.
Скорбные спутники тут вожделевшего битвы — о ревность! —
прочь увлекают, а он всё ищет копье и, кончаясь,
730 смерти не хочет признать. Его на окраине самой
поля, с обеих сторон оперев на щиты, полагают
и обещают ему, что к боям разъяренного Марса
он возвратится еще. Но тот и сам уже видит,
что удаляется свет и неистовый пыл исчезает
в холоде смертном. И он, приподнявшись, кричит: "Инахиды,
сжальтесь: прошу не о том, чтоб останки доставили в Аргос
иль в этолийский предел, — погребенье меня не заботит;
я ненавижу и плоть, и это непрочное тело,
дух мой предавшее, — нет, но голову, голову если б
740 мне принесли — твою, Меланипп! Ведь ты, я уверен,
корчишься в поле: меня мой последний удар не обманет.
Мчись же, молю, если ты и впрямь от Атреевой крови,
Гиппомедонт; о Аркадец, ступай, прославленный первой
битвой; и ты, Капаней, — днесь в войске аргосском сильнейший".
Ринулись все, но первым вперед Капаней устремился
и, Астакида найдя и подняв из клубящейся пыли,
тащит живого еще и на левом плече доставляет,
влагой из раны его растревоженной спину окрасив, —
словно Тиринфий, когда, от аркадской пещеры вернувшись,

в Арги, воздвигшие крик, он внес полоненного вепря.[90]
Тут приподнялся Тидей, приблизил лицо и в безумье
радостной ярости впал, уста хрипящие видя
и угасающий взгляд; и, в оном себя узнавая,
он Астакида велит обезглавить[91], на взятую шуйцей
голову вражью глядит, безжалостный, и свирепеет,
страшные взоры очей не остановившихся видя.
Жалкий, он был ублажен; но мстительнице Тисифоне
этого мало. — Уже возвратилась Тритония с неба,
просьбой отца умолив о бессмертной для жалкого чести, —
что ж она видит? — Тидей, разбитого черепа мозгом
обезображен, уста оскверняет кровью живою —
и помешать не могут друзья; взъярившись Горгона
встала, власы распустив, и торчат, осеняя богиню,
змеи. — Паллада бежит, от лежащего отворотившись;
но в небеса отошла не прежде, чем ей сокровенный
огнь и безвинный Элис очистили влагою очи[92].

КНИГА IX

И аонийцев ярит Тидея кровавого зверство:
сами над телом его инахиды не столько стенают,
сколько героя хулят и пеняют, что гнева границы
он преступил[1]. Говорят, даже ты, из богов жесточайший,
сам учинивший тогда, о Градив, исступленную бойню,
доблестью павшего был раздосадован: ты отвратился
сам от него и дрожащих коней повернул, удаляясь.
Вот почему кадмейская мощь отмстить осквернённый
раной чудовищной труп Меланиппа с таким же стремится
рвеньем, как если б отцов потревожены были в могилах
кости и отданы их домовины чудовищам диким.
Царь сверх того разжигал: "Кто ныне возможет людскую
жалость к пеласгам питать, которые, хищно вгрызаясь, —
вот она ярость, вот сколь пресыщено наше оружье! —
плоть раздирают? Ужель вы сочли, что с гирканскими бьетесь
тиграми[2] или в поход против львов устремились ливийских?
Ныне покоится сей — о прекрасная кротость кончины! —
вражью главу сжимая в зубах и сладкой — о гнусный! —
кровью упившись. У нас — костры и меч беспощадный;
гнев обнаженный — у них, — их зверству не нужно оружья!
Пусть же безумствуют, пусть наслаждаются светлою славой, —
только бы, горний отец, ты видел их! Но ведь расселось
поле, стеня, и земля умоляет изгнать их, — снесет ли
их даже собственный край?" — Изрек и увлек с величайшим
пылом и шумом мужей. Все в ярости равной стремятся
тело Тидея отбить ненавистного и о доспехах
спорят. Подобно сему скрывают небо нечистых
полчища птиц, которым ветра издалёка доносят
гибели мерзостный дух[3] от павших и непогребенных:
жадные, с криком летят, и звенят воздушные кручи
плесками крыльев, и ввысь отступают меньшие птицы.
Быстрая, жарко журча, Молва по полям аонийским
между бойцами бежит и проворней обычного мчится,
вести дурные неся; наконец, к тому, чей известьем
трепетный слух всех боле сражен, — к Полинику прокралась.
Юноша окаменел, набежавшие слезы застыли, —

он не поверит никак: знаменитая доблесть Ойнида
смерти его ожидать и требует, и запрещает.
После ж того, как погибель его несомненно открылась, —
тьмою и очи, и ум помрачилися, замерло сердце,
рухнула вдруг десница с мечом, увлажнился от плача
самый шелом, и щит, соскользнув, угодил в наголенник.
Скорбен, бессильно влачит он стопы, вслед тащится древко, —
мнится, что тысячью он поражен ударов, и раны
тело изъели. Друзья, окружив, на стенящего смотрят.
И, наконец, отбросив и меч, и щит непосильный,
он, беззащитный, упал на уже бездыханное тело
друга и слезы над ним с такими глаголами пролил:
"Вот как тебе, о моя величайшая битвы надежда,
я благодарность, Ойнид, и награды воздал[4] по заслугам:
ты — безоружный лежишь на кадмейской земле ненавистной,
я — невредим. Отныне навек я изгой бесприютный,
ибо у жалкого брат — другой: совершеннейший — отнят.
Прежнего жребия днесь, диадемы преступной и царства
проклятого не ищу, — мне ль в радость такою ценою
купленный скиптр[5], коль его не твоя вручит мне десница?
Мужи, уйдите, меня свирепому брату оставьте:
не к чему больше пытать мечи и погибели множить, —
прочь уходите, ничем вы мне не поможете больше:
мною погублен Тидей, — и смертью сего не искупишь!
Арги, и тесть, и в первую ночь та счастливая распря[6]:
встречные выпады рук и долгой любови залогом —
краткая ярость! — Тогда бы меня, о Тидей величайший,
собственным ты и пронзил мечом у порога Адраста!
Ради меня ты и в Фивы пошел добровольно[7], в преступный
брата дворец, откуда другой не смог бы вернуться, —
так, словно скиптр для себя и почесть свою возвращал ты!
О Теламоне тогда, о Тесее молва замолчала.[8]
Ты же — таков! — и убит… — Чьим ранам вперед удивиться?
Где здесь твоя, где противников кровь? Чьей ратью, какими
тьмами бессчетными ты побежден? — Но так ли? Не сам ли
битвы родитель, сам Марс, взревновав, направил оружье?"
Так он сказал и другу уста от запекшейся крови,
скорбный, слезами омыл, и отер, и десницей сомкнул их.
"Ты супостатов моих ненавидел смертельно, — ужели

я еще жив?[9]" — и стремительно меч извлекает из ножен
и направляет удар, — но держат друзья, увещает
тесть и, превратности битв и судьбы перебирая,
буйство смиряет и прочь от любезного тела — истока
скорби, будящей в душе желание смерти, — уводит
и меж глаголами меч водворяет безмолвно на место.
Он же бредет, словно бык[10], который содольника тягот
посередине полей потеряв, борозду оставляет
начатую и, шею согнув, перекошенный запряг
частью волочит, а часть подбирает плачущий пахарь.
А между тем, на призыв и доспех Этеокла равняясь,
юных отборный отряд, кого ни Тритония в битве,
ни даже Марс в копейном бою отнюдь не презрел бы, —
ринулся; насупротив утвердился, щитом прикрывая
грудь и вперед выставляя копье, и сдерживал строй их
доблестный Гиппомедонт, — как утес[11] под натиском бури:
небо его не страшит, отступают разбитые волны,
он же — недвижен стоит пред угрозами, понт устрашая,
и издалёка его корабли обреченные чуют.
Первым тогда Аонид, летучее древко нацелив,
крикнул: "Не стыд ли смотреть на маны сии и на этот
труп — сраженья позор — пред богами и небом всезрящим?
Оного зверя ужель погребать достославной пристало
доблести в стольких трудах? Боюсь, что плачей достойный
Аргос и тот не пойдет за проклятым прахом и сбросит
мерзкую кровь с одра погребального. Тщанье оставьте.
Хищные птицы, и те, и нечистые твари, и даже
чистый огонь его не пожрет[12]". — И только; но древко
мощное мечет: щита суровой задержано медью[13],
жало пронзает ее и в прослойке второй застревает.
Следом — Ферет, и стремительный Лик, — но древко Ферета
воздух разит, а Лик задевает шелом, устрашавший
гривой высокой, и та, копья наконечником сбита,
прочь отлетает, и шлем обнажается, славы лишенный.
Сам — ни назад ни на шаг, ни вперед, хоть и гневен, не рвется
на супротивную рать, но, не двигаясь с места, удары
и отбивает, и шлет, не позволив деснице ни разу,
слишком увлекшись, уйти далеко, и во всяком движенье
тело Тидея блюдет и хранит, и вокруг и над телом

кружит. — Свой первый приплод, теленка бессильного, матерь —
ежели волк нападет — заслонив, опекает не столько[14],
грозно рогами водя в двуостром круговращенье:
страх ей неведом, она забывает свой пол слабосильный, —
пеной покрыта, быков воинственных напоминает.
Но, наконец, перерыв копейного ливня позволил
копья направить в ответ: уже и Алкон Сикионец
прибыл на помощь, уже и пизейские быстрого Ида
конники прибыли, клин пополняя. Им радуясь, мощный
ствол лернейский и сам во врагов он метнул: как из лука
пущенный, дрот полетел и, ничем не задержан, Полита
тело пронзил и пробил щит Мопса, стоявшего рядом.
Следом Фокидец Кидон был сражен и Фалант из Танагры,
следом Эрику (когда, погибели не ожидая,
тот за копьем обернулся) пронзил затылок под гривой.
Тот, не входивший в уста наконечник почувствовав в глотке,
смерть с изумленьем приял, и брызнули одновременно
ропотом полная кровь и железом разбитые зубы.
Тайно просунуть дерзнул Леонтей десницу, скрываясь
сзади мужей и оружия их, — чтобы тело, схвативши
за волосы, утащить, но Гиппомедонт, хоть угрозы
всюду его стерегли, — увидел и дерзкую руку
лютым железом отсек и крикнул: "Считай, что Тидеем
длань отнята, — Тидеем самим: мужей и по смерти
бойся и, жалкий, беги, не касаясь их манов могучих[15]".
Трижды кадмейский отряд оттаскивал грозное тело,
трижды данайцы его отбивали. Средь волн сицилийских
бури страшась, так блуждает ладья, — хоть с бурею кормчий
спорит, но вспять возвращает ладью отвернутый парус.
И не смогли бы тогда отряды сидонские с места
Гиппомедонта согнать, и его бы, упорного, сдвинуть
каменный град не сумел, и вскоре вернулись бы в страхе,
крепость щита ощутив, нападавшие к башням высоким, —
но элисийского речь царя не забыв и исчислив
вины Тидея[16], в поля облеченная хитростью злая
мчит Тисифона: бойцы узрели ее и внезапный
пот проступил у копей и мужей, хотя изменила
облик богиня, представ инахийцем Галисом, злое
пламя и плети убрав и власы к молчанью принудив.
В латах она подошла к свирепому Гиппомедонту

сбоку: приветливы взгляд и глаголы, но тот — устрашился,
лик говорившей узрев, и сам поразился испугу.
Та же, рыдая, ему "О прославленный, — молвила, — ныне
попусту мертвых друзей и греков, землей не покрытых,
(страх ли настолько велик иль уже погребенье заботит?)
ты защищаешь, когда сам Адраст отрядом тирийским
схвачен и он всех прежде тебя, тебя призывает
гласом и дланью! Я зрел, как сам он в крови поскользнулся
и диадема, слетев, седины его обнажила.
Неподалеку отсель, обернись, вон пыльная, видишь,
туча клубится?" — Герой, напрягшись, едва удержался,
соизмеряя беду. А суровая дева: "Не медли!
Мчись! Иль держат себя эти маны, и тот не дороже,
кто еще жив?" — Свой горестный труд и сраженье оставив
верным соратникам, он отступает, по кровного друга
бросив, всё смотрит назад — по зову вернуться готовый.
После ж, читая следы ненадежные лютой богини,
тщетно туда и сюда, сбиваясь, стремится, покуда
злая не скрылась из глаз Эвменида, лазоревый щит свой
бросив и тысячи змей распустив на месте шелома[17].
Туча рассеялась, — он, злосчастный, узрел инахидов:
все — безопасны, вдали от угроз — колесница Адраста.
Телом Тидея меж тем овладели тирийцы: их радость
громкие крики уже возвещают, — до греков донесшись,
вопль-победитель разит предсердия тайною скорбью.
И по враждебной земле — о рока могучая сила! —
тащат Тидея — того, пред кем фиванские рати —
шагом ли шел, в колеснице ль летел — расступались широко
слева и справа всегда; безоружен, и руки покойны,
ярости нет и следа: уста, сведенные смертью[18],
и устрашающий лик терзать безнаказанно можно.
Как это по сердцу всем! — И робкий, и храбрый влечется
славой десницу облечь, и крови испившие копья
каждый хранит жене показать и малым ребятам.
Так, если льва, в мавританских полях чинящего гибель,
из-за кого близ запертых стад сторожа не дремали,
скопом отряд пастухов обессиленный одолевает, —
пашни — ликуют, идут работники с криком великим,
гриву рвануть норовят, огромную пасть отверзают,
припоминают ущерб, и вот уж, прибитый, под кровлей

он помещен иль висит во славу дубровы старинной.[19]
Яростный Гиппомедонт, хотя он и видел, что тщетна
помощь его и бороться за труп похищенный поздно, —
всё ж безоглядно идет, мечом незрячим вращая,
и меж своим и врагом — лишь бы не были шагу помехой —
200 не различает; ему ни доспехи, ни скользкая почва,
ни утомленье бойцов, ни уже распряженные кони
бой возродить не дают, ни рана в лядвее левой:
царь эхионский[20] в пылу и вида не подал, что ранен,
иль не заметил. Но тут он скорбного видит Гоплея:
верным сопутником тот был Тидею великому, ныне ж
оруженосец ничей понурого вел крылонога[21], —
доли хозяина конь не ведал и ржал одиноко[22],
что без него тот в пешем бою отважнее бьется.
Новых наездников конь презирал хребтом горделивым,
210 ибо единую длань за годы неволи изведал.
Молвит Гиппомедонт: "Почто, звонкоступ[23] несчастливый,
новой не примешь судьбы? — Впредь гордого витязя сладкой
ноши тебе не носить, не пастись в полях этолийских,
не погружать в ахелойский затон распущенной гривы.
Всё, что осталось, — отмстить за любезные маны иль сгинуть.
Мчись же и не оскорби — ты также — похищенной тени,
после Тидея служа у надменного мужа в неволе".
Мнится, что конь услыхал и зажегся, и молниеносно
Гиппомедонта понес, примирившись со схожего дланью.
220 (Так двуприродный Кентавр с заоблачной Оссы несется
долу: его самого высокие рощи страшатся,
поле — коня.) Храпящий наскок поверг Лабдакидов
в ужас, а сверху теснит седок и, нежданным железом
выи кося, за собой оставляет увечные трупы.
Вышли к реке: в тот день по руслу полней, чем обычно
(знаменье бедствий!), Исмен катил водяную громаду.[24]
Здесь — передышка на миг: рать робкая в беге усталом
с поля к потоку влеклась, — пред мужами чуждая битвам
гладь замерла и ярким зажглась отраженьем оружья.
230 Валится в воду толпа[25], осыпается с шумом великим
круча, и скрылись в пыли берега стороны супротивной.
Следом и Гиппомедонт огромным прыжком во враждебный
прянул поток на смятенных, совсем ослабив поводья,

в полном доспехе, и лишь в зелёную вбитые непашь
дроты на время стволу тополиному препоручает.
Духом упав, отдают одни добровольно оружье
жадной волне, другие шелом погружают и — сколько
сдерживать чаемый вдох под водой удается[26] — позорно
прячутся; многие вплавь поток одолеть устремились,
только и поножи плыть не дают, и противится сбоку
перевязь, и в глубину увлекает панцырь промокший.
Так под пенной волной голубыми рыбешками ужас[27]
овладевает, едва дельфина, в запретные глуби
рвущегося, узревают они: вся в ямины стая
скрыться спешит и в зеленой траве сбивается в страхе,
а покидает приют, когда, изогнувшись, над гладью
вновь он мелькнет, предпочтя с кораблем показавшимся спорить.
Так и герой разгонял метавшихся в водах потока,
шуйцей держа удила, десницей — оружье, а греблей
ног — помогая коню, у кого привыкшие к полю
легкие плыли, ища земли уходящей, копыта.
Хромий — Иона, его — Антифон, Гипсей — Антифона,
тот же Гипсей — Астиага сразил, и Липа сразил бы
близко от берега, но — рок не дал, заранее пряжей
смерть на земле назначив ему[28]. Рать Фив утесняет
Гиппомедонт, асопов Гипсей[29] отгоняет данайцев.
Оба потоку страшны, глубь оба красят густою
кровью, и ни одному из реки не судьба возвратиться.
Вот уж влекутся ко дну, крутясь, безобразные трупы,
и возвращаются к ним отсеченные длани и лица;
поверху тащит река щиты, и стрелы, и луки,
и оперенный шишак не дает погрузиться шеломам.
Всюду поверхность воды плывущим оружьем покрылась,
дно — мужами, — и там тела с погибелью спорят:
выдохнуть жизнь поток не дает, устремившийся в горло.
Юный Аргип, теченьем несом, за прибрежный схватился
вяз, — но по локоть ему Менекей отсекает жестокий
руки, и, падая, тот еще сохранявшие силу
зрит на взлетевших ветвях свои отсеченные длани.
Тага Гипсей сокрушил копья могучим ударом:
тот погрузился на дно, а кровь поднялась на поверхность.
С берега прянул в поток на спасение брата Агенор:
горе! — его он настиг, но, спасителя стиснув в объятьях,

раненый бременем стал; и Агенор, вырвавшись, мог бы
выплыть один, но стыд не позволил вернуться без брата.
Поднял десницу Канет, удар нанести собираясь:
бешеный водоворот погрузил его в струи витые, —
вот уж чело под водой, и власы, и длань исчезает,
в самый последний черед меч скрылся в струе необорной.
Смерть — одна — стообразно губя, настигала несчастных.[30]
В спину войдя, облеклось микалесское жало Агиртом, —
тот обернулся: нигде не виден бросавший, но древко
в вихре воды понеслось и кровь на бегу отыскало[31].
Вот поражен звонкоступ этолийский в могучие плечи:
он высоко подскочил, подхлестнутый смертью, и воздух
бил на лету. Но не был седок потоком испуган:
нет, он оплакал коня и дрот из раны глубокой
вынул, стеная, и сам по воле оставил поводья.
Биться уже без коня продолжал: и шагом, и дланью
более тверд, храбреца Миманта и Номия труса
Лиха Фисбейца, за ним — Ликета Анфедоцийца
силой железа унял, потом одного из феспийской
двойни, — когда же Панем запросил погибели сходной,
"Жив оставайся[32], — сказал, — и к чудовищным стенам фиванским
шествуй один: теперь вас не будут родители путать.
Слава богам, что в быстрый поток рукою кровавой
свергла Беллона войну: увлекает родимой пучиной
трусов вода, — и роптать одинокою тенью не будет
непогребенный Тидей близ ваших костров погребальных;
станете все вы морским чудовищам страшною пищей,
он же, несомый землей, такою же станет землею".
Так он врагов утеснял и раны растравливал речью.
То устремлялся с мечом, то, хватая плывущие копья,
их посылал: Ферон, сопутник безбрачной Дианы,
Гиас, насельник полей, и Эргин-мореход сражены им,
Гере, не срезавший волос, и Крефей, презиравший глубины,
тот, который не раз и мимо горы Каферея[33],
и по Эвбейским волнам в челне проплывал невеликом, —
что учинила судьба! — с пронзенною грудью в потоке
кружится он, в ничтожной волне потерпевший крушенье.
Также, Фарсал, и тебя — пока, в колеснице высокой
переплывая поток, ты к своим устремлялся — дорийский

дрот, поразивший коней, опрокинул: потока свирепость
их, на беду сопряженных ярмом, погрузила в пучину.
Что ж, а теперь и о том, чей труд в надувшихся водах
Гиппомедонта сломил, почему Исмен, разъярившись,
в битву вступил, — дозвольте узнать, премудрые сестры:
вы возвращаетесь вспять и доносите древних преданья.
Одушевления полн, сын Фавна и нимфы исменской
320 нежный Креней сражения вел в волнах материнских[34].
Оный Креней, для кого день первый — в пучине родимой,
место рожденья — поток, колыбель — зеленеющий берег,
предполагая, что здесь элисийские Сестры[35] не властны,
радостный, ласкового то с того, то с этого края
деда переходил: идущему вниз по теченью
шаг облегчала вода, и даже идущего против
не замедляли струи, но с ним возвращались к истокам.
Не дружелюбней скрывал чешую анфедонского гостя
понт, и над знойной Тритон воздымается гладью не больше,
330 иль Палемон, когда, мчась к матери милой в объятья,
он — на возвратном пути неспешного — гонит дельфина[36].
Красит доспех рамена, и щит замечательный блещет
златом, а выбит на нем исток аонийского рода.
Здесь на влюбленном быке восседает сидонская дева[37]:
моря уже не страшась, рога не сжимает перстами
нежными и по воде ударяет стопами, играя.
Мнится, что бык — плывет по щиту и гладь рассекает, —
сходство в воде возросло, в волнах, на морские похожих.
Тут устремляется он с копьем и дерзкою речью
340 к Гиппомедонту: "Сей ток — не преизобильная ядом
Лерна, и этой воды геркулесовы не пили змеи[38].
Ты попираешь поток священный (и в том убедишься!), —
бога и воды, меня воскормившие". — Молча навстречу
двинулся тот. Поток — супротивной волной накатился,
руку его удержал, но она, хотя и слабейший,
все же удар нанесла и в глубины души угодила.
Вздыбился в ужасе ток, леса с двух сторон зарыдали,
и отдались берега пространные ропотом грозным.
Из умирающих уст последний послышался шопот:
350 "Матерь…"[39] — и струи реки захлестнули несчастного голос.
Тотчас родительница в окруженье сестер синеоких,

ранена оной бедой, со стеклянного ринулась дола
и, распустив волоса, в исступлении щеки, и перси,
и зеленевший наряд раздирала жестоко перстами.
И поднялась над водой, и кликала снова и снова
гласом дрожащим: "Креней!" — Нигде его нет, но приметой,
слишком знакомой, увы, обездоленной матери, сверху
плавает щит, а сам он — простерт в отдаленье близ устья,
там, где Исмена струи сливаются с водами моря.
Так о плавучем своем жилище и влажных пенатах
плачет, оставшись одна, Алкиона[40], когда похищает
Австр — птенцов, а Фетида, озлясь, — озябшие гнезда.
Сирая вновь погружается вглубь и, скрывшись в пучине,
мчится прозрачной стезей, куда бы, светясь перед нею,
та ни вела, но нигде останков несчастного сына
не обретая, скорбит всё пуще, а страшные воды
взор ей, противостоя, застилают встречною кровью.
Всё же она, на мечи натыкаясь и дроты, перстами
щупает шлемы, а тех, кто уткнулся в песок, подымает.
К морю приблизясь, она еще не успела в Дориду
горькую выплыть, — и тут глубокой пучины добычу,
сжалившись, сонм Нереид к груди подтолкнул материнской.
Мать же тело влекла, заключив, как живого, в объятья;
на берегу положив, власами мягчайшими влагу
с мокрых стирала ланит и так причитала над телом:
"Жизнь для того ли тебе полубоги-родители дали?
Вот как, бессмертный отец, ты нашею правишь пучиной?
Мягче к несчастному твердь земли, враждебной и чуждой,
мягче морская волна, которая тело вернула
в устье реки и, казалось, ждала несчастную матерь.
Это ль ланиты мои, и родителя дикого очи[41],
дедовы волны волос? Ты был еще давеча гордой
славою струй и лесов[42], при жизни твоей величалась
старшей меж нимфами я и над равными гордо царила.
Где вожделенных толпа искательниц пред материнским
взором и сонмы напей, тебе угождать вожделевших?
Ныне почто (мне лучше бы в злой глубине оставаться!)
в горе, Креней, тебя, обхватив, несу я к могиле,
а не к себе? — И тебе не стыдно ль, увы, и не больно,
дед бессердечный? Какой недоступной подземной рекою
в недрах сокрыт ты настоль, что туда ни жестокая гибель

внука, ни вопли мои до сих пор не способны пробиться?
Здесь, в пучине твоей, надмеваясь, бесчинствует мощный
Гиппомедонт, и трепещут пред ним и воды, и берег,
и от набега его кровь нашу влага впивает.
Ты же — ленив и готов пеласгам потворствовать лютым.
Но выходи, наконец, и последнюю почесть, жестокий,
близким воздай: костер не для внука лишь должно готовить!"
Плача, терзает себя, раздирает безвинные перси
в кровь, и воплям ее отвечают лазурные сестры.
Так Левкотея, еще нереидой не став, у истмийской
пристани вопль издала, увидав, как хладеющий отрок[43]
из бездыханной груди изверг жестокое море.
Тут уж родитель Исмен, восседавший в священной пещере
(пьют из нее облака и бури, дуга огневая
кормится, и урожай на тирские пашни приходит),
дочери вопли и стон услыхал, неслыханный прежде,
издалека сквозь собственный шум, — мох с шеи суровой
сбросил и лед — с тяжелых волос, а из дланей разжатых
ствол полыхавшей сосны упал и сосуд покатился[44].
Тотчас Исмен берегам покрывшийся илом издревле
лик каменистый явил, — и леса, и меньшие реки
диву дались: таков он из вод поднялся надутых,
пенной главой вознесясь и выставив с шумом спадавшим
грудь, по которой текла брада голубая ручьями.
Дочери стоны одна из нимф, прибежав, объяснила,
внука кончину отцу описав, и виновника крови,
взяв за десную, ему указала. Исмен из пучины
вышел и водоросли с ланит и рогов[45] оплетенных
дланью отряс и затем, клокоча, рокочущим гласом
начал: "Так вот как тобой почтен я, богов повелитель, —
я, многократный твоих и помощник затей, и советчик,
зревший — без страха скажу — рога над челом измененным
лживые, знавший, что ты запретил распрягать колесницу
Фебе и вынужден был сжигающей молнией вспыхнуть;
и воспитавший твоих мощнейших детей[46]! Или милость
к ним — дешева? — Но к струям моим обращался Тиринфий,
этою самой водой был Бромий мною угашен.
Видишь, какие мой ток переносит убийства и трупы[47],
копьями сплошь и другим оружием загроможденный?

Вся река — сражений черед, и все извергают
струи — злодейство, поверх и в глубинах воды убиенных
мечутся души, сводя туманами с берегом берег.
Ныне тот самый поток священные вопли подъемлет,
в чистом источнике чьем омывались кроткие тирсы
прежде и Вакха рога, — и, сдавленный трупами, в море
узкие ищет пути; ни жестокие токи Стримона
крови не знали такой, ни Гебр клокочущий бранным
глубже Градивом не рдел. И ужели кормилица-влага
440 ратей твоих и тебя не зовет, о родных позабывший
Либер, и мир для тебя на восточном Гидаспе дороже?[48]
Ты же, добычей гордясь и невинного отрока кровью
чванясь, из этой реки к могучему не возвратишься
Инаху и не придешь победителем к лютым Микенам, —
если я смертным не стал, а ты — эфиророжденным".
Так говорит, скрежеща, и вольно ярящимся водам
знак подает[49]; ледяной Киферон с вершин посылает
помощь ему и древним снегам и пастбищам стужи
мчаться велит; и Асоп для идущего брата сбирает
450 тайные силы и шлет в расщелинах скрытые струи.
Сам же Исмен перешарил земли пространные недра,
глуби озер, застоявшихся вод и болот неподвижных
все возмутил и, подняв уста ненасытные к звездам,
вычерпал влагу из туч дожденосных и высушил воздух.
Вот он поверх берегов, над обоими высясь горою,
мчится, и Гиппомедонт, который по самым глубинам
только что шел, и вода ни плеча не касалась, ни локтя,
зрит с удивленьем: река — поднялась и его превышает.
Тут и там вскипает поток, налетевшая буря
460 буйствует, словно в морях, где она, поглощая Плеяды,
на оробевших пловцов Ориона зловещего гонит.
Именно так Тевмесский поток морскими волнами
Гиппомедонта разит, но тот выставляет навершье
слева, и пенистый вал через щит в пыланье зловещем
перелетает, ярясь, и, разбившись, отходит обратно.
Силы собрав, устремляется вновь и, громадою водной
не ограничась, несет берега размытые вместе
с чащей кустов, и стволы вековые, и крутит каменья,
вырвав со дна. Борьба неравна меж потоком и мужем,
470 но — к стыду божества — муж тыла не кажет, угрозы

не сокрушают его, и он во встречные волны
входит и выставленным щитом отражает перуны.
Над исчезающим дном шаг стих, под ногой распрямленной:
скользкие камни плывут; упереться пытаясь, он вязнет
и размываемый след оставляет в обманчивом иле,
но насмехается так: "Исмен, сей внезапный откуда
гнев у тебя? Из потока чьего ты мощь эту занял?
Твой господин — невоинственный бог, и ведаешь кровь ты
раз в трехлетье, когда безумные матери[50] в реве
480 вакховых флейт хороводы ведут и жертвы приносят".
Молвил, а бог, возмутясь, навстречу ему устремился,
и по ланитам его песчаные брызги катились.
Яростен не на словах, он дубовым стволом ударяет
трижды, четырежды в грудь отражавшего натиск, насколько
гнев и бог дозволял. Наконец, герой повернулся,
выбитый щит волоча, и, отворотившись, неспешно
стал отходить. Наступает вода, за скользящим, ликуя,
мчится поток, и к тому ж — камнями и градом железным
гонят тирийцы его и тщатся двойным опрокинуть
490 натиском. Как ему быть — осажденному битвой и бурей? —
Ни убежать от беды невозможно, ни славно погибнуть.
На травянистой косе выступавшего берега ясень
между рекой и землей — но более дружный с рекою —
высился, воды своей подавляя огромною тенью.
Тот к защите ветвей (ведь не мог же он выйти на берег)"
цепкой десницей прибег, — но повисшего ясень не вынес:
бременем, большим, чем он выдерживать мог, побежденный,
стал он валиться, потом, обнажая в поток уходивший
корень и те, которыми грыз безводную землю,
500 на задрожавшего сверг и себя, и брег и, внезапно
рухнув, героя накрыл, не могшего с тяжестью сладить.
В ямине воды сошлись, и непроходимая бездна,
жидкою грязью крутясь, разрасталася шире и шире.
Вот уже грудь, вот шею вождя заливают потоки
мощные, — и, наконец побежденный, последнее слово
выкрикнул он: "О Марс, о позор, ужель ты утопишь
душу такую? И я в болоте и водах застойных
сгину, словно пастух, сметенный коварным потоком
вдруг накатившей реки? Ужели я столь недостоин
510 пасть от меча?" — Наконец, склонившись к мольбам,

Громовержцу
молвит Юнона: "Доколь, о родитель богов, инахидов
бедственных будешь теснить? Уже и Паллада к Тидею
злобой полна, и молчат, потеряв прорицателя, Дельфы.
Что же? И Гиппомедонт, чей род из Микен происходит,
Лары — в аргосской земле, кто чтит всех прежде Юнону
(где ж благодарность моя?), безжалостным станет добычей
хищникам моря? — Досель и могилы, и огнь погребальный
ты побежденным дарил, — но где же кекропово пламя,
где же Тесея костры?[51]" — Справедливых молений супруги
тот не презрел и в сторону Фив обратил мимолетный
взгляд: приказанию вняв, успокоились воды речные.
Плечи, лишенные сил, и пробитая грудь над опавшей
влагой видны: так в море, когда возлетевшая к тучам
буря уляжется, — вновь возникают и скалы, и суша —
цель мореходов, а гладь обнажает коварные камни.
Но для чего он на берег идет? — Теснит отовсюду
сонмищем стрел финикийская рать, и — лишившись покрова —
тело обнажено для погибели: раны сочатся,
прежде в потоке речном застывшая, кровь на открытом
воздухе льется, разъяв просветы узких сосудов,
и, от студеной воды коченея, шаги непослушны.
Падает Гиппомедонт, как падает с гетского Гема
дуб, в небеса возносивший листву, — под напором Борея
или прогнив изнутри, — и великий просвет образует;
рощу паденье его и самую гору тревожит[52]:
где упадет, и какие под ним сокрушатся деревья?
И не дерзает никто ни меча, ни убора коснуться:
собственным верят едва глазам, дрожат пред огромным
телом и ближе к нему с обнаженным оружьем подходят.
Первым решился Гипсей: рукоять из мертвой десницы
высвободил и над грозным челом не оставил шелома, —
меж аонийцев идет, высоко вознося над блестящим
лезвием шлем — чтоб увидели все — и кричит, надмеваясь:
"Вот он — Гиппомедонт разъяренный, вот он, отомстивший
страшно Тидееву смерть и с окровавленной пучиной
бившийся". — Издалека увидал и сдерживал горе
пылкий душой Капаней и, мышцею дрот велемощный
взвешивая, умолял: "Лишь ты мне, десница, в сраженьях
подлинно помощь несешь[53], и ты лишь — мой бог необорный,.

я лишь тебя и молю и — презритель богов — призываю".
Так говорит и мольбу исполняет своею же мощью.
Мчит, содрогаясь, сосна сквозь щит и брони загражденье
медное и, наконец, настигает под грудью могучей
душу, — и рухнул Гипсей, грохоча, как высокая башня,
если, удары приняв без числа и расшатана ими,
падает та и в разрушенный град победивших впускает.
Стоя над ним, Капаней: "Тебе посмертную почесть, —
молвит, — окажем: сюда посмотри, — ты мною повержен[54];
счастлив умри, возносясь над другими тенями премного".
После берет и меч, и шелом, и срывает с Гипсея
щит, и, им осенив бездыханного Гиппомедонта,
молвит: "И вражьи прими, и своё, вождь мощный, оружье;
вскоре останки твои почет ожидает, а маны —
должный обряд; но покамест огонь погребальный не вспыхнул, —
это надгробье тебе Капаней отомстивший воздвигнет".
Так переменчивый Марс равно меж сидонцев и греков
делит потерь череду[55] в сражениях кровопролитных.
Там о Гипсее, а здесь о яростном Гиппомедонте
плачут, но то, что беда — обоюдна, — обоим утешно.
А между тем смущенная сном, предвещающим горе,
грозная мать рассылателя стрел — младого Тегейца[56],
пряди волос распустив и — как полагалось — босая,
шла предрассветной порой к ледяному потоку Ладона,
чтобы живою водой очистить зловещую грезу.
Ибо в ночном забытьи, томимая гнетом заботы,
видела мать — и не раз — что в храме ею прибитый
падал доспех, и она меж гробниц незнакомых блуждала,
изгнанная из лесов народом дриад разъяренных.[57]
Видела мать, как с войны отряд возвратился с триумфом, —
вооруженье, коня знакомого, спутников сына,
но — не его самого; и видела тул опустевший,
изображенье свое в огне и призрак знакомый.
Но исключительный страх последняя ночь предвещала
матери жалкой, ее до сердечных глубин растревожив.
Был в аркадских лесах плодородной прославленный мощью
дуб, который она посвятила Тривии[58], в рощах
выбрав средь многих дерев, и, преданно чтя его, богом
сделала: здесь оставляла свой лук, и усталые стрелы,

вепрей кривые клыки прибивала и полые шкуры[59]
590 львов и оленьи рога, на лесную похожие чащу.
Ветви — почти не видны, настолько их загромождали
пашен дары, а зеленую тень блеск застил железный.
Мнилось ей, будто она с охоты в горах возвращалась
и эриманфской несла медведицы, ею добытой,
пасть, — вдруг видит: сей дуб, рассеченный[60] огромною раной,
листья свои обронил, и лежат на земле, издыхая,
ветви в кровавой росе; а нимфа ей молвит, что в роще
сонм кровожадных менад и враждебный Лиэй бушевали.
Стонет она и в бесплотную грудь ударяет, — но очи
600 морок прервали ночной; вскочив с тревожного ложа,
хочет она одного, чтоб рыдания явью не стали.
Вот почему, в ток трижды власы погрузив и очистясь,
и утешающие в материнских тревожных заботах
речи присовокупив, к Дианы Воинственной храму
утренней мчится росой и знакомые с радостью видит
чащи лесные и дуб. Тогда, пред очи богини
став, обращается к ней — вотще! — с такими словами:
"Дева, Владычица рощ, чью грозную службу и знаки
небезопасные чту, свой немощный пол презирая, —
610 и не на греческий лад: ни племя живущих сурово
колхов не чтило тебя безупречнее, ни амазонки[61].
Если меня никогда не манили ни пляски, ни игры
буйных ночей и, даже на брак решась ненавистный,
ни оплетенных лозой не носила я тирсов, ни мягкой
пряжи, а с мужем сойдясь, не покинула сумрачной чащи,
и до сих пор — охотница я, и душою — безбрачна; —
я не стремилась свой грех сокрыть в потаенных пещерах,
но, показав младенца тебе, у твоих положила
ног, повинясь, дрожащий приплод, а он — благородной
620 крови — он к луку пополз моему нимало не медля,
дрот потребовал дать, как только словам научился; —
сына… — ведь мне по ночам тревожные сны угрожают —
сына, молю, — он ушел на войну, положившись чрезмерно,
горе, на дерзкий обет тебе — победителем в битве
дай мне узреть, — или просто узреть, коль это чрезмерно!
Дома оружьем твоим пусть бьется. Избавь от зловещих
снов, о богиня! Почто, дубравная Делия, в наших
рощах вражьи царят менады и боги фиванцев?[62]

Горе мне! Но почему — пусть лживой пророчицей буду! —
но почему я считаю сей дуб великой приметой?
Если же бедственной мне сон верные шлет прорицанья, —
ради страданий моих материнских, Диктинна благая,
вещего брата[63] почтив, пронзи злосчастное чрево
верной стрелой и дозволь, чтоб о гибели матери жалкой
первым сын услыхал!" — Промолвила и, разрыдавшись,
видит, что влажен и сам белокаменный образ Дианы.[64]
И оставляя ее — да лежит на священном пороге
и волосами метет алтари ледяные — богиня,
грозная ликом, меж звезд зеленеющий Менал сейчас же
одолевает прыжком и к кадмейским стенам устремляет
шаг свой по светлой стезе под небом вершинным, известной
только богам, и глядит с крутизны на земли вселенной.
Путь приближался уже к горловине зеленой Парнаса, —
тут замечает она, что брат в ослепительной туче,
переменившись в лице, возвращается, полон печалью,
от эхионовых войск, о пророке[65] скорбя, поглощенном
недрами. Неба простор зарделся смешавшимся светом:
встречу богов осиял одинаковый блеск от обоих, —
к луку приблизился лук, и тул соответствовал тулу.
Первым — брат: "Я знаю, сестра к лабдакидовым ратям
ты и к аркадцу спешишь, чрезмерно отважному в битвах.
Молит верная мать, — о если бы просьбы исполнить
рок допустил! Но сам я, о стыд, взирал не вступаясь,
как и доспехи жреца, и священная зелень, и взоры
глаз, обращенных ко мне, — в бездонный низринулись Тартар.
Не удержал я коней и разверстой земли не содвинул, —
я ль не жесток, я ль достоин, чтоб мне поклонялись? Пещеры
скорбные[66] зришь ты, сестра, и храмы немые? — Лишь этим
верного спутника чту; не проси же и ты бесполезной
помощи и не верши в печали трудов обреченных.
Юноши гибель близка, — се рок и сего не изменишь.
Чуждые обиняков прорицания брата неложны". —
"Да, но несчастному честь погребальную, — молвит смутившись,
Дева в ответ, — и утеху найти погибели горькой
должно, — так пусть возмездье падет на злодея, который
богопротивную длань осквернит неповинною кровью
отрока, пусть и мои возмогут свирепствовать стрелы!"
Вымолвив, сделала шаг и, брату для поцелуя

сухо приблизив уста, устремилась к воинственным Фивам.
Гибель царей с обеих сторон разжигает жестокость
битвы: желанье отмстить раздувает взаимную ярость.
Здесь — Гипсея войска и строй, главу потерявший,
там, всё мощнее грозя, убитого Гипномедонта
сирая рать на мечи в исступленье бросается грудью.
В лютых — единый порыв: чужестранною кровью упиться,
кровь же свою — пролить, — и никто не сдвигается с места.
Клином стоит застывшая рать, врагам кровожадным
жизнь отдают, но не кажут спины; и тут соскользнула,
в воздухе путь проторив, Латония с кручи диркейской.
Стала, — ее узнали холмы, и леса пред богиней
дрогнули, вспомнив тот день, когда разъяренные стрелы,
лук утомив, расточили добро плодовитой Ниобы.
Отрока в гуще боев, уже возбужденного кровью,
мчал охотничий конь, не ведавший браней доселе:
взнуздан впервые он был, его облегала тигрица
пестрая и по плечам золочеными била когтями.
Шея — сплетение мышц, острижена вольная грива,
знаком сражений лесных колыхалось под самою грудью
из белоснежных клыков ожерелье дугой серповидной.
Юноши паллу двойной эбалийский пропитывал пурпур,
туника златом блестит (это был единственный ткацкий
матери труд)[67], тончайшая вязь опоясала чресла.
Горд непомерным мечом, он шуйцей на конское рамо
щит опирал; удила золотые — по нраву укусам
конских зубов, на крутые бока нависает попона.
Ножен бряцанье на слух отлично от дробного стука
туда и звона цепей, с шишака до лопаток свисавших;
а наверху воздымался пучок роскошнейших перьев,
шлем в самоцветах сверкал[68]; — но когда средь сраженья сей душный
стал раскаляться убор, отбросив его, обнажил он
голову, — сладостный блеск полился от кудрей, от сверкавших
сладостно взорами глаз и ланит, досадно неспешных
и до сих пор сохранявших пушок на коже румяной.
Пусть похвалы красоте не любя, угрожающе хмурясь,
ожесточал он лицо, но хранило чело благородство
в праведном гневе. Пред ним отступала фиванская младость —
помня о детях — сама и дротов порыв отклоняла,

он же теснил и в жалеющих слал жестокие копья[69].
А по тевмесским хребтам сидонские юношу нимфы
славят: он по сердцу им и в бою, и в поту, и покрытый
пылью; и нимфы по нем в безмолвной мольбе воздыхают.
Жалость и скорбь наблюдавшей за ним Диане пронзили
сердце и, плача, она "Почто мне, — молвит, — богине
верной, почто мне искать для тебя избавленья от близкой
гибели? Разве не сам ты рвешься в сраженья, свирепый
и злополучный юнец? Увы, но незрелая доблесть
правит тобой, и зовет к отважной погибели слава.
Значит уже твоему беспокойному возрасту, мальчик,
Менала роща тесна и тропы меж логовищ зверя, —
те, что опасны тебе без матери, чей до сих пор ты,
дерзкий, не мог превзойти ни лук, ни охотничьи стрелы.
Ныне она у моих алтарей о великой крушится
ненависти[70] и терзает порог и двери глухие.
Сладостным зовам трубы и воинственным кличам, счастливец,
радуясь, ты для одной обездоленной матери гибнешь".
Но — да окажет ему последнюю почесть пред смертью —
в самую гущу боев идет, огражденная светлым
облаком[71]; прежде всего похищает легкие стрелы
из-за спины храбреца и в колчан — небесные сыплет
жала, коих полет безошибочно жертву находит.
После его самого кропит амвросической влагой,
следом кропит и коня, чтобы тот из-за раны до срока
ноши не сверг, и священный напев с наговором мешает[72],
коему учит она колхидянок в тайных пещерах
ночью и дикие их наставляет разыскивать травы.
Юноша пылкий тогда с обнаженной летит тетивою
и вне себя, позабыв об отечестве, и о родимой,
и о себе, — сверх сил небесным оружием бьется.
Так подрастающий лев, кому гетулийская матерь
пищу приносит сама, — едва ощущает, что выя
крепнет под гривой, и зрит, что выросли хищные когти, —
прочь от кормящей бежит и уже, вкусив от свободы,
вольные любит поля и не хочет вернуться в пещеру.
Молви, бесчинный, кого ты луком поверг паррасийским.
Первый летучий тростник сокрушил танагрца Кореба:
посланный узкой тропой, прошел он чуть ниже шелома
точно над краем щита, — кровавая остановилась

в горле волна, а лицо от священного яда[73] зарделось.
Эвритион погибает страшней: тройной наконечник
750 силу безжалостных жал скрывает в левой глазнице;,
тот, изымая стрелу, напоенную вытекшим глазом,
на супостата идет, — но мощные чем остановишь
стрелы богов? — Другою стрелой, умеченной в око,
был он во мрак погружен, но, дерзкий, врага нагоняет,
помня, где был он, пока не упал на простертого Ида,
и между жертв свирепой войны, злосчастный, на ощупь
полз, о кончине своей и друзей, и врагов умоляя
Абантиадов убил, волосами приметного Арга
и нечестивой сестре дорогого недолжно Кидона.
760 (Он одному обнажил стрелою пронзенное чрево,
оба виска другому пробил, нацелившись сбоку:
слева железо торчит, перо быстролетное — справа,
кровь течет с обеих сторон. Всем лютые стрелы
смерть беспощадную шлют: Лигд инфулой, Лам красотою,
возрастом юным Эол погибели не отвратили, —
Ламу пронзил он уста, Лигд плачет, в пах уязвленный,
ты же рыдаешь, Эол, в чело белоснежное ранен;
ты родился на Эвбее крутой, ты — Фисбою послан
белой, а он не вернется назад к Амиклам зеленым.[74]
770 Верен каждый удар, ибо все божество опекает
стрелы, и нет для руки передышки: свист с первым сливает
посланный следом тростник. Кто может поверить, что это
лук — один, и одна свирепствует длань? То ударит
прямо, то в сторону ту, то в другую направит погибель,
то от напавших бежит, обернувшись единственно луком.
И негодуя, но все ж — восхищаясь, уже собирались
дети Лабдака[75], средь них — потомок Юпитера — первым
шел Амфион, не знавший еще, чье тело повергнет
в этом бою: "Доколе свой рок ты обманывать будешь,
780 мальчик, достойные чьи родители осиротеют?
Дерзость твоя и надменность души возрастают, покуда
в схватку с тобой никто не вступил, неравного боя
не удостоил тебя и себя не унизил до гнева.
К рощам аркадским вернись и со сверстниками оставайся
там; и покамест у нас отбушует Маворс свирепый, —
дома в сраженья играй. Но если тебя подвигает
славная гибель, — то что ж — ты как мужу пристало погибнешь!"

Против него раздраженьем давно воспылал тяжелейшим
грозный Аталантиад — он еще не унялся — и начал:
"Я против Фив, чьи воины здесь, слишком поздно оружье
поднял: кто мальчик настоль, чтоб с такими, как вы, не сражаться?
Грозный посев и побег аркадской породы[76] ты видишь,
а не фиванской: меня не фийя безмолвною ночью,
эхионийцу служа Лиэю, на свет породила,
на голове никогда не носил я уродливой митры,
не потрясал зажатым в руке позорящим древком![77]
Был я обучен зато пробираться по рекам застывшим,
в логовища проникать ужасные хищников мощных
и… — да о чем говорить? — если носит всегда моя матерь
нож и лук, а ваши отцы бьют в гулкие бубны?" —
Не перенес Амфион и, в уста говорящего целя,
дрот неподъемный пустил, — но грозною вспышкой железа
вспугнут, шарахнулся вбок звонкоступ с наездником вместе,
и стороной пронеслось копье, вожделевшее крови.
Тем исступленней с мечом обнаженным на Партенопея
мчит Амфион, но тогда Латония, на поле прянув,
к юноше стала лицом и его от врага заградила.
Юношу сопровождал любивший его безупречно
с Менала родом Доркей, которому мать поручила
битвы, и страхи свои, и дерзкие отрочьи лета.
Оного облик приняв, богиня проговорила:
"Будет! Довольно крушить огиговы рати, довольно!
Партенопей, пощади хотя бы злосчастную матерь,
или богов[78], благосклонных к тебе!" — А он, не испуган:
"Дай лишь его поразить, а о большем, Доркей мой вернейший,
я не прошу, — ибо дроты его моим не уступят,
схожи доспехи у нас и звенящие конские сбруи.
Сбрую себе я возьму, доспех над высоким порогом
Тривии вывешу, мать одарю захваченным тулом".
И улыбнулась в ответ Латония, слезы скрывая.
Из потаенных глубин небосвода за ней наблюдала,
нежно Градива обняв, Венера и, с болью о Фивах
напоминая ему, и о Кадме, и внуках несчастной
дщери Гармонии, скорбь, затаенную в сердце безмолвном,
кстати стремилась разжечь: "О Градив, ты разве не видишь,
как замешалась она, девичеством гордая, в гущу
воинов? Не для того ль, чтобы рати и марсовы знаки

дерзко смирять? И больше того — отбирать для убийства
стольких из наших мужей! Быть может, и доблесть, и ярость
вверены ей? — А тебе остается с козами биться?"
Взялся за меч, но смолчал справедливым упреком задетый
Браневладычный, кому — летящему в воздухе зыбком,
служит сопутником Гнев и прочие Ярости битвы.
Незамедлительно он приступил к Летоиде печальной
с криком: "Но где же твой стыд? Родитель богов не такие
битвы тебе поручил! — Если с бранного поля сейчас же
не удалишься, — поймешь: эта длань — не то, что Паллада".
Что предпринять супротив? Здесь гонит марсово жало,
здесь, о мальчик, твоя завершенная нить, там — Юпитер
грозный, — почтеньем к нему побежденная, та отступилась.
Маворс-родитель тогда озирает огиговы рати
и побуждает вперед Дрианта, чей родоначальник —
бурный душой Орион, — отчего почитавших Диану
он ненавидел[79]; и тот с мечом на смятенных аркадцев
мчится, и разоружает вождя: вереницею длинной
гибнет Киллены народ, и насельник тенистой Тегеи,
и эпитийцев вожди, и тельфусиаков отряды.
Тот же, надеясь врага и усталой десницей повергнуть,
сил не берег и, уже утомясь, метался повсюду,
тут помогая и там. Но тысячи знамений смерти
явлены, и облака погибели черной нависли.
Видит злосчастный, что с ним — горсть воинов, что настоящий
рядом Доркей, и чувствует: сил остается немного,
и полегчавшим плечом понимает, что тул истощился.
Каждый удар — всё слабей, и уже он себе показался
мальчиком. Тут перед ним полыхнул щитом заблиставшим
страшный Дриант: и уста, и недра аркадца внезапно
дрожь пробрала. — Когда над собой носителя молний
белая лебедь узрит[80], то жаждет, чтоб берег разверзся
Стримона, и на груди задрожавшие крылья слагает.
Так и в юноше вид неистовой мощи Дрианта
вызвал не ярость уже, но ужас — предвестника смерти.
Всё же оружье — к богам и Тривии тщетно взывая —
силится, бледный, поднять и целится луком безмолвным.
Он уж наставил стрелу[81] и, между локтей изогнувшись,
свел наконечник и лук и коснулся груди тетивою.
Но аонийским вождем дрот скорый, запущенный мощно,

на супротивника мчит и гнутую скрепу певучей
рвет тетивы, — погибает удар, опускаются руки,
тщетная наземь стрела с распрямленного падает лука.
Бросил злосчастный тогда и оружье, и повод в смятенье,
не замечая того, что на правом плече под доспехом
нежная кожа копьем пронзена; подоспело другое
жало и бегство коня смирило, подрезав поджилки.
Вслед сам рухнул Дриант — о чудо! — без раны единой[82], —
и поразивший его и причины не сразу открылись.
Мальчик же, сонмом друзей окруженный, к обочине поля
был отнесен и рыдал (простодушная юность!) о павшем —
сам умирая — коне[83]. Глава без шелома поникла,
и угасающий взгляд был страдальческой прелести полон.
Трижды его за власы потрясали, четырежды, — тщетно[84]:
никнет глава, и — самих фиванцев рыдать заставляя —
льет темно красная кровь из груди его белоснежной.
И, наконец, изронил он, хрипя, последнее слово:
"Вот и кончаюсь; — Доркей, утешь же несчастную матерь.
Правда, она — коль тревога дарит предчувствие людям —
видела или во сне или в знаменьях сына кончину.
Всё же ты страхи ее искусно смири и не сразу
правду скажи. И смотри, неожиданно или с оружьем
к ней не входи; и только когда рассказать приневолит,
молви: О мать, заслужил. Казни же меня против воли!
Мальчик, я взялся за меч, твоих уговоров не слушал,
и среди боя уже о боли твоей не попомнил.
Так что живи и, прошу, гневись на мое безрассудство,
но уж теперь — не страшись. Терзаясь, с вершины Ликея
ты понапрасну глядишь[85], не дойдет ли к тебе сквозь туманы
звук ли какой или пыль, взметенная нашим отрядом,
Хладный, на голой земле я лежу, и нет тебя рядом,
чтобы мою поддержать главу до последнего вздоха.
Эту вот прядь, лишившись меня, — и тут он десницей
прядь отделил[86], — эту прядь прими вместо мертвого тела:
ты ее часто — а я не давал — пригладить пыталась,
Вот ты ее и сожги, но смотри, обряд совершая,
чтобы никто моих стрел не тупил неловкой рукою
и не гонял любимых собак по логовам зверя.
А несчастливый доспех, предавший в первой же битве,

или сожги, иль укором повесь равнодушной Диане".

КНИГА X

Феба к закатным вратам[1] росистая Ночь проводила,
спешно исполнив приказ Юпитера: стана пеласгов
он не щадил и тирийских бойцов, но жалел, что погибло
столько отрядов чужих и безвинных народов в сраженье.
Обезобразила кровь изобильная поля просторы.
Там — доспехи лежат, и кони, которыми прежде
чванились, и без костра — тела, без призора — обрубки.
Тут — бесславная рать, чьи стяги побиты, отводит
строй поредевший назад, и врата, для рвавшихся в битву
тесные, после боев — широки возвратившимся в город.
Скорбь обоюду равна, однако же Фивам утешно,
что без вождей отошли четыре отряда данайцев[2], —
словно в пучине морской челны, лишенные кормчих,
чьи предводители днесь — божество[3], случайность и буря.
Вот почему тирийцы горят не за городом только,
но и за бегством врагов наблюдать, чтоб случайно в Микены
те не ушли, довольны уж тем, что вернулись. Назначен
жребием стражи черед[4]: предводители ночи дремучей —
Мегес — по жребию, Лик — добровольно. Как должно, оружье,
снедь и огонь доставляют, а царь укрепляет идущих:
"Вои, данайских полков победители (утро ведь близко,
не навсегда эта ночь, наступившая, чтобы трусливым
дать передышку), — в груди пусть пыл возгорится, достойный
благоволящих богов! Вся слава лернейцев погибла,
лучшие воины их: Тидей в карающий свергся
Тартар, испугана Смерть нежданною тенью авгура[5],
горд Исмен, захватив доспехи Гиппомедонта;
можно и не причислять аркадца к бранным победам.[6]
В наших добыча руках: крутых предводителей битвы,
грозных шеломов в семи уже не осталось отрядах.
Что же нас — старец Адраст, или брат[7], юнец несмышленый,
иль Капаней устрашит своим безрассудством в сраженьях?
Так что — вперед: осажденных огнем обложите дозорным
и не страшитесь врага, — вы храните добро и добычу
вашу уже!" — Так он лабдакидов неистовых полнит
бодростью, — и повторить им сладко исчерпанный подвиг.

В той же пыли и поту, и в пятнах доселе не смытой
крови — бойцы обратили, шаги, встречавшим не молвив
слова, и их не обняв, и длани родных отстраняя.
После, на передовой и тыльный отряд разделившись,
и укрепившись с боков, замыкают стан[8] окруженный
грозных огней чередой. — Так сходятся смешанным строем
хищные волки[9] в ночи, которых в полях близлежащих
голод, готовый на всё, истощил вожделением долгим.
К самым жилищам идут, и глотки им сводит надежда
тщетная, блеянья дрожь и густое дыханье овчарен.
Когти — бессмысленный труд! — ломают о крепкие двери
и о пороги и грудь разбивают, и зубы сухие.
А между тем молящийся сонм[10] во храме аргосском —
и у домашних своих алтарей пелопидянки всюду —
просят Юнону помочь скиптродержицу, просят возврата
близким своим и, к двери расписной и хладному камню
ликом припав, даже малых детей наставляют склоняться.
Вот уже день в молитвах прошел, не ослабло и ночью
рвенье, и на алтарях раздутое пламя бессонно.
Пеплос в кошнице несут (над чьей удивительной тканью
не ворожила рука ни бездетной, ни брошенной мужем) —
чистой богине наряд, отнюдь не достойный презренья.
Многообразно на нем пурпуровые расцветали
изображенья, чей ряд вплетенным вспыхивал златом.
Там с Громовержцем сама обрученная великомощным,
но не супруга еще, робея — сестра перед братом,
взор опустив, простодушно к устам Юпитера юным
никла, досель не вкусив от супружних измен огорченья.
Оным покровом тогда аргосские жены святыню
кости слоновой одев, молили в слезах и печали:
"На ненавистные глянь кадмейской разлучницы[11] стены,
светилоносных небес царица, разрушь непокорный
холм, и Фивы сожги — ты можешь! — молнией новой!"
Как поступить ей, знавшей, что рок противится грекам
и что Юпитер — не с ней? Но не хочет, чтоб даром пропали
их и мольбы, и дары. И ей открывается случай
велию помощь принесть. Ей видно с высот занебесных:
стены — в плену, и за рвом расставлена бдящая стража.
Гнев, накатив, ее разъярил, — диадема богини
на волосах затряслась: Юнона пылала не меньше,

чем о зачатье узнав Геркулеса, чем в звездном просторе
с негодованьем узрев обоих сынов Громовержца[12].
И порешила, сморив забытья неуместною негой,
смерти предать аонийский отряд. Послушной Ириде
повелевает тотчас заключиться в привычные дуги
и порученье дает, и богиня пресветлая долу
мчится с небес — исполнить приказ — по излучине длинной[13].
Мрачных Ночи жилищ посреди, далеко за спиною
у эфиопов иных, ни единой звезде не доступна,
мертвая роща стоит, и там под огромной скалою
в недра горы пещера ведет, — в ней — лар беззаботный
праздного Сна непоспешливая поместила Природа.
Вход стерегут дремучая Тишь с Беспамятством вялым
и коченеющая в постоянном бездействии Леность.
Отдохновенье в сенях и сложившее крылья Немотство
молча сидят и порывы ветров прогоняют от кровель,
и запрещают листве шелестеть, и птичий смиряют
щебет. Не слышится здесь ни прибой (хотя б грохотали
все берега), ни раскаты небес. И даже бегущий
возле пещеры поток, спускаясь в глубокие долы,
на перекатах молчит. С быками темными рядом
всякий покоится скот на лугах, зеленая поросль
дремлет, и травы земля дыханием сонным колеблет.
Тысячи образов Сна в покоях изваяны жарким
Мулькибером: тут Страсть прильнула, венками увита,
там повергающее в забытье Утомленье то с Вакхом
общее ложе, а то с Амором Марсорожденным
делит; а дальше еще — в удаленнейших дома покоях —
вместе со смертью лежит, — и ни для кого этот образ
скорбный незрим. Таковы те подобия. Сам же под влажным
сводом на тканях лежит, усыпанных маком снотворным:
пар струят одежды его, под телом ленивым —
пламенно ложе, над ним — тяжелым дыханием пышет
черная хмарь; одною рукой он упавшую слева
прядь подбирает, висит, позабыв о роге[14], другая.
Тысячелико вокруг Сновиденья летучие бродят,
с верными лживые в ряд [и с дурными хорошие вместе].
Ночи мрачная рать на столбах и на матице виснет
или лежит на земле. В покое мерцает неверный
неосвещающий свет, и, первые сны навевая,

бледные звезды струят нисходящее долу сиянье.
К оной обители Сна с лазурных небес соскользнула
Радуга-дева, — и лес засверкал, и темпейские чащи
120 радуются божеству. Дуговидным исполнясь сияньем,
дом пробудился, но сам — ни светочем ясным богини,
ни побужденьем ее, ни призывом не тронут — все так же
спит беспробудно. Тогда всю бросила Тавмантиада
силу лучей и сама под сонные веки проникла.
После же так начала златовласая радуг богиня:
"Повелевает тебе Юнона сморить, о кротчайший
бог, и сидонских вождей, и людей беспощадного Кадма,
кои теперь, возгордясь исходом сраженья, ахейский,
бодрствуя, стан стерегут и твои презирают законы.
130 Просьб не отвергни таких, — не часто дается возможность
милым Юпитеру быть, осеняясь Юнониной дланью".
Молвит и, дланью бия его по изнеженной груди,
да не погибнут слова, еще и еще призывает.
Он же с тем, что гласил богини приказ, согласился,
не изменившись в лице; разморясь, из мрачной пещеры
вышла Ирида и блеск неугасший дождем оживила.
Следом за нею и Сон устремил летучую поступь,
ветром овеял виски и, холодом неба ночного
полня надувшийся плащ, в эфире неслышимым шагом
140 несся и, тяжкий, с высот угрожал аонийским просторам.
Всюду дыханье его по земле простирало пернатых,
скот и зверей, и везде — над какой ни летел он страною —
волны, смиряясь, от скал отступали, ленивей бежали
тучи, и даже леса преклоняли вершины деревьев,
а с разомлевших небес поосыпались многие звезды.
Первым в нахлынувшей мгле ощутило присутствие бога
поле, — и воинов шум и гул голосов неисчетных
угомонился тотчас; когда же налег он крылами
влажными и в темноте, которой смола не чернее,
150 в стан вступил, — закатились глаза, обессилели выи,
с полслова оборвались недоговоренные речи.
Следом начищенные щиты и свирепые дроты
пали из рук[15], и на грудь изнемогшие лица поникли.
Смолкло всё, наконец: уже и самих звонкоступов
ноги не держат, и сам огнь пеплом внезапным покрылся.
Та же дрема не зовет[16] к забытью трепещущих греков:

к ближнему стану свои облака не пустила ночного
бога чаровная мощь, — повсюду стоят при оружье,
на непроглядную ночь и кичливый дозор негодуя.
Вдруг — лишь в душу вошло божество — неожиданный трепет
Фиодаманта объял и, страхом исполнив смятенным,
судьбы поведать велел, — Сатурния ль это внушила,
или благой Аполлон взговорил в служителе новом.
Ринулся Фиодамант — ужасен и видом, и речью,
и сокрушен божеством, которого разумом хрупким
он не вмещал. Его затрясло, лицо исказилось
голым безумьем, дрожа, надувались и вновь опадали
щеки и пятнами шли, и бессмысленно взоры блуждали,
и плетеница, свиясь с волосами, на вые металась.
Так окровавленного фригийца Идейская Матерь
гонит из страшных пещер, принуждая не видеть, что руки —
нож истерзал; тот бьет сосною священною в перси
и, разметав волоса кровавые, мчится и раны
тем бередит; дрожат и поле, и древо радений
в рдяной росе, а львы колесницу в испуге вздымают.
Люд потянулся в покой размышлений и к чтимому крову
стягов, где долго уже обильем потерь удрученный,
крайности бед вороша, Адраст размышлял понапрасну.
Стала вокруг внезапная знать — из тех, кто погибшим
ближе всего, — и туда, где цари могучие прежде
были, глядят, о своем скорбя, а не радуясь взлете.
Так, посредине пути потеряв корабельщика, судно
режет простор: подойдет к сиротливому дышлу кормила
то надзиратель гребцов, то блюститель глядящего в море
носа, — но самый корабль замирает, и движутся туго
весла, и новой руке опекающий бог — не помощник.
Но возбужденный авгур ободряет смятенных ахеян:
"Божий всемощный указ, о вожди, и священную волю
вам доношу: сии не из нашего сердца глаголы,
Оный звучит, чью службу служить, увенчавшись повязкой,
ваше доверье — и бог не препятствовал — мне поручило.
Ночь великих трудов, для прекрасной удобную кары,
знаменья божьи несут, споснешница Доблесть торопит,
воинов Счастье зовет. — Окутана мороком сонным,
спит аонийская рать, — се время царей убиенных,

день злополучный отмстить. Хватайте оружье, крушите
сопротивленье ворот, — вот наше соратникам пламя,
вот погребальный обряд! Я это и днем, среди битвы
кровопролитной, когда противники одолевали, —
200 новопреставленный жрец[17] и треножники слову порука! —
видел, и над головой шумели благие вещуньи.
Но подтвердилось — сейчас. Ко мне в молчании ночи
сам — да, сам — из земли, повторно разъявшейся, выйдя,
точно такой же, как был, лишь выкрасил сумрак запряжку,
Амфиарай приходил. Не бесплодной дремы привиденья
и не внушения сна изрекаю: "Ужели, — промолвил, —
Инаха косным сынам — оправдай же венок сей парнасский,
наших богов оправдай! — ночь эту проспать ты позволить,
жалкий? Не я ли тебе и тайны небес, и блужданье
210 птиц изъяснял? Так иди же смелей и ныне железом
мне отплати!" — Сказал и меня сюда устремиться,
мнилось, воздетым копьем подталкивал и колесницей.
Так поспешим, — не упустим богов: враги ведь не рвутся
грудью на нас, война полегла, — свирепствуйте вволю!
Есть ли здесь те, кто не прочь — покамест судьба позволяет —
в громкой молве вознестись? — Вот снова в ночи благосклонной
вестницы-птицы! Им вслед — хотя бы отстали отряды —
двинусь один! — Ибо он — впереди и коней погоняет".
Так вопия, жрец ночь возмущал. И двинулись следом,
220 Столько ж возбуждены, — бог, мнилось, единый
в сердце у всех и порыв не отстать и отважиться вместе.
Он трижды десять бойцов — опору отрядов — покорно
сам отобрал, — а вокруг остальные шумят, негодуя,
что оставаться должны и в стане без дела томиться.
Часть — благородство, часть — доблесть своих, часть свою вспоминает,
прочие — "жребий" кричат, отовсюду доносится "жребий".
Радуясь спорам таким, Адраст распрямлялся душою.
Так с Фолои-горы воспитатель коней окрыленных
скотообильной весной, обновляющей порослью стадо,
230 с радостью зрит, как на кручу хребта молодняк устремился,
или поплыл по реке, иль родителей перегоняет.
Чуткой душою одних он уже намечает для плуга,
добрую стать находит в других, а в третьих — пригодность
к битве, в четвертых же — дар подняться к награде элидской[18].

С ним был схож и седой предводитель ахейских отрядов.
Замыслу был он не чужд: "Откуда сии среди ночи
знаменья? Кто из богов обратился к поверженным Аргам?
Значит, доблесть жива и в беде, и не весь обескровлен
люд, и в несчастьях еще сохраняется храбрости семя?
Гордые юноши, вас я хвалю и прекрасною вашей
распрей горжусь, — но теперь мы коварство чиним и неявный
бой: так сокроем поход, — не годятся для вылазки тайной
толпы. Храните свой пыл, — отмщения день супостатам
будет ужо, и тогда мы выступим все и открыто".
Тут, наконец, улеглась усмиренная юношей доблесть.
Так родитель Эол[19] огромной скалой полновластно
буйной пещеры своей врата подпирает и всякий
путь преграждает вот-вот простора чаявшим ветрам.
Также с собою пророк Геркулесова взял Агиллея
с Актором: этот горазд на советы, другой похвалялся
силою, равной отцу[20]; за троими, разбит на десятки,
строй — аонийцам на страх даже к бою готовым — стремился.
Сам же, на марсов обман непривычной войны отправляясь,
Фебовы знаки с себя — досточтимую зелень слагает,
дланям старца-вождя вверяет чела украшенье[21]
и облекает себя в броню и шелом — Полиника
великодушного дар. Бременит Капаней неуемный
Актора мощным мечом, не будучи сам удостоен
хитростью биться, богам подчинясь[22]. Агиллею суровый
Номий оружие дал, — ибо чем обманчивой ночью
в битве могли бы помочь тетива Геркулеса и стрелы?
После за насыпь поверх высоких зубцов укрепленья
(тяжкого чтоб избежать ворот скрежетания медных)
перелетают прыжком и видят: пред ними добыча
сонною грудой лежит — так, словно уже их лишили
жизни в бою. "Идите, друзья, куда б вас веселье
неистощимой резни ни вело, и будьте достойны
милости неба!" — так жрец громогласно вскричал и продолжил:
"Вот, посмотрите, врагов простерла позорная слабость!
Стыд! И эти — к вратам подступиться дерзнули аргосским?
Эти — мужей окружить?" — Изрек и молниеносный
меч[23] обнажил и пошел, поспешно разя, меж отрядов
гибнущих. Сможет ли кто исчислить убийства и павших

по именам перебрать[24]? — По спинам и лицам лежащих,
не разбирая, он шел, за собою шеломами скрытый
стон оставлял и смешивал кровь и смятенные тени.
Он одного поразил на случайной подстилке, другого —
давшего с ходу на щит и едва державшего дротик;
эти простерты, заснув на пиру средь вин и доспехов,
те — опершись на щиты, иные же — там, где, осилив,
злая на землю дрема и облак предсмертный повергли.
И не отсутствовало божество: Юнона[25] в доспехах —
светоч, сиявший луной, потрясая в руке устремленной —
путь открывает, и дух — крепит, и тела указует.
Чувствует помощь ее, но безмолвную радость скрывает
Фиодамант. И уж медлит рука, и слабеет железо,
и угасающий гнев от чрезмерных успехов проходит.
Как на каспийском брегу тигрица, задравшая тучных
телок и буйство свое угасив непомерною кровью,
пасть утомив и растерзанных туш сочащейся плотью
вымазав шкуру, глядит на деянья свои и жалеет,
что утолилась алчба, — так жрец блуждает, уставший
от аонийских убийств: ему б оказаться сторуким[26],
по сто бы дланей иметь в бою; и его удручает
тщетность угроз, и уже он хотел бы, чтоб ожил противник.
Сонных сидонцев разит Геркулеса могучего отпрыск
рядом, и Актор в ему для резни отведенном пределе
вместе с отрядом своим. Почерневшие травы, набухли
кровью, а кущи дрожат в потоках, убийством текущих.
Поле дымится, над ним дух Сна и Смерти слияние
носится, и ни один из лежащих не вскрикнул и даже
взора не поднял, — таким на бедственных бог легкокрылый
мраком налег и одним отверзал умирающим очи.
Эту последнюю ночь, на кифаре играя, Иалмен,
глаз не сомкнув, проводил, но и он не увидел рассвета:
пел он сидонский пеан, но склоненная богом поникла
влево его голова, и безвольная выя лежала,
лиры средину прикрыв. Агиллей поражает железом
грудь певца, пронзив прилаженную к черепахе
звонкой[27] десницу его и персты, трепетавшие в струнах.
Страшные струи меж яств разливаются, всюду стекает,
с кровью смешавшись, вино[28], и Вакх кратеры и чаши

переполняет опять. Настигает приникшего к брату
Актор Фамиру, а Таг — Эхекла в венке неувядшем
сзади разит, а Данай отрубает голову Гебра:
тот и не знал, что похищен судьбой, и счастливая к теням
жизнь унеслась, избежав страданий мучительной смерти.
Спавший на хладной земле меж колесами[29] верной запряжки
стонами Кальпет пугал коней аонийских, привычно
320 в поле щипавших траву: хмельные уста бормотали,
и, возбужденный вином, он метался во сне. Прободает
шею ему инахийский пророк, — из раны низверглись
пьяные струи, и кровь захлестнула прервавшийся ропот.
То-то душили его предрекавшие гибель виденья[30]:
черные Фивы во сне и Фиодаманта он видел.
Сон наводящая ночь завершала четвертую стражу:
стали туманы редеть, сиянье светил угасало,
и Волопас исчезал, колесницею большей теснимый[31].
Труд был исчерпан уже, когда проницательный Актор
330 Фиодаманту сказал: "Довольно с пеласгов нежданной
радости сей, — ни один, полагаю, из рати толикой
гибели злой не ушел, разве трусы, которых в кровавом
токе постыдная жизнь заставляет скрываться. В удачах
меру блюди: ведь есть божества и в проклятых Фивах[32],
могут и те отступить, что нас до сих пор опекали".
Выслушал жрец и, воздев к небесам обагренные длани:
"Феб, доспехи тебе и добычу предсказанной ночи —
влагой еще не омыт (ведь тебе свершена эта жертва) —
воин суровый несет и треножников верный блюститель.
340 Если приказы твои и волю я с честью исполнил, —
часто являйся, сей ум удостоивай частым вторженьем.
Днесь чтим грубо тебя оружьем и кровью побитых;
если же отчие нам дома возвратишь и родные
храмы, Ликийский Пеан[33], то требуй, обет мой напомнив,
столько ж даров дорогих и быков для святого порога[34]".
Вымолвил и отозвал отряд из удачливой битвы.
Шли меж бойцов ведомый судьбой Гоплей Калидонский
и Меналийский Димант[35]: отличаемы оба царями,
оба в дружинах царей, со смертью их оба, горюя,
350 жизнь презирали свою. И Гоплей побуждает аркадца:
"Ты ли о манах царя убиенного можешь не думать,

славный Димант? Ведь его, должно быть, и птицы терзают
днесь, и фиванские псы. Так что же вы дома, аркадцы,
скажете, ежели вас — вернувшихся — скорбная матерь
спросит: где тело его? Нет, нас-то Тидей беспрестанно
непогребенный казнит, хотя он и крепче в суставах,
и не такую его век прерванный жалость внушает.
Все-таки нужно идти и повсюду, где только придется,
злую равнину пытать и хоть в самые Фивы ворваться".
Внял призыву Димант: "Клянусь сим звездным вращеньем,
тенью вождя, предо мной как дух беспокойный бродящей, —
тот же в несчастном порыв. Давно сопутника ищет
скорбью угашенный ум, — так следуй за мной", — И пустился
в путь, и скорбным лицом к небесам обращаясь, промолвил
так: "Повелительница сокровенной, о Кинфия, ночи!
ежели верно, что ты — божество, чей трижды изменчив
образ[36], и ты же к лесам в ином обличий сходишь, —
сей — недавний еще — сопутник, сей редкий питомец
рощ, сей юноша — твой, о Диана, откликнись же ныне! —
нами не найден". — Склонив колесницу, богиня низводит
светоч благой[37] и тела указует направленным рогом.
Явственны стали поля, Киферон высокий и Фивы.
Так, если громом ночной небосвод разрывает Юпитер
гневный, то из облаков разошедшихся, ясно блистая,
звезды глядят и очам окоем открывается тотчас.
Видит сиянье Димант, и Гоплей, направляемый тем же
светом, Тидея узрел. Ликуя, сквозь сумрак друг другу
знаки они подают, и каждый любезное бремя, —
так, словно ожили те и свирепой отпущены смертью, —
плечи подставив, несет. Причитать не решаясь и долго
плакать, — поскольку восход, приближаясь, грозил наступленьем
дня, — безмолвно идут в тишине невеселой широким
шагом и только скорбят, что мрак предрассветный бледнеет.
Редко завистливый рок[38] — благочестным, а случай — великим
спутник делам. Уж они завидели стан, и надежда
их приближала, и груз убывал, — вдруг — облако пыли,
и за спиною шаги. — Побуждаем правителем, грозный
конников вел Амфион проверить ночную засаду
и стерегущий отряд. И первым в поле безлюдном
издалека — а тогда еще не рассеялись тени —
он замечает: невесть что на взгляд неясно и зыбко

движется, — люди идут. И, внезапно обман заподозрив,
"Стойте, кто б ни были вы!" — кричит, но уже понимает:
это враги. И те всё идут, несчастные, в страхе
не за себя. Пригрозив убить трепетавших, он бросил
дрот, направленный ввысь издалёка бесплодным усильем[39]:
длань не стремилась попасть; — и перед очами Диманта,
первым шагавшего, дрот острием вонзается в землю.
Но велемощный Эпит позаботился, чтоб не напрасны
400 были броски, и в Гоплея попал, пронзив ему спину
и оцарапав плечо свисавшего сзади Тидея.
Рухнув, Гоплей о вожде почитаемом только и помнит
и умирает, обняв (счастливец, как отняли тело,
он не увидел уже), и к ярящимся теням отходит.
Оборотившись, Димант тотчас понимает, что рядом
вражий отряд, — он не знал, к нагонявшим с мольбой иль с оружьем
броситься: гнев — оружье вручал, судьба заставляла
не заноситься — молить; но ничто не сулило спасенья.
В гневе отвергнув мольбы, у ног злополучное тело
410 он положил, совлеченной с плеча тигриною шкурой
шуйцу себе обмотал и стал, изготовясь к сраженью:
меч наголо обнажил, лицом ко всем нападавшим
поворотился, равно и к сече, и к смерти готовый.
Так, если львицу и львят[40] ловцы-нумидийцы на ложе
лютом застигнут, — она, над детенышами подымаясь
и разрываясь душой, исступленно и жалобно воет.
Толпы она бы могла разметать и могла бы резцами
колья сломать, но к потомству любовь побеждает слепую
ярость, и в самом пылу на приплод озирается львица.
420 Вот уже левую длань (хотя Амфион не дозволил
зверствовать) муж потерял, и лицом по земле потащили
юношу за волосы. Тогда лишь поздний молитель
меч опустил и начал просить: "Осторожней влеките —
вас колыбелью молю сожженного молнией Вакха[41],
бегством Ино и младой Палемона вашего жизнью!
Ежели в чьем-то дому есть радость детей, а меж вами
есть и отцы, — то юноше горсть земли уделите
и погребальный огонь! Сам просит вас, просит безмолвный
лик; пусть лучше уж я[42] буду пищею мерзких пернатых,
430 лучше меня отдайте зверью, — я битвы зачинщик".

"Что ж, — говорит Амфион[43], — коли так погребенья царева
жаждешь, то нам обнаружь, в чем трусливых пеласгов надежда,
что обескровленные пораженьем готовят; — поведай,
и уходи, награжден и вождя погребеньем, и жизнью".
Но ужаснулся сему и меч в предсердье аркадец
по рукоять погрузил. "Одного не достало, — промолвил, —
горя — в толикой беде опозорить предательством Арги.
Слишком цена дорога, — так и сам он не примет сожженья".
Так он промолвил и грудь, пронзенную велией раной,
к юноше крепко прижал, ему прошептав перед смертью:
"Пусть хоть такого пока не будешь лишен погребенья…".[44]
Вот каковы[45] — у царей в вожделенных объятиях оба —
духа величьем равны, этолиец и славный аркадец
мощные души свои выдыхают и в смерти ликуют.
Память святая о вас (хотя и слабейшая лира
песни возносит мои) течение лет одолеет.
Может быть, рядом с собой дозволит призракам вашим
стать Эвриал, и славою Нис осенит бас Фригийский.
Злобный, ликуя, тогда Амфион к царю отправляет
воинов — всё довести, уловку раскрыть и доставить
пленные трупы[46]. А сам над неволей пеласгов глумиться
начал, на лица друзей отрубленные указуя.
Греки же видят меж тем с вершины стены, что вернулся
Фиодамант, и уже вырывающейся не скрывают
радости, а разглядев, что мечи наголо и резнёю
свежею рдеет доспех, подымают до неба новый
крик, — и с края оград свисают отряды, и каждый
жаждет своих различить. Так выводок неоперенный[47]
только завидит, что мать возвращается в воздухе дальнем, —
рвется навстречу лететь, у края гнезда, раскрывая
клювы, встает и вот-вот упадет, но кормилица грудью
сдерживает, подлетев, и любовно трепещет крылами.
После же тайный свой труд и добычу безмолвного Марса
перебирая, они своих заключают в объятья,
ищут, где же Гоплей, и бранят за неспешность Диманта.
Тут уже близко совсем подошел торопливый диркейской
конницы вождь Амфион. Он с радостью зрит, что резнёю,
свежей еще, дымится земля, и в поле — без счета
трупов, и целый народ пораженьем погублен единым.

Дрожь, которая бьет настигнутых вспышкой небесной,
юношу вдруг проняла, и в едином смятении сразу
голос, и взгляд замирает, и кровь; и готового крикнуть
конь увлекает назад самовольно. Мчат, пыль подымая,
всадники. Им еще путь был немал до фиванских запоров,
а уж аргосский отряд, ночной укрепленный победой,
вырвался в поле и там — по доспехам и трупам лежащим,
по осквернённой земле и текущей крови недобитых —
кони и люди летят: удары копыт разбивают
плоть, и кровавый поток заливает и топит колеса.
Сладко сей путь мужам совершать, горделивым, как будто
кровли сидонцев в крови и Фивы они попирают.
Тут Капаней закричал: "Довольно скрывать нам, пеласги,
доблесть во мраке! Теперь, теперь победить мне любезно
с ведома дня, — так за мной, крича в нападенье открытом,
следуйте юноши! Есть у меня провидческой длани
знак, и безумство мое ужасает мечом обнаженным[48]".
Молвил; пылавших бойцов разжигал и Адраст окрыленный,
зять арголидский спешил, и авгур догонял помрачневший[49].
Стен достигают уже и — пока о погибели новой
вел свой рассказ Амфион — ворвались бы во град злополучный,
но подоспел Мегарей и выкрикнул с башни высокой:
"Страж, запирай! Враги! Запирай отовсюду ворота!"
Силы порою дает и страха избыток[50]: ворота
сходятся вмиг, лишь одни — Огиговы — у Эхиона
не затворились, и к ним удалая спартанская младость
рвется, и вот уже пал, сраженный на самом пороге,
житель тайгетских вершин Панопей, и Эбал, бороздивший
хладный Эврота поток, и ты, во всех состязаньях
славный и давеча лишь на песке победивший немейском,
Алкидамант, кого научил кулачному бою
сам Тиндарид, — ты, в небо взглянув, где сиял твой наставник,
гибнешь, и вместе с тобой бог, светоч затмив, закатился,
Лес эбалийский тебя и Девы Лаконской коварный
берег и водная гладь, знаменитая лебедем мнимым,
будет оплакивать, ты амиклейским нимфам Дианы
скорбь причинишь, и тебя наставлявшая грозным уставам
битвы — посетует мать[51], что ты обучился чрезмерно.
Вот как свирепствовал Марс на эхионийском пороге.

Но, наконец, надавивший плечом Акрон и налегший
грудью Иалмена сын замкнули медные двери
крепко. — С усильем таким, мыча и шеи напружив,
склон Пангейский быки разрыхляют непаханный долго.
Прибыль потерям равна, поскольку, сдержав супостата,
путь заградили своим[52]. Ормен за стеной погибает —
грек; и Аминтора (он униженно вытянул руки
и умолял) с головой отсеченною катятся вместе
наземь слова и уста; и цепь, украшавшая шею,
через кровавый разрез на вражий песок покатилась.
А между тем разрушается вал, — удержаться не может
первый заслон, и уже подступили пешие толпы
к стенам. Но перескочить широкие рвы звонкоступам
страшно[53], — они, трепеща, упираются, кручи пугаясь,
диву даются, что их подстрекают, и то устремятся
к самому краю, а то самовольно назад подадутся.
Тащат одни из земли укрепления, тщатся другие
сопротивленье ворот одолеть, и железных запоров
крепость сломить, и камни с их мест стволами и медью[54]
звонкою выбить; а те, метавшие пламя на кровли,
рады, что огнь занялся, другие ж бойцы донимают
снизу, пытая слепой черепахою[55] круглые башни.
Средств не имея других, увенчали тирийцы навершье
стен и на вражий отряд почерневшие колья и дроты
в блеске железном, свинец, раскаленный полетом сквозь небо[56],
даже из кладки самой извлеченные камни метали.
Кровель двускатных венцы извергают губительный ливень,
из защищенных бойниц вылетают свистящие копья.
Как угнездившиеся на Малее иль круче Керавнов
в тучах сидят и меж черных холмов скрываются бури,
после же на паруса прыжком налетают внезапным[57], —
так на аргосскую рать оружье Агенора[58] сверху
хлынуло. Грозный сей дождь[59] не заставил мужей отступиться,
не повернул их назад, — вперяясь взорами в стены,
смерть презирают они и свое лишь оружие видят.
На осерпленном возке озиравшего стены Анфея
сверху сразил тяжелый удар огигова древка, —
выпали вожжи из рук, и он, запрокинувшись, рухнул[60],
но на поножах повис, бездыханное тело державших.

Больно смотреть на злодейство войны: влекутся доспехи,
землю режут, дымясь, колеса, а третью проводит
борозду древко; пыля, догоняет безвольная выя
и, разметавшись, власы широкую полосу чертят.
Скорбь возвещая, труба бередит призывами город,
голосом громким своим проникая в закрытые двери.
Входы распределены, знаменосец на каждом пороге,
грозный, несет впереди свое наказанье и радость[61].
Город ужасен внутри, — сам Маворс, если б увидел,
был бы не рад: народ, пронизанный страхом безумным,
спорящие меж собой раздирают Стенания, Ярость,
Робости трепет и тьмой непроглядной объятое Бегство.
Мнится, что битва — в стенах: кипит набежавшими крепость,
воплей дороги полны, отовсюду огонь и железо
чудятся, и на руках беспощадные чудятся цепи.
Прожил грядущее страх: переполнены кровы и храмы,
и невнимающие алтари облеплены плачем.
Ужас единый равно охватил различные лета:
старцы кончину зовут, а младость горит и бледнеет.
Дрожь потрясает дома, оглашенные воплями женщин.
Дети рыдают, понять не умея причины рыданий,
но, возбудясь, одного материнского стона трепещут.
Жен побуждает любовь, и не знает стыда безнадежность:
дротами сами мужей, сами гневом крутым оснащают,
молят и с ними хотят умереть, о дедовых стенах
плачут и малых детей пред очами защитников держат.
Так, если, вытащить пчел из пористых скал вознамерясь,
пасечник их раздражит[62], — гудит рассерженный облак:
поочередно жужжа, ободряют друг друга и скопом
на супостата летят, но следом, поникшими стиснув
крыльями дом золотой, стенают о меде плененном
и прижимают к груди свою восковую работу.
Битву друг с другом ведут переменчивой черни сужденья[63],
сея раздоры: одни предлагают вернуть Полиника
(и не шепчась, а открыто кричат и явно крамолят),
царство — ему возвратить, — к царю почтенье погибло
в бедах: "Пусть он придет и условленный год отсчитает,
ларам кадмейским — изгой несчастный — и мраку отцову
низкий отвесит поклон. — Почто мне кровью коварство
и беззаконный обман искупать преступленья царева?"

Им же в ответ: "Запоздалая честь, — уж он побеждает!"
Прочие, слезы лия, Тиресия хором молящим
просят, чтоб он — одно угнетенным бедой утешенье —
сведал о будущем. Тот — запирается, не разглашая
божьего рока: "Моим вождь разве поверил советам
и увещаньям, когда запрещал я недолжные битвы?
Но не смогу, — говорит, — о несчастная Фива[64] (и даже —
гиблая, коль промолчу), о твоём разрушенье услышать
и пустотою глазниц ощутить аргосское пламя.
Ты победила, Любовь! — Вздувай же, о дева[65], алтарный
жар: обратимся к богам". — Та выполнила и вещает,
зоркая, что у огней — вершины кровавы, а пламя —
надвое разделено, но жертвенники посредине
светятся ясно; теперь окружностью зыбкой прозрачный
всполох (по виду — дракон) взвился и пропал, — объясняла
дева невидящему, темноту просвещая отцову.
Он же давно понимал языки огней венценосных[66],
рокоглаголивый жар горящим лицом ощущая.
В ужасе скорбном власы поднялись и теснящую повязь
буйная грива взнесла; и чудилось, будто отверзлись
очи его, а щекам возвратился угасший румянец.
И, наконец, он облек клокотанье безумия речью:
"Внемли, преступный народ, последнему священнодейству!
О лабдакиды, грядет спасенье, но в лютые двери.
Требует марсов дракон поминального дара и страшной
жертвы: должно в змеином роду юнейшее чадо
пасть[67], и только тогда дарована будет победа.
Счастлив оставивший свет за толикое вознагражденье!"
Был вблизи алтарей вещавшего судьбы пророка
скорбный, но в горе досель лишь о родине и о всеобщем
роке, Креонт, — и, удар неожиданной молнии тяжкий,
в грудь поразивший его подобно свистящему дроту,
вынеся, он помертвел: пророк разумел Менекея.
Страх постичь научил, — терзаясь, отец цепенеет,
ужас сердце ему леденит, как Тринакрии берег
сушит соленую гладь, отступившую в зное ливийском.
Полного Фебом жреца, запрещавшего медлить, он тут же —
то униженно колен, то уст громогласных касаясь, —
молит молчать[68], но вотще: священному внявшая гласу,

уж разлетелась молва, и кричат о пророчестве Фивы.
Ныне о том, кто внушил прекрасной погибели радость
юноше: сам человек не пришел бы без помощи божьей
к мысли подобной, — начни, Клио, блюдущая память, —
ибо тебе подвластны века и древность открыта.
Рядом с Юпитером трон занимающая и оттуда
редко сходящая в мир и с землею несвычная, Доблесть —
то ли отец всемогущий внушил, то ль внедриться решила
в души достойных мужей сама, — как тогда устремилась
в радости с горней она высоты! Пред летящей теснятся
звезды и ею самой вознесенные в небо светила.
Вот уж земля под стопой, но лик — недалёко от неба[69].
Вид свой однако она изменила: Манто прозорливой
стала, чтоб ей доверяли вполне, и лик заменила
прежний чужим. Из очей исчезает внушавшая ужас
мощь, частично убор и мирный наряд остаются
теми же, но, отложив оружье, она надевает
жрицы доспех: одежды ее ниспадают, повязка
в жесткие кудри вплелась, где лавр уже был; но богиню
крутость и шага размах выдают. У лидийской царицы
Амфитрониад[70] так вызвал улыбку, сменивши
грозный убор на сидонский наряд: не ладили с платьем
плечи, он прялки смешал и десницею рушил тимпаны.
Но обретает тебя не позорящим жертвенной чести,
нет, но достойным ее, Менекей[71]: пред башней Диркейской
ты у огромных ворот распахнутого порога
встав, данайцев сражал, а с тобою — маворсов Гемон[72].
Но — несмотря на общую кровь и братское сходство —
ты — впереди, вкруг тебя взгромождаются груды сраженных.
Каждый впивается дрот, за каждым ударом — убийство,
зорки десница и дух (а ведь Доблесть еще не вмешалась!),
даже непразден убор, и сама свирепствует, мнится,
Сфинга, хранящая шлем[73]: от зрелища крови взъяряясь,
изображенье дрожит и медь обагренная блещет.
Воину сжала тогда рукоять и десницу богиня:
"Юноша смелой души, которого самым достойным
Маворс признал из всего оружного племени Кадма, —
битвы земные оставь, ты доблести высшей потребен:
звезды зовут, — направь к небесам отважную душу.

Этим вблизи хмельных алтарей томится родитель,
этого ждет Аполлон: и огонь, и вещие жертвы
требуют сына земли взамен всей крови фиванской.
Знаменья эти Молва разнесла, — ободрились кадмейцы:
верят в тебя. Вмести же богов и удел благородный!
Шествуй, молю, и спеши, — а не то упредит тебя Гемон".
Так говорит и могучую грудь замершего гладит
молча десницею, в нем себя самоё оставляя[74].
И не быстрей кипарис, пораженный молнии вспышкой,
впитывает и стволом и вершиною лютое пламя,
нежели юноши дух, подчинившийся знаменьям многим,
грудь распрямляет ему и любовью к погибели полнит.
Но уходящей узрев и поступь, и облик и видя,
как от земли в облака Манто вырастает внезапно, —
замер: "Кто б ты ни была, и я за тобою, богиня, —
без промедленья иду", — говорит и, уже отступая,
на стену рвущегося поражает пилосца Агрея.
Оруженосцы ведут утомленного, "мир приносящим"
люд величает его, и "спасителем града", и "богом",
и — ликованья полны — похвалами его разжигают.
Он уже к стенам, спеша в задохнувшемся беге, подходит,
радуясь, что на пути родителей жалких не встретил;
вдруг — отец, — и оба стоят, безмолвствуют оба,
долу ланиты склонив. Наконец, изрекает родитель:
"Что приключилось? Куда ты уходишь в разгаре сраженья?
Битвы важнейшие есть? Почто столь взгляды суровы, —
сын, умоляю, ответь. Почто эта лютая бледность,
взоры твои почему в отцовы глаза не посмотрят?
Ах, ты узнал о пророчестве… — Сын, но прошу тебя — ради
лет и твоих, и моих, и во имя сосцов материнских:
нет, не верь, мой мальчик, жрецу! Да может ли небо
старца сего побуждать нечестивого — с ликом незрячим,
взором угасшим? — Ведь он, чудовище, так же наказан,
как и Эдип. А что если сей силок хитроумный
выдумал царь? Ему ль не страшна в опасности наша
знатность, а также твоя над вождями стоящая доблесть?
Речи — его, может быть, а мы-то их божьими числим.
Он научил! — Натяни поводья горячего духа,
остановись, помедли хоть миг: порыв не бывает
добрым слугою[75]. Молю, послушайся и не упорствуй.

Зрелость пускай и твои виски сединою пометит,
станешь родителем сам и тогда, мой храбрец, испытаешь
этот же страх… — Так не дай моему сиротствовать дому!
Что же? Тревожат тебя и другие отцы, и чужие
710 родичи? — Но постыдись: над своими сжалься сначала!
Здесь благочестие, здесь почтительность, там же — лишь слава,
и легковесная честь, и хвалы — пустые для мертвых.
И не как робкий отец не пускаю: вмешайся в сраженье,
к ратям данайским ступай и в гущу мечей устремленных, —
я не держу, — я готов омывать ужасные раны
или кровавый поток осушать, несчастный, слезами,
снова и снова тебя отправлять в жестокую сечу.
Это полезней для Фив". — И к нему, раскрывая объятья,
тянется, но — ни слезами его, ни речью не тронут
720 сын, обреченный богам; наученный хитрости ими,
он, подошедши к отцу, рассевает его опасенья;[76]
"Нет, ты ошибся, отец, ты не ведаешь подлинных страхов, —
ни уговоры ничьи, ни вещанья безумных пророков
не побуждают меня и не трогают (пусть хитроумный
это себе Тиресий поет и дочери), — даже
если бы сам Аполлон безумствовал мне из святилищ[77].
В город случайно меня возвратила тяжелая с милым
братом беда: инахийским копьем ужаленный Гемон
стонет, насилу его из самой средины сраженья
730 меж разъяренных рядов, когда уж, казалось, аргосцы… —
впрочем, я медлю. Иди и его поддержи, и прикажешь
людям: пускай осторожней несут; а я за искусным
раны сшивать и поток останавливать крови последней
Аэтионом спешу". — И с тем убежал, не докончив
речи своей. Родителя дух, окутанный мраком,
ясности чувства лишил: в сомненьях любовь заметалась,
страхи — друг с другом в борьбе, но Парки толкают поверить.
А между тем к разбитым вратам спешащие рати
буйный ведет Капаней просторами бранного поля:
740 конников крылья ведет, ведет он и пешие копья,
и колесничный ведет отряд, попирающий трупы;
башни высокие сам колеблет каменным градом,
всадников сам во главе, сам кровопролитьем дымится;
взвихрив летучий свинец, рассеивает всё новые раны,
или, напрягши плечо, копье запускает высоко:

и ни одно, устремясь на кровли домов, не вернулось,
воина не поразив и не обагрившись убийством.
И не Ойнида уже, ни Гиппомедонта не числит
в мертвых пелопова рать, — ни пророк не погиб, ни аркадец:
750 словно их души слились в одну и в едином восстали
теле, — так всё он полнит собой. Его не колеблет
возраст, убор, красота: сколь бьющихся, столь и молящих
он, разъярившись, разит. Ни противостать, ни ответить
он не дает никому, — доспех разъяренного битвой,
грозный шишак и шелома чело[78] страшат издалёка.
А между тем на вершине стены[79] Менекей благочестный —
и боговиден уже, и ликом возвышенно светел,
словно на землю сейчас сошел он с небесного свода —
стал, узнаваем легко, поскольку он был без шелома,
760 и, обозрев человеков ряды, вскричал громогласно,
бранное поле призвал и потребовал битве затишья.
"Боги, владыки боев, и Феб, дозволивший славной
гибелью мне умереть, — благоденствие Фивам даруйте:
я заслужил, я его — не торгуясь — выкупил кровью.
Вспять обратите войну и в пленную Лерну вгоните
войска остатки, и пусть от презренных питомцев, несущих
раны в трусливой спине, сам Инах-отец отвернется.
Смерть восполняя мою, возвратите тирийцам их храмы,
пашни, дома, супругов, детей. И — коль жертва угодна,
770 коли пророка, словам я внял бестрепетным слухом
и подчинился, когда никто еще в Фивах не верил, —
всё это ради меня амфионовым стенам воздайте
и, умоляю, отца обман мой простить убедите".
Рек и блестящим мечом необыкновенную душу,
рано презревшую плоть и давно тосковавшую в теле,
вырвал, ее сокрушив, вожделенную, раной единой.
Башни кровью своей окропил и стены очистил[80],
сам же удал бойцов посреди и всё еще дланью
меч сжимал, а стремился упасть на свирепых ахейцев.
780 Но подхватили его Благочестье и Доблесть и плавно
труп донесли до земли, — а уж юноши дух той порою
перед Юпитером встал и венца среди звезд домогался.
Вот уже, в город забрав беспрепятственно тело героя,
радостный люд проносит его (отступил из почтенья
сам танталидов отряд): многочисленным юношей строем

поднятый, шествует он, и в веселии благоговейном
все величают его Амфиона и Кадма превыше
града зиждителем. Те — венками, другие — красою
вешнею[81] члены его покрывают и в доме отцовом
790 чтимое тело кладут. Хвалы расточив, вспоминают
битвы, и — гнев победив[82] — стенает со всеми родитель
горестный, и, наконец, черед материнским рыданьям:
"В жертву ли Фивам тебя, о славное чадо, жестоким
и на закланье ужель я — как нищая мать — воспитала?[83]
В чем же нечестье мое, и за что я богам ненавистна?
В браке чудовищном я воротившееся порожденье
не допускала к себе, не рожала внуков от сына.
Что же с того? Сыновей Иокаста имеет и видит
их — и вождей, и царей; а мне — за распрю расплата
800 лютая, чтобы — тебе это по сердцу, молний создатель! —
дети Эдипа могли диадемой друг с другом меняться!
Небо винить иль людей? Но ведь ты, Менекей беспощадный,
первым ты поспешил угасить злосчастную матерь!
К смерти откуда любовь и священное это безумье?
Как я смогла понести и настолько несхожий со много
плод на беду породить? — Нет, марсов дракон, без сомненья,
дедова пашня, бойцов породившая новых, виновны:
духа прискорбный порыв, и неистовый Маворс отсюда,
и безразличье ко мне. Собой самочинно загублен,
810 ты против воли Судеб вторгаешься к теням печальным!
Я-то данайцев боюсь и страшусь капанеевых копий, —
этой, вот этой руки опасаться бы мне и оружья,
данного мной же. Смотри, как в горле железо исчезло:
глубже сего ни один и данайский клинок не вошел бы!"
Горькие речи ее продолжались бы, полня округу
пенями, — но увели дышавшую злобой служанки:
в спальне держа, утешали ее, она ж, исцарапав
щеки ногтями, сидит и ни времени дня, ни молящих
не замечает и глаз неподвижных с земли не подъемлет,
820 речи лишась и ума. Удрученная горем тигрица[84]
так — коль похитят ее детенышей — в скифской пещере
ляжет одна и лижет следы неостывшего камня;
гнева как нет, жестоких зубов и ярость, и алчность
выдохлась; мимо идут бестревожно коровы и овцы:
видит она, но лежит, — для кого сосцы насыщать ей,

иль торопиться к кому, добычу обильную выждав?
Битвы, трубы, мечи и увечья — доселе; теперь же —
следует превознести до звездной оси Капанея,[85]
на непривычный мне лад — пророческий — выведя песню.
От аонических рощ мне вящее буйство потребно:
все отважьтесь со мной, богини, петь пыл, пробужденный
ночью глубокой, иль то, как вослед капанеевым знакам
против Юпитера брань воздвигли стигийские сестры[86],
или бесчинный порыв отваги, иль славу крутую,
или великой удел погибели, или счастливый
бедствий исток, или ласковый гнев[87] бессмертных на смертных.
Мужу мало уже земли, уже он пресыщен
кровью глубокой: своих истощил он и греческих копий
множество и, утомив десницу, взглядывал в небо.
Яростным взором уже он вымеривал кровли крутые,
после, двумя сочетав стволами ступени без счета,
в воздухе путь себе проложил и, страшный, высоко
дуб расщепленный воздев, потрясал огнем запаленным.[88]
Рдели доспехи его, и огонь на щите разгорался.[89]
"Этим, вот этим путем на Фивы велит мне крутая
доблесть идти — на башню, где кровь Менекея струится:
в прок ли жертва была или лгал Аполлон, — испытаю".
Проговорил и, стопы чередуя, на пленную стену
с криком полез. Эфир в облаках поднебесья таких же
зрел Алоадов[90], когда земля умножалась бесчинно
и презирала богов, — тогда еще не был воздвигнут
вверх Пелион, но Осса уже Громовержца касалась.
Тут — на изломе судеб, пораженные ужасом, словно
город постиг губительней мор, или с окровавленным
ликом Беллона вошла уравнивать башни с землею, —
все, на кровли взойдя, вперебой огромные камни,
бревна, а также пращи балеарской тугими ремнями
(дротам ли тут доверять и стрелам ли, в небе парящим?)
яростно взвихривают снаряды и скалы сдвигают.
Он же — ни бьющими в грудь, ни ударами с тыла нимало
не поколеблен — висит в бесплотном воздушном просторе
и — как по ровной земле — уверенным шагом стремится
вверх и — словно обвал — угрожающей близится глыбой.
Будто поток[91], налегая на мощь вековечного понта,

бьется с набегами волн неустанными, скалы колебля
и вырывая стволы, — так он (но свирепей, поскольку
чувствовал) большей волной разламывает и свергает
шаткую кручу и вот — препоны быстрым теченьем
смыв — на вольном бегу, победитель, вздыхает свободно.
После ж, когда, наконец, зубцы вожделенные, гордый,
преодолел и, поднявшись, узрел трепещущий город
сверху и Фивы своей устрашил необъятною тенью, —
так пораженных язвил: "И это — стена Амфиона?
Вот уж позор! И эти сошлись под мирную песню,
эти — как издавна лжет фиванцев предание — стены?
Что же великого в том, чтоб разрушить построенный нежной
лирой заслон?" — И, стремя одновременно шаг и десницу,
противоставшей стены зубцы и настилы, свирепый,
рушит, — опоры летят, и каменные укрепленья
кровли тяжелой дрожат; а он развалины вала
в дело пускает и глыб осколки в жилища и храмы
мечет и город теперь сокрушает его же стеною.
А вкруг Юпитера — спор ревновавших о разном тирийских
и арголидских богов. На тех и других равнодушно
смотрит отец, но видит: ему разъяренных великий
гнев противостоит. Под взорами мачехи[92] стонет
Либер и молит, отца косым измеряющий взглядом:
"Где же свирепая длань, где моя колыбель огневая,
молния, о, где же молния днесь?"; Аполлон-основатель[93]
стонет о граде своем; размышляет о Лерне и Фивах
скорбный Тиринфий[94] и, лук натянув, пребывает в сомненьях;
материн Аргос крушит окрыленную отрасль Данаи;
плачет Венера, любя Гармонии город, однако,
мужа страшась, на Градива глядит во гневе безмолвном;
на аонийских богов нападает Тритония дерзко[95];
злое немотство в груди разъяренной Юноны клокочет.
Но безмятежен покой Юпитера. — Вдруг приумолкли
ссоры, когда Капаней был в звездных просторах услышан:
"Что же никто из богов за дрожащие Фивы не встанет? —
так он кричал. — Не спешат преступного града питомцы —
Вакх и Алкид! А к меньшим взывать, пожалуй, и стыдно.
Нет, лучше ты приходи — не тебе ли пристало сразиться
с нами, кем ныне пленен костер погребальный Семелы?
Ну-ка, скорее, скорей обрушь на меня, не жалея,

пламя, Юпитер! Пугать дев робких громами ужели
доблестней, Кадма дома — а он ведь твой тесть! — разрушая?"
Гнев услыхавших богов застонал; посмеялся безумцу
сам и, священных волос разметав тяжелую гриву,
"Людям на что уповать после битвы у Флегры кичливой[96]?
910 Что ж, и тебя поразить?" — говорит. Неспешного нудит
сонм разъяренных богов и требует мстящих перунов,
и — устрашившись — уже не дерзает супруга перечить.
Не было знака дано, но небесный дворец самочинно
вдруг возгремел, и сами сошлись в безветрии тучи,
и подоспели дожди. — Иапет[97] стигийские цепи,
мнится, порвал, или в горний простор Инарима-остров
взмыл[98], или Этна взнеслась. Угроз человека бояться
стыдно богам, но когда они увидали, что в самом
круговращенье небес воздымается муж и сраженья
920 требует, — молча дивясь, усумнилися в мощи перуна.
А между тем в высоте над зубцами огиговой башни
глухо небесная ось загудела, и свет истребился
мраком. Однако же тот за незримую крепость держался
и, в столкновениях туч полыхавшие молнии видя,
"Фивам в таком, — говорил, — огне полыхать и пристало, —
сызнова я от него разожгу мой дуб поугасший!"
В это мгновенье перун, Юпитером всем устремленный[99],
дал на него, — тотчас занялось оперенье шелома,
рухнул щит, почернев, и вот уже весь осветился
930 муж. — Отступают бойцы, и трепещут противники в страхе:
где упадет, чью рать поразит полыхающей плотью?
[Чувствует он, что уже и власы и лицо под шеломом
тлеют, десницей сорвать доспех раскалившийся тщится
и осязает, что жар подбирается к самому сердцу.]
Всё ж он стоит и, в звезды вперясь, пока еще дышит
и к ненавистной стене прислоняется грудью горящей,
чтоб не упасть. Но с него совлекается бренное тело,
и обнажается дух; — когда б уступили суставы
медленней, он ожидать повторения молнии мог бы.

КНИГА XI

После того, как сгубил неправедной доблести буйство
мужественный Капаней и вмещенную молнии вспышку
выдохнул[1], и до земли провожавший героя в паденье
длительном мстящий огонь свой след на стене отпечатал, —
неба сместившийся строй победитель Юпитер десницей
выправил и, просветлев, возвратил дневное сиянье.
Боги — ликуют, а он — устал, как будто при Флегре
бился и вновь придавил Энкелада дымящейся Этной.
Сей же лежал, обхватив обломок разрушенной башни,
всё еще страшен на вид, оставив немало деяний
памятных, для самого Громовержца отнюдь не бесславных.
В бездне Аверна таков посягатель на мать Аполлона
мучится: сами пред ним, отстраняясь от груди могучей,
птицы дрожат и глядят на огромное тело[2], покамест
на пропитание им растет злополучная печень.
Бременем сходным лежит и в землю вонзенный, сжигая
пашни и вражьи поля, смердящие серой небесной[3].
Фивы вздохнули, встают доселе простертые в храмах
толпы: теперь — моленьям конец, конец безысходным
воплям, и матери вновь детей опускают на землю.
Бег беспорядочный гнал метавшихся в поле ахейцев:
ныне грозят не вражьи полки и не смертных железо, —
перед глазами у всех Юпитера гнев, и зарделось
страхом у всех оружье, звенят шеломы, и, мнится,
робких преследует сам и стращает огнями Юпитер.[4]
Воин агеноров вновь наступает, смятением горним
пользуясь. — Так, когда задерет в полях массилийских[5]
стадо могучих царей зияющий пастью огромной
лев и, насытясь, уйдет, — медведи хриплые следом,
жадные волки[6] тотчас набегают и с яростью жалкой,
подлые, раны чужой лизать начинают добычи.
Выступил Эвримедонт: на нем — доспех деревенский,
дрот деревенский в руке, отцовым грозящий смятеньем[7], —
Пан родитель его. С другой стороны наступает
отрок еще Алатрей, с родителем-юношей схожий.
Счастливы сын и отец, однако счастливее все же

тот, который родил; но днесь различить невозможно,
чей звончее доспех, у кого подвижнее древко.
Вал вкруг стана покрыт густою бегущих толпою.
Как переменчив Градив! На кадмовы стены всходившим,
ныне пеласгам свои защищать приходится кровли.
Будто вернулась гроза, и с переменившимся ветром
поле отхлынуло вспять, или словно в кипящей пучине
пена намокший песок обнажает и вновь одевает.
Гибнут один за другим тиринфяне, коих примета —
бога-питомца доспех[8]; суровый печалится в небе
Амфитриониад, в крови немейские шкуры,
палицы, как у него, и тулы похожие видя.
Встал на железном венце арголидской башни дозорной
славный трубач Эниэй[9], побудитель счастливого Марса;
но на сей раз прозвучал призыв, для злосчастных полезный:
их призывал он бежать и в стане надежно укрыться.
Вдруг налетевшая медь наносит внезапную рану:
так же трубящего длань у левого держится уха[10],
как и была, — уж дух отлетел в воздушные выси,
хладные губы молчат, и петь лишь труба продолжает[11].
А властелинша злодейств Тисифона, обоих народов
кровью упившись, уже сраженье закончить стремится,
братьев сведя, но не верит, что ей толикая битва
может удаться одной, если с нею Мегера и змеи
единокровные[12] в бой из бездн преисподней не выйдут.
И потому, удалясь в безлюдное поле, пронзает
почву стигийским мечом и шепчет нездешнее имя[13]
пашне, а также велит — для Элисия знак несомненный —
вздыбиться над головой керасте с шипением долгим.
Только заслышав сего вожака голубеющей гривы,
всякая тотчас дрожит земля, и море, и небо,
и на этнейский огонь вновь взор обращает родитель.
Та услыхала, — она как раз близ отца обреталась[14]
в миг, когда Капаней был всем восхваляем народом
Дита[15] и мощную тень остужал стигийской водою.
Толщу земли пронизав, сейчас же под пологом звездным
встала она к ликованию душ, и насколько подземный
мрак поредел, — наверху настолько же убыло света.
Вышедшей длань оплетя, Тисифона суровая молвит:

"Вплоть до сих пор, о сестра, отца стигийского волю
грозную я выполнять могла, по приказу лютуя,
стоя одна на земле супротив враждебного мира;
вы же[16] меж тем без труда элисийские тени смиряли.
Но оставаться внизу — позор да и труд невеликий.
То, что струятся поля и кровью застойною дышат,
то, что несметным толпам веселятся прибрежия Леты, —
это заслуга моя и удача моя. Но об этом
стоит ли? Сим пусть тешится Марс с Энио недалекой[17].
Видела ты — ибо он меж теней стигийских приметен —
мужа, чей кровью оскал осквернен, чьи черною жижей
влажны ланиты, — сей вождь ненасытный главу несчастливца
грыз, поднесенную мной. Или вспомни, как только что с неба
гром, прогремев, докатился до вас, — то меня сокрушала
буря священная, я в доспехах безумного мужа
силу богов осмеяла и гнев перуна великий.
Ныне же — не утаю, сестра — от долгих усилий
воля слабеет, рука закоснела; под небом подземный
тупится тис, и трудно дышать под звездами змеям.
А у тебя — и ярость цела, и грива ликует,
влагой Коцита свежа, — так соединим же усилья.
Мы не обычную брань и не марсовы войны готовим, —
братьев (и пусть восстают благотворная Вера и Правда
попусту!), братьев мечи для боя должны обнажиться.
Труд сей велик, но сами их гнев и распри оружье
сами направим. Итак, поспеши. Кого предпочтешь ты, —
выбери, — оба они — и готовы, и наши. Но зыбкой
черни, призывных речей материнских, и ласковой в просьбах
я Антигоны боюсь, — не стали бы нашим помехой
замыслам. Кроме того, даже тот, кто обычно мольбами
нам докучал и Дир умолял отмстить за слепого, —
ныне — отец: говорят, избегая общенья, он слезы
льет о себе. Потому я и медлю вторгнуться в Фивы
к ларам привычным. Тебе пусть изгой подчинится безбожный,
ты же в аргосцах раздуй нечестье, чтоб их не осилил
кроткий Адраст; и гляди: пусть лернейские люди не медлят.
Шествуй и вновь обратись, врагиня[18], к боям обоюдным!"
Так, разделись, разошлись в противные стороны сестры.
Сходственно Нот и Борей[19], под разным живущие небом —
сей в рифейских снегах, сей вскормлен в пустыне ливийской —

в битву вступают, — ревут лес, реки, тучи и море;
уж разрушенья видны, об ущербе своем земледельцы
плачут, но всё ж моряков, застигнутых бурей, жалеют.
Горний родитель, узрев с вершины Олимпа, что сестры
120 день оскверняют и путь содрогнувшийся Гипериона
залит пятнающей мглой, — разгневанно начал глаголать:
"Боги, мы видели пыл сражений — в дозволенной мере,
должную ярость войны[20], — хотя в нечестивую битву
рвался один, от десницы моей погибнуть дерзнувший.
Ныне — двоякое зло и злосчастным неведомый землям
бой предстоит, — отведите глаза! Пусть битвы бесчинной
ни божества, ни Юпитер не зрят, — для нас и застолья
Тантала, и алтарей Ликаона преступных, и в небе
звезды поспешные вспять обративших Микен предовольно.
130 День, и днесь возмутись![21] Встречай же черные тучи,
суша и звездная ось — повернись: щадить я намерен
свод и моих небожителей, — пусть благодетельной девы
звёзды[22] и Леды сыны вовек не увидят такого!"
Рек всемогущий отец и зренье у пашен преступных
отнял, и сладостного лишились сияния земли.
Меж арголидских бойцов Эребом рожденная дева[23]
рыщет уже по следам Полиника и вскоре находит
возле ворот[24]: он не знал, сокрыться от бедствий толиких
смертью иль бегством, а взор блуждавший смущали предвестья.
140 Ибо он видел, бродя близ насыпи темью ночною,
мыслью терзаясь больной и недавнее перебирая,
Аргии образ жены — растерзанный, с пламенем скорбным
(то был знак от богов: в дорогу она собиралась,
древа смолистого огнь для мужа несла); на вопрос же:
путь твой куда, в чем скорбь, зачем эти горя приметы? —
только рыдает в ответ и отводит безмолвное пламя.
Знает, что мнится ему ужасное (ибо могла ли,
бросив Микены[25], прийти супруга нежданная к стану?),
но понимает, страшась понимать, что здесь — указанье
150 рока и близкая смерть. А когда, Ахеронт раскрывая,
Месть троекратно груди бичем поднесенным коснулась, —
он, не владея собой[26], не столько воссесть на престоле,
сколько преступно убить и в крови пронзенного брата
дух испустить возжелал и внезапно промолвил Адрасту:

"Поздно я, о остальной из союзников, из арголидской
рати последний, пришел к решенью, отец, — побуждаем
крайностью. Надо бы мне самому, покамест ахейцев
кровь не струилась еще, идти и вступить в поединок,
войска данайского цвет и чтимые царские души
в бой не ввергая, дабы для стольких народов прискорбной
честью[27] мою увенчать главу. Когда же погибла
гордая доблесть, — теперь вернуть, наконец, я обязан
долг. Ты ведь знаешь, о тесть, хотя бы глубокие раны
ты и скрывал и щадил мою сокрушенную совесть:
из-за меня одного, благочестный и мирный правитель,
(горе! о если б приют города иные мне дали!)
ты и отчизны лишен, и царства, — но ныне востребуй
казни моей! Я брата на бой… — почто ты трепещешь? —
я это твердо решил — вызываю; меня ты не сможешь
остановить, — если скорбная мать и злосчастные сестры
бросятся между мечей и сам перед рвущимся в битву
встанет отец и вперит в шелом угасшие взоры, —
не уступлю. Мне ль пить остающуюся инахийцев
кровь и корыстоваться погибелью вашей поныне?
Видел я: из-за меня разверзлись хляби земные[28], —
и не помог; обессилел Тидей, — но его я в злодейство
вверг; и меня о царе беззащитная спросит Тегея,
сирая матерь[29] ко мне воззовет в паррасийских пещерах;
сам я к Исмена брегам, пока обагрял его струи
Гиппомедонт, — не пришел; и на тирские башни в раскатах
грома с тобой, Капаней, не взбирался безумствовать вместе.
Что же я так о жизни пекусь? — Но выплачу долг свой.
Там, где скорбь соберет матерей и жен пеласгийских
и долголетних отцов, у которых я радость похитил,
осиротив их дома, — сойдусь (что еще остается?)
с братом, — пусть смотрят они, Этеоклу желая победы.
Ныне, супруга, прощай, дорогие Микены, прощайте.
Ты же, любезный мой тесть, — ведь не я же один в злодеяньях
этих повинен: со мной виноваты и небо, и Парки —
сжалься над прахом моим и, меня подобрав после боя,
птицам и брату не дай — забери с собою останки, —
только всего; а дочь — сочетай счастливейшим браком".
Оба в слезах изошли, — как будто под солнцем весенним
тают снега в бистонских краях: оседает высокий

Рем[30], а Родопа течет потоками в узкие русла.
Буйного старец смягчить попытался спокойною речью,
но прерывает его Эвменида кровавая страшной
вестью, — она подвела звонкоступа летучего тотчас
и протянула (приняв инахийца Ферекла обличье)
200 меч роковой, а верный глагол преградила шеломом
и прокричала: "Спешим! Промедление недопустимо:
он, говорят, подступает к вратам". — Так всё одолела,
вздрогнувшего взнесла на коня, — и мчался он, бледный[31],
полем, а взором ловил угрожающий призрак богини.
Тирский правитель, спасен перуном, Юпитеру жертву
тщетно свершал, полагая, что днесь данайцы бессильны.
Но не эфирный отец и не боги иные, а злая
к тем алтарям подошла Тисифона и, меж трепетавших
став, их молитвенный пыл Громовержцу подземному слала:[32]
210 "О всемогущий, тебе основаньем обязаны Фивы[33]
(Аргос завидует пусть, и суровая злится Юнона)
с тех незапамятных пор, когда на прибрежье сидонском
ты в хороводы вступил, похититель, и нашу юницу
вез на спине и притворно мычал в волнах безмятежных.
И не пустая молва, что снова кадмейского брака
ты возжелал и в тирийский покой ворвался, непомерный[34].
И наконец, на зятьев и любезные стены взираешь
ты благосклонно, гремя в их защиту: как если бы в небе
твой был дворец осажден, так ты на высокие башни —
220 видели мы — облаками налег; и, ликуя, признали
добрый перун и огни, о которых слыхали от дедов.
Ныне прими сих овец и обильной смолы воскуренья
вкупе с обетным быком, — отблагодарить же достойно —
труд, увы, не людской; — пусть наши о том порадеют
Вакх и Алкид, для кого ты стены сии сохраняешь".
Рек, — но черный огонь ему и в уста, и в ланиты[35]
вдруг полыхнул и, похитив с чела, опалил диадему.
Ярый, до взмаха ножа обагрил святилище пеной
бык и, беснуясь, ушел от толпы, его обступившей[36],
230 чтоб удержать, и разил алтари обезумевшим рогом.
Мчатся прислужники прочь, и царя утешает гадатель, —
тут же отважно велит принесть неудачную жертву
снова и в лживых устах великие страхи скрывает.[37]

Так и Тиринфий[38], когда проникающий в кости глубоко
огнь ощутил и ожог от прилипшей этейской одежды,
было пытался мольбы возносить и воскуривать смолы,
твердо напасть поначалу терпя; но — ею осилен —
издал стон, а внутри безумствовал Несс-победитель.
Вестник Эпит, изнурив запаляющим бегом дыханье,
мчится к царю, оставив отряд, стерегущий ворота,
и выдыхает ему, трепетавшему, чуть различимо:
"Благочестивый обряд и жертвы богам, о правитель,
ныне прерви: стенам отовсюду брат угрожает,
и заграждает врата напором поводьев и копий[39],
и выкликает тебя, с тобою лишь требует битвы.
Спутников скорбных толпа — в слезах, — внимают и стонут
оба отряда, гремя потрясаемым грозно оружьем.[40]
Он же — зовет. Сейчас соверши, богов созидатель,
что заслужил Капаней!" — Ощетинился злобой глубокой
вспугнутый царь, но и в гневе самом он всё же доволен.
Так недавний вожак[41], заслышав краешком слуха
изгнанного быка неприязненный рев и угрозы
в нем распознав, пред стадом встает во гневе великом,
негодованье свое выдыхает с кипящею пеной,
грозный, то землю топча, то воздух рогами взрезая;
поле трепещет, и ждут сражения робкие долы.
А уж царёвы льстецы: "Пускай себе в стены колотит,
буйствуя". "Он ли еще на что-то дерзает с разбитым
войском?" "Злосчастные так безумствуют: любят опасность,
страх меняют на страх, покой — ненавидят". "Останься,
тверд на престоле пребудь, а мы супостата прогоним:
биться — нам повели". — Приближенные — так; но, пылая
скорбью и высказать всё свободой войны побуждаем,
входит Креонт, чей яростный дух распален Менекеем.
Полон тревоги отец, лишь сына он ищет и помнит,
зрит постоянно одно: как тот извергает из груди
крови потоки и вниз с беспощадной свергается башни.
Видя же, что Этеокл — в сомненьях и медлит сражаться,
молвит: "Пойдешь, и дольше тебя, полководца и брата,
о наихудший, смертей и слез отчизны владыку,
за Эвменид и войну ответчика, — мы не потерпим.
Хватит неправду твою искупать у богов справедливых!
Мощный, роскошнейший град, горожанам недавно лишь тесный,

ты, словно мор, слетевший с небес, иль враждебная почва[42] —
опустошил, — и ты же его свысока осеняешь?
Люда, чтоб службу нести, не осталось: одни без сожженья
в поле лежат, а других — ток отчий вынес в пучину;
те — без рук иль без ног, иные — в мучительных ранах.
Так возврати же отцов, сыновей и братьев несчастным,
280 пашням мужей и домам возврати! — Где Гипсей велемощный,
где сопредельный Дриант, где отряды звенящей Фокиды
или с Эвбеи вожди? — Но этих к манам отправил
случай безликий войны, — а ты, о позор! — словно жертва,
жертва престолу лежишь, словно отпрыск черни безгласной[43],
(горе мне!) первым алтарь обагрив, закланный бесчинно
и получивший приказ умереть! — И всё еще медлит
этот вот и, наконец, супротивным вызванный Марсом,
всё еще ждет: не прикажет ли в бой Тиресий-обманщик
выйти другому и вновь не сплетет ли пророчества к нашей
290 скорби? Пусть ныне один у несчастного Гемон остался, —
ты прикажи, — он пойдет! А сам посиди, наблюдая
с башни высокой. — Почто ты лютуешь, косясь на покорных
воинов? — Ждут и они, чтобы шел ты и выплатил долг свой.
Даже родительница, даже сестры тебя проклинают,
а ненавидящий брат — грозит и железом, и смертью,
крепкие створы ворот потрясает, — а ты и не слышишь?"
Так отец скрежетал и гневом вскипал злополучным.
Тот же: "Лжешь, — говорит, — не славная сына погибель
движет тобой: ты бы должен ее прославлять и гордиться.
300 Прячется в этих слезах надежда — надежда и жажда
тайная: буйству речей смерть сына — только прикрытье, —
ты обвиняешь меня как ближайший к чужому престолу.
Но не допустит судьба того, чтоб сидонского града
скипетр достался тебе, недостойнейший славного сына!
Мог бы тебя без труда и теперь покарать я, но битва,
битва превыше всего, о народ! Пусть братья сразятся!
Хочет Креонт печаль облегчить, — неистовствуй вволю:[44]
после победы за всё ты заплатишь мне". — Так он на время
спор отодвинул и меч, протянутый яростью, стиснул.
310 Коль потревожит змею пастух[45], задев ненароком,
та распрямится, виясь, и из тела всего изобильный
яд собирает в уста; но если немного отходит
сбившийся враг, — стихают тотчас угрозы и никнет

вздутая шея: змея пьет гнев своей же отравы.
Но долетевшей молвы о погибельной доле безумно
мать[46] устрашилась: речам поверив тотчас, побежала,
лик и власы истерзав, обнажив обагренные груди,
пол и приличье забыв: пенфеева матерь[47] когда-то
так к вершинам неслась обезумевшего Киферона,
320 лютому да принесет Лиэю главу по обету.
Спутницы следом за ней и благочестивые дщери
не поспевают[48], — такой наделило несчастную горе
силой, и столь от скорбей угасшие ожили годы.
Вот и шелома красу, и острые дроты приладил
вождь[49] и взирал на коня, любившего рога призывы
и не дрожавшего труб, — как вдруг исступленная входит
мать, — и в ужасе сам побледнел, и слуг окруженье,
и отшатнулся с копьем протянутым оруженосец.
"Что за безумье? Отколь[50] Эвменида престола — всё та же! -
330 вновь поднялась? И после всего вы друг против друга
встанете сами? Уже столкновения ратей и гнусных
мало приказов для вас? А куда победитель вернется?
Уж не в объятья ль мои? О ужасного мужа когда-то
мрак благодатный! А вы, нечестивые взоры, — платитесь!
Этот ли день увидать? Куда ж ты отводишь, свирепый,
грозные взгляды? Почто заливает то бледность, то алость
щеки, а зубы, скрыпя, крошат бормотание злое?
Горе мне, ты победишь! Только ранее необходимо
дома сей меч испытать! В воротах на самом пороге
340 встану предвестием бед и злодейства прообразом грозным!
Эти седины тебе, нечестивый, придется и эту
грудь растоптать и коня провести по чреву родимой.
Сжалься: мечом и щитом не отталкивай противоставшей!
Не обрекала тебя я стигийским богам, не давала
страшных обетов[51], слепой не взывала к Эриниям речью.
Выслушай жалкую: мать умоляет тебя, беспощадный,
а не отец; не спеши к преступленью и вымери дерзость.
Брат угрожает стенам и тебя в нечестивом сраженье
биться зовет? — Но ни мать, ни сестры пред ним не вставали,
350 путь преграждая, — тебя всё молит, здесь все мы рыдаем.
Там разве только Адраст отговаривает, а, быть может,
биться велит, как и все… — Родимых богов и пороги

бросив, ты ли уйдешь из наших объятий на брата?"
В города части иной Антигона, справляясь с тревогой,
шаг потаенный стремит (причем целомудрие деву
не замедляет ничуть)[52], крутизну стены огигийской
преодолеть торопясь. Вдогон за идущею старец
Актор спешит, чей шаг нетверд в восхожденье на крепость.
Вот увидала она доспех вдалеке, — усумнилась,
но опознала, увы, кто дротами и горделивым
гласом град поражал, и тут — огласила округу
воплем и — словно со стен собираясь сойти — прокричала:
"Копья помедли бросать, обернись на мгновение к башне,
брат, и ужасный шелом пусть ко взорам моим обратится!
Что же, признал ты врагов? Мы так исполненья условий
требуем, и такова изгнанника кроткого тяжба
правая? Ради, о брат, арголидских пенатов — поскольку
тирские ты уж не чтишь — и если тебе в этом доме
мило хоть что-нибудь, — пыл остуди: так оба народа
просят, и воины их, так просит тебя Антигона, —
бедам родных предана, вызывая в царе подозренья,
только твоя, жестокий, сестра. Яви же суровый
лик и глаза; дорогие черты (в последний, быть может!)
дай опознать — и узреть: в ответ на сестрины слезы
плачешь ли ты? А того — умоляющим воплем сломила
мать, и уже, говорят, он меч опустил занесенный.
Ты же всё храбр у меня? У меня, кто денно и нощно
и об изгнанье твоем, и о странствиях плачет, кто часто
злобу отца с тобой примирял? Зачем ты снимаешь
с брата вину? Это он разорвал договора условья,
он — злодей, он к своим беспощаден. Но, вызван на битву,
он — не идет". — От таких речей слабеет у брата
ярость, хотя на пути помехой Эриния[53] встала;
уж опустилась рука, уж медленно взор он подъемлет,
он уж молчит, прервались рыданья, видны из-под шлема
слезы; смиряется гнев, и уйти преступному стыдно,
стыдно ему, что пришел… — Но вдруг Эвменида[54], отбросив
матерь с пути, из разбитых ворот погнала Этеокла.
Он же кричит: "Выхожу и о том лишь, что ты меня первым
вызвал, жалею. Прости промедление: мать задержала
меч. О родимый предел, о царях пребывавший в сомненье, —
днесь несомненно тебя победитель получит". — Тот столь же

круто: "Злодей, наконец, ты вспомнил про честь и на равных
выступил! Ставший мне вновь после долгого времени братом,
бейся: лишь этот закон, лишь этот союз нам остался!" —
Рек и глянул врагом на брата, а сердце сжигала
зависть, что спутников с тем — без числа, что шлем его — царский,
в пурпур одет звонкоступ, и желтый сверкает металлом
щит, — хотя он и сам был в оружье достойном, блистая
400 паллою нерядовой: исполнила эту работу
Аргия по образцу мэонийскому[55], с вящим искусством
переплетя пурпурный уток со златою основой.
Вот уже в пыльный простор они по внушению Фурий
рвутся, и каждого в бой своя побуждает и гонит:
сами ведут коней в поводу, доспех и оружье
ясное ладят и змей в оперенье шеломов вплетают.
Единокровников бой[56] преступный воздвигся, единым
чревом рожденных, сошлись под шеломами схожие лица.
Стяги трепещут, замолк зов труб, и рога онемели
410 марсовы; трижды взгремел ненасытный правитель[57] из черных
уст и трижды сотряс земные глубины, и сами
скрылись боев божества: достославная Доблесть пропала,
светоч Беллоны загас, и подальше коней задрожавших
Марс отогнал, и ушла Горгоной страшащая Дева[58]
прочь, — но одна за одной распалялись стигийские сестры.
Нагромождается люд злополучный на кровлях высоких,[59]
всё увлажнилось от слез, и вопли — из крепости жаждой.
Здесь, скорбя, что живут, — старики, там — матери встали,
грудь растерзав, и взирать запрещают отпрыскам малым.
420 Манам — врата отворив — огигийским подземный правитель
сам выходить повелел и на чудищ глядеть соплеменных.
Те же сидят на отчих горах и, сонмищем мрачным
солнце затмив, веселятся, что их преступления — меньше.
Лишь услыхав, что идут, подстрекая открыто друг друга,
братья на битву, и стыд преступленью уже не помеха,
подоспевает Адраст, устремляя меж них колесницу, —
он, кто почтенье внушал и царственностью, и годами.
Что он для них, кому не указ и родные, и даже
честь безразлична! Но все ж он просил: "Инахиды, тирийцы!

Что же, мы будем смотреть на злодейство? Где ж право и боги,
где же война? Уймите свой пыл. — Врага — умоляю
(гнев пусть дозволит молить, хоть и ты не чужой мне по крови[60]),
зять, а тебе — и велю: коли столь тебе скипетр желанен,
царские ризы сниму, — отправься в Лерну и Аргос,
властвуй один…" — Но уже увещанья не более могут
воспламененных смирить и остановить начинанье,
нежели вздыбившийся кручеными волнами Скифский
Понт способен не дать сойтись Кианейским утёсам[61].
И — увидав, что бессильны мольбы и в бой, воздымая
пыль, звонкоступы летят, и безумцев персты проверяют
крепость копейных ремней, — умчался он, всё оставляя —
зятя, воинов, стан и Фивы; и рока указы
чуявшего повернув, погнал Ариона. — Когда-то
так, свой жребий узнав несчастливый, поник в колеснице
мрака подземного страж[62], мироздания дольщик последний,
и побледнел, нисходя — небосвода лишившийся — в Тартар.
Но поначалу отнюдь не способствует битве и медлит,
у преступления встав на пути, неспешливый Случай.
Попусту дважды пути пропадают: благая ошибка
дважды коням не дала сшибиться, — и, кровью преступной
не осквернившись, летят мимо цели напрасные копья.
Братья, бразды натянув, уязвляют коней неповинных
злыми бодцами; смутил сей явственный знак от бессмертных
оба отряда: ропща, они подымают взаимный
шум и пытаются вновь устремиться в сраженье друг с другом,
в схватке сойтись и несчастным не дать поединок продолжить.
Не одобряла давно ни земли, ни сонма бессмертных
Честь и сидела одна в удаленнейшей области неба:
вид у нее не тот, что допреж[63], и сумрачен облик,
и без повязки власы рассыпались; о поединке —
словно сражающихся сестра или жалкая матерь —
плачет она и, воззвав к Юпитеру лютому, к Паркам
неумолимым, грозит с небосводом и светом проститься
и удалиться в Эреб, предпочтя стигийских пенатов.
"Для необузданных душ человечьих, а часто и божьих,
ты как преграду меня для чего сотворила, Природа[64]?
Я у народов — ничто, я ни у кого ни в почете.
Что за безумье! О люд! О проклятый труд Прометея!

Как хорошо и земля, и понт после Пирры[65] пустели!
Ах, они, смертные…" — так изрекла и, помощи время
выследив, молвила: "Что ж, попытаюсь, хотя бы и тщетно".
И устремилась с небес, и под черными тучами светлый
след — хоть богиня была и мрачна — стопы оставляли.
Стоило в поле ей стать, — унялись миролюбьем внезапным
воинства[66], вдруг осознав нечестье; у братьев ланиты
влажными стали, а в грудь к ним ужас безмолвный прокрался.
Мужа обличье приняв, потрясая оружием мнимым,
"Ну же, — кричит то тем, то другим, — идите, вмешайтесь —
те у кого есть сын, или брат, или близкие дома.
Дроты у них (то не явный ли знак сострадания бессмертных?)
падают, кони идти не хотят, и противится Случай".
Было подвигла она нерешительных, но Тисифоиа,
хитрость ее разгадав, подоспела быстрей, чем небесный
огнь, и вскричала: "Почто ты перечишь решившимся биться,
немощный дух и мира слуга? Прочь, мерзкая: поле —
наше, и наш этот день; защищать нечестивые Фивы
поздно. А где ты была, когда разразился войною
Вакх, и, вооружась, предавались матери буйству?
Где ты скрывалась, когда пил марсов дракон из нечистых
вод, был пахарем Кадм, побежденная Сфинга низверглась,
или отец к Эдипу взывал, или с факелом нашим
в брачный входила покой Иокаста?" — Вот так нападала,
кроме того отводящую взгляд и прочь устыженный
отворотившую лик теснила шипящею гривой
и прогоняла огнем. Богиня, прикрывшая взоры
паллой[67], умчалась излить Громовержцу великому пени.
Прежнего пуще тогда разожгли подстрекательства ярость:
битва — угодна, и вновь возжаждали зрелища рати.
Вновь нечестивцы сошлись: бесчинный правитель готовит
жала и, миг улучив, шлет первым смертельное древко.
Оное, путь проложив к середине щита, не сдержало
силы удара: его отразило плотное злато.
Тут выступает вперед призывающий гибель изгнанник:
"Боги, которых Эдип не напрасно слепыми устами
злобу разжечь умолял, я к вам не с постыдной взываю
просьбой: сей длани — отмщу, и тем же ударю железом
в грудь, — пусть только меня скиптродержцем узрит, умирая,
тот, чья меньшая тень с собой унесет мою муку!"

Древко несется в бедро наезднику и звонкоступу
в пах и обоим грозит погибелью; но избегает
всадник удара, убрав колено: к мольбе равнодушно,
жало меж ребер коня однако ж оставило рану.
Мчит стремглав звонкоступ, презирая поводья тугие,
и на зардевшей земле окружность кровавую чертит.
Тот же — ликует, решив, что брата поранил, который
так же в испуге решил; отпустивший поводья изгнанник
слепо заставил тогда утомившегося звонкоступа
броситься вскачь, — но сплелись с поводьями длани и дроты,
оба на землю стремглав, мешая шаги, покатились
всадник и конь. Так суда, столкнувшись ночью в порывах
мрачного Австра, гребцов рассыпают и весла калечат, —
долго бьются они с темнотой, непогодой, друг с другом
и — как и были, сцепясь — погружаются в глуби морские.
Вид поединка таков: ни правила в нем, ни искусства,
только безумство и гнев, — и ненависть их, полыхая,
даже сквозь шлемы видна, и каждый пытает суровым
взглядом другого лицо, — уж рядом они, и сцепились
братьев мечи, и руки сплелись, и хрипы другого
каждому знаки трубы и рога призыв заменяют.
Так сокрушительный гнев[68] вплотную стремительных вепрей
сводит, вздымая у них загривки щетиной торчащей:
взоры бушуют огнем; сверкая кривыми клыками,
пасти гремят; на битву глядит из пещеры ближайшей
бледный охотник, моля собак удержаться от лая.
Так же братья сошлись. Покуда смертельных ударов
не было, но пролилась их кровь, и злодейство свершилось.
В Фуриях нужды уж нет: они поражаются только
и, восхищаясь, скорбят, что людского беспомощней гнев их.
Каждый из братьев, ярясь, чужой домогается крови,
не замечая своей; но вот — устремился изгнанник:
длань ободряя свою, чей неистовей гнев и нечестье
праведней, — меч глубоко вонзил родимому брату
в пах, где доспехов края ненадежной служили защитой.
Боли не чувствуя, тот — леденящим испуган железом —
тщится заслоном щита прикрыть пораженное тело.
После ж, удар ощутив, всё сильней и сильнее от боли
стал задыхаться. Но враг к отступающему беспощаден:
"Брат, куда ж попятился ты?[69] Ну, вялый ленивец,

ближе! Изнеженный царь, сюда! Безмятежный властитель,
не отступай: пред тобой нуждой закаленный изгнанник, —
так поучись войну выносить и счастью не верить!"
Так злосчастных борьба продолжалась. Еще трепетала
жизнь в нечестивом вожде, и кровь оставалась, и был он
в силах стоять, но — упал умышленно: даже пред смертью
козни последнюю он замышлял. С вершин Киферона
крики взвились[70]. Полиник, решив, что убил, воздевает
к небу ладони: "Вот так, хорошо! Не тщетно я клялся!
вижу коснеющий взгляд и уста, текущие смертью.
Эй, кто-нибудь, скорей мне скиптр и главы увенчанье, —
пусть он увидит!" — И, так говоря, он идет и доспехи —
ими желая почтить ликующей родины храмы —
хочет доспехи совлечь; а тот до сих пор не расстался
с жизнью и душу еще сохранял для мстящего гнева.
И, увидав, что к нему Полиник подошел и нагнулся, —
тихо приподнял булат и, ослабевающей жизни
жалкий остаток собрав, наполнил гневом и — ныне
гибели радуясь — меч оставил в сердце у брата.
Тот же: "Ты всё ещё жив, и гнев сохраняешь доселе,
о вероломный, чей дух никогда не узнает покоя.
Следуй же к манам со мной, — я и там об условье напомню,
если агенорова судьи там есть еще урна[71]
кносская, как говорят, для казни царей". — И, умолкнув,
рухнул и брата погрёб под тяжестью вооруженья.
Души ужасные, — в путь! Оскверните погибельный Тартар
смертью своею и все истощите эребовы казни!
Вы же несчастья людей прервите, стигийские сестры:
пусть никогда никакая земля преступленья такого
впредь не увидит, и пусть не узнает о страшном деянье
будущее, но цари пусть оную битву запомнят.
Тут, о свершенном узнав злодействе, родитель[72] расстался
с тьмой подземельной и встал на свирепом пороге, являя
недовершенную смерть. Осквернённые давним убийством,
вздыблены две седины[73], власы — заскорузлы от крови —
тучей неистовый лик осквернили, ввалились глубоко
щеки и ямы глазниц, и вместилища света чернели.
Дева поддерживала бессильную шуйцу слепого,
в правой он посох сжимал. Когда бы с ладьею расстался,

возненавидев свой труд, Аверна неспешного пахарь[74]
и устремился к богам и к солнцу, и хор побледневших
590 звезд возмутил (это он-то, дышать не приученный горним
воздухом; — временем тем в отсутствие кормчего толпы
всё бы росли[75], и по берегам — поколения ждали), —
был бы таков он. Сойдя в долину, он спутнице скорбной
проговорил: "Веди к сыновьям и отцу к неостывшим
трупам припасть помоги". Но колеблется дева, не зная,
что предпринять: пройти не дают и плутающих держат
кони, доспехи, мужи. В беспорядочных грудах слабеют
старца шаги, и уже вожатая изнемогает.
Только лить дочери крик указал, что мертвые братья
600 обретены, как отец повалился на хладные трупы, —
голос у старца угас: он, лежа на ранах кровавых,
стонет, а произнести, как ни силится, слова не может.
Дланью по шлемам водя, он ищет открытые лица
и, наконец, отверзает уста, немевшие долго:
"Поздно, но в сердце моё ты всё же, любовь, постучалась?
И сохранилось еще во мне сострадание к людям?
Жалкого всё же, увы, ты отца победила, Природа!
Я уж готов зарыдать, и текут по ранам засохшим
слезы, и грудь истерзать[76] нечестивые длани стремятся.
610 Что ж, положенный плач о смерти недолжной примите,
лютые отпрыски, мне чрезмерно подобные! Я же
вас ни узнать не могу, ни назвать, — скажи, умоляю,
дочь, кого я держу? И какою же тризной сумею
вас я, свирепый, почтить? — О если б исторгнутых взоров
свет возвратился ко мне! — Я очи опять наказал бы!
Горе мне! Горе! Почто неправые просьбы отцовы,
злые обеты его услышаны были? Кто, боги,
рядом с молящим стоял и, вняв, пересказывал Судьбам
речи мои? Но ведь их внушили Эриния, ярость,
620 царский престол, и отец, и мать, и угасшие очи, —
только не сам я[77], клянусь и Дитом, и тьмой вожделенной,
и неповинной моей провожатой: сойду по заслугам
в Тартар, и пусть не бежит от меня тень Лаия в гневе.
Горе, как братья сплелись! И к ранам каким прикасаюсь!
Но разорвите, молю, объятья, преступные цепи
сбросьте хотя бы теперь и отцу быть с вами дозвольте!"
Жалуясь горько, Эдип постепенно охвачен был жаждой

смерти и тайно искал оружия, но помешала
дочь: мечи убрала Антигона опасливой дланью.
Вновь разъярился старик: "Но где же преступные жала,
Фурия, иль целиком ты в тела погрузила железо?"
Рекшему спутница встать помогла, сама же скорбела
молча и рада была, что свирепый рыдает родитель.
Прежде уже, устрашась возвестивших сражение криков,
вынесла ведомый меч из дальних покоев царица[78] —
оный плачевный доспех, коим Лаий владел скиптродержец.
Много упреков излив богам и чудовищной спальне,
сыну неистовому и тени первого мужа,
длань напрягла, и — в склоненную грудь с великой натугой
вторглось железо: удар разрывает старичьи жилы,
и искупления кровь омывает злосчастное ложе.
К ране ее, журчавшей в груди изможденной, припала
в горе Исмена: стеня, потоками слез и власами
кровь осушала она. — Когда-то в лесу марафонском
так Эригона на труп отца убиенного пала:
горестный вопль истощив, она уже узел печальный
к мощным привязывает ветвям, умереть вознамерясь.
Радуясь, что не сбылись обоих царей упованья,
амфионийский престол и скипетр другому коварной
Участь рукой отдала: отныне Креонт получает
Кадмову власть. Как жалок исход войны: для Креонта
братья сражались! Его и Марсова кровь отличала,
и Менекей, незадолго пред тем послуживший отчизне,
сблизил с народом. Итак, он воссел на престол, государям
гибельный и роковой аонийцам. О власти соблазны,
к скиптру злотворная страсть! Ужели ж предков уроки
внуков не будут учить? Но нет: им желанно остаться
в проклятом месте[79] и длань утвердить на кровавом кормиле.
Лучшая Участь, к чему ты приводишь? — Она начинает
тут же отца совращать, отдалять Менекея от царства.
Прежде всего, напоив державной свирепостью норов,
волей и властью своей он приказывает: для данайцев
не разжигать погребальных костров и под небом открытым
битву оставить, лишив приюта печальные тени.
А возвратившегося у Огиговых врат на пороге
встретя Эдипа, его устрашился: он чувствовал втайне
меньшим себя и явственный гнев удержал поначалу;

но подошедши к царю и к слепому врагу обращаясь
дерзостно: "Прочь уходи, победителям вид твой несносен, —
670 проговорил, — и Фурий от нас отврати, и очисти[80]
Фивы уходом своим! Исполнены давние просьбы:
сгибли сыны, — так ступай: чего же еще тебе нужно?"
Тот, разъярясь, задрожал, и власы трепетавшие встали,
словно он зрел наглеца, и старость его отступила.
Дочь и клюку он оставил тогда и, негодованью
вверясь, такие изверг глаголы из груди надменной:
"Ты уж лютуешь, Креонт? Едва на престол вероломный,
нашего счастья приют[81], ты воссел, о ничтожный, как тут же
и возомнил, что царей попирать поверженных властен?
680 Ты уж лишаешь костра побежденных, и града — сограждан?
Славно! Ты будешь блюсти как следует скипетр фиванский!
Это — лишь первый твой день; но зачем ты себя утесняешь
в новых правах? Что скупо даришь толикою честью?
Ты изгоняешь меня? — Но ведь эта немилость труслива!
Царь, не лучше ль тебе обагрить свой меч беспощадный?
Это нетрудно, поверь: пусть ждущий приказа приспешник
без содроганий главу, не склонную к бегству, отрубит!
Так, начинай! Или ждёшь, что, согнувшись в мольбе униженной,
ниц я паду[82], поползу беспощадному вслед господину?
690 Ну, а, положим, решусь? Снизойдешь? — Уж не мне ли грозишь ты
казнями? Что же, ты мнишь, будто мне еще что-либо страшно?
Город покинуть велишь? — Я небо и землю оставил
сам и мстящую длань обратил на себя добровольно,
не понуждаем никем! Так что же ты, царь ненавистный,
можешь еще приказать? Я уйду и покину проклятый
град. Не равно ли, куда мой мрак водворю я и тело
мертвое? Есть ли народ, который бы не уступил мне
столько, сколько родной я земли занимаю, злосчастный? —
Нет… Но Фивы — люблю. И диво ли? — Светлой зарею,
700 лучшими звездами здесь когда-то был я обласкан;
здесь же и мать у меня, и дети… — Ты Фивами ныне
правь и ту же судьбу испытай, что Кадм или Лаий,
ту же, что я: обрети и жену, и детей благонравных,
доблесть тебе да не даст от счастья уйти добровольно, —
жизнь и в крушенье люби. Довольно благих пожеланий, —
дщерь, веди меня прочь! — Но тобою ли скорбь увеличу? —

Дай провожатого, царь!" — Но, остаться страшась, Антигона
так умоляла его: "Досточтимый Креонт, заклинаю
счастьем державы тебя и святой менекеевой тенью:
к скорби отца снизойди и прости горделивые речи, —
так говорить понуждает его безмерное горе.
Он ведь суров не с тобою одним: с богами и роком,
ожесточившись от бед, он таков же. Подчас и самой мне
с ним нелегко: давно независимость жалкая в сердце
неукротимом живет и надежда на лютую гибель.
Вот и теперь он желаньем горит разжечь твою ярость
и наказания ждет. Но ты, умоляю, великой
властью владея, будь благ и, возвысясь, незлобив останься
к тем, кто повержен. Царей останки великие прежних
чти, — ведь когда-то и он на престоле сидел, окруженный
стражею и помогал несчастным, над властным и жалким
суд беспристрастный чинил, — а теперь из стольких осталась
я у него; и досель он изгнанником не был. Счастливым
он ли помеха? Его ль разить и гневом, и мощью
царской и вон изгонять? — Не затем ли, чтоб он у порога
славного не застонал, не приспел не ко времени с просьбой?
Страх отложи: от покоев твоих вдалеке будет лить он
слезы, и гордого я усмирю и покорству наставлю,
и от людей уведу, и в уединенье сокрою, —
чем не изгнанник? И кто из чужих отопрет для скитальца
город? Не в Арги ж идти, не ползти же во прахе к Микенам
вражьим, и не повергать перед побежденным Адрастом
груз аонийских потерь, — царю ли фиванскому скудной
помощи ждать от него? И зачем злосчастного рода
грех разносить, зачем выставлять напоказ посрамленных?
Нас — чем бы ни были мы — сокрой! Молю не о долгом
даре, Креонт: пожалей старика, и дозволь упокоить
здесь, я молю тебя, здесь останки родителя, — ты ведь
не запрещал хоронить фиванцев…" — так просит и земно
кланяется; но ее уводит отец и злодею
карой грозит, прощенье презрев. — Таков же в пещере
лев[83], пред младостью чьей трепетали дубровы и горы,
немощный днесь, возлежит укрощен продолжительным веком.
Всё же величествен он, и старость его неприступна.
Если ж мычанье дойдет до его ослабевшего слуха,
он распрямится и мощь воспомнит свою, об ушедших

силах стеня и о том, что равнинами правят другие.
Оною речью смягчен, не во всем, однако, правитель
слезным мольбам уступил и отца обделил одолженьем:
"Не далеко, — говорит, — от пределов ты будешь удержан
отчих: так только, чтоб ты ни жилищ, ни храмов священных
не осквернял. Водворись в лесах своего Киферона;
кроме того для твоей земля не заказана тени
та, где, сразившись, в крови покоятся оба народа".
И под неискренний шум одобрения знати и люда,
льющего слезы, — шагнул на царский порог горделиво.
Гибельный стан между тем пеласги разбитые тайно
все покидают: своих ни вождей перед ними, ни стягов;
молча разбредшись, идут стяжавшие вместо прекрасной
смерти — постыдную жизнь и позорящее возвращенье.
Ночь помогла[84] и желанною тьмой убегавших сокрыла.

КНИГА XII

Бодрый восход с небосклона согнал не все еще звезды,
день настающий Луна ещё истощившимся рогом
видеть могла, — но уже облака Тифония гонит
легкие и небеса к возвращению Феба готовит.
От поредевших бредут пенатов диркейские толпы,
мрак предрассветный кляня: им после сраженья впервые
отдых дарован и сон, но выстраданный убегает
мир от покоя, войну беспощадную помнит победа.
Выйти за стены, ряды укреплений нарушить теперь лишь
10 и растворить ворота теперь лишь решается доблесть.
Ужас недавний стоит пред глазами, и — ныне пустое —
поле страшит. — Как тех, кто в море скитался, сначала
суша качает[1], так им, исстрадавшимся, странно, что схватка
кончена: мнится, что вновь восстанет разбитое войско.
Так, заметив едва, что к порогу решетчатой башни
пестрый взбирается змей, идалийские птицы трепещут[2]:
внутрь загоняют птенцов, непорожние гнезда когтями
обороняют и бьют непригодными к бою крылами;
после, хоть тот и отпрянул назад, но и воздух свободный
20 белую стаю страшит; и, даже в полет устремившись,
птицы дрожат, все еще озираясь между созвездий.
Шествуют в поле, где люд бездыханный и все, что от битвы
павшей осталось: вожди кровавые всюду ведут их —
Скорбь и Страданье. Один на тела и оружие смотрит,
плечи безглавые зрит другой, а рядом — чужие
головы; этот вопит, потеряв колесницу, и речи
к сирым — лишь это ему остается — коням обращает;
раны великие тот лобызает, на доблесть пеняя.
Там разбирают тела: в руках отсеченных зажаты
30 копья или мечи; а рядом — торчащие стрелы,
впившиеся в глаза; и в тщетных поисках трупа
многие мчатся с немым готовым излиться рыданьем.
И над обрубками тел подымается жалкая битва:
спор, кому обмывать, кому погребать их пристало;
или останки врага (порой насмехается Случай),
не разобрав, оплачет иной: нет верного средства,

чьей избежал различить, по чьей ступаешь ты крови.
Те, у кого невредим их дом, обойденные горем,
то, блуждая, глядят на пустые данайские кущи,
в стане пожары чиня; то ищут (а это приятно
после боев), где Тидей растерзанный в прахе повержен;
есть ли расщелина там, где низвергся пророк; где бессмертных
враг и живет ли досель в останках эфирное пламя.
Вот уже день в слезах проведен, вот поздний спустился
вечер: но горю стенать[3] и бедой услаждаться любезно.
Не разошлись по домам, но всенощно у тел пребывали
толпы: по очереди следят за кострами, и вопли
прочь отгоняют зверей, — никого ни на миг не сломили
сладкие звезды, ничьи в рыданьях глаза не сомкнулись.
Третий в сраженье вступал с Авророю Люцифер. Горы
славы дубров уже лишены: с вершины тевмесской
мощные сходят стволы и чтимый в кострах погребальных
лес Киферона. Горят побитых отрядов останки,
в груды нагромождены. Почету последнему рады
маны Огигии; рать обездоленных греков нагая
над запрещенным огнем летает и жалобно стонет.
Несправедливую тень Этеокла свирепого также
хоть и не царский костер, но почтил; однако аргосцем
велено брата считать[4]: его даже призрак в изгнанье.
Но Менекею гореть не дозволили в пламени общем
ни скиптродержец-отец, ни Фивы, — костер не обычный
соорудили ему, но холм из оружья воздвигся[5]:
из колесниц, и щитов, и доспехов, отбитых у греков.
Он победителем сам поверх неприятельской груды —
с мирною лавра листвой в волосах и священной повязкой —
точно таков возлежал, как Тиринфий, призванный небом,
некогда, радости полн, на горящей покоился Эте.[6]
Кроме того, живые тела — плененных пеласгов[7] —
и усмиренных коней — храбрецу в сраженьях утеху —
в жертву приносит отец. Уже охватил их взлетевший
пламень и вот, наконец, отцовы стенанья исторглись:
"Если б тебя миновал неуемный порыв к благородной
славе, мой сын досточтимый! — Со мной в эхионовом граде
ты бы царил и после меня! Но пришедшую радость
ты огорчаешь и сан немил мне царский отныне.

Пусть к небесам в небожителей сонм ты взнесен приснославной
доблестью, — верю тому; но я о тебе неизменно
буду рыдать. Алтари и высокие храмы фиванцы
пусть посвящают тебе[8], — но родителю скорбь не запретна.
Горе мне! Вот и теперь — где взять мне достойные жертвы,
чтобы тебя схоронить? — Их нет, будь властен я с прахом
Аргос смешать роковой и Микены, разбитые мною,
а в довершенье — себя, кто погибели сына обязан
жизнью и саном! Ужель день тот же и то же сраженье
в Тартар, мой сын, и тебя низвели, и проклятых братьев,
и уравнялась моя с эдиповой горькая доля?
Сколь, о Юпитер благой, о сходных рыдаем мы тенях!
Сын мой, прими же еще твоему торжеству приношенья:
это кормило прими у десницы, с главы вознесенной —
повязь[9], которую ты отцу не на радость доставил!
Пусть же царем, царем увидит тебя Этеокла
скорбная тень!" — И, сказав, он длань и чело обездолил;
после же, гнев распалив, продолжил неистовей вдвое:
"Лютым и мстительным пусть называют, но Лерны останки[10]
сжечь не позволю с тобой. О если б вернуть ощущенье
трупам и с неба изгнать, из Эреба преступные души
мог я, — я сам за зверем устремился бы и за кривыми
клювами птиц — тела указать царей нечестивых.
Нет: их земля и живительный день, увы мне, разрушит!
И потому опять и опять повторяю: последней
силой огня пусть никто пеласгам помочь не посмеет, —
будет ослушник казнен и восполнит число заповедных
трупов: порукою мне — небеса с Менекеем великим".
Рек, и его, подхватив, понесли провожатые к дому.
А между тем из пустующих Арг рыдавшие толпы
(гонит несчастных Молва) — сироты и вдовы стремятся,
Инаха племя, — что рать полоненная. Раны у каждой
разные, облик — один: неприбраны космы повисли,
и перетянута грудь; от ногтей беспощадных ланиты
кровью сочатся, и плоть истерзанных рук распухает.
Первой средь горестных жен царица скорбного сонма,
то на печальных склонясь служанок, то вновь распрямляясь,
жалкая Аргия путь выбирает: ее не заботят
царство, отец, но одна надежда, одно Полиника
имя у ней на устах, — близ Дирки в чудовищных Кадма

стенах[11] хотела б она поселиться, забыв о Микенах.
Следом, с лернейским смешав калидонянок толпы отрядом,
не уступая сестре, Деипила к останкам Тидея
шествует. Жалкая, ей преступленье — недолжная ярость
120 мужа — известно уже, но — покойного не осуждая —
всё забывает любовь. С подобающим воплем Неалка
рядом — ужасна лицом, но и сожаленья достойна —
Гиппомедонта зовет. За нею — супруга пророка
держит, преступная, путь к пустому костру; а за ними
грозной Эвадны бредет отряд и менальской Дианы
сирая спутница: скорбь и жалобы в ней пробуждает
сына отвага, а та, вспоминая могучего мужа,
плачет о буйстве его и на звездное небо ярится.[12]
Их увидав меж ликейских лесов, Геката, стеная,
130 сопровождала в пути; к побережью двойному идущих
воплем фиванская мать на истмийской гробнице встречала;[13]
сей полунощный поход Элевсин оплакивал скорбный
и выносил потаенный огонь навстречу бредущим.
Их по дремучим сама направляет Сатурния тропам
и укрывает их путь от встречи с толпою туземной,
да не погибнет в ночи начинанья великого слава.
А убиенных тела своею заботой Ирида
не оставляет[14]: росой потайной и амвросии влагой
тленью подвластную плоть кропит, чтоб дольше держалась
140 и дождалась бы костра и до пламени не разложилась.
Темной заросший брадой и от раны зияющей бледен,
Орнит, который отстал от союзного войска, последним
скован ударом, в глуши бездорожья украдкою робкой
держит беспомощный путь, на обломок копья опираясь.
Он, неожиданный шум, тишину нарушавший ночную,
вняв и узрев, что женщин толпа одна от лернейской
силы осталась, — не стал о пути вопрошать и о цели
(и без того понимал), но так обратился в печали:
"Горе! Куда, куда вы? Ужель погребенья вы ждете
150 мертвых и праха мужей? — Там страж, охраняющий тени,
глаз не смыкая, стоит и непогребенные трупы
перечисляет царю. Нельзя их оплакать: и близко
не подпускают людей, — зверям лишь и птицам единым
доступ открыт. Так ужели почтит Креонт справедливый
ваше страданье? — Скорей Бусирида жертвенник лютый,

и одрисийских коней алкающих и сицилийских
можно богов умолить[15]. Несомненно, он схватит молящих —
если я знаю его — и не сверху супружних останков,
но вдалеке прикажет заклать от возлюбленных теней.
Лучше бежать, покамест возврат безопасен, и в Лерне
дать гробницам пустым имена бесплотные, души
дальние к сирым кострам призвать[16] — что еще остается?
Или кекропову вам — это близко, Тесей же, как молвят,
фермодонтийской гордясь победой уже возвратился —
помощь призвать? — Человеческий нрав войной и оружьем
должно Креонту внушить". — Так вымолвил, а у несчастных
слезы застыли, угас неумеренный пыл, устремивший
в путь, и единой у всех тревогою лица белели.
Именно так, когда долетит до телиц безмятежных
изголодавшийся рык гирканской тигрицы и самый
луг, услыхав, задрожит, — во всех разрастается ужас:
кем соблазнится, на чье заплечье набросится алчность?
В разнообразии чувств разошлись несогласные мненья;
эти фиванцев молить и Креонта надменного склонны;
больше по нраву другим просить у актейского града
милости, — бремя забот возвращенья позорного легче.
Тут внезапный порыв отваги неженской являет
Аргия и, позабыв о немощи пола, великий
труд затевает: она — в уповании твердом на гордый
подвиг — решает к властям обратиться преступного царства,
—
путь, какого жене родопской и снежного дщери
Фасиса[17] не совершить в окружении рати безбрачной.
Хитрость искусно она измыслила, чтобы от верных
спутниц отстать, а суровым богам и правителю злому —
дерзостно жизнь презирая свою в печали великой —
вызов послать, — так чистый огонь любови велит ей.
Словно воочию ей Полиник представлялся, несчастной:
вот он как гость, а вот как жених пред первою жертвой[18],
вот он как нежный супруг, а вот уже — в грозном шеломе
скорбно обнявший ее, и уже — уходящий, а взглядом
всё возвращавшийся к ней; но чаще всего представлялось
ей, как проходит она сквозь кровь аонийского поля
и, беззащитна, костров добивается. Оным безумьем
душу терзает себе и — вот оно, чистое пламя! —

мертвого любит. Тогда, обратись к пеласгийским подругам,
"Вы, — говорит, — актейскую рать и меч марафонский
вызовите, — и пускай благочестию счастье поможет.
Мне ж к огигийским — ведь я одна виновата в толиком
горе — дозвольте идти жилищам и ярость царёву
200 первой познать: не в глухие врата жестокого града
я постучусь, — ведь там у меня родители мужа,
сестры его, — я в Фивы войду не вовсе чужая.
Так, не держите меня: я мощным влекома порывом
и озареньем души". — Сказав и с собой лишь Менета
(стражем он некогда был[19], опекающим девичью скромность)
взяв, — несмотря на свою беззащитность и места незнанье —
ринулась спешной тропой, на которой им встретился Орнит.
И, увидав, что уже далеко соучастницы бедствии.
"Ежели, — молвила, — ты изгниваешь ни вражеском поле -
210 горе! — то стану ли ждать, какое решенье неспешный
примет Тесей, поддержит ли знать, одобрит ли битву
жрец-прорицатель? — А труп исчезнет меж тем. Так не лучше ль
птицам когтистым отдать и мое на терзание тело?
Ты ведь — коль ты ощущать, став тенью, способен — пеняешь,
верный мой, Стикса богам, что всё я, жестокая, медлю.
Непогребен ты досель иль кем-то присыпан случайно, —
я-то виновна равно. Так ужель мое горе бессильно
смерть и Креонта найти беспощадного? — Ты побуждаешь,
Орнит!" — И, так говоря, летучими по мегаридской
220 пашне шагами спешит: дорогу ей встречные кажут,
обликом устрашены, но горе ее уважая.
Видом ужасна идет, бестрепетна сердцем и слухом,
и — утвердясь в непомерности бед — заставляет бояться.
Так во фригийской ночи, когда оглашаются стоном
Диндимы, мчится к струям Симоента по чащам сосновым
сонма безумица-вождь, чей меч омыла богиня
избранной кровью и чье чело отличила повязкой.[20]
Уж в гесперийскую глубь родитель-Титан колесницу
жаркую скрыл, чтобы вновь появиться из моря иного, —
230 но ощутить не дала тяжелого скорбь утомленья
или заметить, что день — прошел: ни мрачные долы
ей не страшны, — неустанно она по горам непрохожим,
по буреломам идет, по чащобе лесной, беспросветной
даже и днем, по полям, незаметными рвами изрытым,

через потоки идет, не ища переправ, и минует
сонных зверей и спешит мимо логовищ чудищ ужасных.
Вот сколь скорби порыв всемогущ! Менету же было
стыдно отстать от шагов воспитанницы слабосильной.
Сколько жилищ поразила она и скотьих загонов
сдержанным стоном своим! Сколько раз за собой оставляла
встречный порог, и ее покидала в дороге попутных
радость огней[21], и свет холодная тьма побеждала.
И воздымался уже пред усталыми, даль застилая,
кряжа пенфеева склон[22], когда, задыхаясь и вот уж
изнемогая совсем, Менет через силу промолвил:
"Недалеко — если я не обманут напрасной надеждой —
и огигийцев дома, и, Аргия, непогребенных
трупы, должно быть лежат: тяжелый навстречу повеял
дух, и оттуда с трудом взлетают пернатые в воздух.
Вот оно — поле резни, а за ним — стена городская.
Видишь, как по полю тень укреплений огромных простерлась,
как умирающий огнь на башне дозорной мерцает?
Стены поблизости: ночь доселе была молчаливей,
и беспросветную тьму лишь звезды одни нарушали".
Аргия, затрепетав и десницу к стенам простирая:
"Фивы, желанный досель, а ныне враждебный мне город, —
но и теперь, если ты вернешь мне останки супруга, —
будешь мне все-таки мил; посмотри, в каком я убранстве,
спутников сколько со мной, когда я, невестка Эдипа,
ныне впервые на твой вступаю порог. Не чрезмерны
просьбы мои: я молю пришлецов схоронить и оплакать.
Ну а того, кто царства лишен, кто в битве повержен,
я умоляю, того, кто отчей земли недостоин,
мне возврати. А ты — появись, если могут являться
маны и души, от тел отрешенные, странствовать могут.
Сам укажи мне пути, и к стенам твоим — если только
стою того — отведи". — Рекла и под кровлю пастушью
хижины ближней войдя, разожгла угасавшей лучины
пламя и вышла, дрожа, в простор ужасающий поля.
Так от этнейской скалы светильник зажегшая, с оным
отблеском больших огней обходила когда-то Церера
берег авсонский и край сицилийский и в прахе читала
черного вора следы — от колес глубокие раны.
Обезумелым ее стенаньям в ответ громыхает

сам Энкелад, освещая пути огнем полыхавшим.
О Персефоне ручьи, леса, понт, тучи кричали;
о Персефоне молчал лишь дом стигийского мужа.[23]
Верный смятенной, ее воспитатель велит о Креонте
не забывать и, убавив огонь, пробираться украдкой.
Прежде — царица, кого города Арголиды страшились,
гордая цель женихов, высочайшая рода надежда,
ныне — в коварной ночи, без вождя и рядом с врагами
меж беспорядочных груд оружья, по скользким от крови
травам, ни тьмы не боясь, ни в поле кружащего сонма
теней и душ, испускающих стон над своими телами,
часто незрячей стопой мечи попирая и стрелы,
боль презирая, стремясь к одному — не ступить на лежащих,
в каждом готова узреть, своего, — пытающим взором
рыщет среди мертвецов, отгибает уткнувшимся в землю
лица и жалуется на звезды, светящие слабо.
А в навевающих сон потьмах, потаенно от неба,
выкрав себя самое из объятий супруга, Юнона
к стенам тесеевым шла, Палладу склонить вознамерясь
благочестивой мольбой и Афинам внушить благосклонность.
Но увидала она с небосвода, что, тщетно блуждая,
изнемогает уже безвинная Аргия в поле,
и пожалела ее, — навстречу лунной запряжке
поворотилась и так промолвила голосом кротким:
"Не откажи мне, прошу, в одолжении, Кинфия, если
чтишь ты Юнону; и пусть — Юпитера волею — втрое
ты геркулесову ночь…[24] — но давние пени оставлю:
можешь теперь услужить. Взгляни, как во мраке блуждает
Аргия, более всех инахийцев любимая мною,
и, угнетаема тьмой, не находит останков супруга.
В тучах и твой помрачается блеск, — так пронзи их рогами
и над землею, прошу, проследуй привычного ближе.
Сон же, который твоей колесницы намокшие вожжи
держит и носом клюет, — отпусти к аонийцам неспящим".
Так изрекла, и тотчас богиня сквозь тучи явила
лик свой, — и мрак устрашился его, угасло мерцанье
звезд, и — увидев сей блеск — Сатурния чуть не ослепла.
Аргия прежде всего узрела в разлившемся свете
паллу супруга — свою (о горькое горе!) работу, —
хоть и сокрылся узор и померк пропитанный кровью

пурпур. Взывая к богам и решив, что лишь это от мужа
ей и осталось, — его самого увидела, в землю
втоптанного. Лишена и пыла, и зренья, и слуха,
в горе не может пролить ни слезы, и тут же, всем телом
к мужу прижавшись, его лобызает, отшедшую душу
ищет и спекшуюся с одежд и волос собирает
кровь, чтоб ее сохранить; и вот к ней голос вернулся:
"Вижу тебя ли, супруг? Отправлялся за властью законной
ты ли похода главой, Адраста могучего зятем?
Вот оно как мне пришлось к торжеству твоему приобщиться!
Повороти же ко мне лицо и угасшие очи:
Аргия к Фивам твоим пришла, — веди ж меня в город
и покажи мне отчих богов, воздай мне взаимным
гостеприимством. — Увы, лежишь ты на голой равнине,
нет у тебя владений иных. А распря-то ваша?
Брат — он ведь власти уже лишился! А близкие что же
слез не прольют над тобой? Где ж мать? Где твоя Антигона
славная? — Ты для меня, для меня лишь простерт, побежденный?
Я ль не пытала: куда ты стремишься? Зачем заповедный
скипетр тебе? — Вот Арги, — цари во владениях тестя;
здесь почитают тебя, здесь власти ни с кем ты не делишь… —
Что вспоминать? Я сама допустила войну и просила[25],
чтобы отец помогал, — и теперь — вот эти объятья!
Боги и Случай, но я благодарна вам всё же: дороги
долгой достигнута цель, нашла я нетронутым тело.
Ах, но какая же в нем зияет огромная рана!
Брата удар? Но, молю, где, где он простерт, нечестивый
хищник? Мне б только его отыскать, — я птиц одолею,
не допущу и зверьё… Или он уже предан сожженью?
Но и тебя лишенным огней твой край не увидит:
пламя и слезы воздам, которые лить над царями
запрещено: твоему погребенью приверженность вдовья
вечною будет рабой, а свидетелем оного горя
будет твой сын, — я вдовство Полиником-младенцем согрею[26]".
Стоны другие меж тем и другие несла Антигона
жалкая к трупу огни, едва отыскав вожделенный
выход из стен, ибо там беспрестанно за ней наблюдали
стражи, которым сам царь приказал ее опасаться,
и непрерывная цепь и огни охраняли сплошные.
И, в промедленье винясь пред богами и братом, — едва лишь

сник под натиском Сна ощетиненный строй, — в исступленье
вырвалась в поле, рыча, как рычит, устрашая округу,
бешенство львицы младой, чье буйство впервой без присмотра,
чей убежал от матери гнев. Она не блуждала:
немилосердный простор и место, где брат был повержен,
ведомы ей. А Менет увидел ее приближенье,
ибо, досужен, стерег стенанья питомицы милой.
Но долетели едва до сестрина чуткого слуха
речи, и дева жену с распущенными волосами,
в черной одежде, с лицом, запятнанным кровью засохшей,
скорбную — в свете луны и обоих огней увидала:
"Маны, — промолвила, — чьи, иль что ты, безумная, ищешь
ночью моей?" — Та — ни слова в ответ, но на тело супруга
пала и молча лицо в его облачении скрыла,
страхом охвачена вдруг и забыв на мгновенье о скорби.
На подозрительное молчанье двоих Антигона
прежнего пуще вопит на нее и на старца, но оба —
немы — застыли без сил. Наконец, уста отверзает
Аргия и говорит, труп хладный сжимая в объятьях:
"Ежели тщишься и ты кого-либо в этих останках
битвы кровавой найти и жестоких приказов Креонта
тоже трепещешь, — тогда я скажу, тебе доверяясь.
Если ты в горе (а я и скорбь твою вижу, и слезы), —
что же, союз заключим: я, царевна, Адрастова отрасль
(боги, не слышит ли кто?), да сожгу моего Полиника,
царский презрела запрет…" — Кадмейская дева[27] застыла
и задрожала в ответ, и признавшейся, так возразила:
"Ты ли (о, случай слепой!) предо мною — союзницей в бедах —
в страхе? — Над трупом моим, на моем погребенье ты плачешь!
Но уступаю! О, стыд! О, сестры запоздалая верность!
Первой — она!.." — И, приникнув, вдвоем заключают в объятья
тело и, перемешать власы вожделея и слезы,
поочередно его обнимают, к ланитам со стоном
льнут и одна за другой лобзают любимую шею.
Эта о брате меж тем вспоминает, а та — о супруге,
перемежают рассказ о Фивах рассказом об Аргах.
Аргии длительнее о злосчастиях повествованье:
"Общим обрядом клянусь тайком изливаемой скорби,
тенью, дражайшею нам, и молчанием звезд-соучастниц:
он, бездомный изгой, не жалел о потере престола

или о крае родном, об объятиях матери милой;
но о тебе тосковал, о тебе говорил, Антигона,
ночи и дни напролет; а со мною легко он расстался.
Но ведь, наверное, ты с высокой видела башни,
как — до нечестья еще — он взметнул перед греческим строем
400 знамя, и он на тебя — сражаясь уже — обернулся,
поднял, приветствуя, меч и качнул вершиной шелома.
Я же — вдали… Но кто из богов в гнев гибельный вверг их?
Ваши бессильны ужель увещания были? И он ли
мог молящей тебе отказать?" — Но едва Антигона
скорбный рассказ начала, страж верный промолвил обеим:
"Лучше обряд вершите скорей: уж звезды бледнеют,
близостью дня смущены; свой труд до конца доведите, —
будет рыданьям черед, но прежде — пламя раздуйте".
Шум указал им меж тем, что поблизости — берег Исмена:
410 тек он, мутен досель, и воды темнели от крови.
Мертвое тело к нему понесли совместным усильем
слабые, а помогал едва ли сильнейший сопутник.
Так сожженного труп Фаэтона Гиперионида
в теплых Пада струях омывали печальные сестры,
а схоронив, над рекой поднялись рыдающим лесом[28].
Тело от крови рекой очистив и мертвому должным
облик вернув, попытались они с поцелуем последним[29],
жалкие, пламя разжечь, — но дотлела везде и остыла
в ямах сыпучих зола и уснули огни погребенья.
420 Случай — иль воля богов — один лишь костер сохранили,
призванный испепелить этеоклово лютое тело:
может быть, снова судьба готовила ужасу место,
или огни, чтобы распрю продлить, берегла Эвменида[30].
Меж почерневших стволов чуть теплившийся, чуть заметный
свет увидали они с вожделением равным и вместе —
с радостью скорбной. Досель, чей костер, еще не открылось,
но умоляют они, чей бы ни был, чтоб кротко и мирно
он допустил содольника прах и смешение теней.
Братья встретились вновь. Но едва лишь палящее пламя
430 тела коснулось[31], — костер задрожал и того, кто явился
позже, — изверг: взвились языки разделенной вершиной
и осветили огнем полыхнувшим шеломы обоих.
Мнится, будто огни Эвменид из бледного Орка
вырвались: каждый язык — грозит, и пытается каждый

выше взметнуться; стволы — и те под дрогнувшим грузом
сами осели. И тут устрашенная дева вскричала:
"Гибнем, своей же рукой мы гнев разжигаем угасший.
Брат это был: какой еще зверь решился б извергнуть
пришлую тень? Узнаю щит сломанный и обгоревший,
пояс его, — это брат! Посмотри: огонь угасает,
но не сдается, — живет, живет нечестивая ярость!
Битва плодов не дала: несчастные, вы воевали,
а победил-то Креонт, он — царь, — к чему ж это буйство,
гнев — на кого? Перестаньте грозить! Ты, всюду изгнанник,
всем обделен, отступись, наконец, — жена умоляет,
просит сестра, — или мы меж вами в костер устремимся".
Только промолвила, — вдруг и поле, и город высокий
дрожь потрясла и враждебным огням помогла разделиться.
Стражей покой возмущен, которым видения бедствий
сам внушил встревоженный сон, — и тут же нагрянул
вооруженный отряд, обходящий округу дозором.
Но приближенья его устрашился лишь старец, а обе —
перед костром открыто свое презренье являют
к воле Креонта, свое признают преступление громким
голосом, видя что все разложилось в пламени тело.
Дело о лютой идет погибели, смерти надежда
буйствует; наперебой: "Я похитила брата!", "Я — мужа!",
после по очереди подтверждают: "Я — тело…", "Я — пламя…",
"Верность меня повела", "Я ведома любовью". — Им мило
муки навлечь на себя и обвить цепями десницы.
И не поверить, что в их речах не почтенье звучало,
а отвращенье и гнев, — настолько не сходствуют с этим
крики обеих. Но тут к царю повлекли уличенных.
В дальний актейский оплот между тем с дозволенья Паллады
горем убитых ввела матерей форонейских Юнона.
Скорбна не менее их, к веренице стенящей богиня
расположила народ и рыданья почтить побудила.
Ветви оливы и шерсть молящую[32] передала им
собственноручно, глаза — опустить под прикрытие паллы,
урны порожние — их пред собой нести научила.
Возрасты все, из жилищ эрехтеевых высыпав, полнят
кровли и стогны: сие скопленье откуда и сразу
столько несчастных? Досель причины не ведая бедствий,
стали стенать. Богиня то к тем, то к другим приближаясь,

племя пришедших, о ком льют слезы, о чем умоляют, —
всё растолковывает; а те в разнородных упреках
и огигийскую власть, и неукротимость Креонта
всюду и всяко клянут. — Не более гетские птицы
из-под приветливых крыш пеняют обрубленной речью[33],
480 брак проклинают двойной и терееву несправедливость.
Жертвенник был посредине Афин — не богам возведенный
мощным, но Милости, — там помещалась она, и священным
сделали оной приют несчастные: прежнего новый
вечно проситель сменял, и просительницы допускались.
Слышала всех, умолявших ее; ночами и днями
путь был открыт к божеству, принимавшему жалобы в жертву.
Скромен служения чин: ни огней благовонных, ни крови
не допускает алтарь, — его орошают слезами,
сверху плетения кос, отрезанных скорбью, повисли
490 и одеяния тех, чей удел изменился ко благу.
Тихая роща вокруг, в которой чтимы особо
в**о**лной украшенный лавр[34] и древо молящей оливы.
Изображения — нет: не доверен облик металлу, —
было угодно в умах и в душах селиться богине[35].
С нею страдальцы всегда, всегда возле рощи толпятся
тьмы обделенных: алтарь одним лишь счастливым неведом.
Молвят: оборонены оружием после сраженья
отчего, оный алтарь Геркулеса потомки воздвигли[36].
Правда же выше молвы: ибо следует верить, что сами
500 жители неба, — кого почитают от века Афины,
где обновлен человек, где законы и священнодейства[37],
и семена, по пустым отсель разнесенные землям, —
месту сему повелели служить для людей угнетенных
общим приютом; здесь гнев и угрозы владык не имеют
силы, и от алтарей справедливых сторонится Счастье.
Жертвенник этот давно племена неисчетные знали:
те, кто войну проиграл, кто изгнан из отчих пределов,
власти лишен, или те, кто невольно свершил преступленье, —
все притекали сюда и мира просили; он позже
510 Фурий Эдипа сломил, защитил убийство Олинфа[38]
и отогнал навсегда от Ореста злосчастного матерь.
К оному месту идет, научен народом, лернейский
скорбный отряд, и несчастных толпа ему уступает.

Только пришли, — и сердца улеглись, и стихли заботы.
Так журавли, в высоте[39] родным Аквилоном гонимы,
Фарос завидят едва, — просторней эфир наполняют,
радостным криком звенят: им любо в безоблачном небе
снежную мгу презирать и в Ниле от хлада омыться.
Весть о том, что домой после яростной с племенем скифским
520 битвы[40] вернулся Тесей в колеснице, лавром увитой, —
плески народа несут и радостный к звездам взлетевший
крик, и веселой трубы, сменившей военную, зовы.
Вражье оружье везут — о Маворсе память суровом,
девичьих строй колесниц и грудой — хохлатые шлемы;
сникших ведут скакунов; секиры в зазубринах (ими
рубят обычно леса и застывшую гладь Меотиды),
легкие тулы несут, пояса в самоцветах горящих
и небольшие щиты, залитые кровью владелиц.
Сами — бесстрашны досель и женской стыдливости чужды —
530 вопли (подлой толпе не в пример) и мольбы презирают,
лишь любопытствуют, где святыня безбрачной Минервы.
Первая страсть — лицезреть победителя, чью колесницу
белых четверка везет; но не меньше к себе Ипполита
всех привлекает, уже прелестная ликом и брачный
жребий познавшая. Ей, нарушившей строгий обычай
родины[41], жены Афин удивляются, искоса глядя
и откровенно ворча, что волосы блещут, что палла
грудь прикрывает и что иноземка в могучих Афинах —
сына родить супругу-врагу — появиться решилась.
540 Встав со своих алтарей, пелопидянки скорбные также
чуть подаются вперед, черед и награды триумфа
зрят с удивленьем, своих побежденных мужей вспоминая.
Только замедлила бег колесница, — и к ним победитель
с гордой оси обратился и ждал, благосклонно внимая,
просьб, — как других упредив, капанеева смеет супруга:
"Бранелюбивый Эгид, для которого новый источник
славы нежданной Судьба отыскала в несчастиях наших!
Не чужестранные мы, не причастное страшным злодействам
племя: был Аргос наш дом, мужья наши были царями
550 храбрыми — если б не столь! — Ну зачем же семи устремляться
воинствам было, зачем вразумлять агеноров город?
Мы не на гибель мужей пеняем, — то право сражений,

жребий войны; но пали в бою не пещер сицилийских
чудища, и полегли не Оссы двутелые дива![42]
Род их и славных отцов — оставлю, Тесей; но людская
кровь в них текла, и людей, взиравших на те же созвездья,
с той же душой, как и все, питавшихся тою же пищей, —
сжечь запрещает Креонт и к порогу стигийского дома —
так, словно он — отец Эвменид или кормщик летейский[43], —
не подпускает и их посреди меж Эребом и небом
держит! Увы, Природы права! Где боги? Где оный
несправедливых огней метатель? Где вы, о Афины?
Вот уж седьмая заря пугливых коней от останков
поворотила, от них отводит лучи и трепещет
светоч любой на звездной оси; уже не выносит
снеди ужасной зверье, не выносят пернатые места,
чей омерзителен дух небосводу и ветра порывам.
Долго ль еще придется нам ждать, чтоб голые кости,
чтобы гниющую плоть он дозволил собрать? — Поспешите,
о кекропиды! Воздать вам долг сей пристало, покуда
иль эмафийский народ, иль фракийский не сжалился, или
племя иное из тех, кто сжигает останки умерших.
Будет ли злобе предел? — Да, мы воевали, — так что же? —
Ненависть пала, и смерть сокрушила бесплодную ярость.
Также и ты, чьи подвиги нам по слухам известны,
хищным не отдал зверям ни Синиса, ни Керкиона
лютого и допустил сожженье Скирона-злодея.
Верю, что и Танаис амазонок кострами дымится,
тот, где ты воевал, — что и он удостоен триумфа.
Разом сей труд соверши для земли, для небес и Эреба,
если ты спас от беды Марафон и критские кровли
и не напрасно лила радушная старица слезы[44].
Пусть же Паллада тебя ни в одном не оставит сраженье,
равным деяниям пусть не завидует с неба Тиринфий,
на колеснице всегда, пусть всегда торжествующим матерь
видит тебя, а несчастий таких да не знают Афины!"
Молвила. Тут же и все ей вслед с умоляющим воплем
руки простерли. Герой нептунов[45], слезами растроган,
переменился в лице и, праведным гневом вскипая,
так вскричал: "Какая еще Эриния новый
норов внушила царям? Ведь я оставлял не такими
греков сердца, когда я в поход отправлялся на скифов

к снежному морю[46]. Так в чем причина безумья? Ты думал,
лютый Креонт, что Тесей побежден? Но я, как и прежде,
мощен, и это копье вновь жаждет крови неправой.
Медлить не стану, — тотчас звонкоступа, Фегей мой вернейший,
повороти и скачи и, явившись в тирийскую крепость,
или данайцам костры приготовь, иль Фивам — сраженье".
Так говорит, позабыв о трудах и войны, и дороги,
600 и призывает своих, и вселяет в них новые силы.
Так после битвы, заняв для совокупленья лощину,
бык — если роща опять огласится соперником новым —
в бой устремиться готов: хотя орошать продолжает
ливень кровавый чело и шею, но, землю взрывая,
силится он не стонать и пылью раны присыпать.
Ужас ливийской земли[47], хранящую перси Медузу,
расшевелила сама Тритония, щит сотрясая.
И, распрямившись тотчас, всем строем змеи на Фивы
стали взирать, но еще не вступал аттический воин
610 в бой, и трубы боевой не страшилась злосчастная Дирка.
Битву немедля начать не юноши лишь загорелись,
те, что сопутниками триумфа кавказского[48] были, —
вся побуждает страна питомцев неопытных к бою.
И собираются, встав добровольно под знамя Тесея,
мужи, Браврон ледяной[49] населявшие, и мунихийской
пашни земли, и Пирей, мореходов тревожных опору,
и Марафон, не славный еще восточным триумфом[50].
Выслал отряды в поход родовым божествам прилежащий
край Икария[51], край Келея, и долы Мелены,
620 и Эгалей, что лесами богат, и Парнет, изобильный
лозами, и Ликабесс, знаменитый оливою тучной.
Прибыл суровый Алей и душистого пахарь Гиметта,
прибыли вы, плющом оплетавшие тирсы Ахарны.
Эти восточным судам издалёка заметный бросают
Суний, откуда Эгей, обманутый лживым ветрилом
критского судна, упал[52], дав имя бурливому морю.
Те — Саламин, а те — Элевсин церерин народы
выслал в сраженье, снабдив оралами, вздетыми грозно;
тех Каллироя дала, омываемых девятикратно
630 водами, этих — Элис, похищенье Орифии зревший
и на своих берегах приютивший гетские страсти[53].

Сам ради битв опустел тот холм, где великую тяжбу
боги вели[54], пока не взросло на спорной вершине
новое древо, чья тень сокрушила отшедшее море.
Двинуть арктийскую рать против кадмовых стен Ипполита
также хотела бы, но — округленного чрева бесспорный
знак удержал, и супруг попросил оставить заботы
Марса и в брачный покой отслужившие тулы повесить.
Эту споспешную рать, горевшую битвой желанной,
вождь увидал и тотчас, любезнейших отпрысков наспех
облобызав и обняв, так рек с колесницы высокой:
"Воинство, вместе со мной законы земель и вселенной
скрепы блюдущее, — вам беспристрастно оценивать должно
смысл предприятия: здесь — и богов, и людей благосклонность,
воля Природы-вождя и безмолвные сонмы Аверна
явно стоят; а там — рать Кар, обученных в Фивах,
и перед ней знамена несут змеевласые сестры[55].
Мчитесь вперед и, прошу, доверьтесь величию дела".
Рек и, древко метнув, немедленно в путь устремился,
словно Юпитер, когда он тучей приходит в пределы
гипербореев и свод наступления стужи страшится:
плен эолийский разбит[56], и, на долгий досуг негодуя,
вихри вздымает зима, и Медведица вьюжная свищет;
горы и воды ревут, и рваные тучи вступают
в битвы, и буйствует гром, и безумные молнии пляшут.
Стонет земля, и зелень лугов под тяжелым копытом
гибнет, и натиском толп неисчетных — и пеших, и конных —
вытоптаны, издыхают поля, но пылью густою
не побежден оружия блеск, — в высоком эфире
вспыхивая, посреди облаков острия полыхают.
Ночь и мирную тьму — даже их подчинили походу,
и состязанье мужи повели, дабы поспешало
воинство: кто, с холма увидав, объявит о Фивах,
чей всех ранее дрот в огигийскую стену вонзится.
А впереди нептунов Тесей[57] на щите необъятном
подвигов нес череду и собственной славы истоки.
Критских сто городов, сто стен вмещало навершье;
тут же и сам он, пройдя извивы ужасной пещеры,
шею тельца косматую гнул, вступившего в схватку:
обе руки обхватили врага, могучие стиснув
мышцы его, а лицо от рогов увернуться стремилось.

Все трепетали, когда ограждаемый грозным подобьем
в битву герой выходил: два Тесея, две рати кровавых
мнились; и сам он любил вспоминать былые деянья.
глядя на верный отряд, на порог, устрашавший когда-то,
видя, как критянки лик побелел пред нитью недвижной[58].
А между тем свирепый Креонт закованных в цепи
шлет Антигону на казнь и вдовую дочерь Адраста.
Обе веселья полны и достоинства: в жажде погибнуть
680 выи к мечам добровольно стремят, царя-кровопийцу
опережая. И вдруг — Фегей предстает, от Тесея
слово несущий: в руке — знак мира — ветви оливы
чистой, но сам — возвещает войну, войной угрожает,
мощно гремит, сугубо блюдя пославшего волю,
что уж подходит и он, что уже покрывают отряды
ближний простор. Фиванец стоит, двояким сжигаем
чувством: потоки угроз застывают, и ярость слабеет.
Но ободряется он и с улыбкой притворной и грустной
молвит: "Ужели того, что преподан простертым Микенам,
690 мало урока? Ну что ж, мы нашего города новых
встретим врагов, — пусть придут, но после сраженья не ропщут:
то же поверженных ждет". — Говорит, но видит, что пыльной
тучею день помрачен и сокрылись вершины тирийских
гор; однако людей призывает к оружью и, бледный,
просит оружье ему принести, но вдруг, содрогаясь,
зрит во дворце — Эвменид, и рыдающего Менекея,
и в погребальных кострах ликования полных пеласгов.
Чем для Фив был тот день, когда погиб обретенный
кровью толикою мир? — Вечор лишь богам прикрепленный
700 отчим снимают доспех, щитов примеряют обломки,
низкие шлемы[59] берут и доселе в запекшихся сгустках
дроты. И нет никого, кто блистал бы мечом или тулом
или гордился конем. Невозможно довериться валу,
стены — куда ни взглянуть — зияют, врата — заграждений
требуют, прежним врагом снесенных; зубцов не осталось
(их сокрушил Капаней); и младость — без сил и без воли —
не обнимает ни жен, ни детей в поцелуе последнем,
и без напутствия их отпускают родители в битву.
Аттики вождь между тем, как только заметил в разрывах
710 пыльного облака свет и солнце на ближнем оружье,
ринулся в поле тотчас, хранившее непогребенных

манов близ стен городских. Нездоровый от тяжкого смрада
воздух, проникший под шлем запыленный, едва он учуял,
как застонал и войны справедливою яростью вспыхнул.
Вождь фиванский почтил, наконец, несчастных данайцев
тем, что решил не вести по самим разбросанным трупам
грозный отрядов черед боевых и повторного Марса:
да не нарушит какой нечестивец чего-либо в страшном
нагромождении тел, для пролития крови избрал он
чистое поле. И вот в сраженье неравном народы
сводит Беллона: молчат и те, и другие; безмолвны
трубы и тех, и других; одни — обессиленно встали,
низко мечи опустив и ремни копьеметные дланью
немощной еле держа; а те — со щитом за плечами —
старые раны, досель сочащиеся, обнажают.
И у кекроповых днесь вождей поубавилось пыла,
прежних не слышно угроз, и доблесть не рвется в сраженье.
Так порывы ветров слабеют, коль лес не задержит
ярости их, и молчат в безбрежности бурные волны.
Но как пучинный Тесей[60] копье марафонского дуба
поднял и грозная тень воздетого древка упала
на супостатов, а блеск наконечника поле наполнил, —
словно сам Маворс-отец на эдонских с высокого Гема
прянул конях, с летучей оси погибель и бегство
сея, — тогда обратил на попятный терзающий ужас
агеноридов. Крушить убегающих стыдно Тесею,
и проливать беструдную кровь презирает десница, —
прочая доблесть в крови рядовой свирепствует вволю.
Так чужая мила добыча и падаль гиенам
или трусливым волкам; львов мощных — ярость питает.
Но между тем Оления он поверг и Ламира
(этот стрелу доставал, тот взвихривал лютого камня
тяжесть) и мощи тройной предводимых племен доверявших
братьев Алкетидов: их одного за другим поразил он
копьями, — грудью Филей вместил наконечник железный,
стиснул зубами — Гелопс, пропустил сквозь лопатку — Иапиг.
Гемона тут увидав в колеснице четверкой, он страшным
целится дротом в него, но тот повернуть успевает
затрепетавших коней, — и, преодолев расстоянье,
древко пронзило двоих; оно вожделело и третьей
раны, но жало его было сдержано дышлом срединным.

Но одного лишь мольбой, одного ужасающим криком
он средь сражавшихся толп вызывает и жаждет — Креонта.
И замечает его, увещавшего речью отряды
и угрожавшего им — вотще — на краю супротивном
бранного поля: тогда отстала охрана, Тесея
волю блюдя, на богов и доспехи его уповая.
Тот же своих созывал и удерживал, ненависть видя
в них и к себе, и к врагам. Воспрянув в ярости крайней,
760 гибельным буйством дыша и дерзая пред смертью грядущей,
"Не щитоносных юниц[61], — говорит, — ты вызвал в сраженье,
это не девичья рать, — здесь на смерть сражаются мужи:
нами могучий Тидей и нами же буйством дышавший
Гиппомедонт умерщвлен, и дух Капанея отправлен
к теням. Какое тебя побудило крутое безумье
к битве?[62] Но, дерзкий, смотри: лежат, за кого ты отмщаешь!"
Эти изрекши слова, вотще запущенным дротом
край пробивает щита. Посмеялся речам и деснице
грозный Эгид и метнул железом обитое древко
770 в мощном броске, но прежде взгремел горделивою речью:
"Маны аргосские, вам приносится оная жертва, —
Тартара хаос скорей растворите! А вы, Эвмениды,
мщенье готовьте: Креонт прибывает". Промолвил и воздух
древком разящим рассек: туда, где плотным покровом
усугубляло броню составную плетенье кольчуги,
жало вонзилось, и кровь нечестивая в сотни просветов
брызнула; он же, смежив пред смертью блуждавшие очи[63],
пал. А могучий Тесей, над ним воздевая оружье,
рек: "Не угодно ль, чтоб днесь врагов умерщвленных сжигали
780 и хоронили бы днесь побежденных? — Ступай же для страшных
казней, но пренебреги тревогою о погребенье".
Стяги с обеих сторон с почтительным сходятся гулом,
рукопожатья союз скрепляют в разгаре сраженья.
Ныне Тесей — уже гость: умоляют, чтоб в город вступил он
и осчастливил дома. Победитель же, не презирая
вражеских кровель, вошел, — огигийские матери рады,
рады невестки. Таков в войне покорившийся тирсу
кроткие таинства Ганг восхвалял, уже захмелевший.[64]
А между тем сквозь налегшую тень диркейской вершины
790 женщин крик досягает до звезд: пеласгийские мчатся

матери: словно фиад обезумевших, званых на битву
вакхову, сонм, они преступленье замыслили, мнится,
или свершили уже. Рыданья ликуют, и радость
новые слезы родит. Туда ли, сюда ль порываясь,
жаждут Тесея найти благородного, после ж — Креонта,
или своих, — и к телам уводит их вдовое горе.
Если бы сто голосов из груди моей исторгалось
волей богов, — и тогда о вождях и о воинах плачей
стольких близ стольких костров воспеть я не смог бы достойно.
Мне не воспеть, как в милый огонь отважно Эвадна
ринулась, вихря скорей, обретшая молнию в мощи
духа; и мне не воспеть, как прильнув к свирепому телу,
бедная, всё оправдать Тидея пыталась супруга;
что рассказала сестре о безжалостных Аргия стражах;
как эриманфская мать призывала, рыдая, аркадца[65],
пусть обескровленного, но хранившего прелесть аркадца,
как два отряда равно оплакали с нею аркадца… —
В этом ни новый восторг, ни сам Аполлон не поможет,
да и ладью мою ждет после долгого плаванья — пристань.
Мы расстаемся… — навек. Но читать тебя станут, не правда ль,
о Фиваида моя, труд двенадцати лет неустанный?
Единодушно тебе молва современников славный
путь — завершенной едва — сулит, вручая потомкам;
великодушный с тобой изволил знакомиться Цезарь,
учит с любовью тебя наизусть италийская младость, —
что ж, прощай… — Не стремись с Энеидой божественной спорить,
следуй за ней вдалеке и пример ее чти неизменно.
Та же, что норовит очернить тебя, зависть — исчезнет[66]
и после смерти моей обернется заслуженной славой.

От переводчика

Переводить «Фиваиду» для «Литературных памятников» мне предложил в ноябре 1975 года Михаил Леонович Гаспаров. Предложение magistri venerabilis было мне лестно, я согласился, перевел около 500 стихов и отправил их Михаилу Леоновичу. Эти чудовищные первые пробы преследовали меня все те двенадцать лет, которые ушли на перевод поэмы, но — к счастью — они не отбили у меня вкуса к Стацию, в котором я все больше открывал настоящего поэта. Преодоление пропасти между первыми вариантами перевода и все более очевидными достоинствами оригинала шло медленно, и только в 1979 году я решился подать заявку в издательство. Благосклонное отношение редколлегии «Памятников» к Стацию побудило меня приступить к систематическому одолению его поэмы, а с 1982 года «Фиваида» стала моей постоянной заботой. С этого же примерно времени я начал показывать мои опыты Сергею Васильевичу Шервинскому, и вскорости наши занятия Стацием стали регулярными и продолжались более трех лет. Это были годы редкого счастья, какое дарит ученичество у подлинного мастера, совместная работа и поэзия, — я навсегда благодарен за них Сергею Васильевичу и благой судьбе. Подготовку тома к публикации мы завершили с моей женой Еленой Федоровной Шичалиной, взявшей на себя огромный труд: составление примечаний и аннотированного указателя, за что я испытываю к моей жене самую нежную признательность. Мы оба благодарим Михаила Леоновича Гаспарова, редактора книги, и Сергея Сергеевича Аверинцева, ее первого читателя и рецензента, за советы и замечания, драгоценные при завершении работы над этим томом. Я также признателен Александру Иосифовичу Зайцеву, поправившему статью.

Мою переводческую работу я с любовью посвящаю моим родителям — Елене Никитичне и Анатолию Владимировичу Шичалиным: я надеюсь, что публикация перевода и это посвящение доставит им радость.

17 сентября 1990 года

Ю. Шичалин

Об издании

Оксфордский издатель поэм Стация так начинает свое предисловие: «Рукописей “Фиваиды” столь много, что справедливо предположить: у Стация было больше переписчиков в Средние века, чем читателей в наши дни» (P. Papini Stati Thebais et Achilleis. Recognovit brevique adnotatione instruxit H. W. Garrod. Oxonii, 1906. P. V). Свыше ста тридцати рукописей учтено издателями и исследователями. Все рукописи распадаются на два класса: один класс представляет codex Parisimis 8051 (Puteanus), составленный в конце IX в. и восходящий к некоему более раннему codex Iuliani, каковой Юлиан, вероятно, был современником автора знаменитых «Начал грамматики» Присциана (VI в.); другой класс рукописей восходит к тексту, который, видимо, был в распоряжении епископа Вены, латинского поэта Алкима Авита (конец V — начало VI в.). Оба класса восходят к архетипу IV-V вв. Помимо рукописей «Фиваиды» для установления ее текста важны комментарии к ней Лактанция Плацида (вероятно, вторая половина V в.) и цитаты из Стация у Немесиана (вторая половина III в.), Авсония (ум. ок. 395), Клавдиана (конец IV — начало V в.), Сидония Аполлинария (ок. 430-479), Драконтия (конец V в.). Эти свидетельства к первым шести книгам «Фиваиды» собраны в незавершенном издании О. Мюллера (P. Papinii Statii Thebais. Ed. O. Müller. Vol. I. Lpz., 1870), а также приведены в издании, по которому выполнен перевод: P. Papinii Statii Thebais. Ed. A. Klotz. Ed. correctiorem curavit Th. C. Klinnert. Lipsiae, 1973 (первое издание текста А. Клотца — Лейпциг, 1908); в этом же издании помещен латинский текст стихотворного изложения «Фиваиды» перевод которого дан в «Дополнении». Незначительные отклонения от текста, принятого Т. Клиннертом, опираются на аппарат его издания и специально не оговариваются. При составлении настоящих примечаний, а также вступительной статьи были использованы следующие издания и исследования: Thebais P. Papinii Statii cum varietate lectionum et selectis variorum adnotationibus quibus suas addiderunt J. A. Amar et N. E. Lemaire // P. Papinii Statii Quae extant orania opera. P., 1825-1827. Vol. 2- 3; In opera P. Papinii Statii cum testimoniis, recensu codicum et notitia litteraria Index universus rerum, nominum et vocabulorurn quern plane confecit et disposuit N. E. Leinaire // Ibidem. P., 1830. Vol. 4; Ruediger G. Quibuscum viris tuerit Static poetae usus consuetude lamiliaritas. Marburgi, 1877 (Diss.); Helm R. De P. Papinii Statii Thebaide. Berolini, 1892; Fortgens II. W. P. Papinii Statii de Opheltis funere carmen epicurn. Zutphen, 1934. Theb. lib. VI. 1-295; Schetter W.

Untersuchungen zur epischen Kunst des Statius. Wiesbaden, 1960; Snijder H. P. Papinius Statius Thebaid. A Comment, on book 3. Amsterdam, 1968; Klinnert Th. Capaneus — Hippomedon. Heidelberg, 1970 (Diss.); P. Papini Stati Thebaidos liber XI a cura di P. Venini. Firenze, 1970; Thebaid I-III translated by J. B. Poynton. Oxford, 1971; Juhnke H. Homerisches in romischer Epik flavischer Zeit. München, 1972; P. Papini Stati Thebaidos liber decimus ed. with a commentary by R. D. Williams. Leiden, 1972; Hakanson L. Statius Thebais. Lund, 1973; Vessey D. Statius and the Thebaid. L., 1973. Помимо этого для примечаний использованы комментарии: Lactantii Placidi qui dicitur coininentarios in Statii Thebaida… recensuit R. Jahnke. Lipsiae, 1898.

Квадратными скобками в тексте поэмы отмечены стихи, заподозренные рядом издателей в неподлинности. Курсивом в примечаниях выделены слова, внесенные в аннотированный указатель.

СОДЕРЖАНИЕ «ФИВАИДЫ» СТАЦИЯ В СТИХАХ, СОСТАВЛЕННЫХ ДРЕВНИМИ

I
Вызвал Эдип Тисифону слепой от глубинного Стикса,
ввергнуть в битву прося сыновей, ему братьями бывших.
Битве Юпитер обрек равно и Фивы, и Аргос,
хоть и пыталась судьбу изменить — но тщетно — Юнона.
Отпрыск Килленский потом был отправлен в подземное царство,
чтобы оттоль до небес укрепить на врагов Этеокла.
Ночь одна привела двух мужей непогодная в Аргос:
Фивы тебя, Полиник, изгоняют, а Плеврон — Тидея,
в коих Адраст признал зятьев, ему роком сужденных.
Им он поведал о том на пиру в честь праздника Феба,
как отважный Кореб, вернув чудовище Диту,
Фебову укоротил своею доблестью ярость.
II
Майи потомок меж тем возвратился в небесные выси;
Лаий, вызванный им, Эреб, негодуя, покинул,
облик Тиресия взяв в сновиденье и дар красноречья:
с братом в сраженье вступить Этеокла он лютого нудит,
рану на горле и лик его деда ему открывая.
Далее, браком Адраст своих дочерей сочетает:
люб Деиниле Тидей, Полиника же Аргия любит.
Власти взалкав, кадмейский герой направил Тидея
мощного к брату послом, дабы — с договором в согласье —
царства потребовал он. Но в ярости тот направляет
пять десятков мужей на посла напасть из засады,
коих мечом поразив, победитель в отчизну вернулся.
III
Брат вероломный меж тем досадуя, что задержались
те, кого он послал, главы отсеченной Тидея,
злобой дыша, ожидал; но, смерти избегнув, вернулся
только один Гемонид, рассказав о гибели прочих.
Марса Юпитер тогда распалил обидною речью
битвенный распространить пожар и в Фивах, и в Аргах.

Вспомнив Гармонию, тем Венера Фивы спасает.
Тут о грозящей войне от богов получают пророки
два предсказанья, из них узнают о том, что народы
гибель кровавая ждет, но молвить об этом боятся.
Яростный вышел тогда Капаней, подстрекающий к битве;
громко бранясь, грозит он богам, друзей подгоняет.
IV
Вот семерых мужей Беллона сзывает для битвы.
Первый идет в поход Адраст, отягченный годами;
зять диркейский идет, сверкающий отчим оружьем.
Следом, ярясь на врагов, Тидей отвагою дышит.
Юношей Гиппомедонт ведет геркулесовых славный,
грозный за ним Капаней, разрушить жаждущий Фивы.
Предан Амфиарай-прорицатель коварной супругой.
Партенопей — хоть и плакала мать — в поход выступает.
В бой Этеокл со своей стороны снаряжает фиванцев.
И вопросить не забыл Тиресий теней подземных,
а для аргивян и зной, и жажду Вакх учиняет.
Но Гипсипила ручей указала им Лангии вечной.
V
После, жажду уняв и смыв усталость в потоке,
кроткий Адраст, а за ним инахийское юное племя —
родину, род свой, страну назвать Гипсипилу просили.
Та, поначалу вздохнув, промолвила после печально:
Лемнос — отчизна моя, Эван — мой родоначальник.
Гнев, Венерой внушенный, сгубил мужей поколенье.
Сжалившись, я лишь одна отца моего дорогого,
вверив стихиям, спасла. Потом сама я бежала
морем, бросив двоих детей, от Ясона рожденных.
Видит, окончив рассказ: священным змеем погублен,
мертвым лежит Архемор; его мать Эвридика рыдает,
жалкая; царь же Ликург усмирен был греков толпою.
VI
В честь младенца, кого змея уязвила смертельно,
установить повелел данайцам игры провидец.
Всех призывает Молва, — приходят с гор и от пашен.
Первый пот проливать коням, состязаяся в беге:
тут победил Орион, Полиник упал с колесницы,
прибыл вторым Эклид, но был наградой прославлен.
В беге задержан был аркадсц, потом победивший.

Диска бросок в толпе прославил Гиппомедонта.
Вождь лаконский едва от цестов ушел Капанея,
а Агилея Тидей превзошел в искусстве палестры.
Царь сойтись запретил двоим с обнаженным оружьем.
Пущена с лука, стрела к пустившему вновь возвратилась.

VII

Марсу Килленский летун внушает Юпитера волей
воинский в греках пыл пробудить, и тот понуждает
их устремиться в бой, страх вызвав видом фиванцев;
но поспешил защитить лабдакийцев Либер слезами.
В войске союзном узнать в лицо Антигона стремится
каждого, — верный Форбант ей всех со стены называет.
Вот Иокаста, стеня, умоляет и сына, и греков
в Фивы с миром прийти и просить у брата законной
власти; однако Тидей запретил, засаду припомнив.
Тигров погибель сойтись заставляет противников в битве.
Бой колесничный ведя, в земле разверзшейся скрылся
Амфиарай: исчезая, вскричал и со светом расстался.

VIII

Грозную брань на богов воздвигает правитель Аверна,
Амфиарая весьма напугав; но вскоре остыл он.
Тот, уже тень, рассказал ему голосом робким покорно
о преступленье жены, о своем низверженье внезапном.
Скорбь инахидов сердца о погибшем пророке стеснила.
Славою предков гордясь, над ними глумятся сидонцы.
Грека знать избрала, почтив его благочестье,
Фиодаманта, чтобы он исполнял служенье пророка.
В схватке фиванская рать сошлась с инахийскою мощью,
ранами раны они умножают и губят взаимно
силу могучих мужей; лютующий в смертоубийстве,
пав от дротов, Тидей исторг у Тритонии слезы.

IX

Гибнет мощный Ойнид; вперед дирекейская младость
ринулась, а супротив за тело друга данайцы
бой повели; кадмейский герой обезумел от горя.
Бешеный Гиппомедонт, врагов сметая, стремится
тело убитого отвоевать; но в обман его вводит
призрак; тидеев же труп аонийцы, напав, отбивают.
Ток Исмена тогда замутил фиванскою кровью
яростный Гиппомедонт: погрузившись в пучину речную,

там он Кренея убил и поток проклинал, погибая.
Гордый Дриапт схватил, побуждаемый Марсом, оружье,
Партенопея сразил, метавшего стрелы Дианы;
тот, в тревоге за мать, умирая, к Доркею взывает.
X
Смерть четырех вождей внушила сидонцам надежду
верх одержать и сковать осадою греческий лагерь.
Сон побудить между тем посылает Юнона Ириду,
он же фиванцев тела внезапной дремой расслабляет.
Фиодамант же призвал, узнав сужденное, греков
к битве ночной, и они умерщвляют заснувших мечами.
Честь не может спасти беспечных Гоплея с Димантом,
радостных, что отыскать Ойнида тело сумели.
Был принужден раскрыть Тиресий судьбы фиванцам.
Родине Менекей по воле жертвует жизнью.
На стену влез Капаней, подставив лестницу, лютый;
молнией испепелен, он в башню вцепился, пылая.
XI
Сильно данайцев страшит сожженного смерть Капанея:
жалкие, в лагерь бегут. Эвменида в миг перемирья —
кровью двух городов насыщенная Тисифона —
просит, чтоб ей сестра помогла, и к гибели братьев,
жаля по-разному, обе ведут. Возмездия знаком
был тирийский вождь испуган. Эпит возвещает,
что в доспехах брат копьем врата сотрясает.
Радуясь, тут же схватил Этеокл нечестивый оружье,
ни материнским слезам, ни сестры уговорам не внемля.
После, когда был пронзен копьем кощунственным каждый,
братьев жалкую смерть оплакать пришло Благочестье.
Прочь прогнал Креонт из стен фиванских Эдипа.
XII
После того, как смерть унесла взаимная братьев,
скорбную почесть воздал Креонт Менекею, сожженья
всех побежденных лишив. Но женщин греческих тайно
в поле пойти Молва на поиски тел заставляет.
Полиника нашла не сразу любимого тело
Аргия. Вышла искать Этеокла труп Антигона.
Те, что своих не нашли, над общею плачут могилой,
и разожженный костер пылает пламенем общим.
Речью твердой прийти Эвадна просит Тесея,

чтобы фиванцам отметить и прославиться новой победой.
В сильном гневе тот призвал к ответу Креонта
и заколол, копьем поразив, ради греческих теней.

ИЗ СХОЛИЙ К СТАЦИЮ

Краткие схолии к "Тебаиде" и "Ахиллеиде" дошли с именем Целия Фирмиана Лактанция Плацида, знаменитого отца церкви. Но давно уже доказано, что труд этот не может ему принадлежать; нельзя считать автором схолиев и известного грамматика Лактанция, от которого дошел до нас liber glossariarum (ср. CGL, V, стр. X). Нельзя точно определить и время, к которому относится написание схолиев: судя по данным языка (ср. Helm, BPhW, 1899, столб. 428), можно думать, что они относятся приблизительно ко второй половине V в. н.э.

Текст: Lactantii Placidi qai dicitur commentarios in Statii Thebaida et commentarium in Achilleida recensuit Ricardus Jahnke, Lipsiae, 1898. См. о неудовлетворительности этого издания Willamowitz, Lesefrüchte, "Hermes". XXXIV (1899), стр. 600.

Извлечения и перевод А. И. Малеина

ТЕБАИДА (THEBAIS)
ТОЛКОВАНИЕ К КНИГЕ I

275. Скот, которому более подобало бы жить у подошвы гетского Гема] то есть: лошади были бы достойны стоять в Скифии, где были лошади Диомеда, которые питались человеческим мясом[1].

419. Рифейского снега] т. е. скифского. Рифей — гора в Скифии, на которой бывают всегда чрезмерные бури, как *говорит* Вергилий[2]: "поражается эвром рифейским".

ТОЛКОВАНИЕ К КНИГЕ II

421. Или гелонов, бледных от убегающего Солнца] убегающего, т. е. отдаленного, так как говорят, что скифы, которых он теперь называет гелонами, не имеют должного количества воздуха, так как они далеко отодвинуты от солнца. Они живут на севере, и солнце к ним едва проникает: потому бледных.

ТОЛКОВАНИЕ К КНИГЕ III

352. Савроматов жадных] савроматы за Понтом являются соседями с жилищами амазонок, и до них не доходит власть римлян. Откуда Ювенал[3]: "за савроматов бежать отсюда угодно". Савроматами, стало быть, он называет сарматов — племя людей, в высшей степени готовое на всякое злодеяние.

ТОЛКОВАНИЕ К КНИГЕ IV

304. Кавказ, оглашаемый оружием амазонок] Кавказ — гора Скифии. Потому оглашаемый, что, говорят, амазонки воюют с пограничными народами, боевой клич которых — рев (barritus), т.е. варварский обычай (barbarus ritus).

506. Колхидянка будет преследовать] государство Скифии, из которого все отравительницы. Оттуда *и* Медея.

658. Рыси] когда Триптолем по благодеянию Цереры разносил *земные* плоды по всем народам, *он* пришел к царю Скифии Лику[4] и там чуть не был обманут. Именно Лик, желая показать, что то, что принес чужестранец, было его собственностью, попытался прикончить Триптолема коварным образом. А тот, узнав опасность, начал преследовать Лика с обнаженным мечом. Тот, превратившись в одноименного с ним зверя окрашен цветом, *подобающим* его нравам. Как *говорит* Вергилий: "Зачем пестрые рыси Вакха?"[5]

678. Гирканские] т.е. скифские тигрицы. Как *говорит* Вергилий: "И гирканские тигрицы подставили сосцы"[6].

ТОЛКОВАНИЕ К КНИГЕ V

145. Луновидный] круглощитный. Так как щиты амазонок, которые *они* называют peltae, имеют форму луны. Как *говорит* Виргилий[7]: "неистовая Пентесилея ведет полчища амазонок с луновидными щитами и[8] "ликуют женские полчища с луновидными щитами"[9].

335. Но вот] описывает прибытие к Лемносу аргонавтов, которые были посланы Пелием к колхам для защиты золотой шкуры Фриксова барана.

390. Гиперборейским снегом] скифским. Ибо Гиперборейские горы[10] находятся по ту сторону северного ветра. Слово греческое: именно по-гречески говорится ὑπέρ, а по-латыни ultra [за]; βορέας называется aquilo [*северный ветер*].

458. Фасис] река, которую *поэт* потому называет кровавой, что по ней, говорят, Медея, убегая *от* преследования отца, разбросала члены убитого брата. Или Фасис, река Скифии, постоянно окровавленная от варварских убийств. Колхи] государство одноименного народа, родина Медеи.

475. Руно Фрикса] Фрикс и Гелла были детьми Атаманта, сына Эолова, и Нефелы. Так как их преследовала враждебная мачеха, то они сели на барана с золотым руном. Пустившись по морю, они искали *нового* отечества у колхов. Но Гелла, как девушка, *будучи слабее* полом, упала в море и дала *ему* имя Геллеспонта. Фрикс попал к колхам и там, заклав барана, посвятил Марсу его золотую шкуру, которую сторожил бдительный дракон. Посланный для обратного ее получения царем Пелием, Язон соединил полубогов Греции, которые по имени корабля были названы аргонавтами, а корабль этот был назван "Арго" за быстроту[11], что можно узнать из слов Гомера. Именно он говорит[12]: καί κύνας ἀργούς, т.е. "и псов быстрых". Этот *корабль* с вышеупомянутыми *полубогами* первым из всех поехал по морю. Но когда Язон прибыл *в страну* колхов, *он*, вызвав к себе любовь дочери царя Ээта, Медеи, убил змея, усыпленного чарами, и унесенную шкуру привез обратно в отечество[13].

ТОЛКОВАНИЕ К КНИГЕ VII

174. Пельтами] луновидными щитами, которыми пользуются амазонки.

524. От гирканов] армениев[14]. Вот что говорит *Стаций:* если бы я этого потребовал от самых жестоких народов, я мог бы заслужить, чтобы меня успокоил враждебный раздор братьев.

ТОЛКОВАНИЕ К КНИГЕ VIII

290. Которому Каспийские] Каспийские ворота находятся в пределах армениев[15]. Откуда Лукан говорит[16]: "И Каспийские запоры замыкают огромные пустыни".

437. И удары приятные матери] таврической, которую Орест перенес из Скифии[17]. Ибо она привыкла быть умилостивляемой человеческой кровью. Когда ее изображение было перенесено в Лаконию, *то*, чтобы не возникло греха от перерыва обычного жертвоприношения и чтобы народ Греции не подчинился жестокости, было изобретено, чтобы несовершеннолетние отроки состязались друг с другом, сколько кто выдержит ударов, и вызывали друг друга на этот подвиг, и, положенные на алтарь Дианы, они подвергались бичеванию так долго, пока из человеческого тела не потечет кровь, которая являлась бы подобием жертвоприношения. А эти отроки назывались βομονϊκαι [*т.е. победители на алтаре*].

ТОЛКОВАНИЕ К КНИГЕ X

288. Каспийские] от Каспийского моря, которое находится между Арменией[18] и Понтом.

Шичалин Ю.А. ПУБЛИЙ ПАПИНИЙ СТАЦИЙ — ГЕНИАЛЬНЫЙ ПОЭТ В БЕЗДАРНУЮ ЭПОХУ

Терзаемый огнем природной жажды,
который утоляет лишь вода,
самаритянке данная однажды,
я, следуя вождю, не без труда
загроможденным кругом торопился,
скорбя при виде правого суда.
И вдруг, как, по словам Луки, явился
Христос в дороге двум ученикам,
когда его могильный склеп раскрылся, —
так здесь явился дух, вдогонку нам,
шагавшим над простертыми толпами;
его мы не заметили; он сам
воззвал к нам: «Братья, мир господень с вами!»

Так в XXI песни «Чистилища» (ст. 1—13 в пер. М. Л. Лозинского) Данте описывает встречу с поэтом, который ниже (ст. 82—102) на вопрос: «Кем был ты?» говорит о себе так:

В те дни, когда всесильный царь высот
помог, чтоб добрый Тит отметил за раны,
кровь из которых продал Искарьот, —
ответил дух, — я оглашал те страны
прочнейшим и славнейшим из имен,
к спасению тогда еще незванный.
Моих дыханий был так сладок звон,
что мною, толосатом, Рим пленился,
и в Риме я был миртом осенен.
В земных народах Стаций не забылся.
Воспеты мною Фивы и Ахилл,
но под второю ношей я свалился.

В меня, как семя, искру заронил
божественный огонь, меня жививший,
который тысячи воспламенил;
я говорю об «Энеиде», бывшей
и матерью, и мамкою моей,
и все, что труд мой весит, мне внушившей.
За то, чтоб жить, когда среди людей
был жив Вергилий, я бы рад в изгнаньи
провесть хоть солнце свыше должных дней.

Данте бесконечно трогает эта преданность Стация Вергилию, которого Стаций не узнает, и он невольно улыбается. Стаций встревожен: он просит объяснить, чем вызвана улыбка. Данте — с позволения Вергилия — открывает Стацию, кто перед ним.

Уже упав к его ногам, он рад
их был обнять; но вождь мой, отстраняя:
«Оставь! Ты тень и видишь тень, мой брат».
«Смотри, как знойно, — молвил тот, вставая, —
моя любовь меня к тебе влекла,
когда, ничтожность нашу забывая,
я тени принимаю за тела».

Так заканчивается XXI песнь «Чистилища», а ниже (XXII, 82—93) Стаций рассказывает, как он стал христианином, но во время домициановых гонений не решался открыто объявить об этом, прикрываясь показным язычеством. Понеся наказание, душа Стация была допущена из чистилища в рай, и именно Стаций сопровождает Данте тогда, когда Вергилий вынужден покинуть его; и на пороге рая Стаций и Данте вместе пьют из реки Эвнои (XXX, 133—135).

Едва ли кто-нибудь сегодня разделит с Данте-католиком его взгляд на Стация как на христианина. Но беда в том, что современности оказывается чужд и духовный опыт Данте-поэта, позволивший ему создать прекрасную картину загробной встречи двух величайших и наиболее чтимых им поэтов.

Они пошли вперед; я, одинокий,
вослед; и слушал разговор певцов,

дававших мне поэзии уроки (XXII, 127—129).

Кто сегодня, вызывая в воображении любимых и самых дорогих душе поэтов, с таким горделивым и счастливым смирением представил бы себя идущим вслед Вергилию и Стацию? — Пожалуй, никто.

А между тем, еще более трехсот лет после Данте Европа видела в Стации одного из величайших поэтов, и, таким образом, свыше полутора тысяч лет Публий Папиний Стаций был безупречным поэтическим авторитетом для читающих по-латыни европейцев.

«Папиний Стаций — самый значительный среди римских эпиков после Вергилия» (Николай Клемангий, около 1360—1437).

«Два его сочинения — большая „Фиваида” и меньшая „Ахиллеида” — доставляют великое наслаждение» (А. Децембрий, середина XV в.).

«Папиний — изысканнейший поэт» (Иоанн Баптиста Пий, fl. ок. 1500).

«Стаций, выдающийся поэт» (Франциск Флорид, XVI в.).

«Лучший из поэтов, Папиний» (Адриан Турнеб, 1512—1565).

«Стаций, исключительный поэт» (Исаак Казобон, 1559—1614).

«Папиний — поэт возвышенный и благородный, причем отнюдь не напыщенный» (Юст Липсий, 1547—1606).

«Золотая „Фиваида” преславного Папиния…» (Маттеус Радер, 1561—1634).

«Величайшие поэты — Гомер, Вергилий, Стаций» (Самуил Дреземий, 1578—1638).

«Папиний Стаций, лучший из писавших по-латыни» (Иосиф Касталии, ум. 1616).

Великий Гуго Гроций в письме от 10 декабря 1637 г. к Иоанну Гроновиусу писал: «Я всегда очень ценил Папиния, потому что своей разносторонней ученостью он почти не уступает Вергилию, а в поэтическом вдохновении кое-где — с позволения критиков — и превосходит его».

Но к XVIII в. звезду Стация можно считать безусловно закатившейся. Почитавших Стация гуманистов бранят эрудитами и обвиняют в отсутствии поэтического вкуса. И вот, слабый драматург и суровый критик Лагарп высокомерно замечает: «Его поэмы, конечно, дошли до нас, и время, поглотившее столько сочинений Тита Ливия, Тацита, Софокла, Еврипида, — пощадило „Фиваиду” Стация. И вот — после стольких веков забвения — случай вытащил его скверные сочинения из пыли, которая скрывает и, возможно, вечно будет скрывать множество шедевров. Это не то бессмертие, которое обещают Музы. И важно ли, что во все времена знали, что Стаций

— плохой поэт? Его сочинения известны очень небольшому числу знатоков, которые хотят иметь твердое мнение обо всем, что оставила античность».

Как и всякое другое, данное суждение характеризует судью, причем гораздо в большей степени, чем обсуждаемого и осуждаемого автора «Фиваиды». Но Лагарп не был одинок. Новая Европа потеряла вкус к Стацию на два с лишним столетия, и лишь последние десятилетия нашего века отыскивают точку зрения и категории, позволяющие понять и оценить второго после Вергилия и третьего после Гомера эпического поэта античности.

Волею судьбы Стаций родился в эпоху, когда дурной вкус и дурные нравы развились до такой степени, что вызвали осознанную и декларируемую реакцию. Педагог Квинтилиан, заботясь о воспитании подлинного вкуса, недостижимого без правильной «школы», пишет свои «Наставления оратору»: он либо верит, либо делает вид, будто верит, что латынь Цицерона является для него образцом не только потому, что ее старательно топтали представители «нового стиля», но и потому, что она на самом деле — вечный образец для читающих и пишущих по-латыни. Немного позже осмотрительный карьерист Тацит, переживший десять принцепсов и успешно продвигавшийся по службе при Тите и Домициане, с эпиметеевскои осмотрительностью «без гнева и пристрастия» вглядывается в прошлое, силясь отыскать корни безнравственности своего века. Пылкий и ограниченный Ювенал, которому талант заменяло негодование, довольно долго держит свой высоконравственный кукиш в кармане и начинает писать сатиры в зрелом возрасте, критикуя уже ушедшую эпоху Домициана. Марциал, кого небеструдная доля клиента толкает к откровенному — простодушному — цинизму, не всегда смягчаемому остроумием, своей отменной латынью и критикой века тоже, кажется, содействует его исправлению. И век пощадил их. А любимые Стацием философы и поэты Сенека и его племянник Лукан должны были вскрыть себе вены по приказу неудавшегося философа на троне и неудачливого поэта Нерона. Стацию было тогда, видимо, около тридцати лет.

Сенека — виднейший представитель того самого антицицероновского «нового стиля», против крайностей которого выступал Квинтилиан. Лукан — автор «Фарсалии», антивергилиевский пафос которой не мог иметь успеха: у Лукана — при всей его даровитости — не было сил для борьбы с Вергилием-поэтом, и его человеческой судьбе нечего было противопоставить божественной высокости вергилиева предназначения. «Бичеватели Вергилия» не могли поколебать безусловного авторитета автора «Энеиды», и в подражание ей возникают мифологический эпос Валерия Флакка «Аргонавтика» и историческая поэма Силия Италика

«Пуническая война». Силий Италик — восторженный почитатель Вергилия и Цицерона — не был профессиональным поэтом. Консул при Нероне, проконсул Азии при Флавиях, он отошел от дел и предался литературным трудам. Марциал писал о нем («Эпиграммы», VII, 63, 11—12 в пер. Ф. А. Петровского):

Годы отставки своей посвятил он Фебу и Музам,
А постоянным ему форумом стал Геликон.

Богатый и независимый, Силий овеществил свою любовь к величайшим оратору и поэту покупкой виллы Цицерона и земли, где был погребен Вергилий. У того же Марциала читаем:

Эту гробницу хранит — великого память Марона —
Силий — хозяин земли, коей владел Цицерон,
Не предпочел бы других наследников или владельцев
Праха и ларов своих ни Цицерон, ни Марон (XI, 48).
Всеми почти что уже покинутый прах и Марона
имя священное чтил лишь одинокий бедняк.
Силий решил прийти на помощь возлюбленной тени,
и почитает певца ныне не худший певец (XI, 50).

Оставим последний эпитет на покладистой совести Марциала, но отметим, что Силий не стал бы так дорого платить за удовлетворение своих литературных пристрастий и — во всяком случае — не стал бы афишировать свою дорогостоющую приверженность к Вергилию, если бы это не тешило его самолюбия и если бы такая подчеркнутая любовь к Вергилию и Цицерону не была в его время хорошим тоном. Плиний («Письма», III, 7, 8) замечает: «Он не только владел, но благоговейно хранил множество книг, статуй, портретов — прежде всего — Вергилия, чей день рождения он отмечал торжественнее, чем свой собственный, в особенности в Неаполе, где его гробницу он посещал словно храм». Скорее всего, поэма Силия, умершего в 101 г., была завершена после «Фиваиды» Стация (92 г.); но, несомненно, культивированное почтение к Вергилию было общим и определяющим для обоих эпиков. То же можно сказать и о Валерии Флакке, значительная часть «Аргонавтики» которого писалась в одно время с «Фиваидой». Но если эпические поэмы Валерия Флакка и Силия Италика действительно можно рассматривать в качестве довольно прямолинейной

классицистической реакции на «Фарсалию» Лукана, со Стацием — как и со всяким подлинным поэтом — дело обстояло сложнее.

Чувство классической традиции, ощущение своей причастности к ней, понимание того, что единая нить духовного преемства связывает между собой — не литературные эпохи, но личности, все это — признаки редкого человеческого дарования, благодаря которому история духовной жизни остается живой и ее выдающиеся памятники продолжают сохранять всю ту притягательность, какой обладают для нас гениальные современники. Это чувство позволяет нам угадывать близкую душу, прошедшую свой земной путь много веков назад; это ощущение избавляет нас от одиночества в те эпохи, которые обделены или небогаты гениями; это понимание позволяет нам в наших духовных исканиях не начинать всякий раз на пустом месте и дает возможность приобщить наши подлинные открытия к тем драгоценным зернам духовного опыта человека, которые уже снесены в житницу человеческой культуры.

Публий Папиний Стаций был от природы в высокой степени наделен этой редкой способностью ощущать свое духовное родство с великими поэтами прошедших эпох. Его богатая природная одаренность подкреплялась отменным образованием, которое он получил благодаря своему отцу, преподавателю риторики в Неаполе, куда после разорения родителей он вынужден был переселиться из Велии. Школа была греческой и пользовалась необыкновенной популярностью у юношей Кампании, Апулии и Луканнии. Здесь читали Гомера, Гесиода, Эпихарма, Пиндара, Ивика, Алкмана, Стесихора, Сапфо, толковали Каллимаха, Ликофрона, Софропа и Коринну. Пожалуй, не только в Неаполе, хотя он славился своими школами, но и в Риме такой обширный курс греческой литературы едва ли был правилом. Для Стация знание греческой литературы и любовь к ней несомненно подогревались его греческой кровью: он помнит, что его предки были греками с Эвбеи. Отец Стация, вынужденный заниматься преподаванием и делавший это блестяще, помимо этого и, вероятно, по призванию был поэтом и прозаиком и одерживал победы на играх в Неаполе. Поэтому склонность к поэзии, рано проявившуюся у Стация, он поддерживал и направлял; и, по-видимому, отец был единственным наставником будущего автора «Фиваиды». Обо всем этом сообщает сам Стаций в стихотворении на смерть отца («Сильвы», V, 3). Из того же стихотворения можно заключить, что отец Стация перебрался в Рим, высоко оценивший его поэму о сражении на Капитолии между Вителлием и сторонниками Веспасиана в 69 г. Таким образом, в конце 69 г. Стаций оказывается в Риме. Его отец умирает вскоре после 79 г.: последним его замыслом, пишет Стаций, было «оплакать извержение Везувия». Этот

замысел не был осуществлен. Но отец успел застать начало работы сына над «Фиваидой»:

> …под твоим руководством
> к древних истокам певцов устремлялась моя «Фиваида»,
> ты подстрекал песнопенья мои, деянья героев
> петь научил, и виды боев, и мест положенье.
> («Сильвы», V, 3, 233—236)

Писать «Фиваиду» Стаций начал в 80 г. К этому времени он был женат на Клавдии, вдове певца или кифариста (Стаций в «Сильвах» называет его «певчий супруг» — III, 5, 52—53), у которой от первого брака была дочь, в 94 г. — девица на выданье (III, 5, 60). А брак Стация оказался бездетным. И Стаций, хотевший сына, взял на воспитание младенца из домашних рабов, который, доставив ему недолгую радость, умер и был оплакан Стацием в его последнем не полностью дошедшем до нас стихотворении (V, 5). Умер Стаций в 95—96 г., вероятно, в Риме. Последние годы жизни он тосковал и просил жену переехать из Рима в его родной Неаполь. Он чувствует себя старым, его допекают болезни. Лето 95 г. он проводит на родине, вблизи могилы досточтимого Вергилия. В одном из стихотворений (IV, 4, 53—55) он пишет о посещении его гробницы:

> …неловко пежных касаюсь струн и, сев на краю святого приюта Марона,
> с духом собравшись, пою могиле наставника славной.

Стаций легко прощается с Городом: его не держат ни Цирк, ни театр, ни обязанности. Положение, которое Стаций занимал в Риме, можно было бы назвать положением Горация при Меценате и Августе; но беда и том, что на веку Стация не было ни Мецената, ни Августа, а были Домициан и несколько покровителей — в меру понимающих и щедрых ценителей его поэзии. После смерти отца Стаций был, вероятно, не совсем без средств. Но его «Фиваида», пользовавшаяся шумным успехом у публики, не приносила ему дохода. Ювенал писал в одной из сатир («Сатиры», 17, 82 слл.), что Стацию, который так услаждает Рим своей «Фиваидой», пришлось бы голодать, не продай он своей «Агавы» миму Парису. Законы жанра требовали от Ювенала преувеличения; но доля истины в его сообщении есть: во время работы над «Фиваидой» (и после ее завершения) Стацию

приходилось зарабатывать на жизнь. Парис умер в 83 г.; Стаций начал работу над «Фиваидой» в 80 г.; «Агава» Стация не дошла до нас, но сохранился сборник стихотворений, написанных Стацием для своих друзей и покровителей: четыре книги «Сильв» (silvae — букв. лес, необработанный материал; наброски, зарисовки по случаю) он издал сам, пятая появилась после его смерти.

Без покровителей небогатый поэт существовать не мог, и по «Сильвам» мы узнаем, кто опекал Стация. Круг, к которому Стаций принадлежал благодаря отцу, в значительной степени состоял из людей, составлявших верхушку римского общества. Неоднократно в «Сильвах» Стаций обращается и к самому Домициану, причем возвеличивает его, как бога. За это ему часто доставалось от строгих критиков более счастливых времен. Однако такие же обращения к императору встречаются и у Марциала, и в надписях: Домициан требовал себе божественных почестей, и его эпитеты у Стация характеризуют не столько самого Стация, сколько обстановку при Домициане. У Стация — как и у всякого крупного поэта его времени — не было иного круга общения, кроме тех, кто был приближен к императору: но от императора Стаций не получал ни денег, ни подарков; единственным знаком внимания императора к поэту было разрешение провести водопровод на дачу Стадия в Альбе. Необходимое упоминание Домициана в начале «Фиваиды» представляет собой традиционное извинение за отказ писать об императоре, восхваление которого у Стация — слепок с обращения Лукана к ненавистному Нерону (только Лукан просит Нерона занимать не край неба, а его середину, — чтобы небо не накренилось; а Стаций просит Домициана удовольствоваться землей, хотя любая часть неба готова принять его); и когда «Фиваида» была завершена. Стаций опять просит простить его: он хочет, но не дерзает написать поэму о войнах Домициана и поэтому пишет «Ахиллеиду» (IV, 4, 95 слл.).

Заметим еще, что пи одна из книг «Сильв» не имеет посвящения императору, хотя каждая книга так или иначе «освящена» императором, причем Стации не забывает это подчеркнуть. Первую книгу Стаций посвящает Луцию Аррунцию Стелле, «пиэрийскому юноше» знатного и состоятельного рода из трансальпийской Патавии, бывшему при Домициане претором, а в 101 г. при Трояне получившему консульство и «никому не уступающему в поэтической славе», как гласит надпись на его статуе в родном городе. Из позднейших писателей Стеллу упоминает только Сидоний Аполлинарий, но современники знали его элегии. Помимо Стация с ним дружен Марциал: Стелла входит в тот дружеский кружок поэтов, который описан у Марциала в «Эпиграммах» (X, 48, 5—6):

Стелла, Каний, Неттот, Цериалий, Флакк, вы идете?
Ложе мое для семи: шесть вас, да Лупа прибавь.

Из эпиграмм Марциала можно заключить, что со Стеллой он был в самых дружеских отношениях. Стаций же — хотя он и посвящает Стелле книгу и второе стихотворение в ней (эпиталамий в честь бракосочетания Стеллы и Виоленции, в котором около 300 стихов, написанных за два дня), — сдержаннее. Стаций подчеркнуто чтит в Стелле поэта и помещает его в ряду знаменитых элегиков: Филета, Каллимаха, Проперция, Овидия, Тибулла («Сильвы», II, 252—255). Стаций — не Марциал, который в «Эпиграммах» (VI, 59) также восхваляет Стеллу, но не забывает о практической стороне отношений с ним:

Ни серебра я тебе, ни золота не посылаю,
Стелла речистый, и все ради тебя самого.
Всякий, кто ценное шлет, отдаренным быть ценным желает:
Из затруднений тебя выведет глина моя.

Не забывает Марциал перечесть и перстни на пальцах Стеллы (V, 11) и намекнуть на неверность его супруги (VI, 21). Марциал легко переходит к фамильярности. Стаций фамильярности чужд совершенно.

Адресата второй книги — Атедия Мелиора — мы знаем только благодаря Стацию и опять-таки Марциалу. По предисловию ко второй книге Стация мы можем заключить только, что между ним и Мелиором была тесная дружба и Стаций ценит в Мелиоре понимание поэзии и умение разбираться в жизни. Из Марциала же видно, что Мелиор был необыкновенно богат (IV, 54, 8). Одна из эпиграмм Марциала, в которых упоминается Мелиор, обращена к Стацию. Марциал не верит, что кто-то может отказаться от хорошего обеда или пойти на обед только потому, что обязан откликнуться на приглашение. Он явно задет позицией Стация, которого насмешливо называют «классик».

Ты говоришь, что в гостях неохотно обедаешь, Классик:
Я провалиться готов, если ты, Классик, не лжешь…
Слышишь, зовет Мелиор на роскошный обед тебя, Классик.
Где ж твоя гордость? Будь тверд: если ты муж, откажись.

Почему Стаций должен был отказываться от обеда у Мелиора, с которым у него были добрые отношения? Только потому, что на этот обед не пригласили Марциала? Или потому, что он — в отличие от Марциала — не раз отказывался от других приглашений? — Трудно судить. Но несомненно, что чуждый искательности Стаций был белой вороной в своем кругу. Не обладая ни богатством, ни положением, какое было у других писателей и поэтов I в. — Сенеки, Персия, Лукана, Силия Италика, Квинтилиана, Плиния, Тацита, а вероятно, и Валерия Флакка, Стаций в то же время умел сохранять достоинство в общении с более обеспеченными и влиятельными друзьями. Он не был провинциалом, который любыми средствами жаждал утвердиться в Городе и потому не брезгал ничем. Стаций был прежде всего поэтом, причем поэтом эпическим. Вспомним бездну эпиграмм Марциала, требовавших всего его внимания, остроумия, ловкости и опиравшихся на знание всех новостей, сплетен и интриг. В «Сильвах» у Стация — при всей его славе признанного поэта — всего 32 стихотворения по случаю, одно из которых — самое большое — (V, 3) — на смерть отца, другое (V, 5) — на смерть воспитанника; V, 4 — прелестная миниатюра — жалоба на бессонницу; III, 5 — обращение к жене, которую Стаций просит переехать в Неаполь; II, 7 — послание к вдове чтимого Лукана в день его рождения. Остается двадцать с небольшим стихотворений на случай, многие из которых написаны за день — за два (о чем Стаций не забывает упомянуть — не столько, чтобы похвалиться своим даром импровизации, на что он — блестящий версификатор — тоже имел право, столько для того, чтобы подчеркнуть несерьезный характер своих стихотворных безделок). Это не слишком много, в особенности если учесть, что Стация часто приглашали к обеду или на виллу и демонстрировали ему разные диковины и достопримечательности как раз в расчете на то, что он — модный поэт — откликнется на это приглашение и ответит стихами (I, 3, 5; II, 2—4; III, 1). Свадебная (I, 2) и погребальные (II, 1, 6; III, 3; V, 1) песни Стация достойны и уместны; стихотворения, написанные прямо против воли, — ироничны (III, 4)… Из всех входящих в «Сильвы» стихотворений всего пять написаны для Домициана (I, 1, 6; IV, 1—3). Они вполне официальны, полны обязательными преувеличенными восторгами и несколько тяжеловаты, как, впрочем, многие его стихотворения: поэтические средства, которыми в совершенстве владел Стаций-эпик, не всегда были хороши в стихотворных безделках. Но нам знакома эта тяжеловесность в стихотворениях на случай: вспомним Гаврилу Романовича Державина.

Книга третья адресована Поллию Феликсу, славному соотечественнику Стация, чьи занятия поэзией Стаций хвалил и с которым находился в дружеских отношениях. Поллий Феликс был свидетелем того, как Стаций

сочинял многие из своих «Сильв»; II, 2 посвящена описанию суррентинской виллы Поллия, III, I — небольшому храму Геркулеса, который тот воздвиг; IV, 8 посвящена его зятю Юлию Менекрату. Убеждая жену переехать в Неаполь и описывая его окрестности, Стаций упоминает и суррентинское владение Поллия: приятное соседство Поллия — также довод в пользу переезда.

Четвертая книга посвящена Виторию Марцеллу, к нему же обращено четвертое стихотворение этой книги. Виторий Марцелл всадник, был женат на дочери консула Гнея Госидия Геты; Квинтилиан посвятил Виторию Марцеллу 12-ю книгу своих «Наставлений» и был воспитателем его сына. Упомянутое стихотворение — послание Стация Виторию Марцеллу в Рим из Неаполя: Стаций справляется, как его адресат намерен провести лето, и сообщает, что начал работу над «Ахиллеидой»; до некоторой степени Стаций подражает Горацию: Марцеллу пристала его государственная и военная деятельность, а ему. Стацию, — поэзия.

Пятая книга «Сильв», которую Стаций не успел издать, осталась без посвящения. Но к первому ее стихотворению есть прозаическое предисловие. Стаций пишет это стихотворение на смерть Присциллы, жены Абасканта, могущественного приближенного Домициана, его секретаря, ведавшего административной перепиской. В предисловии Стаций объясняет, почему он счел своим долгом откликнуться на смерть Присциллы: «Я написал свое стихотворение не как один из толпы и не как твой подчиненный. Присцилла любила мою жену и своей любовью пробудила во мне еще большее уважение к жене. С моей стороны будет неблагодарностью не откликнуться на твое горе…»

Среди тех, кому Стаций посвящает отдельные стихотворения, — Манилий Вописк — эпикуреец, поэт и антиквар, державшийся в стороне от политической и общественной жизни. Описанию его виллы посвящено третье стихотворение первой книги. Стаций в предисловии к этой книге упоминает Вописка и характеризует его как «мужа ученейшего, который с особым тщанием спасает от забвения сочинения, почти совсем уже исчезнувшие». Антикварные штудии приобрели особенную популярность при Адриане, но независимо от моды Стаций умеет дорожить дружбой ученого Вописка, которого он к тому же ценит и как поэта (I, 3, 99—104).

Нет необходимости перечислять всех тех, кому Стаций посвящал свои стихотворения, вошедшие в «Сильвы». Но совсем обойти вниманием «Сильвы» тоже нельзя. Благодаря этому сборнику мы можем представить Стация и его окружение и можем отчетливее сформулировать тезис, важный и для понимания «Фиваиды». Стаций, несомненно, не был свободен от обязательств и обязанностей своего времени и круга. Но никогда они не

были для него определяющими и сковывающими. Частный человек и поэт, Стаций здесь — в частной жизни и поэзии — находит свою свободу, здесь ощущает себя независимым. Его талант сочетался со счастливым характером, чуждым мелочной амбициозности, не исковерканным семейной и светской жизнью. Стаций питал нежную сыновнюю привязанность и благодарность ученика к своему отцу; у него были сердечные отношения с женой — первой слушательницей «Фиваиды»; его отличало чувство собственного достоинства, осмотрительность и лояльность к вышестоящим и покровителям, искренность в отношениях с друзьями. Но, самое главное, у Стация была твердая уверенность в том, что высокая поэзия существует и что именно здесь он — несмотря ни на какие внешние обстоятельства — может полно раскрыть свою душу и обессмертить свое имя. Хранить такую уверенность во времена Стация было непросто, — вспомним насмешки над Стацием Марциала, одного из его талантливейших современников. Но давала эта уверенность очень много.

Бывают эпохи, когда о том, что происходит здесь и теперь, нельзя говорить открыто; бывают другие — когда можно. Но и в те, и в другие эпохи существует и никому не подчиняется та вечная область человеческого Духа, в которой расцветает искусство. Хвалители и хулители своего времени, только им и живущие, уже для ближайших потомков начинают представлять антикварный, исторический интерес, а отношение подлинного художника к своему времени всегда опосредовано его причастностью к тому, что времени неподвластно. Эпическая поэзия в античности в самой высокой степени обнаруживала эту причастность к надвременному, но тем больше требований предъявляла она к эпическому художнику. Не случайно Гомер и Вергилий величались «божественными»: их способность создавать то, чего никогда не было, а вернее, открыть то, что было всегда, — казалось, превосходит человеческую.

Пойти вслед Гомеру и Вергилию и создать эпическую поэму, уступающую только им, — такова была задача Стация, и он трезво ее оценивал. Прежде всего нужно было решить: изображать войну или героя. Вергилий уже однажды объединил эти две задачи («Брань я и мужа пою…»); поэтому Стаций обращается непосредственно к опыту Гомера: в «Фиваиде» изображает войну; а «Ахиллеида» должна была поведать о герое.

Итак, по примеру Гомера, сначала написавшего «Илиаду», Стаций решает начать с войны. У Вергилия не было сомнений, какого героя и какую войну изображать: на его глазах сбывалось пророчество Гомера об Энее («Илиада», XX, 307—308 в пер. Н. И. Гнедича: «Будет отныне Эней над троянами царствовать мощно, он, и сыны от сынов, имущие поздно родиться»), и он описывал утверждение троянцев в Италии. Стаций же был

далек от восторженного отношения к Риму его времени. Все то, к чему пришел Рим, было предопределено в миг его основания: Город был основан братоубийцей, и получил его имя[19]. Но римская история в чистом виде не занимала грека Стация, он не хотел состязаться с Эннием. Еще раз подчеркну: образцом для пишущего латинский эпос Стация был Вергилий, но его соперником — почитаемым и любимым — был Гомер. Но в таком случае лучшего сюжета, чем смертельная вражда между сыновьями Эдипа и поход семерых вождей против Фив, пожалуй, не нужно искать: его популярность не уступает Троянской войне, он дает возможность вывести яркие характеры — как мужские, так и женские — и предполагает изображение героев до войны и во время сражений. Он свободен от прямолинейных намеков на современность, но своей мрачностью и чудовищностью преступлений, лежащих в его основе, не может не вызвать горьких размышлений о ней. О походе Семерых писал Антимах, но его изложение слишком растянуто и невыразительно: его можно не принимать в расчет. Сюжет прост: братья Этеокл и Полиник бросают жребий, первым правит Этеокл, Полиник покидает Фивы и находит пристанище в Аргосе; через год Этеокл не отдает престола, семь вождей выступают в поход и под Фивами погибают, — все за исключением старшего, — царя Аргоса Адраста. Последними гибнут Этеокл и Полиник. Трон занимает Креонт.

Однако такое нечестие не может быть совершено только по вине людей: есть Олимп и есть Тартар, из которого оскорбленный Эдип призывает мстительниц — фурий, — таково начало — книга первая. Праведный Тесей, опекаемый Афиной, казнит Креонта, преступно нарушившего общественные и человеческие установления, — таков конец — книга последняя (двенадцатая, как у Вергилия). Этому предшествует поединок братьев — книга одиннадцатая. Гибель пяти аргосских вождей, — примерно по половине книги на описание начала сражений и гибели каждого — еще три книги; Амфиарай у Плутона — половина книги; ночная вылазка греков — половина книги. Итак, начало войны, гибель Амфиарая — книга седьмая; Амфиарай у Плутона, гибель Тидея — книга восьмая; гибель Гиппомедонта и Партенопея — книга девятая; ночная вылазка греков и гибель Капанея — книга десятая. Один из героев (Гиппомедонт) борется с рекой — Исменом (этот эпизод необходим: у Гомера — битва с Ксанфом). До начала войны — спортивные состязания (это тоже обязательно: игры есть и у Гомера в обеих поэмах, и у Вергилия), — это книга шестая. Теперь — первые пять книг. В книге первой — Полиник и Тидей приходят к Адрасту, у которого две дочери Аргия и Деиимила; Адраст узнает в пришедших героях предреченных Фебом зятьев. Вторая книга — понятно — свадьба и, пожалуй, поход Тидея в Фивы. Главное достоинство сюжета в том, что у него ясное начало и

конец; главное достоинство поэмы — последовательность и простота; и поэтому книга третья — подготовка к битве. Однако излишняя простота неизбежно обернется монотонностью. Прекрасно оживляют изложение вставные рассказы (у Гомера — рассказ Одиссея, у Вергилия — рассказ Энея на пиру). Необходимо ввести такой рассказ уже после начала похода: за Фивы вступается Вакх и задерживает аргосцев — изнурив их жаждой. Источник войску указывает… — кто? Нужно связать рассказчика с основным действием, но — не непосредственно, а косвенно. У Гомера состязания — в память Патрокла; у Вергилия — в память Анхиза. Войско Семи устраивает состязание в Немее в честь погибшего первым младенца Архемора, сына царя Ликурга: младенца губит змей, посвященный Юпитеру (кстати, змея ранит безбожник Капаней — таков он у Еврипида, и Юпитер в десятой книге поражает Капанея молнией), а недосмотрела за младенцем — как раз потому, что рассказывала свою историю — Гипсипила, лемносская царица, недолгая супруга Иасона, изгнанная с родного острова и проданная разбойниками Ликургу. Во-первых, история Гипсипилы — материал для целого романа, весьма пригодный для вставного рассказа, во-вторых, Гипсипила — внучка того же Вакха, и ее рассказ — дополнительная задержка похода. Таким образом, четвертая и пятая книги решены, и общая композиция поэмы ясна:

I. Эдип, ослепивший себя и оставивший царство, проклинает сыновей и просит Тисифону свести их в братоубийственной войне; по жребию власть над Фивами получает Этеокл, Полиник покидает Фивы, приходит в Аргос, встречается с Тидеем, и обоих героев принимает Адраст;

II. Адраст выдает своих дочерей за Полиника и Тидея, который через год отправляется напомнить Этеоклу о договоре и потребовать для Полиника фиванский трон. Этеокл отвечает отказом и посылает отряд, чтобы убить Тидея на обратном пути. Тидей побеждает напавших на него фиванцев и возвращается в Аргос.

III. Аргос готовится к войне. Адраст просит прорицателя Амфиарая сведать о будущем. Тот, в ужасе от полученного предсказания, отказывается сообщить его аргосцам, а Капаней вынуждает его сказать о неизбежности похода и сам побуждает к битве.

IV. Адраст и с ним шесть вождей — Полиник, Тидей, Гиппомедонт, Капаней, Амфиарай, Партенопей — выступают в поход. Этеокл также просит прорицателя Тиресия узнать будущее, и тот говорит о победе фиванцев; но Фивы еще не готовы к войне, и поэтому Вакх, защищая родной город, стремится задержать аргосцев, подошедших к Немее: он насылает лютую засуху, и Гипсипила, оставив младенца Архемора, ведет воинство к единственной не пересохшей речке Лангии.

V. Утолив жажду, вожди справляются о том, кто их спасительница, и Гипсипила рассказывает свою историю. Тем временем змей Юпитера убивает младенца Архемора.

VI. Воины предают Архемора погребению, воздвигают ему храм и устраивают в его честь состязания.

VII. Тем временем собираются союзники фиванцев, и старец Форбант перечисляет их воспитаннице Антигоне. Аргосцы подходят к Фивам. Иокаста приходит в их лагерь и склоняет Полиника к примирению с братом. Но Тидей припоминает вероломство Этеокла, а случай вызывает первую схватку аргосцев с фиванцами. Первым погибает Амфиарай, низвергшийся в Тартар.

VIII. Низвержение живого Амфиарая в царство теней приводит в смятение всех его обитателей, в том числе и самого Плутона. А наверху — новая битва, в которой погибает Тидей.

IX. Аргосцы — и прежде других Гиппомедонт — стремятся отбить у фиванцев тело Тидея, но терпят неудачу. Гиппомедонт ведет битву в водах Исмена, и сам бог Исмен обрушивается на него. Гиппомедонт погибает. А на фиванцев устремляется юный Партенопей и также гибнет.

X. Фиванцы уверены в близкой победе: они уже опасаются, что аргосцы ночью могут уйти из-под Фив и тем лишить их добычи. Сторожевой отряд фиванцев окружает вражеский стан, но аргосцы совершают ночную вылазку и убивают заснувших фиванцев. Одушевленные победой, они устремляются к Фивам, в которых прежняя уверенность в победе сменилась страхом поражения. Прорицатель Тиресий открывает, что Менекей, добровольно принеся себя в жертву, спасет Фивы. Менекей закалывается и свергается с башни. Но дерзкий Капаней уже взобрался на стены, и только молния Юпитера, поразившая безбожника, спасает фиванцев.

XI. Аргосцы, устрашенные гибелью Капанея, бегут, и тогда Полиник вызывает на поединок брата. Этеокла пытается остановить Иокаста, к Полинику взывает Антигона, схватку пытается предотвратить Адраст; но бой начинается, и оба брата гибнут.

XII. Креонт получивший власть над Фивами, запрещает хоронить аргосцев. Жены погибших из Пелопоннеса идут в Фивы, но, узнав о приказе Креонта, решают идти в Афины и просить о помощи Тесея. Только Аргия отправляется к Фивам, чтобы тайком похоронить Полиника и — умереть. У тела мужа она встречается с Антигоной, они вместе предают тело Полиника сожжению, и тут их застигают воины Креонта. Между тем, Тесей, побужденный аргивянками, приходит к Фивам и убивает злодея Креонта. Торжеством Тесея Афинского поэма завершается.

Однако все описанное — только канва, по которой Стаций начинает выводить сложный узор. Прежде всего, описанные события все относятся только к миру человеческих поступков. Но начало гибельной вражде положила мольба Эдипа к фурии Тисифоне, — с нее начинается поэма. Символический смысл совершаемого настолько глубок, что объяснить все чудовищные деяния только человеческой злой волей нельзя: весь мир вовлечен в эту губительную войну, и адские силы играют в поэме очень важную роль.

Итак, Тисифона по просьбе Эдипа появляется в Фивах и внушает братьям чувство взаимной ненависти. Победу фурий в братоубийственной войне предрекает тень Лаия (IV, 643). К чему может привести насылаемое фуриями безумие (V, 156—157, 202, 302), впервые ясно видно из описания резни, учиненной на Лемносе: рассказ Гипсипиллы — страшный прообраз ужасов грядущей войны. И уже в самой войне семерых вождей с фиванцами фурии постоянно вмешиваются в ход боев: перед их началом в обоих лагерях ликует Тисифона, и вновь призывает фурий Эдип (VII, 466—469); чтобы начать сражение, фурия ввергла в безумие кротких тигриц Вакха, бросившихся на аргосцев, когда Иокаста, сама подобная фурии (VII, 477), умоляла Полиника отказаться от войны (VII, 580); Тисифона побуждает умирающего Тидея к омерзительной свирепости (VII, 756—757): она же в облике воина обманом уводит Гиппомедонта от тела Тидея (IX, 149—174); фурии подвигли Капанея против Юпитера (X, 833); и к поединку Полиника с Этеоклом тоже подтолкнули они: сестры Тисифона и Мегера сговариваются объединить силы против братьев (XI, 56—112), Мегера подводит Полинику коня, вручает ему меч и устремляет на Этеокла, прервав увещевания Адраста (XI, 196—201), а Тисифона, прервав мольбы Иокасты, гонит из города Этеокла (XI, 387—388); и только когда братья, пролив первую кровь, полны решимости убить друг друга, — фурии удовлетворены (XI, 537—538); но Креонт так же ослеплен ими (XII, 696), и Тесей, убивая Креонта, поручает его душу фуриям (XII, 773).

Конечно, не следует думать, будто у Стация неожиданно возродилась наивная вера в фурий-эриний-эвменид — богинь мстительной ярости. Но в его поэтическом мире они занимают важное место, предопределенное Вергилием: в седьмой песни «Энеиды» Юнона, замыслив войну между Энеем и латинами, вызывает из подземного царства фурию Аллекто, «которой любезны раздоры, ярость и гнев, и война, и злодейства коварные козни» (VII, 325—326, Ошеров). Эдип обращается к Тисифоне почти с теми же словами, что и Юнона к Аллекто: «…Так найди в душе своей щедрой средство разрушить союз и посеять преступную ярость. Пусть возжаждут войны и тотчас же схватят оружье» (348—440). К тому же перед Стацием

стояли мощные образы эвменид у Эсхила, — как и перед Луканом, стилистически, несомненно, более близким Стацию (ср. Лукан. «Фарсалия», I, 571—577; VII, 168—170; 777—778).

Но сами по себе фурии не могли бы играть столь значительной роли в печальной истории сыновей Эдипа, если бы это не было предусмотрено всем роковым ходом событий, изменить который не властны даже боги, хотя они так или иначе опекают дорогих им героев. Здесь Стаций также опирался прежде всего на Вергилия, у которого Юнона в «Энеиде» столь часто и решительно вмешивается в ход событий для того, чтобы помешать троянцам достичь их цели, а Венера — чтобы помочь. Но не Вергилий, а Гомер ближе Стацию, изображавшему богов. Во-первых, у Стация гораздо большее, чем у Вергилия, число богов заняты битвой между Фивами и Аргосом. Помимо Юпитера, блюдущего правду и равновесие в мире, прочие боги пристрастны: на стороне Фив — Вакх и Геркулес, рожденные в Фивах; Венера, чья дочь Гармония была супругой Кадма, и Марс, побуждаемый Венерой; на стороне аргосцев прежде всего Юнона; жреца Амфиарая опекает Аполлон, Тидея — Минерва, Партенопея — Диана. Стаций изображает мир олимпийцев с. юмором, который, кажется, совсем не свойствен Вергилию, но которым одушевлены поэмы Гомера. Разговоры богов у него полны бытовых интонаций, стилизованных, обычно очень живых и эмоционально окрашенных. Юпитер величествен, но это величие отца семейства, жена и дети которого строптивы и своенравны, что подчеркнуто в сцене из десятой книги (882—896), где богам угрожает Капаней. Родственные связи также подчеркнуты: к Нептуну Юпитер обращается «брат мой» (I, 223); отправляя Меркурия к Плутону, повелевает: «в мрачное царство спустившись, дяде скажи…» (I, 294—295). Вакх и Венера побаиваются отца, а он понимает, что только поэтому они не вступаются за Фивы (I, 287—289); когда же Вакх, избалованный младший сын, не может стерпеть обиды, он своей довольно дерзкой просьбой вызывает у отца улыбку (VII, 193—194); когда Юпитер поразил молнией Капанея, Стаций не забывает отметить его усталость (XI, 7), точно так же, как выше (X, 917—920) он отмечает страх богов перед Капанеем и их сомнение в мощи молнии Юпитера.

Такой характер изображения богов чрезвычайно оживляет поэму в целом и позволяет Стацию украсить ее рядом прелестных сцен, забавных и психологически верных. Описывая, как Венера просит Марса помочь фиванцам (III, 262—316), Стаций, конечно, помнит у Вергилия просьбу Венеры к Вулкану выковать доспехи для Энея («Энеида», VIII, 369—405), и Венера Стация прямо ссылается на «Энеиду» (III, 276—280) [20]:

…уязвленный супруг и в гневе нам предан.
Если я прикажу, то он близ негаснущих горнов
ночи свои для меня проведет в грудах неусыпных:
с радостью даже тебе он новый доспех и оружье выкует…

Однако Стаций рисует эту сцену с блеском и весело, нрав его Венеры изображен гораздо выразительнее, чем у Вергилия (ср. IX, 821—830). «Тонко и психологически убедительно изображена встреча брата и сестры, Аполлона и Дианы, которые — несмотря на все свое желание — не могут помочь своим любимцам (IX, (637—669); или встреча Геркулеса и Афины, которые опекают противников, что не мешает Геркулесу быть безупречным к своей старинной помощнице (VIII, 497—518).

Если сопоставить сцены, в которых участвуют боги у Вергилия и Стация, бросается в глаза их решительное различие: у Вергилия эти сцены чисто функциональны, у Стация — художественны, что, впрочем, нисколько не отменяет их функциональности. А именно, для Стация — как и для Гомера — существование божественной сферы дает то пространство поэме, без которого она была бы монотонной, несмотря ни на какие вставки. Во-первых, благодаря богам действие поэмы постоянно перемещается с небес на землю и под землю: Юпитер в первой книге — после совета богов — посылает Меркурия в подземное царство вызвать тень Лаия, чтобы внушить Этеоклу страх перед братом; во второй книге Меркурий опускается в Тартар и выводит деда к внуку; в третьей Юпитер вызывает Марса от воинственных бисгонов и гетов и посылает его разжечь жажду войны у фиванцев; в четвертой Вакх преграждает аргосцам путь засухой и тем отодвигает войну; в пятой мы видим Венеру, разгневанную на лемниянок: фурии, вызвавшие безумие в женах, только помогают ей; в шестой Аполлон помогает Амфиараю победить в конных ристаниях; в седьмой по воле Юпитера Меркурий летит к Марсу и передает ему приказ разжечь воинский пыл в аргосцах; Вакх приходит к Юпитеру и защищает фиванцев; Аполлон, приняв облик возничего, помогает Амфиараю в его последней битве; в восьмой мы видим самого Плутона, полного давней обидой на свой худший жребий, сделавший его царем подземного царства: он велит Фуриям свершить на земле неслыханные преступления; в той же восьмой книге Афина пытается защитить Тидея и уже добывает для него спасение, но — под влиянием фурий — Тидей в безумии грызет отрубленную голову врага, а Афина в ужасе отворачивается от него; в девятой книге сам бог Исмен выступает против Гиппомедонта, но, по знаку Юпитера, оставляет героя, чтобы тот погиб на поле битвы, а не в пучине; Диана безуспешно пытается

защитить Партенопея и сражает его убийцу. В десятой Юнона посылает Ириду во дворец Сна, и Сон, послушный приказу, усыпляет сторожевой отряд фиванцев; богиня Доблесть вселяет в Менекея мужество для свершения подвига, а в конце той же песни посягнувший на небо Капаней спален молнией Юпитера; в одиннадцатой книге Юпитер не принимает жертвы Этеокла; богиня Честь пытается остановить поединок братьев, но ее прогоняет Тисифона, и Честь уходит — жаловаться Юпитеру; наконец, в двенадцатой книге Луна по просьбе Юноны освещает поле битвы и позволяет Антигоне найти тело Полиника, а аргосские жены находят в Афинах защиту у алтаря богини Милости.

Помимо традиционных олимпийских богов в поэме участвуют, как мы видели, Сон, Честь, а также Беллона, Молва, Ужас и другие персонификации, выразительно описанные Стацием. И если живые и темпераментные боги Стация готовы вступить в состязание с гомеровскими, то его персонификации — дань другой поэтике.

Отмечая, что Стаций гораздо выразительнее, полнокровнее и живее, чем Вергилий, изображает мир олимпийцев (при всем том, что боги у него — как и у Вергилия — очень важный структурный компонент поэмы — добровольная дань эпической условности), нужно с особенным вниманием отнестись и к обилию у него персонификаций и аллегорических фигур. Конечно, персонификация есть и в «Энеиде» Вергилия[21], но они не нарушают общего классического строя поэмы; у Стация же это — сознательно усвоенный прием постклассической поэтики, в первую очередь — Овидия.

Насколько легко возникают у Овидия персонификации, можно судить хотя бы по его «Любовным элегиям». Так, рассуждая о том, что неверность подруги не убавила ее красоты, Овидий с легкостью заключает: «…красота, значит, сама божество?» (III, 3, 12 в пер. С. В. Шервинского). В тех же «Любовных элегиях» описано сопровождение Амура — Соблазны, Заблуждения, Буйство (I, 2, 35—36), персонифицированы Зависть (I, 15), Элегия, Трагедия (III, 1). Но в особенности в «Метаморфозах» персонификации занимают большое место: во второй книге (1—30) изображен дворец Солнца, рядом с которым стоят Месяцы, Годы, Века, Часы, Весна, Лето, Осень и Зима; в той же песни (761—782) описаны дом Зависти и сама Зависть; в четвертой — Рыдание, Ужас, Страх и Безумие — сопровождение Тисифоны (IV, 980—984); в одиннадцатой (593—615) описано жилище Сна, в двенадцатой (39—63) — обиталище Молвы. У Стация же — помимо названных Молвы, Чести и других — совершенно в духе овидиевской поэтики, но только в более развитом виде описаны дворец Марса и его стража — ярый Порыв, слепой Ужас, Гнев, Страх, Засады,

Раздор, Угрозы, Доблесть, Исступление, Смерть (VII, 40—63) и обиталище Сна вместе с его хранителями — Леностью, Беспамятством, Тишью, Немотством (X, 84—115). Описание дворца Марса завершается так:

> Разных доспехи земель — по бокам, а спереди храма —
> изображенье племен полоненных; отлиты в железе
> сбитых обломки ворот, судов воинственных днища,
> и кузова колесниц, а под колесницами — лица
> смятые — мнится, кричат: толикая мощь и такая
> мука во всем. И во всем (но ни разу — с лицом безмятежным)
> виделся сам: так вывел его с искусством предивным
> Мулькибер, — прелюбодей тогда еще явленной свету
> мерзостной связи своей не смывал на опутанном ложе (X, 55—63).

Собственно говоря, то, что изображено на фронтоне дворца Марса — можно было бы назвать аллегорией войны, причем Стаций подчеркивает, что изображение — не какой-то реальный бой, а обобщенная картина, в каждой детали которой «видится сам» — Марс, бог войны. И то, что после такого описания Стаций припоминает любовную связь Марса и Венеры, — в сжатом виде характеризует ту особенность его поэтики, о которой идет речь: все человеческое богатство образов антропоморфных богов и их отношений сочетается у Стация с их аллегорическим пониманием. Марс и Венера — при всей живости их изображения — это и аллегория вражды — любви. Максимальная — во всяком случае преувеличенная по сравнению с Вергилием — жизненная, эмоциональная, психологическая насыщенность в изображении богов предполагает у Стация и их аллегорическое и даже эмблематическое понимание.

Полные жизни изображения, несущие аллегорический смысл — одна из важнейших примет стациева стиля. О ней нужно помнить и нужно уметь угадывать не всегда явный смысл внешне случайных деталей «Фиваиды». Выше уже шла речь о том, что рассказ Гипсипилы, который кажется совершенно посторонним и не связанным с основным действием, — первый в поэме многозначительный символ торжества Фурий, ведомых возлюбленной Марса — Венерой. В поэме есть еще одна очень важная вставка. Это рассказ Адраста о подвиге Кореба в первой книге (556—665).

Аполлон после убийства Пифона был очищен от его крови Кротопом, дочь которого стала возлюбленной Аполлона и родила сына; убоявшись отца, она передала младенца на воспитание пастуху, и младенец был растерзан собаками. Аполлон посылает на Аргос чудище, губящее

аргосских младенцев. Его убивает Кореб, за что Аполлон осыпает город тучей губительных стрел. Благочестивый Кореб сам приходит в храм Аполлона и изъявляет готовность своей жизнью спасти Аргос. Аполлон прощает его и прекращает мор.

Внешне рассказ никак не связан с развитием сюжета. Но при его правильном истолковании для нас не будут неожиданностью главные эпизоды поэмы. Младенец, погибший по недосмотру, — Архемор — будет задержкой походу. Безбожный Капаней, убивший погубителя младенца — змея, будет наказан Юпитером. Благочестивый Адраст, чтущий в день встречи с Полиником и Этеоклом Аполлона, — единственный из вождей, который вернется из похода. Благочестивый Менекей, который добровольно пожертвует собой ради Фив, — спасет родной город. «На достойных взирая рок милосерд», — замечает Адраст, говоря о Коребе (I, 661—662). Но Полиник, вступивший в недостойную распрю, — погибнет.

Аналогичную роль — скрепить поэму, дать образу прообраз, действию — предвосхищение — играют у Стация парные сцены: дважды описано поле близ Фив после битвы и поиски убитых близкими — в третьей книге (92—217) и в двенадцатой (22—49); рубка леса для погребальных костров и сами костры — Архемора и Менекея (VI, 84—117, 193—248; XII, 50—70); плач матери Архемора (VI, 139—192) и матери Менекея (X, 792—814) и другие.

Стаций сам формулирует эту особенность своей поэмы, в которой последующее предвосхищается и предварительно может быть усмотрено в предыдущем:

> Смертным рок их открыт: ужасно взирать, ибо гибнет
> то, что надежда сулит в грядущем; случайностью знаки
> склонны мы счесть, — так множит судьба погибели силы (VI, 934—937).

Построение поэмы отражает особенность изображаемого в ней мира, полного предвестий, предзнаменований, предсказаний. Они есть в каждой песни, и они еще больше наполняют изображаемые события дополнительным — помимо прямого — смыслом.

Эдип просит Тисифону отметить его сыновьям, — но он сам — отцеубийца, и с упоминания об этом начинается его мольба; он понимает, что боги не хотят ему помочь, поэтому обращается к Тисифоне (I, 65—66, 74—87); но боги именно тени убитого Эдипом Лаия поручают явиться Этеоклу во сне и разжечь его вражду против Полиника. Лаий в сновидении

принимает вид прорицателя Тиресия (II, 96), а Тиресий, вызывая души умерших, именно душу Лаия заставляет рассказать об исходе войны (IV, 610 слл.). Один из хулителей Этеокла, занявшего царский престол, вспоминает о том, что уже начало Фив связано с битвой братьев — спартов, родившихся из зубов дракона и побужденных Кадмом ко взаимному убийству («Это ли, это ль не знак, предсказавший потомков далеких?» I, 185), а спасет Фивы от поражения названный прорицателем Тиресием самый юный потомок спартов — Менекей, которого сограждане величают основателем Фив «превыше Кадма» (X, 787). Приход Полиника и Тидея к Адрасту тот истолковал как исполнение пророчества Феба, предсказавшего, что его зятьями станут Лев и Кабан; Адраст сам предлагает героям взять в жены его дочерей (II, 167—172). Именно об этом напоминает отцу Аргия, побуждая его помочь Полинику и собрать поход против Фив (III, 700—703). Свадьбу Полиника и Тидея с Аргией и Деипилой омрачает падение золотого щита с храма Паллады: Аргия уже надела золотое ожерелье Гармонии, и его увидела жена прорицателя Амфиарая (II, 256—267; 299—305), которого Адраст просит узнать у богов о предстоящей войне и который видит грядущее поражение Аргоса и погибель — свою и пятерых вождей (III, 539—547).

Стаций не забывает всякий раз указать дурные предзнаменования, вопреки которым поступают герои. В четвертой книге (13—15) описано выступление аргосцев:

> Названный день наступил. Громовнику вместе с Градивом
> грудами жертвы легли; но, знамений добрых не видя,
> жрец побледнел и внушил притворную войску надежду.

В пятой книге Ликург, которого встретило войско, возвращается после жертвоприношения Юпитеру, сокрушаясь «из-за недр разъяренных» (642). В шестой книге (942—946) Адраст последним принимает участие в состязании: пущенная им стрела возвращается и падает рядом с тулом, из которого была извлечена.

> Кривотолкуют вожди: одни облаков иль высоких
> Нотов набег усмотрели; другим показалось, что крепким
> дубом отбита стрела. — Исход небывалый глубоко
> спрятан и явлено зло: один лишь вернется из битвы, —
> скорбный возврат роковая стрела господину сулила.

Нет необходимости перечислять все предвосхищения, предзнаменования и сцены жертвоприношений в поэме: внимательный глаз быстро привыкает к ним и научается видеть в них важную особенность поэтики Стация, свидетельствующую о его постклассических поэтических установках. Но на сцену вызывания душ умерших в четвертой книге обратим специальное внимание: во времена Стация сцены некромантии воспринимались как обязательная часть эпического произведения.

Вопрошание душ умерших есть уже у Гомера в знаменитой одиннадцатой песни «Одиссеи». Разного рода предзнаменования и предвосхищения есть в «Энеиде» Вергилия, шестая книга которой, соответствующая одиннадцатой песни «Одиссеи», — спуск Энея в подземное царство, — пророчествует о событиях из римской истории вплоть до времен самого Вергилия. Но у Стация поэтика предвосхищений развита чрезвычайно, а его сцены гаданий, и, в частности, некромантия, отражают вкус к этой проблематике, развившийся уже после Вергилия. У Овидия всем памятна колдунья Медея из седьмой книги «Метаморфоз» (180—323); у Сенеки в «Эдипе» Тиресий и Манто гадают по жертвенному огню в присутствии Эдипа (288—401), а потом вызывают души умерших в присутствии Креонта и заставляют тень Лаия назвать его убийцу (530—658); те же Тиресий и Манто у Стация в седьмой книге (406—645) в присутствии Этеокла заставляют тень Лаия предречь исход войны. У Лукана в шестой книге «Фарсалии» — подробное описание фессалийской колдуньи, оживляющей труп и заставляющей его говорить по просьбе Секста, сына Помпея (604—830). В первой книге «Аргонавтики» Валерия Флакка (730—850) также есть сцена вызывания душ умерших (заметим, отсутствующая у Аполлопия Родосского), как и у Силия Италика в тринадцатой книге «Пунических войн» (404—464).

Выше уже шла речь о том, что Валерий Флакк и Силий Италик легко умещаются в рамки классицистической реакции на «новый стиль» и Лукана. Указанные сцены подтверждают это положение: от Овидия до Лукана возрастал мрачный колорит и нагромождение чудовищных подробностей в сценах некромантии, а Валерий и Силий в своих поэмах возвращаются к Гомеру и Вергилию, подчеркнуто отказываясь от тех средств устрашения читателя, которые были найдены и использованы Овидием, Сенекой и Луканом.

Как и всякого большого художника, Стация не так просто уместить в жесткие рамки одной тенденции. Несомненно, колорит его IV песни задан Овидием — Сенекой — Луканом. Но вместе с тем — в отличие от Сенеки и Лукана — у Стация эта стихия ужасного не довлеет себе, но играет в поэме ту же роль, что и фурии но отношению к богам. Заметим, что вопрошание

тени Лаия в четвертой книге — отклик на сцену гадания в третьей: Амфиарай и Меламп гадают по птицам, и видят битву орлов с лебедями — в «прозрачном просторе» неба. И у Сенеки, и у Лукана стихии ужасного, ненатурального, сверхъестественного ничто не противопоставлено. У Стация эта стихия — одна из сторон трагичного, но знающего миги подлинного просветления мира. Чудовищное компенсируется подлинно человеческим, нечестие — благочестием. Так, в первой книге разъяренному грешнику Эдипу противопоставлен кроткий и благочестивый Адраст; во второй вероломному и трусливому Этеоклу — прямой и отважный Тидей; в десятой безбожнику Капанета противопоставлен чтущий волю богов Менекей; наконец, в двенадцатой Креонту противопоставлен Тесей, благодаря которому в поэме после всех ужасов торжествуют справедливость, долг и милосердие.

Итак, основные устремления Стация при построении поэмы ясны: простая и четкая композиция, осложненная вставными рассказами; в действии поэмы участвуют силы неба и подземного царства: изображенная война затрагивает основы всего миропорядка, и поэтому действие постоянно перемещается с земли то на небо, то под землю; постоянные предвестия и предзнаменования, тщетно остерегающие героев, при построении поэмы находят отражение в намеках, предвосхищениях и повторяющихся сценах, — этот последний момент очень развит у Стация: именно это делает плетение его поэмы таким плотным и позволяет ему крепко связать отдельные части и эпизоды.

Ни одна из указанных особенностей построения не является чем-то необычным для эпической поэзии античности. Но Стаций сознательно и последовательно использует все возможности такого построения; более того: он исчерпывает их и после Гомера и Вергилия создает последнее эпическое произведение античности, которое живет в рамках указанных композиционных приемов. И на этом фоне блистательно проявляется индивидуальное мастерство Стация в изображении характеров, в описаниях и речах.

Выше шла речь о том, что Стаций дает яркие и психологически верные характеры богов, хотя их образы выполняют совершенно определенные функции в поэме. И при изображении людей четкая функциональная определенность их образов не мешает Стацию лепить характеры, а помогает. Не забудем, что канва всех описанных событий традиционна, и при всей свободе в толковании образов основной рисунок поэмы задан мифом и целым рядом эпических клише. Но как раз фурии и боги, вмешивающиеся в ход событий и направляющие их, в значительной степени освобождают Стация от сковывающей обязанности при изображении

непременно заботиться, чтобы каждый шаг героев продвигал действие поэмы в нужном направлении. Охотно подчиняясь эпической условности, требующей вмешательства в ход поэмы богов и других сверхъестественных сил, Стаций умело пользуется преимуществами, которые дает этот тип условности. Тисифона пробудила в братьях ярость, жребий изгнал Полиника из Фив: действие продвинулось в нужном направлении, — теперь Стаций-художник свободен в изображении характера того же Полиника. И Стаций дает чудное описание противоречивых страстей, бушующих в душе героя:

> Тою порой, потеряв — бездомный игнанник — отчизну,
> брел Эдиподионид, как вор, аонийским безлюдьем.
> Он — на беду! — в душе представлять грядущее царство
> начал уже и стенал, что звезды неспешны и долгий
> год неподвижен; одна ночами и днями забота
> сердцем владеет: когда расстанется с царством ничтожный
> брат, а себя, наконец, владыкою мощи фивапской
> узрит, — и всю свою жизнь он на этот лишь день променял бы!
> То он пенять начинал запоздало на тяжесть изгнанья,
> то воздымался в нем дух вождя и, гордый, он видел
> свергнутым — брата, себя — на престоле; рассудок терзали
> страх и надежда, в мечтах беспрестанных растратилась радость.
> Тут он держать бестрепетный путь к городам инахийским
> твердо решил, и к данайским полям, и к покинутым солнцем
> мрачным Микенам, — его повела Эриния, видно,
> или случайный пути поворот, иль зов неподвижный
> Атропос… (I, 312—328).

Для описания душевного состояния Полиника Стаций точно выбирает момент: сразу после изгнания и до решения идти в Аргос. Само решение никак не оправдывается: Стаций чужд дешевой ловкости подгонять решение под заранее известный ответ. Шаг Полиника, имеющий чисто функциональное значение — продвинуть действие в нужном направлении, — объясняется с помощью эринии, случая, рока. Но состояние героя перед этим шагом Стаций описывает достаточно подробно: здесь читатель впервые знакомится с главным героем, который охарактеризован просто, выразительно и убедительно, так, чтобы все последующее поведение героя мы уже твердо соотносили с его характером. Мы узнаем этого Полиника, когда в бурю у него «тягостный страх в душе пробуждает отвагу» (I, 379);

мы узнаем его, когда он отвечает Адрасту, впервые увидевшему будущих зятьев, после Тидея, открыто назвавшего себя:

> …«отпрыск
> корня великого, я ни отца Ойнея, ни Марса
> не посрамлю!» — «И я — ни духом, ни родом не беден…» —
> тот возражает ему, но, вспомнив о роке семейном,
> медлит имя отца произнесть (I, 463—467).

Этот же Полиник соглашается стать супругом Аргии, хотя ему, изгнаннику, «Венера еще не мила» (II, 191). А когда заданный мифом брак состоялся, Стаций снова пользуется возможностью дать характеристику душевного состояния героя (II, 309—321), и нас нисколько не удивляет, что — несмотря на твердую решимость идти в Фивы — Полиник соглашается, чтобы к Этеоклу отправился Тидей, причем мы также понимаем, что и решение Тидея совершенно естественно, потому что и его характер уже отчетливо виден но предшествующим речам и отдельным точным замечаниям Стация (I, 451—452: «…Тидей, по порядку первым…»; II, 175—176: «…Тидей, во всяком деянье первый…»). Заметим, что Стаций верно выбирает средства для характеристики героев: он подробно описывает внутреннее состояние Полиника, а Тидею дает больше речей, в которых ярко виден его прямой, открытый и мужественный характер (ср. II, 391—392), или описывает его внешность и свершаемые им подвиги.

В речах и описаниях Стаций так же искусен и изобретателен, как он точен в изображении внутреннего мира. Его любовь к речам опирается не только на усвоенные с детства правила и приемы риторики, но и на тонкое чувство меняющегося по ходу речи состояния героя. С этой точки зрения рассмотрим две речи: Аргии во второй книге (334—352) и Креонта в десятой (690—713). Оба — отговаривают: Аргия — Полиника от похода в Фивы, Креонт — Менекея от намерения принести себя в жертву.

Полиника терзает жажда власти, и он мысленно представляет день своего воцарения в Фивах. Аргия замечает его тревогу и —

> …мужа обняв на ложе при первом румянце
> бледной Авроры, она: «Куда ты, лукавый, стремишься,
> бегство готовишь зачем?» — говорит. — «Любовь замечает
> все: я ведь вижу, твое учащает дыханье обида,
> мира не знает твой сон, не однажды лились по ланитам
> слезы, и стоны забот прерывала не раз я великих,

длань прижимая к устам».

Аргия обращается к Полинику уже после того, как она многое передумала и, как ей кажется, справилась с первой мыслью — о неверности Полиника или об его старой страсти, которая, может быть, влечет его в Фивы. Поэтому она начинает с вывода: повода для женской ревности нет, значит, нужно понять, что так тревожит мужа; и проницательная Аргия совершенно правильно понимает причину тревоги; но — едва высказав ее — Аргия, гордая своей проницательностью, хочет, чтобы Полиник поверил в искренность ее участия, а не подумал того, что и ей самой прежде всего пришло в голову:

«Меня не тревожит нисколько
мысль о неверности, мысль об измене, о юности вдовой:
наша любовь горяча, и еще после свадьбы не стало
ложе мое остывать, — твое лишь, любимый, спасенье,
верь мне, терзает меня».

И чтобы подтвердить свою способность правильно понять и оценить положение неженских дел, Аргия со всей основательностью показывает неразумность явно задуманного Полиником возвращения в Фивы:

«Ужель, без друзей и оружья
требуя царства, из Фив, когда он откажет, ты льстишься
выскользнуть? — И от кого! — Молва, привыкшая власти
изобличать, говорит: он горд и счастлив добычей
и не выносит тебя; к тому же и год незакончен».

Эта последняя реплика уже свидетельствует о том, что Аргия предполагает нежелание Полиника трезво отнестись к ее доводам и хочет по крайней мере задержать супруга еще на какое-то время; и следом, чтобы усилить свои доводы, возбудить в Полинике тревогу и пробудить осторожность, она говорит ему о дурных предзнаменованиях:

«Карой небесной меня пророки и вещие жертвы,
также падение птиц, а также и образ тревожный
прежде не лгавший во снах — насколько я помню — Юноны

сильно страшат…»

И теперь, когда все средства уже исчерпаны, а Полиник тем не менее не отказывается от своего замысла, она — по-женски непоследовательно — забывает о своем решении не обнаружить упреков ревности перед любимым и любящим супругом и заканчивает тем, с чего мысленно начала и от чего на словах отказалась:

«…Но куда ты спешишь? Иль тайное пламя
в Фивы уводит тебя, иль тесть наилучший»…—

И это последнее и невольно вырвавшееся предположение оказывается самым действенным:

…Улыбки
тут не сдержал эхионец младой, супруги страданья
нежные вознаградил объятием и поцелуи
впору по грустным щекам, удержав от рыданий, рассыпал.

Речь Креонта уже введена очень эффектно. Менекей, узнав о пророчестве Тиресия (только добровольная смерть самого юного из спартов может спасти Фивы) и решившись на самоубийство, спешит в город:

Он уже к стенам, спеша в задохнувшемся беге, подходит,
радуясь, что на пути родителей жалких не встретил;
вдруг — отец, — и оба стоят, безмолвствуют оба,
долу ланиты склонив. Наконец, изрекает родитель:
«Что приключилось?..»

Креонт, неожиданно встретив сына, знает о пророчестве и чувствует, что Менекею об этом тоже известно; он не может решить, с чего начать, и — как часто родители со взрослыми детьми — начинает с бессмысленного, но понятного лукавства и делает вид, будто ничего необычного не произошло:

«Что приключилось? Куда ты уходишь в разгаре сраженья?
Битвы важнейшие есть? Почто столь взгляды суровы, —
сын, умоляю, ответь. Почто эта лютая бледность,

взоры твои почему в отцовы глаза не посмотрят?» —

Все эти строгие вопросы должны показать Менекего, что в любом случае отношения между отцом и сыном остаются прежними и что отец в любом случае вправе рассчитывать на сыновнее послушание. Однако Креонт видит, что Менекей непреклонен, и понимает, что дальше лукавить бессмысленно:

«Ах, ты узнал о пророчестве… — Сын, но, прошу тебя — ради
лет и твоих и моих, и во имя сосцов материнских…

Но о чем просить? — Креонт знает Менекея и знает, что если сын решился на жертву, — его не остановить; в таком случае нужно его убедить, что пророк — лжец, пророчество — выдумка и поэтому в жертве нет смысла:

нет, не верь, мой мальчик, жрецу! Да может ли небо
старца сего побуждагь нечестивого — с ликом незрячим,
взором угасшим? — Ведь он, чудовище, так же наказан, как и Эдип!

Для Креонта это сравнение с ослепившим себя нечестивым грешником Эдипом совершенно убедительно; для Менекея, очевидно, нет. И тут Креонту — близкому к престолу и знающему коварство властителей — приходит счастливая мысль, в которую он — впервые искренне — верит сам:

А что если сей силок хитроумный
выдумал царь? Ему ль не страшна в опасности наша
знатность, а также твоя над вождями стоящая доблесть?
Речи — его, может быть, а мы-то их божьими числим!
Он научил! —

Ну, конечно, Этеокл опасается соперника и с помощью Тиресия решает избавиться от него, — в этом нет сомнения; это настолько убедительно, что в дальнейшей аргументации нет необходимости. Поэтому теперь важно только одно: не дать Менекею принять поспешное решение:

Натяни поводья горячего духа,
остановись, помедли хоть миг: порыв не бывает
добрым слугою. Молю, послушайся и не упорствуй!
Зрелость пускай и твои виски сединою пометит,
станешь родителем сам и тогда, мой храбрец, испытаешь
этот же страх… —

Когда отец признается сыну — как равному — в своей муке, — это не может не подействовать; поэтому теперь уместно и решительное требование, теперь можно прямо заявить об отцовских правах:

Так не дай моему сиротствовать дому!
Что же? Тревожат тебя и другие отцы, и чужие
родичи? — Но постыдись: над своими сжалься сначала!
Здесь благочестие, здесь почтительность, там же — лишь слава,
и легковесная честь, и хвалы — пустые для мертвых.

Но последнее может вызвать обратную реакцию: это слишком обычно, отцов всегда жизнь детей и их безопасность тревожит больше соображений долга, чести, — а это для благородного юноши невыносимо; нужно сказать, что это не так, что и его, Креонта, прежде всего заботят Фивы, а не безопасность сына:

И не как робкий отец не пускаю: вмешайся в сраженье,
к ратям данайским ступай и в гущу мечей устремляйся, —
я не держу, — я готов омывать ужасные раны
или кровавый поток осушать, несчастный, слезами,
снова и снова тебя отправлять в жестокую сечу.
Это полезней для Фив…» —

Креонт невольно вернулся к тому же лукавству, с которого начал, но убедил он только себя, и Менекею уже без труда удается отвлечь отца, ставшего на его пути: раз Креонт готов к тому, что его сыновьям угрожают раны в сражении, — пусть он озаботится судьбой истекающего кровью Гемона; так Менекей обманывает отца его же уловкой.

Такой тонкий психологизм кажется почти невозможным в античности. Таких речей мы не найдем ни у Вергилия, ни у Лукана. И ни у кого из эпиков мы не найдем героев, которые бы вызывали такое искреннее

сочувствие и сострадание, какое вызывают герои Стация. Исключение составляют разве немногие сцены у Гомера и Дидона Вергилия. Но страсть Дидоны изображена у Вергилия скорее эффектно, чем глубоко и тонко: Дидона скорее впечатляет, чем вызывает сочувствие. А у Стация даже внешние, незначительные и не рассчитанные на эффект эпизоды вызывают живой отклик: мы понимаем, что происходит в душе героя. Адраст впервые разглядел пришельцев: он увидел, что на одном — шкура льва, а на другом — кабан, и вспомнил мучительно неясное пророчество, согласно которому его зятьями станут лев с кабаном:

> Пронзенный великим
> знаменьем, старец молчал, реченья небесные Феба
> сразу признав и вещих пещер наставления вспомнив;
> замер взгляд, застыло лицо, счастливый по членам
> трепет прошел — он ясно постиг: ввели к нему боги
> тех, кого Аполлон, прорицатель, плетущий загадки,
> выбрал ему в зятья, обманчивым ликом звериным
> их наградив. И вот, воздев к светилам ладони,
> Ночь, — промолвил… (I, 490—498)

Того же Адраста Аргия умоляет помочь Полинику и вместе с тем понимает, что война разлучит их и, может быть, — навеки:

> «…горе, но, милый отец, как бы снова просить не пришлось мне!»
> Дочери губы ловя на лице увлажненном, родитель:
> «Нет, родная, тебя не виню я за жалобы эти, —
> страхи отбрось, ты вправе просить и не ведать отказа,
> Так; но сильный… — нет, ты не теряй вожделенной надежды —
> Сильный пред богом страх и царства летучее бремя душу
> тревожат мою…» (III, 710—716)

И тревога в душе Адраста, и треволнения Аргии описаны в расчете на понимание и отклик читателя, точно так же, как тревога Аталанты, которая не может удержать от похода юного Партенопея (IV, 309—344); как обида и радость Партенопея, несправедливо обойденного в беге, но в повторном состязании заслужившего награду (VI, 606—645); и слова, которые он перед смертью просит передать матери (IX, 877—907); как беспокойство Исмены и ее короткий, но чудный рассказ о встревожившем сне (VIII, 606—635), из

которого сразу видна вся она, более сдержанная и кроткая, чем Антигона, и проявляющая свое горе в одиноких рыданиях и решимости, побудившей ее покончить с собой вслед за матерью (XI, 642—647). Но эти герои и сами по себе могут вызвать симпатию, чего не скажешь об Этеокле, а между тем, его душевное состояние Стаций описывает с блеском, вызывающим живой эмоциональный отклик: так «похоже» воспроизведена речь или описано состояние. Вот Этеокл ожидает посланных убить Тидея (III, I — 32), вот он говорит перед союзными войсками до сражения (VII, 374—392), а вот — после успешной битвы (X, 20—36); вот свершает жертвоприношения и выслушивает вестника, принесшего вызов Полиника, слушает приближенных, Креонта, мать (XI, 205—353), — движения души этого явно немилого Стацию персонажа изображены с непосредственно ощущаемой достоверностью.

Речи героев и описания их облика и внутреннего состояния дополняются блестящими описаниями битв и состязаний. В описаниях битв Стаций традиционен и умел: того, кто плохо помнит Гомера и Вергилия, они, пожалуй, поразят обилием натуралистических подробностей и жестокостью; но тот, у кого свежи в памяти бои у Гомера, Вергилия, а также Лукана, поразит скорее увлеченность и изобретательность, с какой Стаций подчиняется предложенным правилам игры. Сам герой для него интересней, но битвы — точно так же, как и традиционное описание отрядов как аргосцев, так и фиванцев — дают ему повод проявить учёность и профессионализм. Зато в описании игр Стаций, бесспорно, веселился, зная, что вступает в спор с лучшими стихами и Гомера, и Вергилия, и чувствуя, что в этом споре он станет по меньшей мере вровень с сильнейшим.

У Гомера в XXIII песни «Илиады» описаны состязания колесниц, кулачный бой, борьба, бег, бой с оружием, метание диска, стрельба из. лука и метание копья. У Вергилия — состязание гребцов, бег, кулачный бой, стрельба из лука, состязание конников. В «Фиваиде» — состязание колесниц, бег, метание диска, кулачный бой, борьба, бой с оружием, стрельба из лука. Вергилий близко следует Гомеру в описании бега (у Гомера Аякс оступился, угодив в свежий навоз, у Вергилия поскользнулся в жертвенной крови Нис) и стрельбы из лука (у обоих цель стрельбы — голубка, привязанная к мачте). Стаций отказывается от изображения состязания в стрельбе из лука (единственный выстрел делает Адраст), но вслед Вергилию полет стрелы у него оказывается предзнаменованием; и состязание в беге построено у него не так как у Гомера и Вергилия; в отличие от Гомера Стаций не изображает и боя с оружием, но подобно Гомеру, у которого Ахилл не допускает состязания в метании копья, а отдает награду предводителю ахейцев Агамемнону, у Стация Адраст не допускает

вооруженной битвы, но присуждает награду Полинику, ради которого затеян поход. Подобно Гомеру, начиная состязания колесничным бегом, Стаций использует ряд гомеровских моделей (у Гомера Нестор наставляет Антилоха, у Стация — Адмет Полиника; Афина помогает Диомеду, Аполлон — Амфиараю; Адмет и Полиник повергаются с колесницы) и отдельных выражений, но в целом его картина подробней и не зависит от гомеровской. И между тем, начало бега Стаций сравнивает с падением звезд, опираясь на Вергилия, сравнение с градом, дождем — также у Вергилия, и Адмет — подобно Клоанту у Вергилия — получает вышитое пурпурное облачение. Также описание бега Стаций строит в целом самостоятельно, но подобно Одиссею, молившему Афину, Диану умоляет помочь Партенопей, который — подобно Эвриалу — самый юный и прекрасный в войске. У всех трех поэтов сходно описаны пары бегущих рядом:

> Так Одиссей за Аяксом близко бежал; беспрестанно
> Следом в следы ударял он, прежде чем прах с них ссыпался,
> И дыханье свое изливал на главу Оилида,
> Быстро и ровно бежа… (Гомер. «Илиада», XXIII, 763—766);

> За Эвриалом — Гелим; за его спиною вплотную
> мчится проворный Диор, наступая Гелиму на пятки,
> тяжко дыша у него над плечом… (Вергилий. «Энеида», V, 323—325);

> Ветра быстрее меж тем убегает от взоров менальский
> мальчик; бегущий вторым, с ним рядом — Ид возмужалый
> разгоряченным плечо обжигает дыханьем и тенью
> спину теснит… (Стаций. «Фиваида», VI, 602—605),

Не продолжая сопоставления, отметим эту последнюю деталь: сохранив при описании бега найденное Гомером и воспроизведенное Вергилием («разгоряченным плечо обжигает дыханьем»), Стаций вводит еще одну деталь («тенью спину теснит») и тем сразу делает картину более яркой и рельефной. Мы не знаем, освещало ли солнце бегунов у Гомера, хотя Гомер как обычно отмечает наступление утра дня состязаний (XXIII, 227); и Вергилий отмечает, что в назначенный для состязания день «выезжает, ясным светом горя, на конях Фаэтона Аврора» (V, 105), однако и он, описывая бег, не следит за солнцем; Стаций же не забывает, что после того, как «на заре зарумянились пашни» (VI, 261), за то время, пока

собрались зрители, приносили жертвы, состязались колесницы, наступил день, и солнце освещало бегущих.

Отталкиваясь от этого примера (и не пытаясь в подробностях проследить все параллели к описанию состязаний у Стация, тем более, что наиболее важные из них приведены в комментариях), укажем на одну из главных особенностей поэтики «Фиваиды». Перед латинским писателем, опирающимся на долгую традицию как греческой, так и латинской литературы, при создании собственного произведения стояли две главные задачи: подражание лучшим образцам (imitatio) и соперничество с образцовыми поэтами (aemulatio). Теорию imitatio разрабатывает Квинтилиан в X книге «Наставлений оратору». Квинтилиан формулирует ее в значительной степени для того, чтобы обосновать точку зрения, противоположную той, которая была у представителей «нового стиля», охарактеризованного Квинтилианом так: «не весомость, а напыщенность, не краткость, а сухость, не энергия, а безрассудство, не блеск, а извращение, — они восторгаются сложным и презирают простое» (X, 2, 16). Защищая подражание другим, Квинтилиан прекрасно понимает, что оно продуктивно только в том случае, если подражатель умеет отобрать лучшее и превзойти предшественников. У Квинтилиана и Стация были разные вкусы: для первого были неприемлемы Сенека и Лукан, Стаций им многим обязан. Но чувство, руководившее Стацием в его отношении к Сенеке и Лукану, опиралось на то же бережное отношение к традиции, которое побудило его идти вслед Гомеру и Вергилию. Стаций пользуется достижениями антиклассической традиции так же, как вмещает все богатства классической. Это делает его стиль более острым, пряным, и его соперничество с классиками приобретает ту почву, которой нет у простодушных отрицателей антиклассической литературы — Валерия Флакка и Силия Италика. По сравнению с ними стациево подражание классике оказывается более основательным, последовательным и продуктивным потому, что он сумел преодолеть, а не просто отверг антиклассическую тенденцию и сохранил при этом все ее достижения.

В наше время мы признаем, что кумулятивность свойственна науке (в том числе и гуманитарной): бессмысленно начинать любое научное изыскание, не опираясь на уже достигнутое; искусству в гораздо большей степени свойствен поиск нового: не столько опереться на достигнутое, сколько оттолкнуться от него. Античная поэзия и, в частности, Стаций дает высокие образцы кумулятивности искусства: все лучшее отбирается, сохраняется, культивируется и — насколько возможно — улучшается. Поэтому создание нового произведения возможно только при совершенном владении тем, что уже достигнуто. До Стация о походе семерых против Фив

— помимо киклических поэтов — эпические поэмы писали греки Антимах Колофонский (V в.), Антагор Родосский (III в.), некий Менелай, латинские поэты Понтик, Линкей — сохранились фрагменты Антимаха и свидетельства о прочих авторах; до нас дошли связанные с этой темой трагедии Эсхила, Софокла и Еврипида, а из римских драматургов — фрагменты из Акция и трагедии Сенеки «Эдип» и «Финикиянки»; и, конечно, эта тема излагалась у мифографов. При этом нужно заметить, что перед Стацием был не сырой материал, а в большинстве случаев — законченные произведения со своей физиономией и своим взглядом на тему и основные образы. При таком обилии нужно было не просто выбирать, а сознательно и концептуально строить сюжет поэмы, и выше шла речь о том, какой поворот вечной темы братоубийственной войны был для Стация и современным, и пригодным для создания бессмертной поэмы.

Тема «поход семерых против Фив» предполагала основные образы и эпизоды, которые в свою очередь соотносились с аналогичными образами и эпизодами других произведений. Такова, например, знаменитая «тейхоскопия» — смотр войск с городской стены: вестник перечисляет отряды аргосцев Этеоклу в трагедии «Семеро против Фив» Эсхила; у Еврипида в «Финикиянках» дядька перечисляет Антигоне отряды аргосцев; у Стация Форбант (дядька) перечисляет Антигоне отряды, защищающие Фивы; прообраз — Елена, называющая Приаму ахейских героев («Илиада», книга третья). Эпический стиль в спою очередь предполагал ряд обязательных элементов поэмы, в частности, описание рукотворных предметов и сооружений, а также сравнения. Тут Стаций также достигает совершенства. Знаменитый щит Ахилла у Гомера дал повод Вергилию изобразить щит Энея; Стаций сознательно избегает такого подробного и развернутого описания чьего-либо щита, но у него описаны щиты Гиппомедонта (IV, 166—172), Кренея (IX, 331—338), Тесея (XII, 665—676), дворцы Марса и Сна, чаша Даная (I, 541—555), ожерелье Гармонии (II, 272—278), кратер Геркулеса (V, 530—539) и другие прекрасные предметы. Но, сохраняя этот традиционный элемент эпоса, Стаций демонстрирует всю свою поэтическую силу и опыт блестяще усвоенной им постклассической поэзии. Сравним, как описано похищение Ганимеда у Вергилия («Энеида», V, 252—257) и Стация (I, 541—555). У Вергилия — изображение на плаще, который получил Лоант в награду за победу в состязании кораблей:

> Царственный отрок на нем по рощам Иды тенистой
> гнал, потрясая копьем, быстроногих оленей проворно, —
> словно живой, он дышал тяжело, — но, когтями вцепившись,
> спутник Юпитера вдруг вознес его в поднебесье, —

тщетно руки к нему воспитатели старые тянут,
своры яростный лай понапрасну ветер разносит.
У Стация Ганимед изображен на чаше Даная:
Там — фригийский ловец летит на крылах золотистых:
он — возносится, вниз удаляются Гаргары, Троя,
спутники в горе стоят, собаки тщетным рычаньем
пасть изнуряют, и тень догоняют, и лают на тучи.

У Вергилия — почти рассказ (или — два разных изображения); у Стация — действительно одно застывшее изображение, причем с необычной точки зрения, эффектной и последовательно проведенной: при общем виде сверху на переднем плане — орел, несущий Ганимеда, на земле — маленькие (уменьшающиеся) спутники, собаки и тень от улетающих. Традиционные эпические элементы становятся у Стация поводом продемонстрировать технику экфрасиса — одного из упражнений в риторских школах: описание предметов с одной точки зрения и при их обходе, описание картин повлияли уже на Овидия; эта техника воспитывала умение выхватывать и останавливать наиболее эффектное и неожиданное мгновение. Вспомним, как Овидий описывает гибель Икара: он фиксирует то мгновение, когда раскрытые в крике уста юноши наполовину захлестнула волна («Метаморфозы», VIII, 229—230). Такого же рода остановленными мгновениями полны и описания Стация, которые, однако, наиболее выразительны тогда, когда видно, как поэт строит их в сопоставлении — противопоставлении с классическими, образцами. Приведенное описание похищения Ганимеда — пример такого подражания-соревнования.

Сходным образом обстоит дело и со сравнениями. Этот традиционный элемент эпоса Стаций так же применяет и для сохранения структуры эпического текста, одним из измерений которого являются сравнения, и для того, чтобы продемонстрировать свою самостоятельность и свободу в пределах традиционного приема. Покажем это на примере сравнения, которое Стаций заимствует из Гомера («Илиада», XXI, 22—26):

Словно дельфина огромного мелкие рыбы всполошась
И бежа от него в безопасные глуби залива,
Кроются робкие: всех он глотает, какую ни схватит, —
Так от Пелида трояне в ужасном потоке Скамандра
Крылись под кручей брегов.

В «Фиваиде» это сравнение тарже введено при изображении речной битвы; как у Гомера — Ахилл, так у Стация с дельфином сравнивается Гиппомедонт (IX, 242—247):

> Так под пенной волной голубыми рыбешками ужас
> овладевает, едва дельфина, в запретные глуби
> рвущегося, узревают они: вся в ямины стая
> скрыться спешит и в яеленой трапе сбивается в страхе,
> а покидает приют, когда, изогнувшись, над гладью
> вновь он мелькнет, предпочтя о кораблем показавшимся спорить.

Сравнение у Гомера строго функционально. У Стация оно — скорее повод для контраста: чудовищной картине речного боя противопоставлено дивное изображение играющего дельфина (в отличие от хищного дельфина Гомера). Прием развитого сравнения, детали которого имеют самодовлеющее значение и непосредственно не связаны с действием, Гомер знает. Но Стаций применяет его гораздо шире и часто — как повод для соревнования с Гомером. Традиционный прием для Стация — повод продемонстрировать искусство поэтической нюансировки. У него свыше 15 сравнений с бушующим морем (см. I, 479 и примеч.), почти столько же с кораблями, застигнутыми бурей (см. I, 193 и примеч.), свыше десяти сравнений с быками (см. I, 131 и примеч.), — и ни одно сравнение не повторяется. Последнее из названных сравнений восходит к Гомеру. В «Илиаде» (XIII, 703—708) два Аякса сравниваются с запряженными волами, которые дружно тянут плуг. В «Фиваиде» (I, 131—136) Стаций имеет в виду именно этот текст из Гомера, но использует данное сравнение для Этеокла и Полиника: в отличие от Гомера бычки «прочь друг от друга бегут, совместною силою упряжь рвут и, нарушив ряды, межу неровно выводят». Стаций часто использует элементы чужого текста не буквально, но вместе с тем так, чтобы оригинал можно было угадать. Например, у Гомера («Одиссея», XIII, 28 слл.) Одиссей ожидает скорейшего захода солнца, а у Стация, явно опиравшегося на Гомера, Этеокл торопит его восход (III, 31—32).

В этой статье нет ни возможности, ни надобности перечислять все многочисленные параллели с Гомером, Еврипидом, Лукрецием, Вергилием, Овидием, Сенекой, Луканом и множество иных, — значительное их число (насколько это было полезно для понимания русского текста) указано в примечаниях. Иногда эти параллели неожиданны, как, например, почти

буквальная цитата из платоновского «Хармида» (154d) при описании Стацием красавца Партенопея (VI, 569—573):

> Ждали его, и он, наконец, меж толпою летучим
> шагом мелькнув, разомкнул хламиды злато витое.
> Тело его блеснуло, и вся обнаружилась прелесть
> членов: и развитость плеч, и персей не меньшая гладкость,
> чем у ланит, — и лицо померкло в сравнении с целым.

Точно так же у Платона один из поклонников благородного юноши Хармида говорит Сократу, что если красавца Хармида раздеть, красота тела в целом затмит красоту лица. Но всегда у Стация эти параллели, цитаты, аллюзии — не просто демонстрация эрудиции, а свидетельство живой учености подлинного поэта и — одна из особенностей поэтики «Фиваиды».

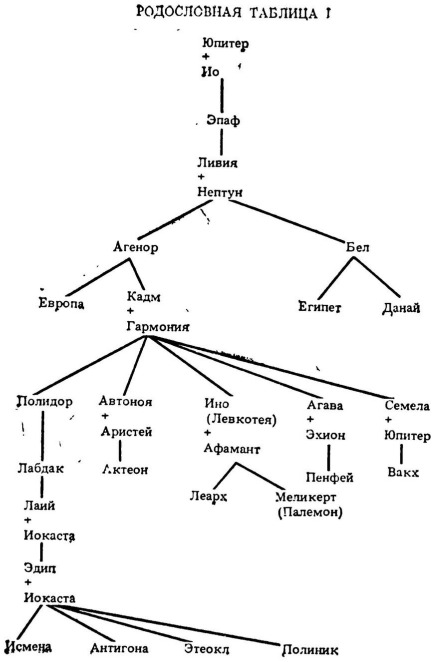
Мы знаем это свойство гениальной переимчивости у Пушкина, заимствовавшего у Байрона самое форму романа в стихах и перелагавшего в «Евгении Онегине» строчки и строфы из «Беппо» (на которого Пушкин прямо указывает в 49 строфе 1 главы: «…услышу ваш волшебный глас! Он свят для внуков Аполлона; но гордой лире Альбиона он мне знаком, он мне родной»), «Чайльд Гарольда» и «Дон Жуана», не говоря уже о множестве случайных — по ходу дела — аллюзиях и реминисценциях, в том числе из русских поэтов, читая которых, как известно, Пушкин сознательно выбирал из них и буквально заимствовал удачные выражения и целые строки.

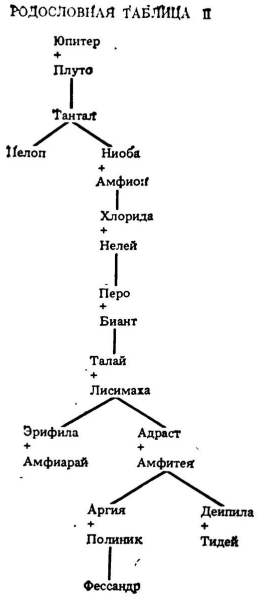
Как и всякое великое произведение античности, средневековья и Возрождения, «Фиваида» Стация в такой же степени представляет собой создание сильного и яркого природного дарования, как и свидетельство разносторонней и живой учености. Элементарной поэтической чуткости достаточно для того, чтобы оценить дарование Стация и увлечься его поэмой; но чтобы ею наслаждаться, нужна хотя бы элементарная приобщенность к той культуре, которая была питательной почвой для Стация, блистательным памятником которой стала «Фиваида» и могла стать незавершенная «Ахиллеида». Эта культура вплоть до XVII в. была живой, — и в течение всего этого времени Стация во всяком случае почитали, более того — любили и понимали; потом — перестали понимать, разучились любить и решили, что можно и не почитать.

Для этого было множество причин. Одна из важнейших — развивающееся национальное самосознание европейских народов, которое провоцировало подчеркнутый интерес к своему национальному прошлому и развитие национальных литератур; оно же последовательно привело к тому,

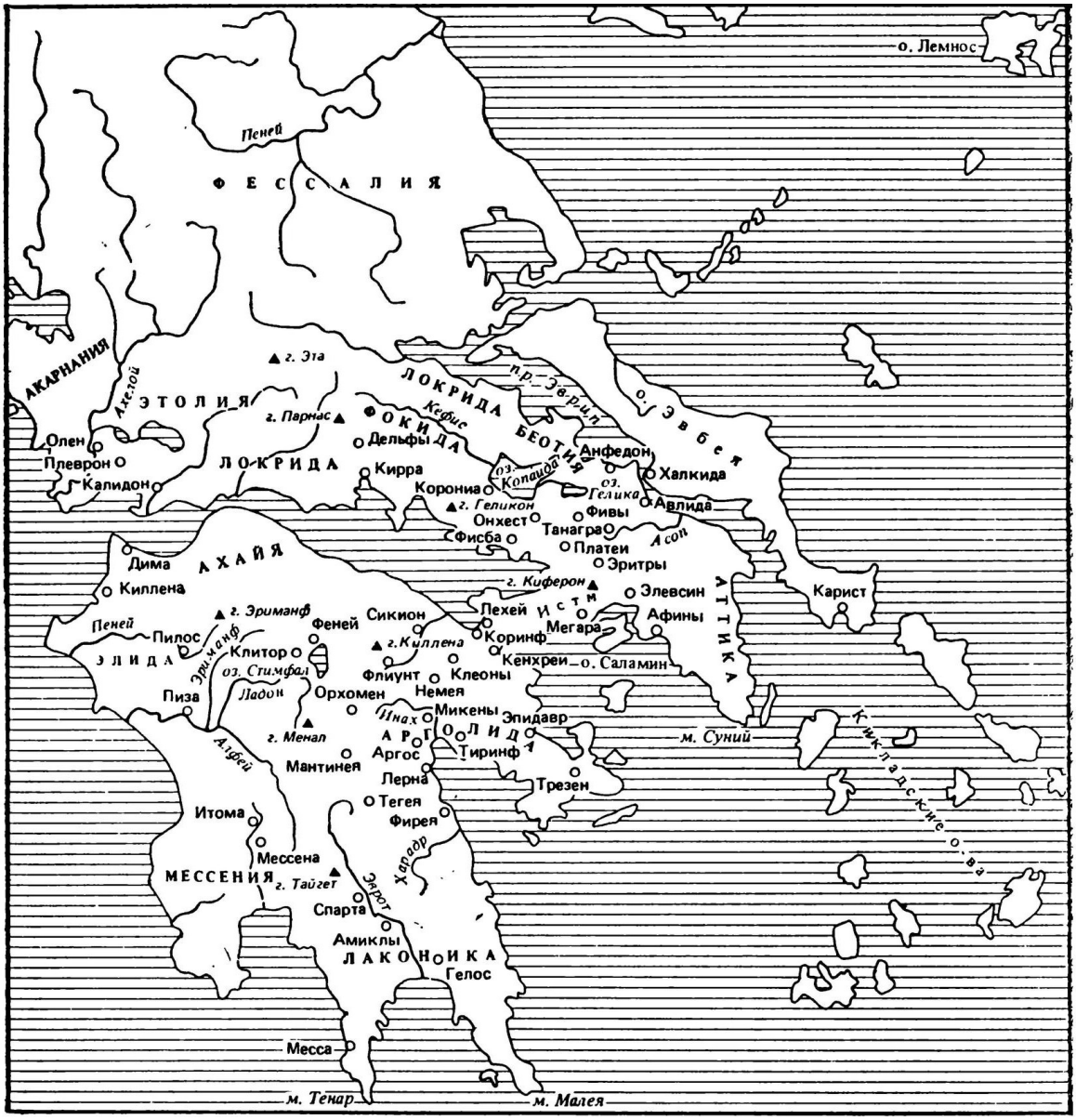
что новое чувство общеевропейского самосознания формировалось — в отличие от эпохи Возрождения — не в обращении к античным истокам Европы и систематическом освоении античного наследия (это стало уделом классической филологии), а в осмыслении своего собственного новоевропейского опыта экономического, политического и культурного строительства и духовного самоопределения. Этот уже богатый, но неизбежно ограниченный опыт все более утверждал в мысли о драгоценности индивидуального самовыражения: ведущей формой утверждения личности — в том числе личности художника — становится ее самоутверждение. Иерархия традиционных ценностей, существовавшая в Европе вплоть до XVII в., распадается, и главным мерилом в оценке художественных достижений прошлых эпох становятся предрассудки сегодняшнего вкуса и политическая ориентация. Но если споры о Гомере и Вергилии, например, оказались одним из событий в становлении новоевропейского самосознания (вспомним хотя бы суждения Вольтера о Вергилии и долгую историю «гомеровского вопроса», возникшего в конце XVIII в. и решаемого по сей день), то Стаций, вплоть до XVII в. занимавший свое законное место в иерархии великих поэтов, оказался маргинальной фигурой. Однако конъюнктурные соображения любого рода подобно диктату моды никогда не дают твердой уверенности в оценке поэта. Для такой оценки нужен богатый опыт личности, самостоятельно вглядывающейся в свое культурное прошлое. А этот опыт свидетельствует, что «гений» — характеристика души художника, его (по слову Платона), «воспитания и образа жизни», а не его взглядов, политических убеждений, роли в истории. И для того, чтобы узнать и назвать гения, нужен не холодный и придирчивый расчет, а открытость и легкость пушкинского Моцарта.

РОДОСЛОВНАЯ ТАБЛИЦА





КАРТА ПЕРЕДВИЖЕНИЯ ПЕРСОНАЖЕЙ «ФИВАИДЫ»



Предлагаемая карта, не отражая в полной мере поэтическую географию «Фиваиды», тем не менее позволит читателю более наглядно представить себе передвижения стациевых персонажей.

notes

Примечания

1

Стих 1 *Братоубийственный бой, и власти черед*… — борьба Этеокла и Полиника, договорившихся править Фивами каждый по году.

2

Стих 2 …*лютою ненавистью*… — приведшей к братоубийству; … *Фивы преступные*… — Стаций неоднократно подчеркивает, что история Фив от их основания отмечена преступлениями. См. I, 7 — 8, 184 — 185, 227 — 241; II, 289 — 296 и мн. др.; см. также статью в наст. изд.

3

Стих 5-6 …*сидонский увоз*… — похищение Юпитером, принявшим образ быка, сидонской (финикийской) царевны Европы; …*агенорова приказанья неумолимый закон*… — Агенор приказал Кадму отправиться на поиски сестры Европы и не возвращаться, пока не найдет ее.

4

Стих 7 …*страх пред Марсом сокрытым пахаря*… — По указанию оракула Кадм в поисках Европы прибыл туда, где впоследствии были возведены Фивы; убив посвященного Марсу дракона, он посеял в землю его зубы; из них выросли спарты («посеянные») — мужи в полном вооружении; испугавшись появившихся из земли воинов, Кадм стал бросать в них камни; они же, обратив свой гнев друг против друга, погибли за исключением пятерых, в том числе Эхиона, ставшего мужем дочери Кадма Агавы.

5

Стих 10 …*в стены, сойтись повелел Амфион тирийским вершинам*… — Амфион игрой на лире заставил каменные глыбы окрестных гор сдвинуться с места и образовать стену вокруг Фив; …*тирийским*… — фиванским, поскольку Кадм пришел из Финикии, крупнейшие города которой Тир и Сидон.

6

Стих 11 …*ярость к родным жилищам у Вакха*… — за то, что Пенфей не признал его богом; мать Пенфея, Агава, и мать Вакха, Семела, были родными сестрами.

7

Стих 12-14 …в *чем состоит юнонина козн*ь… — Когда влюбленный Юпитер обещал Семеле исполнить любое ее желание, она, наученная Юноной, попросила, чтобы он явился к ней в том обличье, в каком он является к Юноне. Когда же Юпитер предстал перед ней на колеснице в громах и молниях, Семела была спалена ими, а шестимесячный плод Юпитер зашил в свое бедро, доносил его, в срок родил Вакха и передал его Гермесу, а тот отдал на воспитание Ино и Афаманту, которых Юнона за это поразила безумием. Афамант убил своего старшего сына, приняв его за оленя, а Ино бросила младшего в сосуд с кипящей водой, а затем с трупом ребенка бросилась в Ионийское море; она была обращена в морское божество и приняла имя Левкотея, а младенец Меликерт — имя Палемон (ср. Овидий. «Метаморфозы», IV, 416 слл.). В честь Меликерта, труп которого был вынесен из моря дельфином, коринфским царем Сизифом были учреждены Истмийские игры (см. Аполлодор. «Мифологическая библиотека», I, 9, 1 — 2; III, 4, 3).

8

Стих 18 …*петь италийских значков триумфы*… — Избрав темой «эдипова дома бесчинство», Стаций, обращаясь к императору Домициану, с подчеркнутым смирением признается, что он не дерзает воспеть ни победы Домициана над северными народами («в битвах арктийских»), сарматами и каттами, живущими за Репном (83 г.): ни над даками, обитавшими в Карпатах и на Дунае (Истре), поход против которых Домициан возглавлял лично и с которыми был заключен мирный договор в 89 г.

9

Стих 21 …*войну, что отвел от Юпитера*… — Имеются в виду события 69 г., когда Вителлий осадил и сокрушил сторонников Веспасиана, укрепившихся на Капитолии; среди осажденных был восемнадцатилетпий Домициан, которому удалось бежать; во время осады сгорел храм Юпитера Сильнейшего и Величайшего; в дальнейшем сторонники Веспасиана захватили Рим. Став императором, Домициан воздвиг на Капитолии храм Юпитеру Стражу. См. Тацит. «История», III, 69 — 85.

10

Стих 24-31 *Пусть все потеснятся области звезд*… — Смысл: несмотря на то, что звезды во всех четырех частях света готовы уступить место Домициану, Стаций просит его остаться властелином земли; …*часть лучезарная*… — восток; …*часть Борея*… — север; …*Плеяд*… — запад; … *та, что молний не знает*… — юг; …*огнетгих коней усмиритель*… — Феб — Аполлон; …*изгиб*… *лучистый*… — дневной путь солнца; можно предположить, что традиционно преувеличенное и прямое обожествление императора Стаций дает в ироническом тоне.

11

Стих 33-40 …*настрою кифару и вспомню*… — Стаций перечисляет основные эпизоды, ставшие содержанием последующих песен; … *мятежное пламя*… — См. XII, 420 — 436: Аргия и Антигона положили труп Полиника в погребальный костер Этеокла, отказавшийся принять тело изгнанника, поскольку братья даже по смерти не примирились друг с другом; …*погребенья лишенные трупы*… — там же (XII, 94 — 103) Стаций излагает, как Креонт, пришедший к власти в Фивах после Этеокла, запретил хоронить трупы аргивян, воевавших на стороне Полиника.

12

Стих 42 …*как пророк лавроносный низвергся?* — прорицатель Амфиарай, поглощенный расступившейся землей вместе с колесницей (Ср. VII, 794 — 823); …*лавроносный*… — лавр — атрибут жреца Аполлона.

13

Стих 43 …*прогнавший в бою враждебные токи*… — Гиппомедонт, бившийся с Исменом. См. IX, 315 — 539.

14

Стих 44 …*печальная битва аркадца*… — юного Партенопея. Ср. IX, 736 — 907.

15

Стих 45 *…по-иному чудовищный…* — Безбожник Капаней, идущий приступом на фиванские стены, был сокрушен перуном Юпитера. Ср. X, 827 — 939.

16

Стих 48 …*в продолжительной смерти*. — описание слепоты; ср.: I, 77; IV, 614 сл.; XI, 582, 696 сл.

17

Стих 60-62 *Ежели я заслужил*… — Царю Лайю было предсказано, что он будет убит своим сыном; поэтому, когда родился Эдип, он, пронзив ему лодыжки, приказал бросить его на горе Киферон. У Стация Эдип был спасен Тисифоной, и именно ее он просит (I, 74 — 81) отметить своим детям, изгнавшим его из Фив.

18

Стих 62-87 …*достигши кирренского тока возле двурогой горы*… — Эдип, воспитанный Полибом, приходит к оракулу Аполлона в Кирре под горой Парнас, разделенной на две вершины, Геликон и Киферон; затем он в пути встречается «с престарелым царем», своим отцом Лаием, и убивает его; придя в Фивы и разгадав загадку Сфинги, Эдип становится царем и женится на своей матери; узнав страшную правду, он ослепляет себя; … *персты отступавшие*… — смысл образа: даже персты, которыми Эдип хотел выколоть себе глаза, отступали перед чудовищным деянием; оскорбленный сыновьями, Эдип предлагает Тисифоне диадему, которую когда-то сорвал с убитого им Лаия, и просит ее разжечь в сыновьях взаимную ненависть (85 — 87); …*мольбою отца возгоревшись, стань меж братьев*… — Ср. слова Эдипа у Сенеки («Финикиянки», 333 слл.).

19

Стих 88-89 *…к нему богиня жестокая грозный лик обращает*. — Ср. описание Тисифоны, внявшей призыву Эдипа, с ее описанием в XI, 69 — 74.

20

Стих 91 …*змеям позволив лизать дышавшие серою волны*. — У фурий вместо волос на голове — живые змеи. Ср. I, 103 — 104.

21

Стих 101 …*ей ведом сей путь*… — Ср. I, 228 — 230. 106 …*от атракийских затмясь заклинаний*… — атракийских, т. е. фессалийских; блеск в глазах летящей Тисифоны Стаций сравнивает со светом луны, низведенной заклинаниями фессалийских колдуний; Фессалия считалась областью, где более всего процветало колдовское искусство; ср. «атракийский яд» у Валерия Флакка («Аргонавтика», VI, 447).

22

Стих 110 …*голубые завязки*… — Тисифону обвивали змеи. Ср. XI, 66, 173; Вергилий. «Энеида», VII, 346: «…Вырвав змею из волос…» (Пер. С. А. Ошерова).

23

Стих 115-122 …*пронзительный свист удвоила свистом*… — Ср. XI, 67 слл. и близкое описание у Вергилия («Энеида», VII, 513 слл.).

24

Стих 116 …*Ахейского моря*… — омывающего Ахайю, область Пелопоннеса.

25

Стих 121-122 *Мать, уздою сдержав крутолобого в море дельфина…* — имеется в виду Левкотея и ее сын Палемон.

26

Стих 124 …*напитала едва привычною тьмою пенаты*… — внесла в царский дворец раздор и ярость, которые уже много раз были причиной совершенных в роде Кадма преступлений. Ср. I, 126 («наследственный гнев»), а также у Сенеки («Фиест», 28 слл.): «…пусть… в ослепленных бешенством сердцах не гаснет гнев, и неизбывный гнев придет ко внукам»… (Пер. С. А. Ошерова).

27

Стих 131-136 *Так, если пахарь, бычков…* — Сравнения подобного рода часты у Стация. Ср II, 323 слл.; III, 330 слл.; IV, 69 слл.; V, 330 слл.; VI, 186 слл., 864 слл.; VII, 436 слл.; IX, 82 слл., 115 слл.; X, 511 сл.; XI, 251 слл.; XII, 169 слл., 601 слл.; ср. также Лукреций. «О природе вещей», II, 352 слл.; Гомер. «Илиада», XIII, 701 слл., 707 сл.: «Одиссея», XIII, 31 слл.

28

Стих 144-150 *А ведь тогда потолок не желтел еще золотом плотным*… — Помещения дворца еще не были отделаны золотом и мрамором; атрий у римлян — приемные покои; в Греции подобное помещение называлось мегароном; …*на поклон явившихся толпы*… — по римскому обычаю утром толпы клиентов собирались в атрии приветствовать своего покровителя (ср. Вергилий. «Георгики», II, 462); …*ни самоцветы тогда с вином сочетать не стремились*… — не пользовались золотыми чашами, украшенными драгоценными камнями.

29

Стих 154-161 *…вы сгубили и долг, и законность…* — Ср. Сенека. «Фиест», 47 слл.

30

Стих 178-179 *о* бог *высочайший*, *земли засеявший*… — Стаций часто применяет по отношению к Юпитеру эпитет «сеятель» (sator): III, 488; V, 22; VII, 155, 734; IX, 511; XI, 248. Ср. Вергилий. «Энеида», I, 254: XI, 725; Валерий Флакк. «Аргонавтика», I, 505; Силий Италик. «Пунические войны», IV, 432; ср. также Проперций, IV, 2, 55.

31

Стих 181-184 …*рок, что Кадму велел*… — имеется в виду похищение Юпитером («сидонским бычком») Европы («ласковый груз») и сражение между собой спартов, выросших из зубов дракона. Ср. I, 5 — 8; ср. также Лукан. «Фарсалия», IV, 549 — 551.

32

Стих 193-196 *Если Борей ледяной…* — Сравнения с кораблями, застигнутыми бурей, часты у Стация. Ср. 1, 370 слл.; II, 105 слл.; 193 слл.; III, 22 слл.; IV, 24 слл., 805 слл.; VI, 19 слл., 451 слл., 483 слл., 799 слл.; VII, 139 слл., 791 слл.; IX, 141; X, 13: XI, 520 слл. У Стация эти сравнения заимствовал Клавдиан; см., например: Клавдиан. «Похищение Прозерпины». Вступление, I слл.

33

Стих 197-311 *А между тем на совет собрался*…. — Ср. со сценами собраний богов у Гомера («Одиссея», 1, 28 — 79; V, 28 — 49).

34

Стих 198-201 …*над сенью стремительной свода*… — Юпитер собирает богов у себя в доме в самой середине вращающегося купола неба; эпическое описание божественного жилища традиционно. Ср. Гомер. «Илиада», I, 494 сл.; VIII, 2 сл. «Одиссея», V, 3 сл.

35

Стих 201-213 *И сам вступает Юпитер*… — Ср. Гомер. «Илиада», I, 533 слл.: «…боги с престола восстали в встречу отцу своему; не дерзнул ни один из бессмертных сидя грядущего ждать… Там олимпиец на троне воссел…» (Пер. Н. И. Гнедича).

36

Стих 210 …*врата, сокровенным цветущие цветом*. — По-видимому, врата в дом Юпитера мыслились изготовленными в кузнице Геркулеса. Ср. II, 276.

37

Стих 214-217 *На преступленья земли и в злобе злодейств*… — Ср. сетования Зевса у Гомера («Одиссея», I, 32 слл.):

«Странно, как смертные люди за все нас богов обвиняют!
Зло от нас утверждают они; но не сами ли часто
Гибель, судьбе вопреки, на себя навлекают безумством?»
(Пер. В. А. Жуковского)

38

Стих 217-218 …*Циклопов руки устали* (*мощные*)… — Юпитер жалуется на нехватку молний, которые для него изготовляет Геркулес (Вулкан) в «эолийских кузницах». Кузницами называли семь островов, которые, как Этна, извергали пламя: Остеод, Липару, Феникуссу, Гераклею, Гиору и Стронгилу. {В книге названо 6 — HF.}

39

Стих 219-221 *Вот почему я стерпел бесчинство — при мнимом вознице*… — Имеется в виду Фаэтон, который не справился с управлением колесницей Солнца и едва не сжег землю. См. Овидий. «Метаморфозы», II, 1 слл.

40

Стих 223 …*просторам морским сверх меры разлиться позволил*… — потоп, уничтоживший преступное поколение людей. См. Овидий. «Метаморфозы», II, 260 слл.

41

Стих 223-228 …*для всех погребение Кадма памятно*… — В наказание за убийство посвященного Марсу дракона в старости Кадм с женой Гармонией были превращены в драконов. Ср. I, 290 — 291.

42

Стих 229 …*промахи в рощах*… — Имеется в виду Афамант; застрелив в безумии сына, он подумал, что убил оленя. Ср. 1, 12 — 13.

43

Стих 230 …*радость зловещую их матерей*… — Агава в вакхическом экстазе радовалась совершенному ею убийству сына, а Иокаста радостно приняла брак с Эдипом, не зная, что он ее сын; …*богов преступленья*… — Ср. «Ахиллеида», II, 331; Лукан. «Фарсалия», VIII, 605; Марциал. «Эпиграммы», X, 61 сл.; Клавдиан. «Против Руфина», II, 421 слл.

44

Стих 235 …*сам к истокам своим — чудовище — вновь возвращаясь* — Ср. Сенека. «Эдип», 238: «Ибо вернулся ты вновь к материнскому лону постыдно».

45

Стих 244-246 *…заключенные браки без одобренъя богов.* — Дурные предзнаменованья, сопутствовавшие браку дочерей Адраста с Тидеем и Полиником, были знаком того, что оба его зятя вскоре погибнут. Ср. II, 256 — 264.

46

Стих 245-247 *Но город мной будет наказан с этим, и тот заодно, сокрывшего в сердце коварство Тантала я не забыл*… — Юпитер обещает наказание и Аргосу, городу Адраста, намекая, что Адраст ведет свой род от Тантала, который, будучи допущен на пиры богов, разгласил божественные тайны людям и предложил богам в пищу тело своего сына Пелопа.

47

Стих 251-252 …*Циклопов кладку*… — стены Артоса, сложенные из огромных камней руками Киклопов; все, что было построено из огромных камней, которые не под силу поднять человеку, приписывали Киклопам.

48

Стих 254 …*телицы фаросской*… — Ио.

49

Стих 255 …*и, золотой, проникнуть сумел сквозь стены твердыни*. — В башню, в которой была заключена Даная; Юпитер проник к ней в виде золотого дождя.

50

Стих 256-257 …*город, где ты в обличье своем появлялся*… — Фивы, где Юпитер предстал перед Семелой в том же обличье, что и перед Юноной. Ср. 1, 12 — 14.

51

Стих 261-262 …*истребить Микены*, *и Самос*, *Спарту*… — города, посвященные Юноне; …*праздничной кровью*… — т. е. кровью жертвенных животных.

52

Стих 263-264 *…смолою куриться утренних стран?* — Благовонная смола и использование ее при жертвоприношениях было изобретением сабеев, живущих в Аравии (ср. Вергилий. «Георгики», I, 57); по свидетельству Плиния («Естественная история», XII, 1), благовония во времена Илиона в Греции не употреблялись.

53

Стих 264-266 …*в мареотидском Копте*… — Юнона упоминает Копт, так как в этом городе почиталась Исида, отождествляемая с Ио.

54

Стих 272 *…за своею Алфей устремленный синайской любовью…* — Имеется в виду Аретуса.

55

Стих 273-274 …*твой храм основали в проклятом месте*… — Имеется в виду храм Юпитера Ликейского в Аркадии; считалось, что в этом месте люди превращались в волков (ср. Августин. «О граде Божием», XVIII, 17).

56

Стих 274 …*Эномая марсовы оси*… — Эномай был царем Пизы в Элиде. Узнав от оракула, что будет убит своим зятем, он предлагал женихам своей дочери Гипподамии состязаться с ним на колесницах; побежденных он убивал, однако сам был побежден и убит Пелопом, который получил его царство и Гипподамию в жены.

57

Стих 275-276 *…там же и кони его, которым под Гемом у гетов лучше пастись*… — подобно коням Диомеда, которые питались человеческим мясом.

58

Стих 276-277 *…погребенья лишенных, стынут тела женихов…* — Головы убитых им женихов Эномай прикреплял над дверью своего дома, а тела оставлял непогребенными.

59

Стих 278 …*преступная Ида*… — Имеется в виду гора во Фригии, а не на Крите; …*преступная*… — так как здесь свершился суд Париса (ср. Вергилий. «Энеида», I, 26) и был похищен юноша Ганимед (см. там же, I, 27; Овидий. «Фасты», VI, 43 слл.).

60

Стих 280 …*в городе Тантала*… — в Микенах и Аргосе, где правили потомки Тантала.

61

Стих 282 *…от зятьев—преступников…* — Зятьями Адраста были Полиник, родившийся от брака Иокасты с сыном Эдипом, и Тидей, убивший своего брата.

62

Стих 287 …*ведь и Вакх с Дионой*… — Диона — мать Венеры, однако саму Венеру часто называли Дионой (ср. Овидий. «Фасты», II, 461); здесь имеется в виду Венера, дочь которой Гармония была женой Кадма.

63

Стих 292-293 …*легкокрылый отпрыск*… — Меркурий.

64

Стих 295 …*дяде*… — Плутону, брату Юпитера, властителю подземного царства.

65

Стих 298 …*до чудовища—внука*… — Этеокла.

66

Стих 299 …*брата*… — Полиника.

67

Стих 303-311 *Тотчас Атлантиад*… — Ср. описание спуска Меркурия с Олимпа у Гомера («Илиада», IV, 73 слл.; XXIV, 339 сл.; «Одиссея», V, 43 слл.) и у Вергилия («Энеида», IV, 238 слл.); …*привязал крылатую обувь*… — Меркурий был посланцем богов и, когда спускался с Олимпа, надевал золотые крылатые сандалии; …*кудри, покрыл*… — Меркурии скрыл голову под головным убором, чтобы умерить блеск, не желая им ослепить землю; голова бога представлялась звездой.

68

Стих 325-326 *к покинутым солнцем мрачным Микенам*… — Когда Атрей накормил своего брата Фиеста мясом его детей, Солнце в ужасе изменило свой ход. По другой версии мифа, Юпитер, изменив ход Солнца, тем самым показал свое благоволение к Атрею, когда тот боролся за власть с братом.

69

Стих 327-328 …*зов неподвижной Атропос*… — Эпитет «неподвижная» является переводом греческого имени Атропос, одной из Мойр (Парок).

70

Стих 328-329 ..*бежит от пещер, безумьем Огига полных*… — Окрестности горы Киферон оглашались криками и возгласами безумствовавших вакханок, а земля напитывалась кровью их жертв (ср. *Пенфей*).

71

Стих 334 …*старик багряный царил*… — царь Мегары Нис (ср. *Скилла*).

72

Стих 335 *…гул двойного…прибоя…* — Имеется в виду Коринфский перешеек, омываемый с двух сторон морем. Ср. Гораций. «Оды», I, 7, 2: «… иль Коринф у двуморья…».

73

Стих 338 …*росоносящий возок*… — колесница Луны.

74

Стих 357 …*Эрасин устремился к Медведице стылой*, — Речь идет о реке Эрасин в Арголиде, которая течет в северном направлении и достигает Коринфского перешейка.

75

Стих 360 …*древнею*…*отравою*… — ядом Гидры, убитой Геркулесом.

76

Стих 370-375 *словно пловец*… — Ср. Гомер. «Илиада», XV, 381 слл., 624 слл.; XVI, 384 слл.

77

Стих 384 …*огнем Геркулеса известный*… — Геркулес выжег болото, в котором жила Гидра («водяная» — ср. греч. hydor).

78

Стих 390-392 *Мирно… Адраст народами правил…* — Ср. Вергилий. «Энеида», VII, 46 слл.: «Мирно старый Латин городами и нивами правил».

79

Стих 408 *…повергает двоих судьба в кровавую ярость*. — Вмешательство Случая (лат. fortuna) нередко у Стация. См. III, 61; VI, 474 сл., 691 сл.; VIII, 456 сл.; XI, 448. 469 сл.; XII, 35, 422.

80

Стих 421-422 …*когда к низейскому вновь Громовержцу игры приходят*… — Имеются в виду игры, проводимые раз в четыре года в честь Юпитера в Олимпии близ Пизы алидской.

81

Стих 453-454 …*Калидон… чудищ родящий…* — Диана, разгневанная на царя Калидона Ойнея, отца Тидея, забывшего принести ей жертву, подослала в окрестности города страшного вепря, который опустошал поля; убит он был сыном Ойнея Мелеагром.

82

Стих 475-477 …*верность такая была*… — Тесей и Пирифой так же, как Орест и Пилад, — символ неразрывной преданной дружбы и готовности пожертвовать собой ради друга. Ср. у Вергилия образы Ниса и Эвриала.

83

Стих 479-481 …так, с *бурей сразившись, стихает море*… — Сравнения с непогодой и буйством ветров часты у Стация. Ср. I, 193 слл.; III, 432 слл.; V, 704 слл.; VI, 108 слл., 299 слл.; VII, 86 слл., 233 слл., 560 слл., 625 слл.; VIII, 423 слл.; IX, 523 слл.; X, 246 слл., 537 слл.; XI, 114 слл.; XII, 650 слл., 728 слл.

84

Стих 485-487 *видом подобный тому, кого… Амфитриониад сокрушил… до борьбы с грозой Клеонейской…* — Шкуру, в которую был одет Полиник, Стаций сравнивает со львиной шкурой, которую носил юный Геркулес, пока не поверг неуязвимого Клеонейского (или Немейского) льва (первый подвиг Геркулеса).

85

Стих 489-490 …*сверху*… *рамен*… *вепря покров — калидонская честь*… — Тидей был одет в шкуру калидонского вепря, которую получил от погибшего брата Мелеагра. Ср. примеч. к I. 453 — 454.

86

Стих 506 *…лишь черные в жертву…* — Ночи и богам подземного царства приносили в жертву животных черного цвета.

87

Стих 509 *Древняя вера в треног, и тайные глуби…* — Имеется в виду вера в предсказания дельфийского оракула Аполлона; Пифия, вещая жрица Аполлона, восседала на треножнике над пещерой, из которой подымались дурманящие испарения.

88

Стих 520-521 *…там, над мраком и тьмой одержать ночную победу…* — Ср. Вергилий. «Энеида», I, 726 сл.: «Ярко лампады горят, с потолков золоченых свисая, пламенем мрак одолев, покой озаряют обширный».

89

Стих 539-543 *Затем, обеденным чином*… — Ср. Вергилий. «Энеида», I, 723 слл.: «Кончили все пировать; убирают столы челядинцы, емкий приносят кратер, до краев наполняются кубки».

90

Стих 540-551 …*Иасид велит… чашу подать…* — Стаций описывает золотую чашу, из которой пили аргивские цари; на ней изображены: …*летун золотой…* — Персей, летящий в крылатых сандалиях Меркурия, с головой Медузы Горгоны, и … *фригийский ловец…* — Юпитер, который, приняв обличье орла, унес Ганимеда, сына троянского царя, на Олимп и сделал его своим виночерпием. Ср. с описанием плаща у Вергилия («Энеида», V, 252 слл.).

91

Стих 557-561 *Может быть, юноши, вы узнать об этих обрядах… жаждете…* — Слова Адраста близки обращению к гостям Эвандра у Вергилия («Энеида», VIII, 185 слл.).

92

Стих 567 …бог… — Аполлон; в честь победы Аполлона над Пифоном были установлены Пифийские игры; прорицательница в Дельфах получила имя Пифии, а сам Аполлон — эпитет Пифийский.

93

Стих 572 …*дочь*… — Псамата.

94

Стих 609 …*к двоепутью ворот*… — Ворота выводили к развилке дорог. Ср. Вергилий. «Энеида», IX, 238 сл.: «…где к развилке дорог… выходят наши ворота…».

95

Стих 630 …*поля и жилища Циклопов*… — Имеется в виду Аргос. Ср. I, 251.

96

Стих 634 …*вождя*… — т. е. Кротопа.

97

Стих 635 …*Сириус правит какой с эфира*… — самая яркая звезда в созвездии Псов, появлением которой отмечен разгар лета; считалось, что Сириус приносит беды и болезни. Ср. Вергилий. «Энеида», X, 273 ел.: «Сириус всходит, сверкая, жажду с собой принося и поветрия людям недужным, жаром зловредным своим удручая широкое небо».

98

Стих 666-668 *Священные эти уставы*…. — Ср. Вергилий. «Энеида», VIII, 268 слл.: «С той поры Геркулеса мы чтим, и потомки охотно праздник этот блюдут».

99

Стих 688 *Сирты*… — Ср. Лукан. «Фарсалия», IX, 302 слл.: «…природа путь преграждала Сиртами…» (Пер. Л. Е. Остроумова).

100

Стих 708 …*грозящие скиптрам кометы*… — Считалось, что появление кометы возвещает или смерть вождя, или войну, или приход к власти нового вождя. Ср. Валерий Флакк. «Аргонавтика», VI, 608: «…Вызваны гневным Зевсом несущие смерть неправедным царствам кометы».

101

Стих 709 …*фригийца, склонил пред кифарой*… — Фригиец Марсий, подобрав свирель, выброшенную Афиной из-за того, что игра на ней искажала ее лицо, вызвал на состязание самого Аполлона. Аполлон играл на перевернутой кифаре (или, по другой версии, играл и пел) и потребовал, чтобы то же сделал и Марсий. Когда тот не сумел, бог убил его, подвесив на дереве и содрав с него кожу.

102

Стих 710 *Тития ты распластал земнородного*… — Юпитер сошелся с Эларой, дочерью Орхомена; когда она должна была родить Тития, Юпитер скрыл ее под землей; посягнувший на честь Латоны Титий был низвергнут Аполлоном в подземное царство, где подвергался вечным мукам.

103

Стих 711 …*фиванская матерь*… — Ниоба.

104

Стих 716 *Помни, свой прежний приют*… — Имеется в виду гостеприимство Кротопа, который очистил Аполлона от убийства Пифона. См. I, 570 сл.; …*юнонины пашни*… — Аргос. Ср. I, 250 — 253.

105

Стих 720 *Митрою, — гнущим, рога, разгневанные на погоню*. — Греки и римляне отождествляли Митру с Солнцем; его изображали в виде юноши, сражающегося с быком.

1

Стих 1 *Майи пернатый посев*… — Меркурий.

2

Стих 6 …*Стикс, девятью полями текущий*… — Ср. Вергилий. «Георгики», IV, 480: «…девятью оборотами Стикса».

3

Стих 9 …*меч нечестивый пронзал ударом родственным душу*… — меч сына Эдипа. Ср. I, 306 — 308.

4

Стих 11 …*шаги укреплял целительной ветвью*. — опирался на жезл Меркурия, кадуцей, который обладал силой усыплять живых и пробуждать мертвых.

5

Стих 12 …*обиталища манов*… — маны — обожествленные духи предков.

6

Стих 21 …*фессалиянки*… — Ср. I, 106.

7

Стих 30-31 …*летейской… лозою и троекратной дремой…* — Меркурий коснулся каждой из трех голов Кербера своим навевающим сон и забвение жезлом (ср. греч. lethe — забвение, Лета).

8

Стих 38 …*на ней лишь звезды*, *устав*, *отдыхают*. — Так Стаций подчеркивает высоту скалы. Ср. II, 38 — 40, 41 — 42.

9

Стих 45-46 *Там… Нептун… к пристани, гонит коней…* — На мысе Тенар находился храм Нептуна, у которого просили защиты моряки; мореплавание в этом месте было очень опасно из-за частых бурь и сильных ветров.

10

Стих 49 *…к черному вниз Юпитеру…* — Плутону, который также именуется «Юпитером Тартара», «черным Юпитером» и т. п. Ср. Силий Италик. «Пунические войны». VIII, 116 сл.; Валерий Флакк. «Аргонавтика», I, 730.

11

Стих 53 …*Леты привратник трехликий*… — Кербер.

12

Стих 55 …*бог окрыленный*… — Меркурий. Ср. II, 1.

13

Стих 62-63 …*за отнятым звездным сводом следит*… — намек на то, что Лаий умер насильственной смертью.

14

Стих 70 … *аркадской лозы*… — т.е. кадуцея, жезла Меркурия. Ср. II, 30.

15

Стих 72-73 …*тебя неурочные роды препоручили отцу*, — См. примеч. к I, 12 — 14.

16

Стих 74-80 *…ночь порешили без сна пронести в веселии общем…* — Стаций описывает празднество в Фивах в честь рождения Вакха, которого чтили ночными бдениями. Ср. Лукреций. «О природе вещей», 749 слл.; Плавт. «Кубышка», IV, 10, 64 сл.; *…всюду…плетеницы разбросаны были…* — обычай украшать пиршество гирляндами и венками из виноградных лоз, зелени, цветов; *…выдыхали они меж кратеров, вини истощивших, сонного бога…* — к утру, когда кратеры — сосуды, где вино смешивалось с водой, — были уже пусты, фиванцы спали тяжелым сном, отягощенные Вакхом, т.е вином (ср. Вергилий. «Энеида», IX, 326: «Сон выдыхал из широкой груди в забытьи непробудном»); *…медный звон побеждал по бычьей коже удары…* — звон медных кимвалов был громче глухих ударов в тимпаны и бубны, которые изготовлялись из натянутой бычьей кожи; кимвалы, тимпаны — ударные музыкальные инструменты — и флейты были обязательной принадлежностью вакхических оргий; …в *радости сам погнал Киферон… здравых умом матерей…* — в тот день, когда Меркурий с Лаием прибыли в Фивы, вакхический экстаз, в котором фиванские женщины с криком носились по склонам Киферона, был более радостным, чем тогда, когда Агава растерзала своего сына Пенфея.

17

Стих 81-88 *Так, внезапно сойдясь, на Родопе пиры учиняют…* — Стаций сравнивает вакхические оргии в Фивах с пирами диких бистонов во Фракии, знаменитых своим воинственным пылом и буйными играми, когда «на них Иакха огигова веет бешеный дух». Ср. Гораций. «Оды», I, 27, 1 сл. Стаций помещает бистонов на холмы Оссы, тем самым либо перенеся эту известную фессалийскую гору из Фессалии во Фракию, либо имея в виду некую Оссу во Фракии, о которой другие источники не сообщают.

18

Стих 90 …*царя ахионского*… — т.е Этеокла.

19

Стих 96-100 …*принял Тиресия вид и голос*… — Принимая образ Тиресия, Лаий надевает на себя и атрибуты прорицателя: …*волну*… — т.е шерсть — метонимическое обозначение инфулы — головного убора из белой шерсти (иногда расшитого пурпуром), по обе стороны которого на плечи спускались шерстяные повязки; в жреческие повязки иногда вплетались ветви оливы. Ср. Вергилий. «Энеида», VII, 415 слл.: «…в кудри седые ветку оливы вплела и стянула их туго повязкой».

20

Стих 102-119 *Спать не время тебе…* — Ср. Гомер. «Илиада», II, 23 слл., 60 слл.: «Ночи по сне провождать подобает ли мужу совета…»; *…да не впустишь с ним владыкою Кадма — Микены.* — Лаий предостерегает Этеокла, чтобы тот не впустил и Фивы вместе с Полиником Адраста — царя Аргоса и Микен; Стаций не раз называет Микены вместо Аргоса (см. указ.), поскольку оба города находились близко друг от друга в Лаконии и почти всегда подчинялись одному царю.

21

Стих 121 …*от светлых коней*… — от коней, запряженных в колесницу Солнца.

22

Стих 134-151 *Вышла уже в небеса…* — Ср. Гомер. «Одиссея», III, 404 слл., VIII, 1 слл.: «Встала из мрака младая с перстами пурпурными Эос…».

23

Стих 138 …*на коне чужой эфир покидая*… — Люцифер (т.е Денница, Утренняя звезда, Венера) последним из всех звезд покидает небо, когда уже взошло солнце, поэтому Стаций говорит о «чужом» эфире для звезды, родным для которой должно быть ночное небо; традиционно поэты изображают Солнце на квадриге, Луну — на биге, а отдельные звезды — на одном коне.

24

Стих 139-140 …*отец пламенеющий полнит мир*… — т.е Солнце полностью выходит из-за горизонта.

25

Стих 140 …*сестре*… — т.е Луне.

26

Стих 165-166 *Прибегал к условиям многим даже Ойней твой…* — У отца Тидея, Ойнея, была дочь Деянира, руки которой просади одновременно Геркулес и Ахелой; Ойней обещал выдать дочь за того, кто проявит большую доблесть в состязании: Геркулес победил Ахелоя, который несколько раз менял свое обличье; *…тесть, опасный пизанской вожжею.* — Эномай. См. примеч. к I, 274.

27

Стих 179-180 …*от древних полей сикионских призванный*… — Адраст раньше царил в городе Сикион в Ахайе, а затем по просьбе аргивян стал царем Аргоса.

28

Стих 182-183 …*народы, которые держит Истм дорийский с одной, стороны, а с другой не пускает*… — Дорийцы, народ, заселявший земли близ Малийского аалива, заняли Пелопоннес, изгнав оттуда потомков Пелона; хотя это произошло после разрушения Трои, Стаций уже называет Истм дорийским, предвосхищая это событие; противопоставляются народы, жившие на Пелопоннесе по одну сторону Истма, и вся остальная Греция — по другую. Ср. Овидий. «Метаморфозы», VI, 419 слл.: «Много других городов, двумбрским замкнутым Истмом, и в стороне от него, обращенных к двуморскому Истму» (Пер. С. В. Шервинского).

29

Стих 184 …*свет от страшных Микен, свой ход изменив, не сбежал бы*… — См. примеч. к I, 325-326.

30

Стих 186 …*близ Элиды холмы, не гремели б от схваток свирепых* — намек на кровавые состязания с Эномаем за право жениться на Гипподамии. Ср. примеч. к I, 273 — 275.

31

Стих 204 …*с гименеями первыми*… — т.е., с первыми брачными песнями.

32

Стих 205-213 *Идет Молва*… — Ср. VI, 1 слл.; IX, 22 слл.; Вергилий. «Энеида», IV, 173 слл.: «Тотчас Молва понеслась меж ливийцев из города в город»; а также XI, 139 слл.; IX, 473 слл.

33

Стих 215-222 …*изображения предков*… — Стаций описывает древний обычай римлян ставить в атриуме изваяния предков (ср. Вергилий. «Энеида», VII, 178 слл.; Плиций. «Естественная история», XXXV, 2). Стаций перечисляет наиболее именитых аргосских царей, начиная с основателя Аргоса, Инаха; только Кореб был незнатным юношей, но был почитаем как освободитель города от чудовища, посланного на Аргос Аполлоном; *Двурогий родитель Инах*… — традиционно реки изображались в образе человека с бычьими рогами на голове, опирающегося на чашу, из которой била вода (ср. Вергилий. «Энеида», VII, 792: «Инах-отец изливает поток на урны чеканной»); …*негодующий на Громовержца*… — Акрисий, после того как его дочь Даная родила сына Юпитеру, боясь быть убитым рукою внука, бросил мать и дитя в море; …*Кореб с головой на мече обнаженной*… — с головой убитого им чудовища (ср. I, 605 — 606); … *образ Даная за ним, замыслившего преступленье*… — изгнав Геланора, сына Агенора, Данай стал царем Аргоса; узнав от оракула, что он будет убит сыном брата, он выдал замуж пятьдесят своих дочерей за пятьдесят сыновей брата Египта, приказав им в первую же ночь убить своих мужей; только Гипермнестра пощадила Линкея, который впоследствии убил Даная.

34

Стих 237 …*строгая Феба сестра*… — Диана.

35

Стих 242 …*Юпитера дочь* — Паллада.

36

Стих 243 …*шел бы Палладе колчан, а Делии — шлем оперенный*. — Паллада-воительница изображалась при оружии, со щитом, копьем и в шлеме, а Диана, богиня охоты — с колчаном и стрелами.

37

Стих 248 *…и порог покрывают сломленным лесом*. — По древнему обычаю, во время празднеств двери домов и храмов украшали цветами и ветвями деревьев. Ср. Катулл, LXIV, 293: «Их (платан и кипарис), друг с другом сплетя, перед входом, дворцовым расставил, чтобы он весь зеленел, осененный свежей листвою» (Пер. С. В. Шервинского).

38

Стих 252-253 …*город Лариса круч мунихийских отнюдь не ущербней*… — в Ларисе был храм Минервы; основное святилище Минервы находилось в Афинах; мунихийские кручи — т.е. Афины.

39

Стих 254 …*дщери Иасия*… — аргивские женщины.

40

Стих 269-271 *…Лемносского бога терзала долгая ревность…* — Вулкан терзался ревностью к Марсу; застигнув Венеру и Марса на ложе, Вулкан набросил на обнаженных выкованные им цепи и позвал богов посмеяться над любовниками — это была месть за нанесенное ему оскорбленье. Ср. Гомер. «Одиссея», VIII, 266 слл.

41

Стих 275-285 …*но труд наибольший сам он свершил*… — Стаций описывает, как Вулкан украсил оправу из драгоценных камней на ожерелье: *Здесь и Горгоны глаза*… — всякий, кто видел голову Медузы Горгоны, превращался в камень; главная сила была у нее в глазах; …*последней молнии, блестки*… — взятой с наковальни Киклопов, которые ковали молнии для Юпитера; …*плача достойный плод Гесперид*… — золотые яблоки, охраняемые Гесперидами в саду на крайнем западе; Геркулес в долгих странствиях нашел сад Гесперид, убил охранявшего сад дракона и похитил яблоки, свершив свой самый тяжелый, двенадцатый, подвиг; … *руна зловещее фриксова злато*… — мать Фрикса и Геллы Нефела (по Аполлодору — разгневанная мачеха Ино, см. Аполлодор. «Мифологическая библиотека», I, 9, 1) отправила детей на златорунном баране в Колхиду; Гелла упала в море, дав имя Геллеспонту, а Фрикс прибыл в Колхиду и принес в жертву Марсу шкуру барана; он женился на дочери колхидского царя Ээта, а когда подросли их дети, царь убил Фрикса, так как получил предсказание оракула, что будет убит потомком Эола. Дети спаслись бегством и на плоту отправились к деду Афаманту, но потерпели крушение и были благосклонно приняты Эсоном; сын Эсона, Иасон, возглавил поход аргонавтов за золотым руном и добыл его с помощью Медеи, которая ради Иасона предала отца и убила брата; …*снятого с черных влас Тисифоны вождя*… — т.е змею, см. примеч. к I, 91; …*мучащей Пояса мощью все наделяет*… — пояс Венеры, обладавший магической силой, который надела Гармония, когда выходила замуж за Кадма; …*лунною мажет пеной*… — Фессалийские колдуньи сводили с неба луну, которая покрывалась пеной и обрызгивала ею ядовитые травы, делая их яды более действенными. Ср. Валерий Флакк. «Аргонавтика», VI, 447; Апулей. «Метаморфозы», I, 8.

42

Стих 287 …*сын идалийский*… — Амор, или Купидон, сын Венеры.

43

Стих 290-291 …*вопли ее обратились в глухое шипенье*… — намек на превращение Гармонии в змею; Кадм с женой Гармонией в глубокой старости переселились в Иллирию, где оба они были превращены в змей. Ср. I, 227 сл.; а также Аполлодор. «Мифологическая библиотека». III, 5, 4; Аполлоний Родосский. «Аргонавтика», IV, 516 слл.; Лукан. «Фарсалия», III, 189: «Также Энхелии сын, своим именем древним гласящим о превращеньи в змею умершего Кадма» (Энхелия — город в Иллирии, название которого Лукан выводит из греч. enctielys — угорь, змея).

44

Стих 293 …*коварство Юноны*. — См. примеч. к I, 12 — 14.

45

Стих 299 …*жена обреченного смерти провидца*… — Эрифила, жена Амфиарая.

46

Стих 305 …*сын — безвинного гнева?* — Перед гибелью Амфиарай поручит сыну Алкмеону отметить за него и убить мать, вовлекшую его в сраженье. Ср. VII, 788 сл.

47

Стих 307 …*герой исменский*… — Полиник.

48

Стих 314 …*сестра*… — Антигона.

49

Стих 323-330 *как бык без долины привычной*… — Ср. V, 330, 333; VII, 438 сл.; VIII, 596; XI, 28 слл.; о схватке львов с быками ср. V, 330 слл. VIII, 593 слл.; образ восходит к Гомеру («Илиада», XVI, 487 слл. XVII, 542; XVIII, 579 слл.); ср. также Вергилий, «Энеида», X, 454 слл.

50

Стих 331 …*тевмесский юноша*… — Полиник.

51

Стих 348-349 …*вещие жертвы, также падение птиц*… — См. примеч. к III, 456 — 465; 507, 508, 511.

52

Стих 358 …*сын сатурнов*… — Юпитер.

53

Стих 376-377 *…гидра сожженная греет, глуби виновных зыбей…* — См. примеч. к I, 360 и 384.

54

Стих 378 *…песнею их пастухи еще оглашать не решались…* — В долинах Немеи еще был жив страх перед Исменским львом, которого убил Геркулес.

55

Стих 380 …*Сизифа приют*… — Кенхреи, восточный порт Коринфа, получившие прозвище «сизифовых» по имени царя Коринфа Сизифа, нашедшего на побережье труп Палемона; он похоронил его с почестями и установил в его честь Истмийские игры.

56

Стих 381 …*гневные воды и их разобщивший Лехей палемонов*… — Разделяя воды Эгейского в Ионического морей, Истм словно мешает им соединиться — отсюда эпитет «гневные»; обращенный на запад порт Коринфа Лехей назван именем Палемона, в чыо честь установлены Истмийские игры.

57

Стих 384 …*крепость Агенора*… — Фивы.

58

Стих 434 …*на берегах, стесненных эвбейским прибоем*… — Имеется в виду Беотия, отделенная от острова Эвбеи лишь узким проливом Эврипом.

59

Стих 436 …*от Пелопа и Тантала*… — См. родословие Адраста (табл. II).

60

Стих 437-438 …*Юпитер родственной кровью ближе*. — Род Адраста восходит к Танталу, сыну Юпитера, и Полиник, породнившись с ним, так же, как и Тидей, принадлежит теперь к более знатному роду, нежели Этеокл, так как прародитель фиванских царей Кадм восходит к Юпитеру только в четвертом колене.

61

Стих 439-440 …*сестры обычно робкие руна несут*… — В обычае у греков было, чтобы женщины и девушки, даже если они царского рода, пряли шерсть и ткали. Ср. Феокрит. «Идиллии», XVIII, 32 слл. Правда, по свидетельству Ксенофонта («О государстве спартанцев», I), Ликург освободил свободных женщин от этих обязанностей и поручил их служанкам.

62

Стих 454-455 *…и новою песней тройные стены возвел Амфион…* — См. примеч. к I, 10.

63

Стих 469-476 *Так убегал за Диану Ойнею отмститель*… — Тидей, в гневе убегающий из дворца Этеокла, сравнивается с калидонским вепрем (ср. Гомер. «Илиада», XII, 146 слл.), который в ярости бежал от преследовавшего его «пелопова отряда». Для того чтобы отметить калидонскому царю Ойнею, который, принося жертвы богам, забыл о Диане, она наслала на страну вепря. Чтобы его убить, по призыву Ойнея прибыли отважные юноши из разных мест Греции, а не только с Пелопоннеса, так что «пелопов» здесь означает вообще «греческий» (ср. Аполлодор. «Мифологическая библиотека», I, 8, 2); вепрь был убит Мелеагром (ср. Гомер. «Илиада», IX, 538 слл.). Стаций излагает миф о Калидонской охоте не совсем традиционно: так, у Овидия Теламон падает не пронзенный вепрем, а споткнувшись о корень дерева («Метаморфозы», VIII, 379; ср. Аполлодор. «Мифологическая библиотека», I, 8, 2).

64

Стих 476 …*герой калидонский*… Тидей назван калидонским как сын калидонского царя Ойнея, а также потому, что носил на плечах шкуру вепря.

65

Стих 478-479 …*бросает молящей оливы ветвь*… — Ветвь оливы была знаком мирных переговоров; бросив ее, Тидей тем самым отказывается от дальнейших переговоров.

66

Стих 505-518 …*сидела на нем летунья эдипова*. — Сфинга. См. примеч. к I, 61 — 87; …*сходственным мужем*… — т.е Эдипом, который подобен Сфинге и хитроумием и тем, что уже запятнан убийством.

67

Стих 527 …*паллой*… — палла — верхнее женское платье до пят, надевавшееся поверх столы.

68

Стих 535 «*Кто вы, откуда, зачем таитесь с оружьем?*» — Ср. Вергилий. «Энеида», IX, 376 сл.: «Стойте! Кто вы, мужи? Зачем спешите с оружьем? Держите путь свой куда?»

69

Стих 562-563 …*подобен Фолу величьем души*… — Тидей сравнивается с самым яростным из кентавров, который в сраженье с лапифами (ср. Овидий. «Метаморфозы», XII, 210 слл.) бился с огромным кратером в руках. По Вергилию, это был кентаир Гилий (ср. «Георгики», II, 457).

70

Стих 573 …*земнородных мужей*… — См. примеч. к I, 7.

71

Стих 586-587 …*бистонский*…*меч*… — Этолия, где царил Ойней, расположена по соседству с Фракией; бистоны, фракийский народ, более других богов почитали Марса.

72

Стих 595-601 *Именно так — если гетской должны мы флегре поверить*… — Тидей сравнивается со сторуким великаном Бриареем, который, согласно Гомеру («Илиада», I, 399 слл.) и Гесиоду («Теогония», 147 слл., 713 слл.), спас Зевса, когда против него восстали титаны. У Стация же Бриарей стоял «против грозящих небес», в чем поэт следует Вергилию («Энеида», X, 565 слл.) и Теренцию («Братья», 50 слл.); …*змея … Паллады*… — щит Афины, к которому была прикреплена голова Медузы Горгоны со змеями вместо волос.

73

Стих 650 …*ночи твоей!* — ночи, в которую Тидей совершил столько подвигов (ср. «дорийская ночь»: Валерий Флакк. «Аргонавтика», II, 573).

74

Стих 654 …*к другу*… — т.е к Полинику.

75

Стих 661-662 …Для *вас не праздник трехлетний ночь принесла*… — Тидей пришел в Фивы во время празднований в честь Вакха, которые проводились раз в три года в память трехлетнего похода Вакха в Индию. Ср. Аполлодор. «Мифологическая библиотека», III, 5, 1, а также Вергилий. «Энеида», IV, 302: «…призывая к началу буйных празднеств ночных, выносят из храма святыни…».

76

Стих 663 …*преступных родителей ярость*. — Охваченная вакхическим экстазом Агава растерзала своего сына Пенфея (ср. I, 11).

77

Стих 664 …*небриды и тирсы*… — атрибуты вакханок; небрида — шкура молодого оленя, которую носили вакханки во время празднеств; тирс — жезл Вакха, увитый виноградом или плющем, часто увенчанный хвойной шишкой.

78

Стих 665-666 …*да возгремлю*… — т.е. буду ударять в кимвалы; см. примеч. к II, 74 — 80; …*келенскую битву*… *флейт*… — культ Вакха пришел в Грецию через Фригию — отсюда эпитет «келенская».

79

Стих 675-681 *Лев таков же*… — Ср. Гомер. «Одиссея», XXII, 402 слл.

80

Стих 693 …*не обманутый птицами*… — См. примеч. к III, 456 — 465.

81

Стих 707-712 *Дуб, который давно позабыл о юности нежной…* — Ср. Вергилий. «Энеида», XI, 5 слл.

82

Стих 715-743 «*Грозная дева*… — Минерва; …*ум верховного бога*… — Минерва отождествлялась с Афиной, которая была дочерью Зевса и Метиды (греч. metis — мудрость, мысль) и родилась из головы отца в полном военном облачении (ср. Гесиод. «Теогония», 886 слл.; Гомеровы гимны. «К Афине», XXVIII, 4 слл.; Аполлодор. «Мифологическая библиотека», I, 3, б); …*грозит со щита Горгона*… — Ср. II. 597; …*похищают крылатые оси*… — Минерве приписывают изобретение колесницы (ср. Гомеровы гимны. «К Афродите», IV, 12 сл.); …*Плеврон*…. *марсов*… — в Плевроне почитался Марс, Стаций называет (IV, 103) Плеврон «мелеагров», так как Марс считался отцом Мелеагра; «*Выбить я сверху велю… и дарованья твои*… — Тидей, согласно древнему обычаю, собирается украсить храм Минервы изображениями предков и добытым им в битве оружием, которое обычно прикреплялось или над входом, или в центре кровли, куда сходились балки. Ср. Вергилий. «Энеида», IX, 408: «…если сам я хоть раз добычу лесную в храме повесил твоем иль прибил над дверью священной»; *Сто посвященных тебе калидонянок*… — специально избранных жриц.

1

Стих 2 …*руководитель*… — Этеокл; …*увлажнившимся звездам*… — Часто встречающийся в римской поэзии образ. Ср. II, 527; а также Вергилий. «Энеида», III, 589: «Ночи влажную тень прогнала с небосвода Аврора». Ср. также Силий Италик. «Пунические войны», II, 469.

2

Стих 10-14 *и сразу же слух о злодействе ближних достиг городов* — Персонифицированный образ Молвы и слухов часто встречается в римской литературе. См. примеч. к II, 205. Ср. «Ахиллеида», IV, 166; Вергилий. «Энеида», VII, 104; Овидий. «Метаморфозы», VIII, 267; Ливий. «От основания города», II, 2, 4.

3

Стих 16-17 …*не из меди иль адаманта цельного*. Медь и адамант — излюбленный материал у эпических поэтов. Ср. IV, 534: «Сильвы», I, 2, 69; Вергилий. «Энеида», VI, 552: Овидий. «Метаморфозы», IX, 615; Гомер. «Одиссея», XXII, 102; Аполлоний Родосский, «Аргонавтака», IV, 1652.

4

Стих 23 …*вожатый ольхи*, *калабрийской*… — кормчий корабля; корабль в поэзии часто называется по материалу, из которого он сделан (метонимия). Ср. IV, 479; VI,106; VIII, 270; IX, 380; X, 13; «Ахиллеида», II, 19; Катулл, IV, 10 сл.: «Где — нынешний корабль — стоял он некогда косматым лесом. На киторском темени широко он шумел листвой глаголющей». Ср. также Вергилий. «Георгики», I, 136: «…об ольхах долбленных…»; II, 451: «Легкая также ольха по бушующим плавает водам…».

5

Стих 31-32 …*так же и Агенорид*… — Ср. Гомер. «Одиссея», XIII, 28 слл. Этеокл, подобно Одиссею, ожидающему скорейшего захода солнца, торопит его восход.

6

Стих 40 *Ледяною зарей*… — когда на небе находится утренняя звезда Люцифер. Ср. Вергилий. «Георгики», I, 288; «…когда на заре росится земля под Денницей», а также: Вергилий. «Энеида», III, 588, XI, 4; …*ледяною*… — Ср. II, 135.

7

Стих 45-52 *Подобно ему бегом, возвращается пастырь…* — Сравнение Мэона с пастырем, возвращающимся домой после того, как он потерял свое стадо, заимствовано у Стация Клавдианом (Клавдиан. «Похищение Прозерпины», III, 165).

8

Стих 48 …*зимней луны, несущими ветр остриями*; — Как по цвету и форме луны определили погоду, подробно объясняет Вергилий («Георгики», I, 425 слл.); в частности о ветре — стихи 431 — 434:

«Коль по четвертому дню (одно из вернейших гаданий)
Чистая небом идет и ее не притуплены рожки,
В этот, стало быть, день и в те, что за ним народятся,
Месяц весь до конца ни дождя ни случится, ни ветра».

9

Стих 56-57 … *таков перед взятием вопль в осажденном городе*… — Ср. VII, 600, а также Гомер. «Илиада», XVIII, 207 слл.

10

Стих 66 …*злую пощаду*… — оксюморон.

11

Стих 68 *…к гибели мне… открывшая двери…* — постоянно повторяющийся у разных поэтов образ входа в подземный мир. Ср. Вергилий. «Энеида», II, 661: «…для смерти дверь открыта…»; VI, 106: «… вход к царю преисподней…»; ср. также «Сильвы», V, 3, 257; Валерий Флакк. «Аргонавтика», IV, 23.

12

Стих 76-77 *…души будут летать, …угрожая местью…* — *о* душах умерших, угрожающих живым врагам — у Вергилия («Энеида», IV, 386: «… с тобою тень моя будет…»), подробно — у Горация («Эподы», V, 91 слл.) и у Овидия («Ибис», 157 слл.).

13

Стих 105 …*лавром своим удостоил*… — См. примеч. к I, 42.

14

Стих 106-107 …*в храме киррейском дева*… — аполлонова жрица, Пифия.

15

Стих 109-110 …*под свод, чья ось недоступна манам огиговым*… — намек на преступления фиванского рода; вход в Элисий доступен лишь непорочным душам; несмотря на это, в IV книге (596 слл.) Мэон проходит перед глазами Тиресия со своими погибшими товарищами.

16

Стих 121-122 …*бесславной скалы, и злодейской рощи*… — там, где сидела раньше Сфинга (ср. II, 505 слл., 555) и Тидея поджидала засада.

17

Стих 122-123 …*черный дождь*… — слезы, текущие по сочащимся кровью, покрытым в знак скорби прахом лицам. Такие же словосочетания встречаются у Вергилия («Георгики», I, 236), Валерия Флакка («Аргонавтика», V, 176). Слезы часто сравниваются с дождем, омывающим лицо. Ср. II, 234; IV, 591; V, 270; «Сильвы», V, 1, 32; Овидий. «Искусство любви», I, 532; «Любовные элегии», III, 6, 67; «Скорбные элегии», I, 3, 18; Клавдиан. «Похищение Прозерпины», XXXVI, 311.

18

Стих 140-143 *так фессалиянка… ночью выходит в поля…* — сравнение с фессалийской колдуньей, умеющей пеньем воскрешать из мертвых, которая выходит в поле после битвы с факелом из кедра, радуясь числу убитых. Ср. II, 22, IV, 504, а также Вергилий, «Буколики», VIII, 98.

19

Стих 144-145 *…манов… пытает, кому из лежащих лучше в живых пребывать*. — Фессалиянки могли вернуть к жизни лишь недавно умерших. Ср. сходное описание у Лукана («Фарсалия», VI, 620 слл.).

20

Стих 146 …*авернского мрака родитель*. — Плутон.

21

Стих 151-168 *Эти ль объятия мне, лобзания эти ли, дети*… — Ср. плач Иды с плачами Аталанты (IV, 309 слл., IX, 570 слл.), Гипсипилы (V, 608 слл.), Эвридики (VI, 137 слл.) и Исмениды, матери Кренея (IX, 376 слл.); … *счастьем утробы моей — я мнила сравняться с богами*… — Имеется в виду Ниоба, возгордившаяся перед Латоной своим многочисленным потомством. Ср. Овидий. «Метаморфозы», VII, 61; Клавдиан. «Похищение Прозерпины», I, 194.

22

Стих 174 *После железом леса обнажают…* — Рубка деревьев для возведения погребальных костров или постройки кораблей относится к «топосам» в эпической традиции. Ср. IV, 419 слл.; VI, 90 слл.; впервые у Гомера («Илиада», XXIII, 114 слл.). Заимствование из Гомера у Энния (VI, 181 слл.). Ср. Вергилий. «Энеида», VI, 179 слл., XI, 135 слл.; Овидий, «Метаморфозы», X, 90 слл.; Сенека. «Геркулес на Эте», 1618 слл.; «Письма», X, 13; Лукан. «Фарсалия», III, 399 слл., 432 слл., 440 слл.; Силий Италик. «Пунические войны», X, 528 слл., Клавдиан. «Похищение Прозерпины», 111, 370 слл.

23

Стих 180-181 *…как сидонский странник железный посев свершил в борозде ионийской*. — См. примеч. к I, 5 — 7; *…сидонский странник…* — Кадм.

24

Стих 183-187 *…как древнего Кадма покои в прахе перунном легли…* — См. примеч. к I, 12 — 14, 229.

25

Стих 190 …*сопутниц слезам ужаснулась Агава*, — Ср, I, 230.

26

Стих 203 …*не был хозяин, увы, молосскою злобою узнан*… — Актеона растерзали его собственные собаки, которых обратила против него Диана. Особой злостью отличались молосские псы. Ср. Вергилий. «Георгики», III, 405: «…молоссы, горячие нравом…»; Гораций. «Эподы», 6, 5: «…молосс, защитник стад пастушеских» (пер. Н. Гинцбурга).

27

Стих 204-205 …*внезапно царицы лужею кровь разлилась*… — миф о превращении в источник погибшей Дирки.

28

Стих 218 …*сеятель звезд*… — Юпитер. См. примеч. к I, 179.

29

Стих 223 …*шлема блеск оперен перуном*… — Шлем был украшен султаном, подобным молнии. Ср. IX, 699, а также Вергилий. «Энеида», IV, 130.

30

Стих 226 …*свод под осью гремит*… — метонимия; т.е под колесами колесницы. Ср. «Сильвы», II, 7, 107, а также Лукан. «Фарсалия», VI, 464.

31

Стих 242-243 *От мира начала назначен день неотменный войны…* — стоическая мысль о том, что ход судьбы был определен в момент возникновения мира и не может быть уже изменен; *От мира начала…* — Ср. Вергилий. «Георгики», II, 336; Овидий. «Метаморфозы», 1, 3; Лукан. «Фарсалия», VI, 6 слл.

32

Стих 246-247 …*этой твердыней клянусь*… — Олимпом, откуда Юпитер правит миром; …*рек элисийских водой*… — сказано вместо «Стикса водой», которой клялись боги. Ср. VIII, 30; Вергилий, «Энеида», VI, 324; Гомер. «Одиссея», V, 185 — 186: «Стикса подземной водою клянусь, ненарушимой, страшной Клятвой, которой и боги не могут изречь без боязни…».

33

Стих 255-256 *Так морской замирает простор при длительном мире бурь*… — Ср. Гораций. «Оды», I, 3; Вергилий. «Энеида», I, 53; Энний. «Анналы», 488; Гомер. «Илиада», XVI, 765.

34

Стих 269 …*тесть*… — Марс назван тестем как отец Гармонии, жены Кадма.

35

Стих 271 *Буйный, ужели тебя ни Гармонии имя*… — По аналогии со сценой упреков Венеры Марсу (III, 271 — 291) построен Стацием разговор Фетиды с Океаном в «Ахиллеиде», (1, 70 слл.).

36

Стих 274 …*лемносские цепи?* — См. примеч. к II, 271; ср. «Сильвы», III, I, 132.

37

Стих 282 …*с тирийским супругом*… — с Кадмом.

38

Стих 283 …*милой породе*… — Гармонии.

39

Стих 286 …*наследие крови змеиной*… — потомки спартов, выросших из зубов дракона, убитого Кадмом. См. примеч. к I, 7 — 8; ср. X, 614; Сенека. «Эдип», 587 — 588: «…племя все драконово. Зубов диркейских всходы, грозных братьев рать».

40

Стих 286 *…род, поколений чредой восходящий к Юпитеру!* — См. родословные таблицы I, II.

41

Стих 288 …*фракийцы твои*. — Фракия, жители которой славились своей воинственностью, особенно любима Марсом; здесь же находится его дворец (см. VII, 35 слл.), Ср. Вергилий. «Энеида», III, 13; Гомер. «Илиада», XIII, 301; «Одиссея», VIII, 361.

42

Стих 289-290 …*Венеры божественной дочерь вдаль уползала*… — Ср. I, 227 — 229.

43

Стих 291-293 Лукан. «Фарсалия», III, 189; Овидий. «Метаморфозы», IV, 558 слл.

44

Стих 296-297 *Ты, мой межбитвенный мир…* — Обращение к Венере у Стация было очевидно инспирировано известными строками Лукреция («О природе вещей» I, 1 слл. и II, 33 слл.).

45

Стих 302-303 …*чтоб мне в преисподней дядиной сгинуть*, — Ср. слова Дидоны у Вергилия («Энеида», IV, 24 слл.) и Сенеки («Фиест», 1007 слл.); …*дядиной*… — т.е Плутона — брата Юпитера, дяди Марса и других богов; ср. I, 295: …*дяде скажи*… (слова Юпитера Меркурию); Стаций, по образцу прежде всего Гомера, сознательно вводит в описания Олимпа и диалоги богов, снижающие бытовые черты.

46

Стих 343 *…могучий оружьем…* — постоянный эпитет Марса (Annipotens). Ср. «Сильвы», III, *2*, 20; Лукреций. «О природе вещей», I, 32; Вергилий. «Энеида», II, 425; VI, 500; IX, 717; Овидий. «Фасты», II, 481; V, 559.

47

Стих 367 …*кадмейский герой*… — Полиник. Ср. III, 406 («изгнанник тирийский»), III, 418 («лабдакийцев вождя»).

48

Стих 406 …*изгнанник тирийский*… — Полиник.

49

Стих 417 …*и успокоила всех, одного исключая Адраста*… — Ср. Гомер. «Илиада», X, 1 слл., II, 2 слл.

50

Стих 418 …*лабдакийцев вождя*… — Полиника.

51

Стих 424-431 *Гнев с Яростью шлем оперяют…* — аллегорическая картина в духе Вергилия. Ср. «Энеида», IV, 174; XII, 336; Гомер. «Илиада», XV, 119; Силий Италик. «Пунические войны», IV, 430.

52

Стих 439 …*питомца*. — Аполлона.

53

Стих 440 …*седьмая Аврора*… — с того дня, как Тидей вернулся в Аргос. Характерный для эпической поэзии прием изображения времени. Ср. XII, 50, 563; Вергилий. «Георгики», IV, 544; «Энеида», V, 104 — 105: «…в девятый раз выезжает, ясным светом горя, на конях Фаэтона Аврора».

54

Стих 442 …*герой персеев*… — Адраст.

55

Стих 453 …*Фебом цветущий*… — т.е. обладающий даром прорицания.

56

Стих 455 …*полнил щедрее уста киррейской водой*… — т.е. приоткрывал грядущее; под киррейской водой понимается Кастальский источник, расположенный близ Кирры, где был оракул Аполлона. Ср. «Сильвы», V, 3, 123; V, 5, 2; «Ахиллеида», I, 7 сл.

57

Стих 456-465 *Прежде всего по нутру и крови животных пытают…* — Вся сцена гадании у Стация отмечена анахронистическими чертами. Амфиарай и Меламп проводят птицегадания так, как это делали римские жрецы: они наносят священные знаки на камне и по римскому обычаю разделяют невидимыми границами звезды на небе (см. III, 496 — 499). Сначала они изучают внутренности жертвенных животных в качестве гаруспиков, а затем, получив дурные предзнаменованья, они гадают по полету птиц, что подтверждает их прежние догадки (см. III, 502 слл.). Римским влиянием является и то, что птицегадания проходят на высоком холме (Капитолий назывался auguraculum, т.к. с него постоянно авгуры наблюдали полет птиц; см. Ливий. «От основания города», I, 7, 1). У Стация оба жреца одновременно исполняют функции и гаруспиков, и авгуров. Умение гадать по внутренностям животных, древнее искусство этрусков, всегда было высоко почитаемо в Риме, но постепенно утеряло свое значение в эпоху империи. Гаруспики снова обрели влияние при императоре Клавдии, который восстановил этот обычай в Риме в 47 г. (см. Тацит. «Анналы», IX, 15). Возможно, сцена гадания по внутренностям животных у Стация навеяна этим историческим событием; *…по нутру и крови…* — для предсказания будущего прежде всего изучали сердце и печень животного; Плиний («Естественная история», XI, 7, 1) датирует гадания по сердцу с 275 г. до н.э.; важно было также заметить, как течет кровь; *…Персей посягнул на тучи полетом…* — получив в дар от нимф крылатые сандалии, Персей с этой горы полетел сразиться с Медузой Горгоной и убил ее; *…матерь…* — Даная.

58

Стих 474-480 …*верней ни Кирра*… — Амфиарай перечисляет все известные оракулы: Аполлона в Кирре, додонский оракул Юпитера, оракул Юпитера-Аммона в Египте, Аполлона в Ликии близ Патары, Аписа — священного быка в Египте, оракул Аполлона в Дидимах, основанный его сыном Бранхом, и Пана, дающего боговдохновенные ответы сельским жителям (ср. аналогичные перечисления в I, 696 слл. и II, 720 слл.). Все эти ответы менее точны, чем те, что Юпитер посылает с полетом птиц; …*из ликаонийского мрака*. — со стороны Аркадии, где по ночам Пан играет на своей свирели.

59

Стих 506 …*треножников страж*… — ворон, посвященный Аполлону; появление ворона, орла, посвященного Юпитеру, и совы — птицы Минервы, считалось наиболее благоприятным для гадания. Ср. Гораций. «Оды», III, 27, 9: «Ворон… вещун…» (пер. Н. Гинцбурга); Овидий. «Метаморфозы», II, 545 — 548:

«Только измену
Фебов ворон узнал и, тайный девы проступок
Намереваясь раскрыть, доносчиком неумолимым
Тотчас отправился в путь к господину»;

…*пылающий молниеносец*… — орел, вестник воли Юпитера. Ср. IX, 858, а также Гомер. «Илиада», XXIV, 315: «Быстро орла ниспослал, между вещих вернейшую птицу…».

60

Стих 507 …*Минервы*… *птица*… — сова.

61

Стих 508 …*коршун — а нет никого для гадания лучше*… — У Ливия за полетом коршунов наблюдают Ромул и Рем, прежде чем основать Рим («От основания города», I, 7, 1); однако, будет для вопрошающих результат гадания положительным или отрицательным, зависело не столько от того, какая именно появится птица, а от того, откуда и при каких обстоятельствах она прилетит.

62

Стих 511-512 …*могильный филин*. — Появление днем ночной птицы сулило беду; у многих поэтов филин ассоциируется со смертью и погребальным обрядом. Ср. Вергилий. «Энеида», IV, 462; Овидий. «Метаморфозы», X, 453. Овидий излагает миф о превращении в филина Аскалафа, сына Ахеронта, за то, что он сумел хитростью удержать Прозерпину в царстве мертвых («Метаморфозы», V, 562 слл.).

63

Стих 514-515 …*крылами бьющих зефирам на страх*… — т.е. рассекающих воздух; названия ветров «Зефир», «Нот», «Борей» Стаций употребляет поэтически обобщенно, Ср. I, 193.

64

Стих 518 …*царственных полубогов посреди*… — Среди аргонавтов были сыновья богов, в частности, дети Юпитера — Кастор, Поллукс и др.; …*на сосне фессалийской*… — имеется в виду корабль Арго, построенный в Фессалии из соснового дерева. Ср. III, 23, а также Сенека. «Медея», 336 слл.

65

Стих 532 …*семь*… *Юпитера оруженосцев*… — орлы. См. III, 506; ср. Вергилий. «Энеида», IX, 564; Овидий. «Метаморфозы», XV, 386; Гораций. «Оды», IV, 4, I.

66

Стих 537 …*перьями день пролился*… — С неба сыпались перья, испачканные кровью сталкивающихся птиц. Ср. Вергилий. «Энеида», XI, 721 сл.; …*внезапную ярость*… — т.е. ярость появившихся слева орлов.

67

Стих 539-545 …*один вдруг вспыхнул в пламени солнца*… — Семь орлов отождествляются с семью вождями, идущими войной на Фивы, и гибель птиц соответствует гибели каждого из вождей. Так, Капаней погибнет от молнии (X, 927 слл.); другого — …*сгубили… юные крылья*…. — Партенопея (IX, 877 слл.); …*рухнул, сцепившись с врагом*,.. — Полиник (XI, 564 слл.); …*четвертый, отброшен, бегством*… — Адраст, единственный из вождей, спасшийся от гибели; …*облаком пятый сметен*… — Гиппомедонт, сломленный потоком Исмена (IX, 522 слл.); …*шестой погибает, живую птицу терзая*… — Тидей, в безумье грызущий голову Астакида, нанесшего ему смертельную рану (VIII, 655 слл.).

68

Стих 546-547 *…того, кто падает, я узнаю*. — В падении лебедя Амфиарай увидел свою собственную гибель; земля разверзлась и поглотила его (VII, 816 слл.).

69

Стих 551-565 *И откуда в жалких живых существах*… — Ср. сходное рассуждение у Горация (Оды, I, 3) и у Овидия в описании «железного века» («Метаморфозы», I, 132 слл.); у Стация (III, 559 и слл.) — отклик на описание «золотого века» у Овидия — Ср. «Метаморфозы», I, 89 слл.; … *фессалийское зло*. — умение фессалийских колдуний возрождать мертвых, сводить луну с неба и т.п. Ср. III, 144. …*золотая, дедова — кровь*… — того поколения, которое жило в «золотом веке». Ср. Овидий. «Метаморфозы», I, 89 слл.; …*от камня иль дуба рожденных*… — Людской род после уничтожения его потопом был возрожден из камней и деревьев. Ср. IV, 276 слл.; Вергилий. «Энеида», VIII, 315 слл.: «Георгики», I, 62 слл.; Овидий. «Метаморфозы», I, 375 слл.; Гомер. «Одиссея», XIX, 162 — 163: «Скажи ж откровенно мне, кто ты? Уж верно не отрасль славного в древности дуба, не камень от груди утеса».

70

Стих 581-582 …*колесницы, стоявшие в божьих храмах*… — обычай посвящать богам захваченные колесницы врагов так же, как прикреплять оружие к потолку храма. Ср. II, 257; XII, 699; «Ахиллеида», I, 423. В храме помещались и собственные колесницы, одержавшие победу в бою или состязании.

71

Стих 585-591 …*блестящий шелом*… — Сцена облачения в доспехи перекликается со сценой из XIX песни «Илиады» (384 слл.); …*гортинский сгибают рог*… — лук; критяне (Гортмна — город на Крите) считались лучшими лучниками. Ср. V, 361, а также Вергилий. «Энеида», XI, 773; … *быком отслужившим*… — Быка можно было закалывать только для жертвоприношения; при этом внутренности и тук отдавались божеству, а шкура могла быть использована для обтягивания щитов. Ср. Плиний. «Естественная история», VIII, 45.

72

Стих 594-595 ….*силится… бок поменять Энкелад…* — сравнение, опирающееся на миф, согласно которому Юпитер пронзил гиганта Энкелада молнией и придавил горой Этной. Ср. Вергилий. «Энеида», III, 578 — 579: «Там Энкелада лежит опаленное молнией тело, — Так преданья гласят, — громадой придавлено Этны…».

73

Стих 595-596 …*гора*, *пламенея*, *в недрах грохочет*… — Ср. Вергилий. «Энеида», III, 571; VIII, 419; «Георгики», I, 472: «…Не разбросалась на нивы циклопов, Горны разбив и кипя, — и это мы видели! — Этна».

74

Стих 602-605 *долго богов презирал безнаказанно*. — ср. IX. 550. а также с образом Мезенция у Вергилия («Энеида», VII, 648; VIII, 7). Однако Стаций, по-видимому, в создании образа Капанея следовал древней традиции. Ср. Эсхил. «Семеро против Фив», 420 слл.

75

Стих 604-605 …*словно один из живущих в лесах тенистой Фолои*… — Сила Капанея сравнивается с силой кентавров; …*братьев этнейских*… — Рост Капанея сравнивается с ростом Киклопов, у которых было жилище на горе Этне.

76

Стих 611 …*под киррейской вершиною*… — т.е. под Парнассом, у подножия которого расположена Кирра с оракулом Аполлона; …*полой*… — имеется в виду пещера, из которой подымались ядовитые испарения, приводившие Пифию в исступление.

77

Стих 614 …*побледневшая* …*дева*… — Пифия.

78

Стих 633-634 …*персеевой дальней кручи*… — т.е. горы Афесант, откуда Персей отправился на битву с Медузой-Горгоной. Ср. III, 463.

79

Стих 657 …*венки*… — венки из лавра, которые как жрец носил Амфиарай.

80

Стих 668-669 …*что со мною готовы впасть в исступленье борьбы*. — «Буйство», безумная ярость — постоянная характеристика Капанея (ср. X, 32, 486, 752 сл., 754, 831, 907, 919), восходящая к Еврипиду («Финикиянки», 1172) и Софоклу («Антигона», 135); «доблесть» — также постоянная характеристика Капанея у Стация (ср. III, 655 слл.; VI, 737; X, 834, 845 сл.), как и его «неправедность», безбожие, дерзость и т.п. (ср. III, 602 слл,; IX, 548 слл.; X, 258 сл., 485 сл., 831 слл.). Ср. Эсхил. «Семеро против Фив», 427 слл.; Софокл. «Антигона», 124 слл.; Еврипид. «Финикиянки», 1174 слл.; «Умоляющие», 498 сл.

81

Стих 671-676 …*словно бегущий поток*… — традиционное сравнение в эпической поэзии. Ср. Гомер. «Илиада», V, 87 слл.; Вергилий. «Энеида», II, 305 слл.; Силий Италик. «Пунические воины», IV, 520 слл.; Лукреций. «О природе вещей», I, 282 слл.; Валерий Флакк. «Аргонавтика», VI, 632 слл.; Клавдиан. «Похищение Прозерпины», III, 269 слл.

82

Стих 685 *…в Океан убегающим звездам*. — Считалось, что только Медведица остается на небе, а остальные звезды опускаются в Океан. Ср. Гомер. «Илиада», XVIII, 489; «Одиссея», V, 275; Вергилий. «Георгики», I, 246; Овидий. «Метаморфозы», XIII, 293, 727: «Смотрит к Борею, на Аркт, никогда не сходящийся с морем».

83

Стих 691-692 …*гименей*… — брачная песнь; свадьба; Гименей — покровитель брака; …*Юнона недобрая факел слева зажгла*… — Юнона покровительствовала браку; факелы несли впереди невесты во время брачной процессии; во время свадьбы Аргии нисколько факелов погасли от падения щита с храма (см. II, 258).

84

Стих 693 …*страха пред тигром*… — Ср. II, 128.

85

Стих 697 …*изгнанника*… — Эдипа.

86

Стих 699 …*сведенные богом десницы?!* — Аргия напоминает Адрасту ту ночь, когда он показал гостеприимство Полинику и провозгласил его своим зятем. Ср. II, 149; Вергилий. «Энеида», I, 408; VI, 697.

87

Стих 701 …*не пыталась украсть Венеры огонь потаенный*… — Аргия не стремилась к браку с Полиником, но стала его женой по воле отца.

1

Стих 1 *Третий… Феб*… — третий год с тех пор, как Полиник покинул Фивы. Ср. III. 440; …*Зефирами… растапливал… зиму*… — Ср. Вергилий. "Георгики", I, 44: "…и земля под Зефиром становится рыхлой".

2

Стих 5-6 *Факел горящий… Беллона… подняла…* — Беллона обычно изображалась с факелом в правой руке и с кнутом в левой; здесь она подает сигнал к выступлению, метнув дрот и зажегши факел над крепостью аргивян. Ср. XIII, 649, а также Тибулл. I, 6, 45 сл.; Лукан. "Фарсалия", I, 565.

3

Стих 26 …*сплетаются длани, вкруг шеи*… — Ср. Гораций. "Эподы", XVII, 72.

4

Стих 42-43 …*крылатых чистит коней*… — коней Адраста.

5

Стих 48…*Фирея, где кровь Лакедемона будет стекаться*. — Когда о фирейском поле поспорили аргивяне и спартанцы, было решено, что поле достанется победителю. В бою пали все спартанцы и осталось в живых двое аргивян. Они поспешили в Аргос сообщить о победе, а в это время спартанец Отриад поднялся, снял доспехи с многих врагов и, возведя трофей, написал своей кровью: "Спартанцы по аргивянам", — после чего умер.

6

Стих 56-57 …*фракийцев дома сокрушили*… — намек на миф о Филомеле, события которого произошли во Фракии; …*преступных кровли Микен*… — намек на миф о Фиесте и Атрее; …*сокрушили*… *Кадмов очаг*… — за преступление Агавы или Эдипа.

7

Стих 59 …*Эфира.,, услыхавшая жалобы Ино*… — В Эфире были учреждены игры в честь сына Ино, Палемона.

8

Стих 60-61 …*поэтам нечуждый выбит конем, горгоновым ключ*… — Имеется в виду источник Пирена, вдохновлявший поэтов; "горгонов конь" — Пегас, на котором Персей убил Медузу Горгону.

9

Стих 67 …*день пустым препоясывать кругом* — круг, который пращники описывают, вращая пращу; …*пустым*… — так как круг невидимый, не оставляющий следов.

10

Стих 74-75…*диркейский зять*… — Полиник.

11

Стих 86 *…древки двойным блистают железом…* — два копья с железными наконечниками.

12

Стих 89 …*сестер*… — Антигону и Исмену.

13

Стих 95-100 *Змея из глуби подъемной так выскользает…* — Ср. Гомер. "Илиада", XXII, 83-95:

"Словно как горный дракон у пещеры ждет человека,
Трав ядовитых нажравшись и черной наполняся злобой,
В стороны страшно глядит, извивайся вкруг над пещерой".

14

Стих 101-106 *Также молва о войне из Этолии благоспоспешных шлет на подмогу мужей*… — В перечне городов и вождей, участвовавших в войне, Стаций следует Гомеру, сохраняя гомеровские названия городов, но нередко меняя их местами. Ср. Гомер. "Илиада", II, 639: "Рать из мужей, обитавших в Олене, Пилене, Плевроне…"; …*мелеагров Плеврон*… — в честь Мелеагра, убившего Калидонского вепря; …*сестры пернатые*… — сестры Мелеагра, чрезмерно оплакивавшие брата, были превращены богами в птиц; …*Юпитера именем звавший Иду Олен*… — город с таким же названием находился не только в Этолии, но и в Ахайе; именно там коза Амалфея вскормила Юпитера своим молоком; Стаций намекает на этот эпизод, по-видимому, не различая эти два города; воспитан Юпитер был на горе Иде; …*облик реки, в борьбе с Геркулесом разбитый.* — Реки изображались персонифицированно с головой быка; имеется в виду Ахелой, сразившийся с Геркулесом из-за Деяниры и потерявший в битве рог. Ср. II, 217 ("двурогий родитель Инах").

15

Стих 119 …*из персеевой почвы*… — из аргивской.

16

Стих 121 …*зятем надмен Юпитером*… — Дочь Инаха Ио была возлюбленной Юпитера.

17

Стих 122 …*Эрасин, увлекающий злаки дриопов*… — Эрасин постоянно выходил из берегов и заливал поля. Ср. IV, 713.

18

Стих 123-124 *Холм, что не знает геннской Цереры…* — Имеется в виду Эпидавр, богатый виноградом, но лишенный плодородных полей. Ср. Гомер. "Илиада", II, 561.

19

Стих 126-127 *…в пору вторую цветущий Нестор…* — "Первым" считался возраст до тридцати лет, а "вторым" — до шестидесяти; Нестор принял участие в троянской войне уже в третьем возрасте. Ср. Гомер. "Илиада". I, 250 слл.; Овидий. "Метаморфозы", XII, 188.

20

Стих 131-132 …*грудь, и плечи широко огненный круг укрывал*… — щит с изображением Данаид, убивающих сыновей Египта; см. примеч. к II, 215-222.

21

Стих 133 …*под черными… огнями*… — Свадебные факелы;…черные… — в знак гибели юношей; см. примеч. к IV, 132-133.

22

Стих 136 …*от палладиной кручи*… — из Ларисы.

23

Стих 140 …*двуприродный Гилей*… — кентавр.

24

Стих 146…*божеством*… — Геркулесом.

25

Стих 148…*питомца*… — Геркулеса, который был воспитан в Тиринфе. Ср. Вергилий. "Энеида", VII, 662.

26

Стих 151…*произведенные… Циклопов трудами постройки.* — Тиринф, возведенный Киклопами. Ср. Вергилий. "Энеида", I, 423.

27

Стих 157 *В честь Геркулеса поют пеан…* — В собственном смысле пеан — гимн в честь Аполлона; зд. в значении — "торжественная песня".

28

Стих 158 …*бог… слышит с Эты*… — так как Геркулес был после смерти сожжен на Эте. Ср. Сенека. "Геркулес на Эте", 1646.

29

Стих 161-164 …*доспех гостившего бога*… — Когда Геркулес шел сражаться с Немейским львом, он останавливался в доме Молорха.

30

Стих 172 …*стынущий ток*… — лернейское болото.

31

Стих 173-175 *…кольчуга… грозный — не материн — труд…* — Обычно военные хламиды своим сыновьям ткали матери. Ср. VIII, 565; IX, 691; Вергилий. "Энеида", X, 818.

32

Стих 177…*жалом снабженный, стоит кипарис*… — копье из кипариса.

33

Стих 178-179 *Шли под началом его питомцы Амфигении*… — Ср. Гомер. "Илиада", II, 592, 729.

34

Стих 180-182 …*прочих прислали Фрион и высокогорная Эпи*… — Ср. Гомер. "Илиада", II, 591, 593; …*Гелос и Птелеон, Дорион, печально известный гетским певцом*… — Ср. Гомер. "Илиада", II, 593 слл.; … *гетским певцом*… — т.е. фракийцем Фамиром, который был лишен Музами дара пенья за то, что похвалялся своим искусством кифареда перед богами.

35

Стих 186 …*как повис сатир в знаменитых Келенах*… — Марсий. См. примеч. к I, 709.

36

Стих 187 …*авгура*… — Амфиарая.

37

Стих 190-191 …*супруги козни*… — Эрифилы; …*златом запретным.* — ожерельем Аргии. Ср. II, 297 сл.

38

Стих 214-215 *Конь… (его в неравном соитье Киллар на свет произвел без ведома Кастора)… — Киллар* — конь Кастора (хотя, по Вергилию, его хозяин — Поллукс; см. "Георгики", III, 90) без его ведома сошелся с некоей обычной кобылицей, потому что, как замечает Лактанций в комментарии к стиху 214, "столь породистый конь не мог найти кобылицу такой же породы".

39

Стих 216 …*жреца*… — Амфиарая; …*парнасская… волна*… — аполлонова, так как Парнас посвящен Аполлону.

40

Стих 217 …*украшает шелом олива*… — убор жреца; ср. II, 99; III, 466.

41

Стих 222 …*осиленным щит полыхает Пифоном.* — Щиты украшались разными изображениями; Пифон был повержен Аполлоном.

42

Стих 224 *…кормой избегаема робкой, Малея…* — мыс, который корабли оплывали стороной из-за опасного для навигации моря. Ср. Вергилий. "Энеида", V, 193.

43

Стих 225 …*Карии (им отвечать Дианы пляске привычно)* … — В Кариях была роща, посвященная Диане и нимфам; в роще спартанские девушки каждый год устраивали пляски в честь Дианы, рукоплещущей пляшущим.

44

Стих 226 …*пернатых плодит*, — *киферейна Месса*… — город, в котором было много посвященных Венере голубей: отсюда эпитет "киферейна". Ср. Гомер. "Илиада", II, 582: "…стадам голубиным любезную Мессу".

45

Стих 227 …*с лебяжьих прибрежий Эврота*… — т.е. с берегов реки, где много лебедей. Ср. X, 504; "Сильвы", 1, 2, 142.

46

Стих 236 …*хламида*… — верхнее шерстяное платье у греков; плащ.

47

Стих 238 …*в лединых перьях*… — т.е. в лебединых; Юпитер сочетался с Ледой, явившись к ней в виде лебедя.

48

Стих 240 …*Алфей, не смешанный с морем глубоким.* — Алфей берет начало в Элиде и, протекая под морем, появляется в Сицилии. Ср. I, 272.

49

Стих 242-244 …*обычай… эномаев, и слава… им сокрушенных осей*… — См. примеч. к I, 274.

50

Стих 248 …*суровая матерь*… — Аталанта.

51

Стих 250… *луком смиряя своим тылы ледяного Ликея.* — т.е. охотясь в лесах на горе Ликей.

52

Стих 254 …*властительниц рощ*… — дриад, гамадриад; …*богинь, посвященных потокам*… — нимф

53

Стих 257-258 *…Диана прощала прежней сопутнице…* — Аталанте, вступившей в брак и родившей сына.

54

Стих 267-268 …*Калидонская матери… битва;* — битва Аталанты, сражавшейся с калидонским вепрем.

55

Стих 269 …*кидонскими стрелами*… — т.е. критскими (Кидония — город на Крите); критяне были лучшими лучниками.

56

Стих 271-273 *…на… коне в двойном облаченье рысей…* — Конская попона делалась в особенности у охотников из шкур диких животных.

57

Стих 276-277 *…рожденные… на… ветках дубрав.* — См. примеч. к III, 559-560; ср. Вергилий, "Энеида", VIII, 315.

58

Стих 285-287 …*Рипеи, Стратия войско дарят и открытая ветру Эниспа*. — Ст. Гомер. "Илиада", II, 606 слл.

59

Стих 288 …*бог окрыленный*… — Меркурий.

60

Стих 289-290 …*Ладон (едва, Пифиец, не ставший тестем твоим)* … — Аполлон преследовал Дафну, дочь Ладона, которая, спасаясь, превратилась в лавр.

61

Стих 291 …*Феней, посылающий Стикс к подземному Диту.* — Феней, город в Аркадии, где, по преданию, находился водоем, воду из которого можно было пить только днем, а ночью она становилась ядовитой. См. Овидий. "Метаморфозы", XV, 332 слл.

62

Стих 292 *…соревнующийся с идейскими воплями Азан…* — Празднества в честь Кибелы и Вакха, сопровождаемые криками и звуками кимвалов и тимпанов, справлялись на горах Ида во Фригии и Азан в Аркадии.

63

Стих 293-294 … *(ваша забава, Аморы) села Нонакрии — край Громовержцу с колчаном любезный*… — Возле Нонакрии Юпитер сошелся с Каллисто, обманув ее тем, что принял образ Дианы; потому в его руках был лук с колчаном.

64

Стих 295 …*изобильный скотом Орхомен*… — Ср. Гомер. "Илиада", II, 605.

65

Стих 297-298 …*скалы, твоей Геркулес, известные мощью, чудищ приют — Эриманф, и Стимфал кимвалогремящий.* — На горе Эриманф Геркулес убил чудовище — эриманфского вепря, а с горы Стимфал он же с помощью трещоток изгнал птиц, питавшихся человечьим мясом.

66

Стих 300 …*кто мирт пафийский сгибает*… — т.е. носит изогнутые пастушеские посохи из мирта; мирты были посвящены Венере, а в Пафе был самый знаменитый храм Венеры.

67

Стих 304 …*медведицы пасть… главу укрывает*… — Шлемы нередко изготовлялись из головы дикого животного. Ср. VII, 276.

68

Стих 307-308 *…там совершались пиры людоедские…* — Имеется в виду миф о Фиесте и Атрее.

69

Стих 340 …*скал и дубов сыновья*… — Ср. IV, 276 сл.; см. примеч. к III, 559-560.

70

Стих 346 …*марсовы толпы*… — См. примеч. к I, 7.

71

Стих 357 …*амфионовы… башни*… — См. примеч. к I, 10.

72

Стих 363-368 …*Тот же — вылитый волк*… — Ср. Гомер. "Илиада", XV, 585-587:

"С поля сбежал он, зверю подобный, свершившему пакость,
Зверю, который, пса или пастыря стада сгубивши,
В лес убегает, покуда селян не собралась громада…".

73

Стих 374 *…пот проступил на ларах тирийских*… — Это считалось предзнаменованием больших бед; лары — здесь и дальше — духи-охранители домашнего очага. Ср. Вергилий. "Георгики", I, 480: "В храмах слоновая кость прослезилась и бронза вспотела". Ср. там же I, 485 слл.

74

Стих 379 …*хоровода лесного царица*… — предводительница хора вакханок.

75

Стих 380-381 …*сосны, расщипанной натрое, мечет скорбно…свет*… — сосновый факел. Ср. всю сцену (IV, 380-405) с "Энеидой" Вергилия (VII, 497 слл.).

76

Стих 382 …*град*… — Фивы.

77

Стих 383 …*Веледержавный отец нисейский*… — Вакх.

78

Стих 384 …*к дедову роду*… — к роду Кадма, отца Семелы, т.е. деда Вакха.

79

Стих 387 …*Ганг*… — Река символизирует индийский народ и другие восточные народы, уже покоренные Вакхом.

80

Стих 389 …*золотой*… — Река Герм известна золотым песком.

81

Стих 395 *…о вождях и племени грешном…* — т.е. о распре между братьями Полиником и Этеоклом.

82

Стих 402 …*общие горы!* — Гем.

83

Стих 406-418 *А трепетавший беды, различными страхами сломлен*… — Ср. аналогичные сцены: Вергилий. "Энеида", VI, 237 слл.; Силий Италик. "Пунические войны", XIII, 400 слл.; …*царь*… — Этеокл; …*к зрячей оного тьме*… — к слепому прорицателю.

84

Стих 413-645 …*Из царства смерти суровой вызванных манов явил*… — основа всей сцены вопрошания душ умерших — XI песнь "Одиссеи" Гомера и VI песнь "Энеиды" Вергилия; непосредственно на характер этой сцены у Стация повлияли Овидий ("Метаморфозы", VII, 179 слл.), Сенека ("Эдип", 530 слл.) и Лукан ("Фарсалия", VI, 624 слл.); однако и в целом, и в деталях картина, изображенная у Стация, — плод его поэтической фантазии.

85

Стих 415 …*перед вождем, омытым в воде Исмена*… — перед Этеоклом; царям не дозволялось присутствовать при вызывании манов. Ср. Сенека. "Эдип", 390 сл., а также Тибулл, I, 2, 63.

86

Стих 417 …*недра двухлеток разъяв*… — См. примеч. к III, 456-465.

87

Стих 430 …*дядины*… — Плутона. Ср. I, 295.

88

Стих 434-442 *Марсова… земля простирается*… — См. примеч. к I, 7.

89

Стих 445 …*сумрачношерстных быков и черных коней*… — См. примеч. к I, 506. Ср. Вергилий. "Энеида", VI, 243.

90

Стих 451-453 …*изобильную девятикратно влагу*… — Возлияния совершались из молока, меда, крови; …*над изъятой землей*… — поскольку возлияние совершается подземным богам; …*актейский поток*… — мед.

91

Стих 456 …*Девам*… — Фуриям.

92

Стих 457-458 …*Аверна царь*… — Плутон.

93

Стих 458 …*для подземной Цереры*… — т.е. Прозерпины, дочери Цереры.

94

Стих 460-461 *…кипарисом горестным…* — кипарис был посвящен Плутону и служил знаком траура. Ср. Плиний. "Естественная история", XVI, 33; *…со знаком железа.* — скот, отобранный для жертвоприношения, метили ножом. Ср. Вергилий. "Энеида", XII, 173.

95

Стих 474 …*самый свирепый из братьев*… — Плутон.

96

Стих 477-478 …*Персефоны… народ*… — тени умерших.

97

Стих 482-483 …*сумрачный… Аркадец мощною ветвью ведет*… — Меркурий; "мощная ветвь" — кадуцей. См. примеч. к I, 306 и II, 70.

98

Стих 485 …*трижды, потрясши змеей*… — Ср. I, 113; …*тисом зовя их зажженным*… — факел из тиса, дерева, сок которого смертелен; постоянный атрибут Фурий.

99

Стих 488 …*фебова дева*… — Манто.

100

Стих 502 …*кархесии*… — (греч.) высокие, расширяющиеся бокалы с ручками во всю длину; …*проливал*… *шуйцей*… — жертвенный сосуд полагалось выливать левой рукой, перевернув его в левую сторону.

101

Стих 505-506 …*колхидянка, скифской отравой напоена*… — Ср. образ Медеи-колдуньи в кн. VII "Метаморфоз" Овидия.

102

Стих 516 …*кто царит… над миром трояким*… — т.е. над жителями неба, земли и подземного царства.

103

Стих 519-524 …*"Слышат, родитель, тебя: бесплотные близятся толпы"*… — Ср. Сенека. "Эдип", 571-577:

"Услышан я,
Слова не тщетны: хаос разверзается,
Народам Дита к свету открывая путь.
Насторожив листы, деревья съежились,
И треснули дубы, и роща в ужасе
Вся задрожала, и земля отпрянула
С глубоким стоном…"

104

Стих 523 …*Флегетона ужасное пламя*… — Ср. II, 6, а также Вергилий. "Энеида", VI, 550-551: "Огненный бурный поток вкруг твердыни Тартара мчится, мощной струёй Флегатон увлекает гремучие камни".

105

Стих 525 *Бледный, на троне сидит властелин*… — Ср. Сенека. "Эдип", 524 слл., 582 слл.; …*властелин*… — Плутон.

106

Стих 526 …*стигийской Юноны*… — т.е. Прозерпины; ср. Вергилий. "Энеида", VI, 138: "…побег, посвященный дольней Юноне…".

107

Стих 528 *Темная Смерть сидит меж зеркал…* — Ср. Вергилий. "Энеида", XI, 197: "В жертву Смерти быков приносят тут же без счета…".

108

Стих 530 …*гортинский судья*… — Минос, который при жизни царствовал в Гортине, …*грозящий безжалостной урной*… — Чье имя выпадало из урны первым, тот должен был поведать свою жизнь и получить заслуженное наказание. Ср. Вергилий. "Энеида", VI, 432.

109

Стих 533-535 *Но об Эребе зачем*… — Ср. описание царства мертвых у Вергилия ("Энеида", VI, 273 слл.); …*о тщетной кентавров ярости*… — Ср. I, 458; …*о цепях*… *сковавших гигантов*… — Гиганты вели войну против нового поколения богов во главе с Юпитером и были им повержены в Тартар и закованы в цепи;…о *стесненной вещать Эгеона сторукого тени!"* — Ср. VIII, 86.

110

Стих 538 …*водах, вводящих в обман*… — Когда осужденный на муки жаждой и голодом Тантал приближался к воде, вода отступала.

111

Стих 544-545 …*четырежды млеком их окропив*… — Ср. Тибулл, I, 2, 50.

112

Стих 554-555 …*киферейская отрасль*… — Гармония; …*обе змеи*. … — Кадм и Гармония. См. примеч. к I, 227-228.

113

Стих 556 …*земли порождения — марсово племя*… — Ср. I, 7.

114

Стих 563 …*озираясь на лук*… — Афамант, муж Ино, в безумии застрелил их старшего сына Леарха. См. примеч. к I, 12-14; …*залог*… — Палемон.

115

Стих 565-569 …*матерь кадмейская*… — Агава.

116

Стих 571 …*тело с плеча Эолид*… — Афамант пес на плечах тело убитого им сына Леарха. Ср. I, 13 и III, 185 сл.

117

Стих 572-573 …*наказанный чуждым обличьем сын Аристея*… — Актеон в образе оленя.

118

Стих 576 *Тантала дочерь…* — Ниоба.

119

Стих 590 …*рассеченный Пелоп*… — Тантал, испытывая всеведение богов, подал им на обед мясо своего сына Пелопа, и Церера успела съесть кусочек плеча. Ср. Вергилий. "Георгики", III, 7;"…Пелоп, с плечом из кости слоновой…".

120

Стих 590-591 *…свирепою пылью покрытый с ним Эномай…* — См. примеч. к I, 274.

121

Стих 596 …*царь*… — Этеокл.

122

Стих 597 …*те пятьдесят?* — Спарты. См. примеч. к I, 7.

123

Стих 605-606 …*крылообутый бог*… — Меркурий; …*на свирепого внука*… — т.е. на Этеокла.

124

Стих 616 …*лик*… — Эдипа; …*исчерпанный*… — из-за его слепоты.

125

Стих 622-623 …*запретную Лету дам переплыть*… — Непохороненные и неотомщенные в течение ста лет должны были блуждать перед входом в царство мертвых. Ср. I, 298; Вергилий, "Энеида", VI, 329; Лукан, "Фарсалия", I, II: "…и Красс неотмщенною тенью скитался".

126

Стих 631-634 …*кто поразил счастливым мечом отца*… — Эдип.

127

Стих 644 …*злобный… родитель"*. — Эдип, просивший богов о наказании своим детям. Ср. I, 46-87.

128

Стих 646-647 …*по… чащам битв геркулесовых*… — В немейских лесах Геркулес убил льва.

129

Стих 648 …*сидонскую… добычу*… — т.е. фиванскую; сидонскую, так как Фивы были основаны Кадмом, пришедшим из Сидона.

130

Стих 649-651 *А кем остановлен гнев их… Феб, научи…* — Ср. Вергилий, "Энеида", VII, 641 слл.

131

Стих 652-653 *Войско хмельной возвращал от Гема смиренного к дому Либер*… — Ср. Овидий, "Метаморфозы", III, 528; Валерий Фланк. "Аргонавтика", V, 78 сл.

132

Стих 659 …*мималонки*… — (греч.) вакханки.

133

Стих 668-669 …*замолкнуть велел тимпанам, меди и шуму сдвоенных флейт*… — Ср. II, 78; Вергилий. "Энеида", IX, 618-619:

"Вас на высокий Дидим созывает Идейская матерь

Звоном тимпанов своих и двухладным флейты напевом".

Ср. также Овидий. "Метаморфозы", III, 532; Валерий Флакк, "Аргонавтика", 78 сл.

134

Стих 672 …*мачехи*… — Юноны.

135

Стих 673-676 …*мать повержена в прах недостойный*… — т.е. Семела; см. примеч. к I, 12-14; …*мало родильных костров*… — Вакх был извлечен из возникшего от молнии пламени, в котором сгорела носившая его Семела; …*соперницы прежней*… — Семелы.

136

Стих 691-692 *…в пене знойный Пес Эригоны, моей.* — созвездие Малого Пса, восход которого возвещал наступление зноя; согласно мифу — пес Эригоны, дочери Икария,

137

Стих 695 …*наглецов козлоногих*… — панов, сильванов, фавнов, сатиров.

138

Стих 708 …*отца*… — Нила. Ср. Тибулл, I, 7, 24.

139

Стих 716-717 …*когда без узды огонь, по своду летящий, гиперионовых вниз увлек коней Фаэтона*… — Ср. I, 219-221.

140

Стих 725-726 *Водам еще Архемор унесенный… не дал имени…* — Источник получил имя Архемора после его гибели, описанной ниже (V, 505 слл.).

141

Стих 729 …*чин трехлетний*… — В память Офельта были установлены Немейские игры, которые проводились раз в три года; погребению Офельта и первому состязанию, которое в его честь устроили аргосцы, посвящена VI книга.

142

Стих 746-760 *Вдруг, лесов посреди блуждая, — Эвой подготовил встречу*… — Ср. Вергилий, "Энеида", I, 327 слл.; Гомер. "Одиссея", VI, 141 слл; …*горестное дитя инахова сына Ликурга, а не свое*… — Лемниянка Гипсипила попала в плен к царю Ликургу и стала кормилицей его сына, о чем она подробно рассказывает (см. VI, 28 слл.); …*спален аргосских не чужд и богов председатель*… — намек на Юпитера и Данаю.

143

Стих 783 …*под знаком палящего Рака*… — в летний зной (поэтич.).

144

Стих 784 …*звезды икарийской*… — Эригоны. Ср. IV, 691-692.

145

Стих 790-792 *робким Куретам она плясать*… — Кибела повелела Куретам, жрецам Юпитера, плясать и шуметь вокруг маленького Юпитера, чтобы пожиравший детей Сатурн не услышал его плача.

146

Стих 793 *Мальчик*… — Архемор.

147

Стих 801-803 …*словно маленький Марс в одрисийских снегах*… — Марс был воспитан в холодной Фракии; …*мальчик пернатый в горах Менала*… — Меркурий; …*Аполлон, наклонявший Ортигию набок*… — остров Делос (Ортигия), на котором родился Аполлон, по преданию был плавучим.

148

Стих 812 …*Амбракийского моря*… — Ср. Лукан. "Фарсалия", V, 650.

149

Стих 833-835 …*чтимый престол Юпитера*… — храм Юпитера Немейского; …*Геркулеса трудами*… — в Немее Геркулес убил знаменитого немейского льва; …*выю он сжал и душу стеснил в напрягшемся теле*… — Ср. Аполлодор. "Мифологическая библиотека", II, 5, 1; Сенека. "Геркулес на Эте", 1235.

150

Стих 837-838 *…ты… носящий рога даритель несякнущей влаги…* — река Лангия; см. примеч. к II, 215-222. Ср. IV, 108.

151

Стих 841 …*Дуга*… — радуга.

152

Стих 845 …*Ликорм, Кентавром хранимый*… — река в Этолии, которую охранял кентавр Несс, убитый впоследствии Геркулесом.

1

Стих 11-16 *Так над простором морским*… — Ср. Вергилий. "Энеида", X, 264-266;

"Так весной к потокам Стримона
В небе плывут журавли, окликая друг друга протяжно,
Между мятущихся туч уносимые Нотом попутным."

2

Стих 18 …*отпрыск Талая*… — Адраст.

3

Стих 30-32 *…и Фурий, и Лемнос, на тесных ложах завязанный бой…* — Смысл этих намеков Гипсипила подробно раскроет в своем рассказе (V, 48-498).

4

Стих 50-51 …*Лемнос, где после трудов огнедышащей Этны вкушает Мулькибер отдых*. — На Этне находилась кузница Вулкана.

5

Стих 51-52 *Страну покрывает пространною тенью близкий Афон…* — Ср. Гомер. "Одиссея", IX, 22 слл.; "Илиада", XIV, 229.

6

Стих 58-68 …*Венере мы храм задолжали, жертв для богини не жгли*… — Ср. Валерий Флакк. "Аргонавтика", II, 98 сл.: "…но в храме Венеры холодным жертвенник был…".

7

Стих 61-63 *Паф свой старинный и сто алтарей оставив*… — Ср. Вергилий. "Энеида", I, 415; …*идалийских летуний*. — голуби, лебеди или воробьи, которых Венера запрягала в свою колесницу.

8

Стих 66 …*сестер тартарийских*… — фурий.

9

Стих 86-87 …*четырежды грянул ясный возок*… — Счастливым считалось нечетное число. Ср. Вергилий. "Энеида", II, 242 сл.; "Буколики", VIII, 72-74:

"Изображенье твое обвожу я, во-первых, тройного
Нитью трех разных цветов; потом, обведя, троекратно
Вокруг алтаря обношу: угодно нечетное богу"
(Пер. С. В. Шервинского)

10

Стих 92-94 …*прянула, словно ее, как тевмесскую фийю, безумный бог охватил*… — Ср. Вергилий. "Энеида", IV, 300-302:

Стала метаться она, совладать но в силах с безумьем, —
Так тиада летит, когда, призывая к началу
Буйных празднеств ночных, выносят из храма святыни
И в Киферонских лесах вакхический клич раздается".

11

Стих 110 …*как обновить Венеру*… — т.е. вступить в новый брак.

12

Стих 117-118 *Но грек для отмщенья возмог же девам — отец — вручить мечи*… — Имеется в виду *Данай*.

13

Стих 121-122 …*жена родопская мужеству учит*… — Имеется в виду Прокна, жена фракийского царя Терея, которая подала ему на обед мясо сына в отместку за связь с ее сестрой Филомелой.

14

Стих 135 …с *обнаженным мечом стояла Венера*… — Ср. Валерий Фланк. "Аргонавтика", II, 175: "…разъяренная встала богиня…".

15

Стих 138 *Новое пламя зажгу и скреплю иные союзы.* — Ср. Валерий Флакк. "Аргонавтика", II, 324: "…Венера сама заключить дозволит союзы…".

16

Стих 145 …*щитолунные*… — т.е. с пельтами, щитами серповидной формы, которые носили амазонки.

17

Стих 146 …*отец*… — Марс, который считался отцом амазонок из-за их воинственности и свирепости; …и *жестокой войны отворяет ворота*. — Имеется в виду обычай после объявления войны отворять двери храма Януса. Ср. Вергилий. "Энеида", VII, 622: "Прочный сломался засов — и двери войны распахнулись".

18

Стих 149-150 …*поломать веретена отроков и стариков*… — веретена, которые находятся в руках Парок, прядущих нить жизни, т.е., лишить жизни.

19

Стих 152 …*кладку Минервы*… — храм Минервы.

20

Стих 156 …*Церера подземная*… — Прозерпина.

21

Стих 157 …*Стикса богини*… — Фурии.

22

Стих 165-169 *Не так ли серна*… — Ср. Овидий. "Метаморфозы", I, 533 сл.

23

Стих 176 *…бог — не чист ни в единой утробе*. — Внутренности жертвенного животного, по которым проводилось гадание, свидетельствовали о немилости божества.

24

Стих 177-180 *медленнее опускал с Олимпа сырого Юпитер ночь…* — Ср. Вергилий. "Георгики", I, 250 сл.; "Энеида", II, 250; Гомер. "Одиссея", XXIII, 243 слл.; "Илиада", XVIII, 239 сл.

25

Стих 198-199 …*объемлет Сон и тяжелый покой изливает из грозного рога*… — Сон изображался с рогом, из которого он рассевал усыпляющий мак. Ср. VI, 27; X, 111; Валерий Флакк. "Аргонавтика", VIII, 72; Силий Италик. "Пунические войны", X, 352.

26

Стих 201 …*сестры*… — Фурии.

27

Стих 206-207 *Право, из стольких убийств разноликих не знаю, какие…* — Ср. Валерий Флакк. "Аргонавтика", II, 216 сл.: "Столькие лики убийств, столь разный рок убиенных как прослежу?.."

28

Стих 261-262 *Такой свирепостью хладная Осса не веселит Лапифов пиры*… — Ср. Овидий. "Метаморфозы", XII, 210 слл.

29

Стих 262 …*тучерожденных*… — т.е. кентавров; Иксион посягнул на Юнону, но Юпитер придал ей образ Тучи, от брака которой с Иксионом родились кентавры.

30

Стих 268 *Деда узнала*… — т.е. Вакха, так как Фоант был сыном Вакха и Ариадны.

31

Стих 277 …*дочерь*. — Венеру.

32

Стих 287-289 …*в древе долбленом*… — т.е. в лодке, выдолбленной из ствола дерева. Ср. Валерий Флакк. "Аргонавтика", II, 292-293: "…такой смогу ли корме тебя вверить, милый отец?.."

33

Стих 320-322 *И по заслугам моим*… — Ср. Валерий Флакк. "Аргонавтика", II, 309 сл.

34

Стих 334 *…поле само и ручьи, и безгласое сетует стадо*. — Образ природы, оплакивающей погибшего, впервые появляется в эллинистической буколической поэзии (Феокрит, I, 71; VII, 74; Бион, I, 31 слл.; Мосх, III, 1 слл.), откуда переходит в латинскую (Вергилий. "Буколики", I, 39 слл.; V, 20 слл.; VI, 10 слл.; X, 13 слл.; "Георгики", IV, 461 слл.; "Энеида", VII, 759 слл.; Овидий. "Метаморфозы", XI, 44; Валерий Фланк. "Аргонавтика", IV, 374 слл.; Силий Италик. "Пунические войны", XIV, 512 слл.; Клавдиан. "Похищение Прозерпины", II, 244 сл.). Ср. V, 579 сл.; VII, 685 сл.; X 503 сл.; "Ахиллеида", I, 237 сл.

35

Стих 336 …*сосна пелионская*… — Имеется в виду корабль аргонавтов Арго, везущий их в Колхиду за золотым руном; корабль считался божественным (Цицерон. "О природе богов", II, 32), так как в его постройке принимала участие Минерва, а киль был сделан из додонского дуба. Ср. III, 23.

36

Стих 338-339 …*плывет Ортигия*… — Остров Делос (Ортигия) по преданию был плавучим, пока Юпитер не остановил его, чтобы Латона смогла родить на нем Аполлона и Диану. Ср. IV, 803.

37

Стих 361-362 *Те отстояли от нас на полет гортинийских жал…* — т.е. Критских Стрел; см. примеч. к III, 587-588. Ср. IV, 269; Овидий. "Метаморфозы", IV, 708; VIII, 695; "Фасты", III, 583; *…но Юпитер воздвиг и навлек тяжелую тучу…* — Вся сцена бури (V, 362-421) заимствована Стацием у Гомера. Ср. Гомер. "Одиссея", V, 291 слл.; XII, 405 сл.; XIV, 303 сл.

38

Стих 372 …*Тритона вздымал к небесам*. — Ср. Вергилий. "Энеида", X, 209: "Судно влечет могучий Тритон, пугая просторы…"

39

Стих 387 …*частый огонь, несомый косматой стрелою*… — Ср. Вергилий. "Энеида", V, 528; Катулл, LXI, 77 сл.: Сенека. "Эдип", 309 слл.

40

Стих 390-394 *Так Юпитер сечет снегопадом гиперборейским…* — Ср. Гомер. "Илиада" XII, 278-283:

"Словно как снег, устремившися, хлопьями сыплется частый,
В зимнюю пору, когда громовержец Кронион восходит
С неба снежить человека, являя могущества стрелы:
Ветры все успокоивши, сыплет он снег беспрерывный,
Гор высочайших главы и утесов верхи покрывая,
И цветущие степи и тучные пахарей нивы."

41

Стих 397 *…падает чуждый снаряд, и пол возвращается в души*. — В страхе перед аргонавтами лемниянки понимают, что им, одним женщинам, никак не справиться с мужами в равном бою.

42

Стих 404 …*спин заклейменных*… — гребцов.

43

Стих 408-409 *…чтоб Калаис под тучей Отца леденящего с мачты парус убрал*. — У Калаиса, сына Борея, были крылья.

44

Стих 416 …*Эсоном рожденный*… — Иасон.

45

Стих 417 …*древа палладина ветвь*… — ветвь оливы, посвященной Минерве, которая служила символом и украшением прорицателя Мопса.

46

Стих 426-430 *Так летят из ворот сокровенных боги…* — Ср. Гомер. "Илиада", XI, 23 слл.; "Одиссея", I, 22 слл.

47

Стих 431 *Из Марафона, что стал лишь недавно свободен*… — Тесей убил быка, посланного оскорбленной Юноной, который опустошал поля Аттики в окрестностях Марафона.

48

Стих 434-437 …*Адмета (он был отпущен без негодованья Фебом)*… — отпущен в плавание за золотым руном; …*Орфей, на фракийца ничуть непохожий*… — Орфей был фракийцем по происхождению; …*и калидонская ветвь* — Мелеагр; …*и*… *Нерея зять*. — Пелей, муж Фетиды, дочери Нерея.

49

Стих 440 …*звездой одинаковой блещут*. — Когда аргонавты были застигнуты бурей у мыса Сигей, Орфей стал петь; тогда на головы Кастору и Поллуксу спустилось по звезде, а буря сразу утихла. Ср. Валерий Флакк. "Аргонавтика", I, 568 сл.

50

Стих 443 …*лернейское бремя*… — Гилас был оруженосцем Геркулеса, стрелы которого были напитаны ядом лернейской гидры.

51

Стих 457-458 …*кровавый Фасис*… — из-за жестокости колхов и Медеи; …*колхидского похоть отродья*. — Имеется в виду брак Иасона с Медеей. Ср. Валерий Флакк. "Аргонавтика", V, 418 сл.

52

Стих 464-465 …*суровому гостю*… — Иасону; …*дедово имя*… — имя Фоанта, отца Гипсипилы.

53

Стих 475 …*Фрикса руно из-за моря вернулось*. — См. примеч. к II, 275-285.

54

Стих 505-506 …*дубрав устрашитель священный — змей*… — Змей был посвящен Юпитеру.

55

Стих 508-510 *Тускло пылают глаза…* — Ср. Овидий. "Метаморфозы", III, 32 слл.

56

Стих 513-517 *Скользя убегающим кругом, то храмы божий змей обвивал*… — Ср. Овидий. "Метаморфозы", III, 77 слл.; Силий Италик. "Пунические войны", VI, 159 слл.

57

Стих 518 …*огигова бога*… — Вакха.

58

Стих 521 …*пыша огнем, лютовал от твердевшего яда*. — Ср. II, 412.

59

Стих 527 *Но там, где травы, раскаленные вздохи касались*… — Ср. Овидий. "Метаморфозы", III, 75 слл.

60

Стих 529-530 *Так разделяет эфир Дракон…* — Змей сравнивается с созвездием Дракона. Ср. Вергилий. "Георгики", I, 244 сл.; Овидий. "Метаморфозы", III, 44 сл.

61

Стих 531-533 …*отроги обвив святого Парнаса*… — Имеется в виду Пифон, живший на, Парнасе; по приказу Юноны он преследовал Латону, мать Аполлона, за что был им убит.

62

Стих 558 *В ответ ухватил могучим усилием глыбу*… — Ср. Овидий. "Метаморфозы"" III, 61 сл.

63

Стих 562-563 *Тщетна доблесть вождя…* — Ср. Овидий. "Метаморфозы", III, 63 сл.

64

Стих 569-570 *…даже когда бы ты нес Гиганта, который с тобою сросся*. — т.е. если бы ты был Гигантом, так как у гигантов вместо ног было тело змеи. Ср. Овидий. "Фасты", V, 37.

65

Стих 578 …*своего господина*. — Юпитера.

66

Стих 582 …*тростник преломившие Фавны*. — Фавны считаются создателями свирели.

67

Стих 599-604 *Так, когда разорит гнездо и потомство летуньи медленный змей*… — Ср. XII, 15 слл.

68

Стих 638 …*Ликурга-священнодея*… — Ликург был жрецом Юпитера.

69

Стих 640 …*персеевой кручи*… — т.е. Афесанта. Ср. III, 633.

70

Стих 642 …*главу поражал из-за недр разъяренных*. — Ликург сокрушался из-за неблагоприятных гаданий.

71

Стих 650 …*фоантова дочерь*… — Гипсипила.

72

Стих 661 …*отпрыск ойнеев*… — Тидей.

73

Стих 706-708 …*пучинный царь*… — Нептун; …*Тритон*… *двуликий*… — так как Тритон верхнюю половину тела имел человеческую, а нижнюю — рыбью.

74

Стих 733 *Вождь Немей*… — Ликург.

75

Стих 751 …*пилосская старость*… — т.е. старость мудрого Нестора, который жил в Пилосе.

76

Стих 752 …*долголетья фригийского*… — Имеется в виду судьба фригийца Тифона.

1

Стих 3 … *празднества чин*… — О торжествах в честь Архемора знает Климент Александрийский ("Протрептик", II, 34); холм Офельта видел Павсаний ("Описание Эллады", II, 15, 3); образцами для Стация в изображении погребальных игр служили прежде всего Гомер (погребение Патрокла в XXIII песни "Илиады") и Вергилий ("Энеида", VI, 176 слл.; XI, 132 слл.); помимо этого ср. описание погребальных обрядов у Аполлоиия Родосского ("Аргонавтика", I, 1057 слл.); Энния ("Анналы", VI, фрг. X); Силия Италика ("Пунические войны", X, 529 слл.); Валерия Флакка ("Аргонавтика", III, 274 слл.); Квинта Смирнского ("Послегомеровский эпос", III, 1 сл.; 525 слл.).

2

Стих 5-7 …*на нивах пизейских*… — Учреждение Олимпийских игр Гераклом (Алкидом) подробно изложено у Пиндара ("Олимпийские оды", XI, 64 слл.); Алкид назван "благочестным", потому что он учредил игры в честь прадеда Пелопа; …*очистил оливою дикой*. — увенчался венком, сплетенным из ветвей дикой оливы.

3

Стих 8 …*освобождена от объятий змеи*… — от Пифона, убитого Аполлоном. Ср. I, 562.

4

Стих 9 …*ребяческих битв аполлонова лука*… — О том, что Аполлон еще ребенком убил Пифона, читаем у Еврипида ("Ифигения в Тавриде", 1250). Ср. Макробий. "Сатурналии", I, 17, 52.

5

Стих 10-11 …*вблизи алтарей Палемона блюдется мрачный обряд*… — О культе Палемона на Истме пишет Павсаний ("Описание Эллады", I, 44; II, 1, 3; II, 2, 1; VIII, 48, 2); миф изложен у Овидия ("Метаморфозы", IV, 416 слл.; "Фасты", VI, 485 слл.).

6

Стих 12-13 …*в пору праздника*… — Истмийские игры проводились раз в три года в апреле месяце.

7

Стих 20 …*тирренскую глубь*… — О бурном Тирренском море ср. Гораций. "Оды", I, 11, 6; IV, 15, 13.

8

Стих 28-30 *Воплями полны пути*… — Ср. Вергилий. "Энеида", XI, 34 слл.

9

Стих 30-31 …*плетенья почетных повязок сбросив*… — Ср. отсутствие обычных украшений и атрибутов у скорбящего Вакха в VII, 149 слл.; ср. также III, 567.

10

Стих 32 *…в пыли погребальной*. — Обычай в скорби посыпать власы пылью упоминает Гомер ("Илиада", XVIII, 23 слл.; XIV, 163 слл.; "Одиссея", XXIV, 316 слл.); ср. Вергилий. "Энеида", X, 844; XII, 611.

11

Стих 35 …*осиротевшая мать*… — Эвридика.

12

Стих 38 …*вожди инахийцев*… — Разумеются не только аргосцы — Адраст, Амфиарай и Капаней, — но и все выступившие против Фив вожди.

13

Стих 45-50 *Сам… отца ободрять принимался… Адраст*… — Ср. Вергилий. "Энеида", XI, 182 слл.; Гомер. "Илиада", XXIII, 109 слл.; … *отца*… — Ликурга;…о *потомстве ином и грядущих… детях* — риторический "топос", встречающийся еще у Фукидида ("История", II, 44, 3); ср. Еврипид. "Амфиарай", фрг. 60, 90 сл.: "Все смертные подвержены страданиям, детей хоронят и спешат других родить"; …*прядильщицах неумолимых*… — о Парках.

14

Стих 55 …*ложе, добыча огня*… — При описании костра Офельта (ср. "Сильвы", III, 3, 33 слл.; II, 1, 184 сл.; "Фиваида", XII, 60 сл.) образцом для Стация служил Вергилий ("Энеида", VI, 212 слл.; XI, 64 слл., 184 слл.); ср. Гомер. "Илиада", XXIII, 164 слл. Силий Италик. "Пунические войны", X, 561 слл.

15

Стих 61 …*киннамон, от времен сохраняемый Бела*… — очень древний; Бел — мифический царь Египта или основатель Ассирии. Ср. Вергилий. "Энеида", I, 621: Овидий. "Метаморфозы", IV, 213; …*киннамон*… — редкое благовоние; ср. "Сильвы", II, 6, 87 слл.: IV, 5, 31 сл.; V, 3, 42 сл.

16

Стих 62 *Златом навершье гремит, и высится пурпуром тирским выступ его некрутой…* — Вершина костра покрыта пурпурными тканями, украшенными золотом: о пурпурных тканях в погребальных кострах см. Вергилий. "Энеида", VI, 221 сл.; Силий Италик. "Пунические войны", X, 570 сл.; Лукан. "Фарсалия", IX, 175 слл.; Лукиан. "Нигрин", 72.

17

Стих 64 …*Лин*… — о смерти Лина ср. I, 557 слл.

18

Стих 71 *…и по смерти растут невеликие маны…* — благодаря торжественному погребению, возвышающему достоинства погибшего младенца.

19

Стих 84-86 *А в отдаленье… войско… костер, леса вырубая и руша… спешит возвести*… — При описании рубки леса для второго костра Стаций опирается на Вергилия: "Энеида", X, 135 слл.; VI, 179 слл.; ср. Гомер, "Илиада", XXIII, 114 слл. Ср. также Энний. "Анналы", III, 187 слл. (фрг. 10); Овидий. "Метаморфозы", X, 90 слл.; Силий Италик. "Пунические войны", X, 529 слл.: Сенека. "Геркулес на Эте", 1618 слл.; Лукан. "Фарсалия", III, 426 слл. Стацию подражает Клавдиан. "Похищение Прозерпины", III, 370 слл.

20

Стих 84 …*жреца указаньям*… — Амфиарая.

21

Стих 87 …*войны злополучной*… — братоубийственной войны между Этеоклом и Полиником, первой жертвой которой оказался Офельт.

22

Стих 90-94 *Лес… возносился, являя старости образ*. — Ср. IV, 419 слл.; ср. также Лукан. "Фарсалия", III, 399 слл.

23

Стих 95-96 …*Нимф и народы Фавнов сменил, пережив*. — Нимфы — гамадриады, живущие и умирающие вместе с деревьями; Фавны отличались долголетием; Лактанций по поводу кн. IX, 376 замечает: "Аристотель говорит, что нимфы и фавны умирают, прожив тысячу лет".

24

Стих 99 …*строй хаонийских дерев*… — дубов; хаонийский или додонский лес в Эпире был знаменит священными дубами; …*кипарис, зиме неподвластный*… — вечнозеленый.

25

Стих 101-102 …*ядовитым соком опасный тис*… — Ср. Вергилий. "Энеида", V, 257; о ядовитых ягодах тиса говорит Плиний ("Естественная история", XVI, 10, 20).

26

Стих 102-103 …*готовый… кровью напиться ясень*… — Из ясеня делали копейные древка.

27

Стих 104 …*дерзкую ель*… — метонимически: корабли из ели, на которых люди дерзают пускаться в открытое море.

28

Стих 106 …*вяз, лозе невраждебный*. — Вязы с их редкой листвой служили удобной опорой для виноградных лоз; ср. VIII, 544-548: Вергилий. "Георгики", I, 2.

29

Стих 107 *Стоны земля издает*… — Ср. Вергилий. "Энеида", IX, 709; XII, 713.

30

Стих 119 …*для скорбных теней*… — для манов Офельта; …*для бессмертных*. — в первую очередь для Юпитера, змей которого был убит.

31

Стих 122 …*в скорбном фригийском ладу*… — Пелоп, по преданию, был фригийцем (ср. Софокл. "Аякс", 1291 сл.); фригийцы пользовались дудой, почитая Великую Матерь (ср. Тибулл. I, 1, 86; Гораций. "Оды", III, 19, 18).

32

Стих 126-130 *Знатные греки, несут в огонь погребальные жертвы…* — Ср. Вергилий. "Энеида", XI, 60 слл.

33

Стих 133 …*под багровые руки*… — истерзанные во время плача. Ср. VII, 475 сл.; Овидий. "Метаморфозы", VI, 279.

34

Стих 142-145 *…я отчего-то войны и Фив… боялась… Кто нашу беду пожертвовал войску?* — Младенец Офельт — первая жертва войны, в которой ни аргосское, ни фиванское войско не понесли потерь.

35

Стих 159-161 *Но вас обвинять я не стану*… — Ср. Вергилий. "Энеида", XI, 164 слл.

36

Стих 193-203 *Гордые скиптр и убор Громовержца бросает родитель…* — непосредственный образец — Гомер. "Илиада", XXIII, 140 слл.; ср. XII, 60 слл.; *…скиптр и, убор Громовержца…* — атрибут царской власти и облачение жреца Юпитера; ср. XII, 89 слл.; Сенека. "Геркулес безумный", 1231 слл.; *…железом власы умеряет, скрывшие спину и грудь…* — срезает прядь волос и клок бороды; *…"Не с таким тебе, вероломный, условьем эти… власы посвящал я…* — Ср. о Партенопее VI, 607-610.

37

Стих 205 …*недозволительное… зрелище скрыли*. — У римлян считалось недозволительным глядеть на пламя погребального костра; поэтому и пламя к костру подносили отвернувшись, чтобы не увидеть тени, расстающейся с телом. Ср. Вергилий. "Энеида", VI, 233 слл.

38

Стих 213-233 *Тут отряды… цари… выводят…* — При описании ритуального объезда погребального костра образцами Стацию служили Гомер ("Илиада", XXIII, 13 сл.) и Вергилий ("Энеида", XI, 188 слл.); ср. также Аполлоний Родосский. "Аргонавтика", I, 1058 слл.; IV, 1595 слл.; Лукан. "Фарсалия", VIII, 734 слл.; Валерий Флакк. "Аргонавтика", III, 347 слл. Сакральный смысл такого объезда объясняет Тит Ливии ("От основания города", XL, 6): "Существовал обычай, согласно которому, для свершения обряда очищения войско, разделившись на две части, съезжалось словно в битве". Подобного рода вооруженные объезды были приняты при погребении императоров и членов их семейств. См. Дион Кассий ("История", 56, 42, 2 — в честь Августа; 59, II, 2 — в честь Друзиллы). Объезды вокруг гробницы Друза было принято свершать ежегодно в установленный день. См. Светоний. "Клавдий", I, 3; *…(слева, как должно)* … — в знак скорби; ниже (ст. 223) — конники объезжают костер, двигаясь по кругу вправо, чтобы отвратить беды в грядущем; *…так трубный призыв вырывает марсовы стяги…* Так звуки военной трубы заставляют воинов вырвать вонзенные в землю военные знамена и устремиться в битву.

39

Стих 234-248 *Вот и конец…* — Завершение погребальной церемонии и сооружение храма Стаций описывает по образцу Вергилия ("Энеида", VI, 226 сл.); ср. также Гомер. "Илиада", XXIII, 226 слл.; IX, 212; "Одиссея", XXIV, 71 слл.; Овидий. "Метаморфозы", VIII, 536 слл.; *…истощившийся Мулькибер…* — Ср. Овидий. "Метаморфозы",. IX, 262 сл.; *…единственный светоч…* — Ср. Катулл LXII, 34 сл.; ср. объяснение у Цицерона ("О природе богов", II, 20, 53): "Звезда Венеры, по-гречески phosphoros, по латыни называется Люцифером (Денницей), когда она идет впереди солнца, а когда вслед — Веспером"; *…встал храм…* — лат. templum; зд. в значении "памятник, надгробие"; *…изображений чередов…* — три ряда изображений на лицевой стороне и по бокам (тыльную сторону памятника римляне обычно не украшали) и вокруг каменного саркофага (храма, холма) — изображение змея.

40

Стих 249-254 *Жаден до зрелища битв невоинственных…* — спортивных состязаний; ср. Вергилий. "Энеида", V, 106 слл.

41

Стих 255-256 *Между холмами лежал… дол…* — Ср. Вергилий. "Энеида", V, 286 слл.; XI, 522 слл. По поводу данного описания Х. В. Фортгенс (с. 127) уместно замечает: "Все места, где должно произойти нечто значительное, поэты более или менее подробно описывают для того, чтобы читатель представлял место действия. Однако напоминаю, что наши стихи не являются описанием определенного места и описанная Стацием Немея не похожа на Немею настоящую. Определенно известно, что наш поэт, в отличие от своего отца, никогда не был в Греции".

42

Стих 268-285 *Следом — извечный черед родителей… вносят*… — В описании торжественной процессии, несущей изображения предков. Стаций отступает от традиции, так как обычно это шествие устраивалось в день погребения, а у Стация — через девять дней после него; кроме того несут изображения предков не Офельта, а Адраста. Отчасти эти изображения были описаны выше (II, 215-220), а предков Адраста уже перечисляла Манто (IV, 553-579 слл.) Не принадлежит к роду Адраста Кореб, но он назван как аргивский герой; *Ио… приземленная*… — уже обращенная в корову; …*благосклонный Юпитер поднял, и чтить начала Аврора*… — Юпитер вновь обратил Ио в женщину, и ее стали почитать восточные народы; …*поводья Нептуна тянет Пелоп*… — Пелоп умолил Нептуна дать ему золотую колесницу и быстрых коней, чтобы, одержав победу над Эномаем, взять в жены его дочь Гипподамию. Гипподамия же подкупила возничего Эномая Миртила, и тот не закрепил колеса повозки своего господина. Одно из знаменитых изложений мифа дает Пиндар ("Олимпийские песни", I, 67 слл.), у которого Миртил не играет никакой роли. Миф о том, что Миртил был влюблен в Гипподамию и потому согласился погубить ее отца, изложен у Павсания ("Описание Эллады", VIII, 14, 11); …*от оси летучей*. — от колесницы Пелопа; *Грозный Акрисий… и Кореб*… — Акрисий суров к дочери Данае, заключенной им в башню; о Коребе см. I, 563 слл.; …*грустит Амимона*… — "грустная" — постоянный эпитет, поскольку Амимона — одна из Данаид, страдавших на земле и вечно казнимых в Аиде; …*тройная Луна*… — поскольку Юпитер втрое удлинил ночь, проведенную им с Алкменой; …*в союзе враждебном братья-Белиды*… — Ср. II, 222.

43

Стих 296 *Первыми спорить коням*. — В описании состязаний в честь Офельта Стаций следует Вергилию (состязания судов — "Энеида", V, 104 слл.) и Гомеру (игры в честь Патрокла — "Илиада", XXIII, 288 слл.).

44

Стих 321 …*сыну*… — Фаэтону.

45

Стих 329 …*Кастор сменил на весло бразды амиклейской упряжки*. — Кастор примкнул к аргонавтам и на корабле отправился с Иасоном в Колхиду.

46

Стих 332 …*счастливец Адмет*… — Адмет назван счастливым, потому что пользовался расположением сразу двух богов, Аполлона и Геркулеса; один даже пас его стада, а второй помог вернуть из подземного царства жену Алкесту;…с *фессалийских брегов укрощает*… *холостых кобылиц*… — В состязаниях часто использовались кобылицы, о чем свидетельствует уже Гомер ("Илиада", XXIII, 265, 295 сл.).

47

Стих 342-343 …*Эвнеем, в память Арго*. — Эвней (греч. букв. — доброплав) был назван в честь удачного похода аргонавтов.

48

Стих 348-349 …*диомедовы гетские кони*… — Хромий, сын Геркулеса, владел конями, которые Геркулес забрал у побежденного им царя Диомеда; Диомед кормил своих коней человеческим мясом; …*на четверке отца пизанского*… — т.е. Эномая, так как он был царем Пизы.

49

Стих 352-354 …*нагроможденные камни, знак землепашцев*… — Камни разделяли земельные участки, принадлежащие разным хозяевам; …*меж той и другой в четыре полета было копейных иль в три полета стрелы расстоянье*, — обычный для эпических поэтов прием указания на расстояние. См. примеч. к III, 587-588; ср. V, 361; Вергилий. "Энеида", XI, 608; Гомер. "Одиссея", IV, 473.

50

Стих 360-364 *…божьи начала: какой дух молнии шлет…* — В этом эпизоде Стаций следует за Вергилием. Ср. рассказ Анхиза в "Энеиде" (VI, 724 слл.).

51

Стих 366 …*лавр он сплетал с черепахой*… — Закончив песню, кифаред снимал с головы лавровый венок и надевал на кифару.

52

Стих 368 …*к геркулесовой… Немее*… — Немея названа геркулесовой потому, что Геркулес убил немейского льва.

53

Стих 375 *Когда я служил в полях пелионских*… — Чтобы очиститься от пролитой крови Пифова, Аполлон по велению Юпитера восемь лет служил пастухом у фессалийского царя Адмета.

54

Стих 381 …*поздняя смерть*… — Когда Адмет тяжело заболел, оракул ответил ему, что он сохранит жизнь, если кто-нибудь из близких отдаст за него свою. На это решилась жена Адмета Алкеста, именем которой названа драма Еврипида. Ср. Ювенал. "Сатиры", VI, 652 слл.

55

Стих 384-385 *…плачем лицо увлажнив, незнакомое с горем…* — Ср. Овидий. "Метаморфозы", II, 622-623; "Стопы стал издавать, — ведь лик небесный слезами не подобает влажнить!"; *…тотчас Немей достиг прыжком…* — Ср. Гомер. "Одиссея", I, 100: "Бурно с вершины Олимпа в Итаку шагнула богиня".

56

Стих 389 *В медном шеломе смешав, Протон, уж вытащил жребьи*… — Древние широко пользовались жребием в разных сферах жизни: например, по жребию выбирались судьи (Светоний. "Юлий", XII), распределялись обязанности магистратов (Светоний, "Октавиан", XXX), провинции отписывались проконсулам (там же, XLXII: постоянно пользовались жребием при распределении мест в состязаниях, часто используя в качестве урны шлем. Ср. Вергилий. "Энеида", V, 490; Светоний. "Нерон", XXI.

57

Стих 396-401 *Тот же огонь и в конях*… — В описании трепещущих коней перед состязанием Стаций следует за Вергилием ("Георгики", III, 83 слл.).

58

Стих 402 *Верные — рядом стоят, разбирая узлы и, сплетенья*… — Ср. Вергилий. "Энеида", XII, 85 сл.

59

Стих 404 …*тирренский грохот*… — звук сигнальной трубы, которая считалась изобретением тирренцев (этрусков). Ср. Вергилий. "Энеида", VIII, 526: "Ревом тирренской трубы огласились неба просторы…".

60

Стих 408 …*звезды с небес упадают*… — Ср. Вергилий. "Георгики", I, 365.

61

Стих 411-413 *Вдруг те — скрылись из глаз…* — сходное описание бега у Силия Италика ("Пунические войны", XVI, 325 слл.).

62

Стих 416-419 …*то, наклоняясь вперед, в нетерпении ваги коснутся*… — близкое описание у Манилия ("Астрономикон", V, 74 слл.); …*вставшие гривы ветер гребет*… — Ср. Гомер. "Илиада", XXIII, 367.

63

Стих 422-423 …*град ледяной… сыплет не гуще*… — Сравнения с градом встречаются у Вергилия ("Георгики", I, 449; "Энеида", V, 459); …*от Оленских рогов дожди не обильнее льются*. — Созвездие "Козлята" приносило сильные дожди, о чем, в частности, сообщает Вергилий ("Энеида", IX, 668).

64

Стих 440 *Фебов пророк*… — Амфиарай.

65

Стих 442 …*герой фессалийский*… — Адмет.

66

Стих 447 …*морской звонкоступ*… — Арион; эпитет "морской" получил как сын Нептуна.

67

Стих 460… *по имени кличет*… — Ср. Овидий. "Метаморфозы", II, 192: "…не в силах коней удержать и имен их не знает".

68

Стих 462 …*данайским авгуром*… — Амфираем.

69

Стих 477-478 *…марсов… Гипподам…* — Отец Гипподама Эномай был сыном Марса.

70

Стих 480-489 *…изо всех геркулесовых сил…* — Хромий был сыном Геркулеса; *…в них вновь возникает голод былой…* — Хромий управлял конями Диомеда, вскормленными человеческим мясом. Ср. VI, 348; *… тиринфский герой…* — зд. Хромий.

71

Стих 501-510 …*Арион пламеневший лишь увидал*… — Ср. с поверженным Минервой сыном Адмета у Гомера ("Илиада", XXIII, 391 слл.); …*поднял высоко коней*. — Ср. Силий Италик. "Пунические войны", IV, 144: …*аонийский изгнанник*… — Полиник; …*бег тенарских колес*… — т.е. колесницы Амфиарая: …*фессалийская ось*… — колесница Адмета. Указывая колесницы, не называя имени возниц, Стаций следует за Вергилием, который вместо имен вождей в состязании называет корабли. Ср. Вергилий. "Энеида", V, 155 слл.: …*лемносский юный герой*… — Эвней, сын Гипсипилы; его брат-блианец Фоант уже упал, когда старался обогнать Адмета.

72

Стих 527 *Стон земля издает и уже угрожает бедою*. — Амфиарай должен погибнуть, провалившись вместе с колесницей в разверзшуюся землю.

73

Стих 529 …*морской… отец*… — Нептун.

74

Стих 531-532 *награду первому*… — Ср. описание вручения дара победителю у Вергилия ("Энеида", V, 531 слл.) и у Силия Италика ("Пунические войны", XVI, 449 слл.).

75

Стих 536-538 …*страшило золото*… золотые изображения на кратере; ср. аналогичный прием в III, 223; …*в разгар сраженья с лапифами*… — битва лапифов с кентаврами на свадьбе Перифоя; …*сам*… — Геркулес; … *ярого держит Гилея*… — Гилей грозил лапифам огромным кратером. Ср. Вергилий. "Георгики", II, 457; "Энеида", VIII, 294; Овидий. "Метаморфозы", XII, 378.

76

Стих 540-542 *Ты же, Адмет… получаешь хламиду…* — Ср. Вергилий. "Энеида", V, 250 сл.

77

Стих 542 …*молодой презрителъ*… — Леандр; …*фриксова моря*… — Геллеспонта.

78

Стих 547 …*дева сестейская*… — Геро; …*гаснет огонь-соучастник*. — костер, который зажигала Геро в качестве путеводного знака для Леандра.

79

Стих 560 *Прочих встречая, молчит народа неосведомленность…* — Ср. Вергилий. "Энеида", V, 302: "…имена их молва позабыла".

80

Стих 575-576 *…к палладиной горсти… прибег…* — зачерпнул оливкового масла, которым во время упражнений и состязаний натирались бегуны и гимнасты (Ср. VI, 584-585 — "палестра жирная");…к *палладиной*… — т.к. олива посвящена Афине.

81

Стих 593-597 *ринулся строй*…. — Ср. Вергилий. "Энеида", V, 316 слл.; …*столько же стрел от парфян убегающих*… — Парфяне часто делали вид, что убегают с поля боя, и этим нарушали строй противника; затем, резко развернувшись, они его захватывали врасплох. См. об этом у Тацита ("Анналы", VI, 35), Проперция (III, 9), Лукана ("Фарсалия", I, 229 слл.).

82

Стих 602-623 *Ветра быстрее меж тем убегает*… — В сцене бега (особенно VI, 602-617) образцами для Стация служили Гомер ("Илиада", XXIII, 758 слл.) и Вергилий ("Энеида", V, 318 слл.); …*менальский мальчик*… — Партенопей; *Оный решился на козни*… — Ср. сцену обманного выигрыша в состязании у Вергилия ("Энеида", V, 325 слл.); …*прах зачерпнув, посыпает лицо*… — в знак скорби; …*из-за слез красота прекраснее прежнего стала*. — Ср. Вергилий. "Энеида", V, 343.

83

Стих 627-630 *"Уймитесь, не спорьте, дети мои! И опять испытайте уменье*… — В отеческом обращении Адраста Стаций следует Вергилию ("Энеида", V, 348 слл.; ср. там же, VI, 833).

84

Стих 632 …*тегейский юноша*… — Партенопей; "тегейский" от названия города Тегея в Аркадии.

85

Стих 638-640 …*шагов пробегавших не видит поле*… — Ср. Гомер. "Илиада", XXIII, 763-766:

"Так Одиссей за Аяксом близко бежал; беспрестанно
Следом в следы ударял он, прежде чем прах с них ссыпался,
И дыханье свое изливал на главу Оилида,
Быстро и ровно бежа…"

86

Стих 680-681 *забросил диск вращавшийся вверх над собой*… — Демонстрируя свою силу, Флегий делает пробный бросок вверх.

87

Стих 686-688 …*мглистая Феба сестра*… — Луна; в сравнении речь идет о низведении луны фессалийской колдуньей. Ср. I, 105.

88

Стих 699 *…тебя призывая, от Майи рожденный…* — Меркурий считался покровителем палестры. Ср. Гораций ("Оды", I, 10, 1 слл.) и VI, 833.

89

Стих 722 *Отпрыск Талая*… — Адраст.

90

Стих 724 …*злато концы, торчащих когтей укрощало*. — Ср. Вергилий. "Энеида", VIII, 553-554;"…как чепрак, покрывала львиная шкура его и сверкала когтей позолотой".

91

Стих 730 …*песты*… — ремни, отяжеленные свинцом, которыми обматывали руки во время кулачного боя. Ср. Вергилий. "Энеида", V, 363.

92

Стих 734-738 …*Из тысяч, — сказал, — одного*… — Ср. угрозы Капанея перед состязаниями со словами Эпея у Гомера ("Илиада", XXIII, 672 слл.).

93

Стих 739-746 …*из толпы обнаженных лаконцев нежданный выступил Алкидамант*. — Ср. характеристику Алкидаманта у Стация с описанием Дарета у Вергилии ("Энеида", V, 368 слл.).

94

Стих 751-752 *…лицо в отдаленье спасительном держат, скрыв за подобьем щитов*… — Ср. Вергилий. "Энеида", V, 426 слл.

95

Стих 753 *С Титием схож Капаней*… — Ср. о Титии, I, 710; Стаций возвращается к сравнению Капанея с Титием в XI, 13 слл.

96

Стих 765-766 *…тратит силы без спешки, боясь за грядущее…* — Ср. Гораций. "Сатиры", II, 2.

97

Стих 788 …*он врага отходящего по полю гонит*… — Ср. бой Энтелла с Даретом у Вергилия ("Энеида", V, 456 слл.).

98

Стих 799-800…*по знаку с кормы — они опускают все вместе руки*… — Этот обычай гребцов делать краткие передышки при длительном плаваний отмечен еще у Плавта ("Ослы", III, I, 16).

99

Стих 818 *…отшвырнув рукою и ветвь…* — Ветвь пальмы была традиционным даром победителю. Ср. перечисление даров у Вергилия ("Энеида", V, 110 слл.).

100

Стих 819 *Ужель я пылью густою…* — В описании ярости Капанея Стаций следует Вергилию; ср. гнев Турна ("Энеида", XII, 97 слл.).

101

Стих 822 …*эбалийский наставник?* — спартанец Поллукс.

102

Стих 825 …*питомца Тайгетской вершины*. — Алкидаманта.

103

Стих 833 …*божество*… — Меркурий; см. примеч. к VI, 699.

104

Стих 835 …*этолиец*… — Тидей.

105

Стих 836-837 *Супротив обнажает крепкое тело…* — обычай сражаться обнаженными описан у Гомера ("Илиада", XXIII, 708 слл.) и Вергилия ("Энеида", V, 421 слл.).

106

Стих 848 …*облачаются в пригоршни пыли*… — чтобы умащенное маслом тело не было скользким. Ср. Силий Италик. "Пунические войны", XV, 51; Овидий. "Метаморфозы", XIV, 136 слл.

107

Стих 860 *Руки меняя*… — Ср. схватку Тидея с Агиллеем и описание боя Тидея с Полиником (I, 431 слл.) и Капанея с Алкидамантом (VI, 796 слл.).

108

Стих 880 *…иберийских холмов испытатель…* — Имеется в виду добыча драгоценный металлов.

109

Стих 913 …*диркейский изгнанник*. — Полиник.

110

Стих 938-839 *Поле измерив, на миг стрела роковая коснулась древа…* — Ср. Вергилий, "Энеида", V, 519 слл.

111

Стих 941 …*возле уст знакомого тула упала*. — Ср. Овидий. "Метаморфозы", VII, 684.

112

Стих 946 *…и явлено зло…* — Ср. V, 498; *…один лишь вернется из битвы…* — Из семи вождей только один Адраст вернется из-под Фив; все остальные погибнут.

1

Стих 3 …*помавал головой*… — Ср. Вергилий. "Энеида", X, 115.

2

Стих 5 …*Тегеи питомцу*… — Меркурию, местом рождения которого считалась Аркадия, где находится Тегея. Ср. Вергилий. "Георгики", I, 18.

3

Стих 7-9 …*звезды белоснежной… ось*… — Полярную звезду; … *огонь… чуждый вод Океана*… — Звезды Медведицы всю ночь остаются в поле зрения, а остальные каждую ночь "погружаются" в Океан. Ср. I, 371, 684, 685; Лукан. "Фарсалия", II, 237: "В час, когда звездная ось Паррасийской Гелики склонилась…".

4

Стих 15-16 …*все, что Истм серединный делит и… Малеи прибой оглашает*. — материковую Грецию (Фивы) и Пелопоннес (Аргос).

5

Стих 40 *Тут по бесплодью лесов узнает он капища Марса*… — Ср. Гомер. "Одиссея", VIII, 361; Вергилий. "Энеида", III, 13; Силий Италик. "Пунические войны", I, 433.

6

Стих 47-54 *Стража чертогу подстать…* — Стаций помещает при входе во дворец Марса всех его стражей — Ужас, Страх, Гнев, — помогающих ему в битве, как Вергилий у входа в царство теней располагает все причины смерти людей — Заботы, Болезни, Нищету и др. Ср. Вергилий. "Энеида", VI, 273 слл.

7

Стих 55-60 *разных доспехи земель*… — Ср. Вергилий. "Энеида", VII, 183 слл.

8

Стих 62-63 …*прелюбодей тогда еще… связи своей не смывал на опутанном ложе*. — См. примеч. к II, 269-271.

9

Стих 64 …*менальский летун*… — Меркурий.

10

Стих 65-66 …*и Гебр роговевший, воды сломав, взревел*… — См. примеч. к II, 215-222 и IV, 101-106. Ср. Овидий. "Метаморфозы", VIII, 889 слл.

11

Стих 74 …*отпрыск килленский* — Меркурий.

12

Стих 92 …*вина на землю лия*… — Адраст почитает Архемора как бога, а не просто как мертвого, так как возлияния мертвым совершались только в том случае, если после смерти человек был обожествлен. Ср. комментарий Сервия к "Энеиде" (VII, 77) Вергилия.

13

Стих 94-97 …*приходит не чаще к аркадским жертвам увечный Пелоп*… — имеются в виду Олимпийские игры, которые были первоначально установлены в честь Пелопа; …*увечный*… — желая испытать богов, Тантал заколол и сварил тело сына Пелопа и подал его богам в качестве угощения; все боги с негодованием отказались от яства, и только Деметра, огорченная исчезновением дочери Прозерпины, съела кусок плеча; Тантал был наказан, а Пелоп возвращен к жизни и плечо ему было сделано из слоновой кости; …*змей к алтарям касталийским*… — Пифон, в честь которого, после того, как он был убит Аполлоном, установили Пифийские игры; …*на сосновый Лехей да является тень не скорее*. — тень Палемона на Истмийские игры, в его память установленные; состязания проводились раз в три года.

14

Стих 108-113 …*один из сонма приспешников — Ужас*… — Ср. Вергилий. "Энеида", VII, 335 слл.

15

Стих 113 …*боязни нагнав, города помрачает*… — Ср. Лукан. "Фарсалия", I, 484 сл.; Вергилий. "Энеида", IV, 174 сл.

16

Стих 137-138 *…у каждого в сердце бушует страсть…* — Ср. Вергилий. "Энеида", VII, 460 сл.

17

Стих 150 …*с рогов*… — Вакх изображался с рогами в знак происхождения его от Аммона, священным животным которого был баран.

18

Стих 155 "*Ты ли Фивы свои истребишь*… — сцену мольбы Вакха к Юпитеру (VII, 155-192) ср. со сценами стенаний Юноны у Вергилия ("Энеида", I, 35 сл. и VII, 292 сл.).

19

Стих 157-160 *…лара, которого ты обманул, и родимого пепла?* — Намек на хитрость Юноны по отношению к матери Вакха Семеле. См. примеч. к I, 12-14.

20

Стих 162-163 *Но не таким к порогу Данаи… — См.* Даная, Каллисто, Леда.

21

Стих 165-167 *Но носившему разве я не был бременем сладким*… — После гибели Семелы от молнии Юпитера, Юпитер зашил Вакха к себе в бедро и вынашивал недостающие месяцы. См. примеч. к I, 12-14.

22

Стих 177 …*мачехиных Микен*… — Микены были под покровительством Юноны, мачехи Вакха; Микенами поэтому Вакх называет здесь "ненавистные Арги".

23

Стих 178-183 *Что ж, уступлю*… — Ср. слова Венеры у Силия Италика ("Пунические войны", III, 565 слл.); …*но сумел же брат скалу закрепить латонину*… — Аполлон в честь матери Латоны остановил плавучий остров Делос, на котором родился. Ср. IV, 803.

24

Стих 184-188 …*Тритонида смогла от милой твердыни вражьи потоки прогнать*… — Минерва спасла Афины, которые были под ее покровительством, от потопа, насланного Юпитером.

25

Стих 189 …*Геркулесом чреватые ночи*… — Вакх напоминает Юпитеру о трех ночах, проведенных им с Алкменой, родившей Геркулеса.

26

Стих 190 …*страсть блуждающей дщери Никтея*… — т.е. Антиопы, которая зачала от Юпитера и была изгнана из родного города отцом Никтеем. Ср. Аполлодор. "Мифологическая библиотека", III, 5, 5.

27

Стих 191-192 …*бык, счастливейший нашей молнии*… — образ, в котором Юпитер похитил Европу; Европа оказалась счастливее Семелы, погибшей от молнии Юпитера.

28

Стих 193 *ревность забавна отцу*… — Ср. Вергилий. "Энеида", I, 254: "Ей улыбнулся в ответ создатель бессмертных и смертных…".

29

Стих 208-209 (*если даже забыть о злодействах дорян*)… — Имеется в виду *Тантал*; *…дорян…* — греков.

30

Стих 211-213 …*Пенфей — не забрызганный кровью отцовской*… — Пенфей не был запятнан преступлениями, как Эдип, на которого намекает Юпитер, но тем не менее погиб по воле Вакха. Ср. I, 62-87.

31

Стих 221 …*мститель — иной*… — Имеются в виду либо Эпигоны, сыновья семи вождей, которым удалось через десять лет овладеть Фивами, либо Александр Македонский, завоевавший Фивы.

32

Стих 223-226 *Так, сожжены и злою жарой, и Нотом унылым*… — Ср. Вергилий. "Буколики", II, 58-59: "В своем я безумии Австра сам напустил на цветы…".

33

Стих 234 …*оценить мощь силы своей*. — В описании фиванского войска (VII, 234-289) Стаций опирается на список беотийской рати у Гомера. Ср. "Илиада", II, 494 слл.

34

Стих 243-244 *Одаль на башне пустой Антигона…* — Ср. Еврипид. "Финикиянки", 87 слл.; *…свой лик охраняет одеждой…* — Ср. выход из дома Елены у Гомера ("Илиада", III, 141 слл.).

35

Стих 252 …с *медною Сфингой*… — обычное украшение шлема; здесь оно подчеркивает, что Гемон — фиванец. Ср. X, 659 — описание шлема Менекея.

36

Стих 255-258 *…у него на щите белоснежном трезубец изображен и перун золотой…* — У Дианта на щите изображен трезубец, так как род Дианта восходит к Ориону; появление созвездия Ориона осенью считалось предвестником бурь и гроз. Ср. Вергилий. "Энеида", I, 535 слл.; *…гнев давний безбрачной Дианы.* — По одной из версий мифа Орион погиб от стрел прогневанной им Дианы. Ср. Гомер. "Одиссея". V, 121-124; Гораций. "Оды", III, 4, 72; Аполлодор. "Мифологическая библиотека", I, 4, 3-5.

37

Стих 259-260 …*Окалея рядом, следом за ней Медеон, и славная рощами, Ниса*… — Ср. Гомер. "Илиада", II, 501, 507.

38

Стих 261 …*оглашаемая Дионы летуньями Фисба*… — голубями, посвященными и Дионе, и Венере, культ которой справляли в Фисбе. Ср. Овидии. "Метаморфозы", XI, 300; Гомер. "Илиада", II, 502.

39

Стих 265 …*Эритры, где стад изобилье*… — Ср. Гомер. "Илиада", II, 499.

40

Стих 266 *Скол и те, что живут на хребтах Этеона опасных…* — Ср. Гомер. "Илиада", II, 497.

41

Стих 267-268., *на гилейских брегах*… — Ср. Гомер. "Илиада". II, 500; … *в аталантийском Схеноне… чтут следы знаменитого поля*. — Беотийскую (дочь Схенея) и аркадскую (дочь Иаса) Аталанту часто путали и легенды, связанные с ними, контаминировали: обе чтили Диану, были охотницами и славились быстрым бегом.

42

Стих 269 …*сариссы*… — македонские копья.

43

Стих 270 …*пелты*. — См. примеч. к V, 145.

44

Стих 271 …*из Онхеста… нептуновы люди…* — Онхест, чьим именем был назван город, — сын Нептуна. Ср. Гомер. "Илиада", II, 506.

45

Стих 272 …*Микалес в полях*… — Ср. Гомер. "Илиада", II, 498.

46

Стих 274-275 …*ключ Гаргафийский*… — Ср. Овидий. "Метаморфозы", III, 155; …*Галиарту на зависть — сжинают злаки, которые тот изобилием трав превосходит*… — Ср. Гомер. "Илиада", II, 503; Вергилий. "Энеида", II, 306.

47

Стих 279 *…лира на шлеме его и пращуров бык различимы*. — Этот Амфион ведет свой род от Амфиона, сына Юпитера, явившегося к его матери Антиопе в виде быка; под звуки его лиры камни сами сложились в стены Фив; "бык пращуров" на шлеме Амфиона может также напоминать о быке (Юпитере), похитившем Европу, или о быке, к рогам которого Зет и Амфион привязали Дирку.

48

Стих 282-285 …*геликонский отряд*… — Имеются в виду поэты, хотя и "не признающие войны", но пришедшие на помощь; Стаций называет гору и реки, посвященные Музам: Геликон, Пермесс и Ольмий.

49

Стих 306 …*из Глисанта сухого*… — Ср. Гомер. "Илиада", II, 504.

50

Стих 307 …*из Коронии*… — Ср. Гомер. "Илиада", II, 503.

51

Стих 317-318 …*дочь… отмщая… воды свои на Громовника-зятя обрушил*. — миф о похищении Юпитером Эгины. Ср. Каллимах. Гимн "К острову Делосу", 77 сл.

52

Стих 331 …*Мидея и Арна хмельная*… — Ср. Гомер. "Илиада", II, 507.

53

Стих 332-335 …*Платеи*… — Ср. Гомер. "Илиада", II, 504; …*Авлиду*… — Ср. там же, 496; Вергилий. "Энеида", IV, 425 сл.; Авлида — город, откуда отправлялись греки завоевывать Трою; …*Грею*… — Ср. Гомер. "Илиада", II, 498; . …*Петеон*… — Ср. Гомер. "Илиада", II, 500; …*Эврипа, чей ток переменчив*… — Пролив Эврип между Эвбеей и Беотией столь узок, что соединяется мостом; уровень воды меняется до семи раз за сутки из-за приливов и отливов. Ср. Плиний. "Естественная история", II, 98; Ливий. "От основания города", XXVIII, 6; …*самым далеким краем — тобой, Анфедон*… — Ср. Гомер. "Илиада", II, 508.

54

Стих 339 …*гезы*… — тяжелые галльские метательные копья. Ср. IV, 64; Вергилий, "Энеида", VIII, 661; …*стрел кидонских*… — См. примеч. к IV, 269.

55

Стих 341-342 …*в феспийских полях сей отрок угрюмый блекнет*… — Нарцисс, сын реки Кефиса; прекрасный юноша, увидев в воде свое отражение, воспылал пылкой любовью к себе самому; был превращен в цветок. Ср. Овидий. "Метаморфозы", III, 402 слл.; Гомер. "Илиада", II, 522; …*родитель*… — Кефис.

56

Стих 343-350 *Кто же однако привел и фебову рать, и Фокиду*… — Весь пассаж заимствован Стацием у Гомера; …*фебову рать*… — т.е. фокидцев, так как большая часть Фокиды была посвящена Аполлону . … *Панопу рыхлит*, *Кипарисс и Давлиду*… — три города Фокиды; ср. Гомер. "Илиада", II, 519-520; …*висящий на острых скалах Гиамполь*… — Ср. Гомер. "Илиада", II, 521 слл.; …*Пифон*, *отводивший водя от моря*… — когда перегораживал своим телом реку.

57

Стих 351-353 …*кто лаврами шлем оплетает*… — показывая этим свою причастность к культу Аполлона; …*Титий у них на щитах или Делос*… — Титий, пронзенный стрелами Аполлона за покушение на честь Латоны; Делос — как место рождения Аполлона; …*тулы наполнил сей бог бесчисленным смертоубийством*. — Имеется в виду избиение Аполлоном детей Ниобы.

58

Стих 369-370 …*Клонис*… — Ср. Гомер. "Илиада", I, 495; …*с гривой по спинам Абантиады*… — постоянная гомеровская характеристика — "на тыле власы лишь растивших" (Н. И. Гнедич). Ср. Гомер. "Илиада", II, 542;… *Карист*… — Ср. там же, II, 538.

59

Стих 373 …*брат*… — Этеокл.

60

Стих 374 …*правитель*… — Этеокл.

61

Стих 393-397 *Так на рассвете пастух по росе сквозь решетчатый выход*… — Ср. Кальпурний (автор буколических стихотворений времени Нерона). "Эклоги", I, 39; V, 41-42.

62

Стих 410-421 *Не раздавались тогда аполлоновой Кирры вещанья…* — Из разных областей Греции аргосцы получают вести о дурных предзнаменованиях; *…неурочной порой Элевсин оглашался всенощный воплями…* — В Элевсине плясками и воплями девушки славили Цереру, изображая скорбь богини по пропавшей Прозерпине. Ср. XII, 132; *… амиклейские братья*. — Кастор и Поллукс "сшиблись меж собой" — дурной знак, предсказывающий битву между Этеоклом и Полиником; *…по свирепому полю шел Эномай…* — по тому полю, где он устраивал состязания на колесницах для женихов своей дочери Гипподамии и убивал проигравших; *…обломился рог и второй Ахелоя…* — Первый рог был обломан у Ахелоя Геркулесом (см. примеч. к IV, 105); потеря второго рога предсказывала гибель обоих браться, Этеокла а Полиника; *…омрачившийся лик Персея…* — Персей аргосцами и жителями Микен был причтен к богам; омрачившийся лик божества — дурное предзнаменование; *…смутной Юнона молят точеный кумир…* — т.е. статую из слоновой кости, на которой проступили капли нота, что считалось дурным знаком. Ср. IV, 374; *…моря двойного…* — т.е. Истма.

63

Стих 436-440 *Так, когда подведет к реке неизведанной стадо пастырь*… — Ср. Валерий Флакк. "Аргонавтика", IV, 195 сл.

64

Стих 441 …*для стана удобное видят поле*… — Ср. Вергилий. "Энеида", XI, 522.

65

Стих 468 …*отцом*… — Эдипом.

66

Стих 470-473 *Фебы… лучи… день угашал, и уже Океан воздымался грядущим светом…* — Ср. описание утра у Овидия ("Метаморфозы", II, 63 слл.).

67

Стих 477 …*Эвмениде старейшей*… — Ср. Вергилий. "Энеида", VI, 675; VII, 327.

68

Стих 511-512 *Или боишься, что мать — соучастница копни — обманет сына?* — Ср. слова Иокасты у Сенеки: "Колеблешься? Боишься клятвы матери?" ("Финикиянки", 477).

69

Стих 514 *Мерзостны брак и потомство мое*… — Ср. Сенека. "Финикиянки", 2 сл.

70

Стих 529-533 *Вот так на ловчих и колья груди могучим броском разъяренные львы налетают…* — Ср. Клавдиан., "Похищение Прозерпины", XXII; Плиний. "Естественная история", VIII, 16; Элиан. "Пестрая история", IV, 34.

71

Стих 542 …*посредница мира и чести*… — Ср. Силий Италик. "Пунические войны", VI, 346; Лукан. "Фарсалия", X, 472.

72

Стих 552 *Раньше вот это копье железное выгонит листья*… — Ср. Гомер. "Илиада", I, 234; Вергилий. "Энеида", XII, 207; Валерий Флакк. "Аргонавтика", III, 707 сл.

73

Стих 556 *…прощу свои раны*. — Ср. Силий Италик. "Пунические войны", I, 487; Овидий. "Письма с Почта", II, 7, 51; Ливий. "От основания города", VIII, 35.

74

Стих 563 …*семена* …*боя*. — Ср. Лукан. "Фарсалия", I, 159: " … братской войны семена…"

75

Стих 564 *Две близ диркейских тогда потоков тигрицы, бродили…* — Весь; жи. 10Д перекликается с описанием охоты на оленя у Вергилия ("Энеида", VII, 475 слл.).

76

Стих 566 *…в битве восточной досель истребитель, но днесь победитель…* — Вакх сражался на колеснице и победил индийский народ. Стаций говорит о распространении культа Вакха на Восток и в Индию. Ср. VII, 687.

77

Стих 568 *Рать божества*… — т.е. менады, вакханки, сатиры.

78

Стих 583 …*след в облаках оставляя*… — Ср. Вергилий. "Энеида", VII, 528.

79

Стих 593-598 …*метнув не одно копейное древко*… — Ср. с гибелью оленя у Вергилия ("Энеида", VII, 499 слл.).

80

Стих 601-602 …*колыбель Геркулеса*… — Фивы, так как Геркулес родился в Фивах; …*покои Семелы*… — Когда Семела погибла от молнии Юпитера, сгорел ее дворец. Ср. VII, 179; Овидий. "Метаморфозы", III, 298 сл.

81

Стих 625-627 *Сходственно ветер, меж туч собирающий первые силы…* — Ср. Вергилий. "Энеида", VII, 528 слл.; Плиний Младший. "Письма", I, 3; II, 17; Плиний. "Естественная история", II, 3.

82

Стих 651 …*другой заменить привычную Бромию ярость?* — Ср. IV, 390.

83

Стих 654 …*приплетена виноградной лозой белоснежная повязь*… — как символ жречества.

84

Стих 657-659 …*руки в плену рукавов*… — Ср. упоминание о рукавах у Вергилия, как приметы именно женской одежды ("Энеида", IX, 616) . … *складками тонкий виссон*… — (греч., "тонкий лен") — дорогая белая или пурпурная материя. Ср. Вергилий. "Энеида", XI, 775.

85

Стих 664-666 …*место сих стен указал Аполлон телицей киррейской?* — Оракул Аполлона в Кирре велел вопрошавшему его Кадму следовать за коровой и основать город там, где она ляжет; …*в стены сии сошлись добровольно утесы*… — под звуки лисы Амфиона: ср. I, 10; …*зять этого града — Юпитер*… — Возлюбленными Юпитера были фиванки — Семела, Антиопа и Алкмена.

86

Стих 670 *И словно лев, поутру воздымающий с мрачного ложа…* — Ср. Вергилий. "Энеида", X, 454 слл.

87

Стих 676 …*примерял кипарис, угрожающий весом великим*… — т.е. копье из кипариса; ср. описание копья Капанея в IV, 176; ср. также Вергилий. "Энеида", IX, 417.

88

Стих 678 …*mom*… — Вакх.

89

Стих 686 …*Наксос тесеев*… — Тесей, возвращаясь с Крита, на о-ве Наксос покинул Ариадну; там же она стала возлюбленной Вакха. Ср. Катулл, LXIV, 52.

90

Стих 699 …*зная о смерти и сам*… — Ср. III, 515-565.

91

Стих 700 …*возросли и мышцы у мужа*… — Ср. Тит Ливий о Деции, бросающемся в гущу врагов ("От основания города", VIII, 9).

92

Стих 706 …*Насколь был сей непохож на былого*… — Ср. Вергилий. "Энеида", II, 274 слл.

93

Стих 707 …*кто соблюдал и треножник, и лавр*… — Амфиарай был жрецом Аполлона, которому посвящены и треножник, и лавр.

94

Стих 709 *Люд без числа закалал он мечом*… — так же, как он до этого приносил в жертву животных. Ср. Вергилий. "Энеида", X, 540 сл. (о гибели жреца Гемонида).

95

Стих 712 …*серпом колесницы*… — К колесам колесницы прикреплялись торчавшие в стороны серпы. Ср. Ксенофонт. "Анабасис", I, VIII, 10. (*В микенскую эпоху серпоносные колесницы еще не придумали, однако во времена Стация любая боевая колесница воспринималась как серпоносная*.)

96

Стих 714 *Выпустив дрот, поразил Ифиноя…* — Ср. Гомер. "Илиада", VII, 14.

97

Стих 716 …*не злонамеренно*… — так как не знал, что Ликорей — жрец Аполлона.

98

Стих 729 …*на родных берегах*… — на берегах Асопа. Ср. VII, 315.

99

Стих 731 *…знаменитый гигантовым пеплом…* — Асоп здесь сравнивается с Гигантами, которые осмелились вести войну против богов; Асоп также вступил в бой с Юпитером за честь своей дочери и был испепелен. Ср. VII, 324-327.

100

Стих 738 …*бог сам взял безвольные вожжи*… — Аполлон помогает Амфиараю, как Минерва — Диомеду. Ср. Гомер. "Илиада", V, 835 сл.

101

Стих 744-751 *Словно горы заоблачный склон…* — Ср. Вергилий. "Энеида", VII, 684.

102

Стих 752 *Сам равно и бразды опекает*… — Ср. Проперций, III, 16, 15; Вергилий. "Энеида", X, 218.

103

Стих 755 …*Меланей*… — имя, встречающееся у Овидия ("Метаморфозы", XII, 306).

104

Стих 759 …*Лампа, на которого Феб потратил священные стрелы*. — за оскорбление Манто. Ср. VII, 758.

105

Стих 779 …*стон душ*… — Ср. Гомер. "Илиада", XVI, 857; Тибулл, I, 2, 49, а также "Фиваида", II, 51 и IX, 299.

1

Стих 1 …*пророк*… — Амфиарай.

2

Стих 9-10 *И не взирала еще на него Эвменида с лучиной тисовой и, записав на черном столбе, Прозерпина*… — "Поэты утверждают, что каждого из умерших освещают факелом Эвменид, а имена их Прозерпина записывает на косяке входа в подземное царство" (Лактанций). Образцом для этого описания послужила сцена из Вергилия, где Юнона посылает Ириду сопроводить душу Дидоны ("Энеида", IV, 693 слл.).

3

Стих 18 …*волны бороздитель*… — Харон. Ср. XI, 588, а также Овидий, "Письма с Понта", II, 10, 33.

4

Стих 20 …*маны теперь непривычным путем прибывают*. — Даже тех, кто проник в царство мертвых живым (Орфей, Геркулес, Пирифой, Тесей), Харон перевозил на своей лодке.

5

Стих 22 …*правитель Эреба*… — Плутон.

6

Стих 30 …*Стикс — богов обличает клятвопреступных*. — священная клятва богов "водами Стикса". О наказании, которое постигнет клятвопреступника, подробно сообщает Гесиод в "Теогонии".

7

Стих 36 *Кто из братьев*… — Юпитер или Нептун.

8

Стих 38 *Мне это слаще других!* — При разделе мира между Юпитером, Нептуном и Плутоном Плутону досталась худшая часть, поэтому он питает надежду, что если "различия мира погибнут", то он больше не будет чувствовать себя побежденным.

9

Стих 41 …*робкий*… *царь*… — Юпитер.

10

Стих 42 *У меня и Гиганты в разбитых оковах*… — Гиганты были побеждены богами, закованы в цепи и низвергнуты в Тартар. См. подробно у Аполлодора ("Мифологическая библиотека", I, 6, 1-2).

11

Стих 44 …*несчастливый отец*. — Сатурн, лишенный власти своим сыном Юпитером. (См. — сатурнов).

12

Стих 47 *…пущу в небеса стигийские Гипериона…* — т.е. Плутон впустит свет солнца во тьму Аверна.

13

Стих 48 …*не верну Аркадца к богам*… — Меркурия, который был вестником как для богов наземных, так и подземных.

14

Стих 53 …*гости живые?* — Геркулес, Орфей, Пирифой и Тесей; они, будучи живыми, спустились в царство мертвых и вышли назад невредимыми.

15

Стих 56 …*смолк железный порог*… — т.е. смолк лай уведенного от входа Цербера. У Вергилия Сивилла объясняет Энею, что спуститься в Аверн легко, так как двери его всегда открыты, а вот вернуться суждено лишь избранным ("Энеида", VI, 127-129).

16

Стих 57 *И одрисийским… открылся жалобам Тартар…* — Фракиец Орфей спустился в Тартар и с помощью своего пения умолял Плутона и Эвменид вернуть ему жену Эвридику.

17

Стих 59 …*Сестры — урок повторили*. — Парки были вынуждены прясть новую нить жизни для Эвридики.

18

Стих 60 *…но лучше блюсти закон беспощадный*. — Растроганный пением Орфея Плутов разрешил ему увести Эвридику, но с условием, чтобы он не оборачивался до того, как покинет Аверн. Орфей нарушил условие, и Эвридика осталась в царстве мертвых: был соблюден закон, о котором говорит Плутон, а именно, что мертвым нет возврата на землю.

19

Стих 61-62 …*решился выйти тайком и жену с лугов сицилийских похитил*. — О том, как Плутон похитил Прозерпину, собиравшую цветы на лугах Сицилни, подробно рассказывает Овидий ("Метаморфозы", V, 551-5 (53) и Цицерон в речи "Против Верреса" (VII).

20

Стих 63-64 *Юпитера правая воля вместе с родившею год для меня сократили, урезав*. — Церера, узнав о похищении Плутоном дочери Прозерпины, попросила Юпитера вернуть ее на землю; Юпитер согласился вернуть при условии, чтобы Прозерпина ничего не ела в Аверне. Аскалаф, узнав об этом, угостил Прозерпину зернами граната; тогда Юпитер решил, что она будет проводить шесть месяцев с матерью на земле и шесть — с Плутоном в Аверне. Ср. Овидий. "Метаморфозы", V, 564 слл.

21

Стих 70 …*братья в борьбе падут на раны друг друга*… — Ср. Овидий. "Метаморфозы", IX, 405; Манилий. "Астрономикон", IV, 84.

22

Стих 72-73 …*вражью главу пожирает один*… — Имеется в виду Тидей, впившийся зубами в голову смертельно ранившего его Меланиппа (см. VII, 761) …*другой — воспрещает мертвым последний огонь*… — Креонт, запретивший сжечь и похоронить аргосцев (см. XI, 662 слл.).

23

Стих 76-77 …*противоборца богов отыщи, и пусть отразит он молнии огнь*… — Капанея, который был поражен молнией Юпитера за свою дерзость (см. X, 927 сл.).

24

Стих 79 *…чем сомкнуть Пелион с лесистою Оссой*. — Сыновья Нептуна, От и Эфиальт, решив достичь Олимпа, взгромоздили гору Оссу на Пелион. Их погубила Диана, принявшая образ оленя: олень оказался между ними, и они поразили друг друга стрелами. О гибели Ота и Эфиальта см. Гомер. "Одиссея", XI. 305; "Илиада", V, 385 (по Гомеру, они гибнут от стрел Аполлона); ср. также Аполлодор. "Мифологическая библиотека", I, 7.

25

Стих 80-81 …*в ответ на призывы его отозвался дрожью угрюмый чертог*… — Ср. Ill, 308 сл.; Силий Италик. "Пунические войны", V, 617 слл.; Клавдиан. "Похищение Прозерпины", I, 82 слл.

26

Стих 90-120 "*Если дозволено здесь… отвергнуть манам уста…* — Стаций строит обращение Амфиарая к Плутону по образцу овидиевых слов Орфея ("Метаморфозы", X, 17-39). Однако Орфеем движет любовь к Эвридике, а Амфиараем — ненависть к предавшей его Эрифиле; …*для всех других завершитель*… — Ср. Овидий. "Метаморфозы", X, 32-35: "Все мы у вас должники; помедлив недолгое время, Раньше ли, позже ли — все в приют поспешаем единый. Все мы стремимся сюда, здесь дом наш последний; вы двое Рода людского отсель управляете царством обширным"; …*не для запретных услад*… — Амфиарай не хочет, чтобы его уподобили Пирифою: …*Хаосом полым клянусь*… — Ср. Овидий. "Метаморфозы", X, 30; …*полым*… — Ср. IV, 420, 478; …*критского урна судьи*… — См. прим. к IV, 530; …*коварством жены и златом губительным предан*… — Эрифилы, которая в награду получила золотое ожерелье Аргии; …*я не невеждой вступил*… — Амфиарай знал о том, что погибнет. Ср. III, 547; IV, 188-189; VI, 383.

27

Стих 124-126 *Сходственно лев: коль пред ним массильское блещет железо…* — Ср. Овидий. "Скорбные элегии", III, 5, 33 сл.; Плиний. "Естественная история", VIII, 16.

28

Стих 137 …*зиянье узрев, стал мертвенно бледен*… — Сходно описание у Вергилия: от ужаса бледнеет Клеопатра ("Энеида", VIII, 709) и Дидона (там же, IV, 644).

29

Стих 193 …*в блаженных лесах*… — места, куда попадали лишь герои и люди, отличившиеся перед богами; там они обретали вечный покой. Ср. "острова блаженных" у Гомера ("Одиссея", IV, 563 слл.), Господа ("Труды в дни", 167 слл.) и Пиндара ("Олимпийские оды", 2, 71 слл.).

30

Стих 194 …*поручил блюсти элисийских летуний?* — т.е. наблюдать за птицами; у Вергилия пророк, при жизни честно служивший Аполлону, и после смерти сохраняет свои жреческие функции. Ср. Вергилий. "Энеида", VI, 661 слл.

31

Стих 196-202 …*свежая боль и длительный плач умолкнувшим Дельфам*. — Стаций перечисляет все места почитания Аполлона и Юпитера. См. примеч. к III, 473-480.

32

Стих 203 …*потоки и лавр пожелают сами усохнуть*… — реки, посвященные Аполлону, а лавр — как священное дерево Аполлона.

33

Стих 207 …*храмы воздвигнем*… — Амфиарай после смерти почитался в Греции наравне с богами. Об этом сообщает Филострат в "Жизни Аполлония Тианского" (II), Плутарх ("Об упадке оракулов", 5), Цицерон ("О дивинации", I, 50).

34

Стих 221-222 *…гром меди двойной и кожи идейской…* — звуки кимвалов и тимпанов; *…идейской…* — так как тимпаны использовались во время празднований Кибелы, которая более всего почиталась во Фригии, на горе Иде. Ср. Вергилий. "Энеида", IX, 617 слл.; *…букс зазвучал…* — т.е. свирель, сделанная из самшитового дерева.

35

Стих 224-225 …*пеаны*… — в знач. "торжественные песнопения". Ср. Вергилий. "Энеида", VI, 657; …*чаши в венках*… — обычай украшать чаши венками цветив неоднократно упоминают поэты: Вергилий ("Энеида", I, 724; III, 525), Тибулл (II, 5, 98). Ср. II, 76.

36

Стих 229-235 …*кто-то сидонскую гладь*… — Стаций перечисляет мифы, связанные с основанием Фив, о которых шла речь в I книге: о похищении сидонской царевны Европы Юпитером в образе быка; о предсказании оракула, согласно которому Кадм шел за коровой, пока она не легла на землю, указав ему этим место нового города; о борьбе Кадма с драконом Марса; об искусстве игры Амфиона, благодаря которой сами собой сложились стены Фив; о Семеле, матери Вакха, и о браке Гармонии, дочери Венеры и Кадма; …*Гармонии путь, озаряемый братьев огнями*… — свадебная процессия, в которой путь невесты освещали факелами се братья Амуры, сыновья Венеры.

37

Стих 239 …*Либер народам являл дотоле неведомых индов*. — Об индийском триумфе Вакха ср. Овидий. "Метаморфозы", IV, 20; "Фасты", III, 465.

38

Стих 270 …*кормчий и бог, плывущий в челне, по нему нареченном*. — На корабле писалось имя бога, под защитой которого находился корабль; чаще всего это были Диоскуры.

39

Стих 271 …*сестра огнеликая*… — Луна.

40

Стих 276-277 *…кто соблюдет треножники, лавр прозорливый, а также повязей вдовую честь унаследует*. — Треножник, лавр и головная повязка были атрибутами жреца Аполлона. Ср. I, 509.

41

Стих 286 …*ахеменский*… — персидский; ср. Лукан. "Фарсалия", VIII, 224; Проперций, II, 13, 1; Овидий. "Наука любви", I, 226.

42

Стих 293 …*не дорос до тиары.* — т.е. он еще слишком юн для бремени царской власти; тиара — головная повязка, символ царской и жреческой власти.

43

Стих 296 …*Землю решает почтить*. — Фиодамант считает, что Земля, поглотившая Амфиарая, разгневана на аргосцев.

44

Стих 299 …*два алтаря*… — Культ Земли справлялся и от лица живых, и от лица мертвых.

45

Стих 303 "*Людей и богов предвечная матерь!* — Земля называется "матерью богов" в гомеровском гимне "К Земле". Ср. Аполлоний Родосский. "Аргонавтика", III, 1375; Овидий. "Метаморфозы", I, 393; "матерью богов" также называли и богиню Рею. Весь пассаж (VIII, 302-316) близок Лукрецию ("О природе вещей", I, 1 слл.).

46

Стих 305-308 …*рать Прометея, и камни Пирры*… — Люди впервые были вылеплены Прометеем (см. Аполлодор. "Мифологическая библиотека", 1, 7, 1), а Пирра, бросая камни через плечо, восстановила людской род после потопа. Ср. Овидий, "Метаморфозы", 1, 244 слл.; … *первое ты дала пропитанье*… *мужам*. — До того, как люди научились обрабатывать землю, они питались желудями и другими плодами дикорастущих деревьев. Ср. Вергилий. "Георгики", I, 7 слл.; Овидий. "Фасты", IV, 401 слл.

47

Стих 311-316 …*оба несутся возка*… — т.е. колесницы Солнца и Луны; …*витая в свободном пространстве воздуха*… — Ср. Лукан. "Фарсалия", I, 89; Манилий. "Астрономикон", I, 202 слл.; Макробий. "Сатурналии", I, 21; …*ты — середина всего великим на зависть братьям!* — Юпитер, Нептун и Плутон поделили между собой мир, но землю оставили неделимой; … *звездоносного*… *Атланта*. — так как Атлант на плечах держит небесный свод.

48

Стих 328 …*Прях*… — Парок.

49

Стих 329 *Ты… любезный богам…* — Амфиарай.

50

Стих 331 …*в Киррейской пещере*… — Амфиарай был столь известным жрецом, что местом его погребения могла бы стать либо пещера в Дельфах, где был оракул Аполлона, либо пещера на горе Парнас возле города Кирры, где также давались ответы оракула. Ср. Лукан. "Фарсалия", V, 95 сл.

51

Стих 339 …*черных овец и темных быков погружает под землю*… — Животных с темной шерстью приносили в жертву не только подземным богам, но и самой земле.

52

Стих 346-347 …*скалы, когда-то шедшие песне вослед*… — песне Амфиона; см. примеч. к I, 10.

53

Стих 349 …*отворяются Фивы семижды*. — В Фивах было семь ворот: Огиговы, Неисты, Гомолоиды, Претийские, Электровы, Гипсисты и Диркейские.

54

Стих 358-362 *Нил удаленный, когда впивает он устьем великим*… — О водах Нила ср. Клавдиан, 28 (47); "Нил", 24 слл.; …снег, от Зари приходящий… — Ср. IV, 706.

55

Стих 379 …*не простолюдье любя, но кончину достойнейших жизни*… — Ср. с рассуждением у Цицерона о вечной памяти достойно павшим солдатам ("Филиппики", XIV, 12).

56

Стих 384 …*Браневладычный*… — Марс.

57

Стих 391 …*ливнем седым*… — т.е. пеной.

58

Стих 395-405 *Мчатся уже, и уже под ногами мужей заклубилась первая пыль*… — Описание битвы у Стация выдержано в эпической традиции. Ср. Гомер. "Илиада", XIII, 130 слл.; Вергилий. "Энеида", X, 360; ср. также Силин Италик. "Пунические войны", IX, 321 слл.

59

Стих 411 …*черный Борей шлет в Ливию дождь италийский*. — Ср. Лукан. "Фарсалия", IX, 422: "С севера лишь Аквилон ей (Ливии) изредка дождь нагоняет…".

60

Стих 412-413 …*железные*… *тучи*… — Ср. Вергилий. "Энеида", XII, 284: " …железный рушится ливень".

61

Стих 415-418 *Кол налетает на кол*… — Ср. Лукан. "Фарсалия", VI, 196 слл.: …*смертью двойною грозные стрел острия*… — Стрелы убивали, и раня, и отравляя ядом. Ср. Силий Италик. "Пунические войны", I, 322.

62

Стих 434 …*тыл от позора храня*… — Меналка вытащил пронзившее его в грудь копье, чтобы, пройдя насквозь, оно не оставило позорной раны в спине.

63

Стих 436-437 *Пред взором его умирающим, кручи Тайгета… всплыли…* — Ср. Вергилий. "Энеида", X, 782: "В небо глядел и родные края вспоминал, умирая…"; *…в честь матери славные плети*. — Имеется в виду древний обряд, существовавший в Лаконии: чтобы проверить стойкость юношей, их секли плетьми на алтаре Дианы, а появившуюся кровь считали жертвенным приношением. См. Сенека. "О провидении", IV; Гораций. "Оды", I, 7, 10; Марциал. "Эпиграммы", VII, 80, 10. О начале и причинах этого обычая сообщает Филострат ("Жизнь Аполлония Тианского", VI, 10).

64

Стих 466 …*потрясая, огнем дымоносным*… — Факелы использовались в битве как оружие. Ср. X, 528.

65

Стих 472-473…"*Не скажешь, что Арги жестоки*… — В жестокости обвиняли победителей, запрещавших предать огню тела погибших.

66

Стих 474 …*так, крови, отведав, тигрица*… — Ср. Вергилий. "Энеида", IX, 730.

67

Стих 478 …*нарушив запрет богини*… — Жрица Венеры Эгейской должна была оставаться девственницей.

68

Стих 480 …*геркулесова Гемона*… — так как Гомону в битве помогал Геркулес. См. VIII, 498-499.

69

Стих 483 …*печального Плеврона*… — из-за скорби по умершему Мелеагру. О его гибели подробно рассказывает Аполлодор ("Мифологическая библиотека", II, 8, 2-3). Ср. II, 727 и IV, 103.

70

Стих 510 …*эгида твоя*… — щит Афины (Минервы) с изображением Горгоны Медузы, Ср. Вергилий. "Энеида", VIII, 435.

71

Стих 511 …*кто слугой в тяжелейших скитаниях земли все обходил*. — Геркулес получил повеление оракула десять лет служить у Эврисфея; в это время он совершил знаменитый подвиги в разных частях земли.

72

Стих 514 *Ты для меня — небеса и отечество*… — Ср., как в "Энеиде" Вергилия Эол обращается к Юноне (I, 78); "Ты мне снискала и власть, и жезл, и Юпитера милость…".

73

Стих 518 …*на груди успокоились вставшие змеи*. — змеи на голове Медузы, прикрепленной к эгиде на груди Минервы.

74

Стих 532-533 *…луканским жалом…* — Луканцы были известными охотниками. Ср. Гораций. "Сатиры", II, 3, 234: "Ты из луканских снегов добываешь мне к ужину вепря…" (пер. М. Дмитриева).

75

Стих 548-553 *Вооружает себя… Коримб Геликонский, Музам служивший досель…* — Ср. Вергилий. "Энеида", IX, 774 слл.; *…пряже стигийской…* — Парки прядут нить жизни в подземном царстве, где течет Стикс.

76

Стих 554 …*с агеноровою Исменой*… — Исмена — дочь Эдипа и Иокасты; род ее восходил к Агенору, царю Финикии, отцу Кадма.

77

Стих 557 …*к тестю и теще*… — к Эдипу и Иокасте.

78

Стих 564 …*троекратный пурпур*… — т.е. ткань, трижды окрашенная пурпуром.

79

Стих 572 *Так лев каспийский во мраке гирканском…* — Каспиями называли народы, живущие на западном побережье Каспийского моря, а гирканами — на южном. Стации объединяет определения "каспийский" и "гирканский", исходя из соседства этих народов.

80

Стих 601 …*земнородных отцов!* — Фиванцы свой род возводили к спартам, выросшим из зубов марсова дракона. См. примеч. к I, 7.

81

Стих 603 …*еще не супруги*… — Исмена была еще невестой Атиса.

82

Стих 616 …*пандионовы птицы*… — ласточки, так как дочь Пандиона Филомела была превращена в ласточку. Ср. IV, 56.

83

Стих 639-640 *голова бессильно свисала с края щита*… — Ср. Вергилий. "Энеида", X, 506, 841.

84

Стих 645 …*безжалостный стыд не пускает*… — Ср. Овидий, "Метаморфозы", IV, 680 сл.

85

Стих 661 …*сосны*… — т.е. копья.

86

Стих 675-676 *…так, как птица грозит огненосная лебеди белой…* — Ср. Гомер. "Илиада", XV, 689-691:

"Словно как бурный орел на стада ударяет пернатых,
Птиц перелетных, пасущихся мирно по брегу речному,
Диких гусей, журавлей, иль стада лебедей долговыйных…."

87

Стих 704-705 …*он, древками густо усеян, рощи железной уже не может вместить*… — Ср. Лукан. "Фарсалия", VI, 201

88

Стих 706-707 …*вепрь родовой на плечах и спине*… — См. I, 488 слл.; … гордая, слава грозного шлема (Градив на вершине его воздымался)… — См. IV, 111.

89

Стих 716 *Ясень в тот миг зефиры рассек*… — т.е. пролетело копье из ясеня. Ср. Вергилий. "Энеида", IV, 257; Клавдиан. "Похищение Прозерпины", I, 92.

90

Стих 749-750 …*словно Тиринфий, когда, от аркадской пещеры вернувшись, в Арги, воздвигшие крик, он внес полоненного вепря*. — Капаней сравнивается с Геркулесом, притащившим к Эврисфею живого эриманфского вепря. Ср. Вергилий. "Энеида", VI, 803 сл.

91

Стих 754-762 …*он Астакида велит обезглавить*… — Эту ужасную картину жестокости изобразил Данте ("Ад", XXXII, 130 слл.).

92

Стих 765-766… *сокровенный огнь*… — Осквернённые преступлением очищались огнем, серой и водой. У Гомера Одиссей после убийства женихов Пенелопы требует очистить помещение серой и огнем ("Одиссея", XXIII, 481). Ср. Овидий, "Метаморфозы", VII, 261; …*очистили влагою очи*. — Считалось, что скверна передается от одного лишь взгляда на преступление или на мертвого; жрецу Юпитера, фламину, было запрещено смотреть на готовое к битве войско; те, кто участвовал в похоронах, так же очищались водой. Ср. Поллукс. "Ономастикон", VIII; Иосиф Флавий. "Иудейские древности", IV; Вергилий. "Энеида", VI, 229-231:

"Он же, с чистой водой обошедши спутников трижды,
Всех окропил, увлажнив плодоносной веткой оливы;
Этим очистив мужей, произнес он прощальное слово."

1

Стих 3-4 …*гнева границы он преступил*. Ср. Гомер. "Илиада", I, 165.

2

Стих 15-16 …с *гирканскими бьетесь тиграми*… Сравнение с гирканскими тиграми и львами, отличавшимися особенной свирепостью, обычно в латинской поэзии: Ср. VIII, 572; Ювенал. "Сатиры", IV, 100; Овидий. "Скорбные элегии", IV, 6, 5; Гораций. "Оды", I, 22, 10.

3

Стих 28-29 …*ветра*… *доносят гибели мерзостный дух*… Ср. Лукан. "Фарсалия", VII, 830: о покидающих жилища хищниках, "кто мог обонянием тонким запах гниенья поймать, разложение трупов почуять".

4

Стих 49-52 "*Вот как тебе… я благодарность… воздал…*" Ср. у Вергилия слова Полиника, оплакивающего Тидея, с сетованиями Мезенция по поводу гибели сына ("Энеида", X, 846 слл.); *…ты — безоружный лежишь…* Ср. Вергилий. "Энеида", V, 871; *…на кадмейской земле…* в Беотии.

5

Стих 55-56 …*мне ль в радость такою ценою купленный скиптр*… Ср. Марциал. "Эпиграммы", IX, 67, 2; Овидий. "Любовные элегии", II, 19, 7; Гораций. "Письма", I, 5, 12.

6

Стих 61 *Арги, и тесть, и в первую ночь та счастливая распря*… Ср. I, 408 слл.

7

Стих 65 *Ради меня ты и в Фивы пошел добровольно*… Ср. II, 370 слл.

8

Стих 68 *О Теламоне тогда, о Тесее молва замолчала*. Полиник вспоминает примеры пылкой дружбы: Теламона с Геркулесом и Тесея с Пирифоем.

9

Стих 75-76 …*ужели я еще жив?* Ср. Вергилий. "Энеида", X, 849.

10

Стих 82-85 *Он же бредет, словно бык*… Ср. Овидий. "Метаморфозы", VII, 538 слл.; Вергилий. "Георгики", III, 519 слл.

11

Стих 90-94 …*сдерживал строй их… Гиппомедонт, — как утес…* Ср. Гомер. "Илиада", XVII, 746 слл.

12

Стих 102-103 *…и даже чистый огонь его не пожрет*". Этеокл говорит так потому, что Тидей осквернен нечеловеческой жестокостью.

13

Стих 104 *…щита суровой задержано медью…* Ср. Овидий. "Метаморфозы", XII, 96 слл.

14

Стих 115-119 *Свой первый приплод, теленка бессильного, матерь — ежели волк нападет — заслонив, опекает не столько*… Ср. Гомер. "Илиада", XVII, 4 слл.

15

Стих 137-139 *Считай, что Тидеем длань отнята, — Тидеем самим…* Ср. Вергилий. "Энеида", XII, 948; *…мужей и по смерти бойся и, жалкий, беги, не касаясь их манов могучих*". Ср. Лукреций. "О природе вещей", I, 1051; Вергилий. "Энеида", IX, 199 слл.

16

Стих 140-150 *Трижды кадмейский отряд оттаскивал грозное тело*… Ср. бой за тело Патрокла у Гомера ("Илиада", XVII, 155 слл.); …*элисийского речь царя не забыв*… См. речь Плутона (VIII, 22-83); …*вины Тидея*… Тисифона, по-видимому, припоминает не только жестокость Тидея по отношению к Меланиппу, но и убийство, за которое Тидей был изгнан из Калидона. См. I, 402-403; ср. Аполлодор. "Мифологическая библиотека", I, 8, 5.

17

Стих 174 …*тысячи змей распустив на месте шелома*. Тисифона, исчезая, явила свой настоящий облик.

18

Стих 184 …*ярости нет и следа, уста, сведенные смертью*… Ср. I, 616 слл.

19

Стих 189-195 *Так, если льва, в мавританских полях чинящего гибель…* частое сравнение у Гомера: "Илиада" V, 554 слл.; XVI, 752 слл.; XI, 548 слл.; XX, 164 слл.; *…висит во славу дубровы старинной*. Шкуры или рога убитых животных вешали на деревьях в честь Юпитера, Дианы, Сильвана или Пана. Ср. Проперций. "Элегии", II, 19, 17; Овидий. "Метаморфозы", XIII, 266; Вергилий. "Буколики", VII, 30; как сообщает Апулей ("Флориды", I) шкуры вешались в рощах и для отпугивания львов.

20

Стих 203 …*царь эхионский*… Гиппомедонт.

21

Стих 206 …*вел крылонога*… коня (лат. alipes).

22

Стих 207 …*доли хозяина конь не ведал и ржал одиноко*… Поэты часто наделяют коней человеческими переживаниями. Ср. Вергилий. "Энеида", XI, 89.

23

Стих 211 …*звонкоступ*… конь (лат. sonipes). Ср. IX, 206.

24

Стих 225-226 *Вышли к реке: в тот день по руслу полней… Исмен катил водяную громаду*, В сцене битвы Гиппомедонта с Исменом Стаций следует XXI песни "Илиады", где Ахилл, сражающий троян, повержен разгневанной рекой Ксанфом.

25

Стих 230 *Валится в воду толпа*… Ср. Гомер. "Илиада", XXI, 9.

26

Стих 237-238 …*сколько сдерживать чаемый вздох под водой удается*… Ср. Лукан. "Фарсалия", III, 697.

27

Стих 242-247 *Так под пенной волной голубыми рыбешками ужас овладевает*… Ср. Гомер. "Илиада", XXI, 22 слл.

28

Стих 254-255 …*заранее пряжей смерть на земле назначив ему*. В час рожденья человека Парки определяли всю его дальнейшую участь и начинали прясть нить его жизни. Ср. описание Парок у Катулла (LXIV, 305 слл.).

29

Стих 256 …*асопов Гипсей*… — Ср. VII, 424.

30

Стих 280 *Смерть — одна — стообразно губя, настигала несчастных*. Ср. Лукан. "Фарсалия", III, 689-690: "В сотне различных смертей людей пугает одна лишь — Смерть, что грозит им сейчас".

31

Стих 282-283 …*древко… понеслось и кровь на бегу отыскало*. т.е. копье нанесло кровавую рану. Ср. Лукан. "Фарсалия", III, 580

32

Стих 294 "*Жив оставайся*… Иначе решает Эней; ср. у Вергилия ("Энеида", X, 600): "Так умри! Расставаться братьям негоже!"

33

Стих 306-307 …*презиравший глубины, тот, который не раз и мимо горы Каферея*… Возле горы Каферей были часты сильные бури.

34

Стих 320 …*в волнах материнских*. Мать Кренея была нимфой, дочерью реки Исмена.

35

Стих 323 …*элисийские Сестры*… Парки.

36

Стих 328-331 …*анфедонского гостя*… Главка. Ср. VII, 335; … *Тритон*… Ср. V, 705; …к *матери милой*… Ино или Левкотее. Ср. I, 13; … *неспешного — гонит дельфина*, Ср. I, 121-122.

37

Стих 334-336 …*на влюбленном быке восседает сидонская дева*… На щите Кренея изображен миф о похищении Юпитером в образе быка сидонской царевны Европы. Ср. I, 5.

38

Стих 341 …*этой воды геркулесовы не пили змеи*. Геркулес убил Гидру в лернейском болоте, воды которого были напитаны ее ядом.

39

Стих 350 "*Матерь*…" Ср. возглас Пета у Проперция ("Элегии", III, 7, 17) или Алкионы у Овидия ("Метаморфозы", XI, 562).

40

Стих 360-362 *Так о плавучем своем жилище и влажных пенатах плачет, оставшись одна, Алкиона*… Миф об Алкионе изложен у Овидия ("Метаморфозы", XI, 410 слл.).

41

Стих 381 …*родителя дикого очи*… Фавна.

42

Стих 383 …*славою струй и лесов*… как внук реки Исмена и как сын Фавна.

43

Стих 401-403 *Так Левкотея, еще нереидой не став*… Ср. I, 13; … *хладеющий отрок*… — Палемон, сын Левкотеи.

44

Стих 410 …*сосуд покатился*. См. примеч. к II, 215-222; ср. IV, 106-108, 838; Вергилий. "Энеида", VII, 792.

45

Стих 419 …*рогов*… См. примеч. к IV, 101-106. Ср. II, 217; IV, 838.

46

Стих 423-426 …*зревший… рога над челом измененным лживые…* — Имеется в виду миф об Антиопе, с которой Юпитер сошелся в виде сатира; …*ты запретил распрягать колесницу Фебе…* Юпитер провел с Алкменой три ночи подряд, запретив Луне покидать небо и уступать место Солнцу. Ср. XII, 301; …*сжигающей молнией вспыхнуть…* — миф о Семеле, попросившей Юпитера явиться к ней в его истинном образе: …*мощнейших детей* — Геркулеса и Вакха.

47

Стих 429-433 …*какие мой ток переносит убийства и трупы*… Ср. Гомер. "Илиада", XXI, 300 слл.

48

Стих 435-441 *…омывались кроткие тирсы прежде и Вакха рога…* для очищения после вакхических оргий; *…Вакха рога…* См. примеч. к VII, 150; *…ни жестокие токи. Стримона… ни Гебр… Градивом не рдел.* Стримон и Гебр — реки по Фракии, где находился дворец Марса. Ср. VII, 34-63; *…мир для тебя на восточном Гидаспе дороже?* — намек на то, что Вакх покорил себе народы Индии. Ср. IV, 387.

49

Стих 446-536 *Так говорит, скрежеща, и вольно ярящимся водам так подает*… Ср. Гомер. "Илиада", XXI, 234 слл.

50

Стих 479 …*раз в трехлетье, когда безумные матери*… Празднества в честь Вакха справлялись раз в три года; …*безумные матери*… намек на Агаву, растерзавшую в вакхическом экстазе своего сына Пенфея.

51

Стих 518-519 *…но где же кекропово пламя, где же Тесея костры?* анахронизм: Юнона предвосхищает события, описанные в XII книге (596-599; 797-798).

52

Стих 532-536 *Падает Гиппомедонт, как падает с гетского Гема дуб…* Ср. Гомер. "Илиада", XIV, 414 слл.; IV, 482 слл . *…рощу паденье его и самую гору тревожит…* — Овидий. "Метаморфозы", X, 372; Сенека, "Фиест", 697 слл.

53

Стих 548-549 *Лишь ты мне, десница, в сраженьях подлинно помощь несешь*… Ср. III, 615, а также Вергилий. "Энеида", X, 773 слл.

54

Стих 557-558 *Тебе посмертную почесть… окажем… ты мною повержен…* поскольку почетно потерпеть поражение или принять смерть от храброго и сильного воина. Ср. Вергилий. "Энеида", X, 830; Овидий, "Метаморфозы", V, 191 сл.

55

Стих 566-567 *Так переменчивый Марс… делит потерь череду…* Ср. Валерий Флакк. "Аргонавтика", VI, 427, 631.

56

Стих 571 …*грозная мать*… *младого Тегейца*… Аталанта, мать Партенопея, названного Тегейцем по названию города Тегеи в Аркадии.

57

Стих 572-578 …*пряди полос распушив и — как полагалось — босая*… Распущенные волосы символизировали скорбь; об обычае при свершении священных обрядов разуваться сообщает Вергилий ("Энеида", IV, 518); … *предрассветной порой*… которая считалась самым подходящим временем для мольбы и жертвоприношения. Ср. IX, 604-605; Вергилий. "Энеида", XI, 4; …*чтобы живою водой очистить зловещую грезу*. Ср. Проперций, III, 10, 13; Персий. "Сатиры", II, 16; …в *храме ею прибитый падал доспех*… Падение доспехов, прибитых в честь богов в храме, считалось дурным предзнаменованием. Ср. II, 257-258; …*изгнанная из лесов народом дриад*… К Аталанте как охотнице, опекаемой Дианой, лесные божества обычно относились благосклонно.

58

Стих 586 …*дуб, который она посвятила Тривии*… У многих народов было принято посвящать богам деревья и рощи и называть их именем того бога, которому посвящали. Об этом сообщает Плиний ("Естественная история", XII, 2) и Тацит ("Германия", IX).

59

Стих 589 …*клыки прибивала и полые шкуры*…. Ср. Вергилий. "Энеида", IX, 408; Апулей. "Флориды", I.

60

Стих 595-598 *…вдруг видит: сей дуб, рассеченный*… Это описание заимствует у Стация Клавдиан ("Похищение Прозерпины", III, 74, слл.);

61

Стих 608-611 …*грозную службу*… т.е. охоту; …*и не на греческий лад*… Греческие женщины не охотились и не носили оружия; …*ни племя*… *колхов не чтило тебя безупречнее*, *ни амазонки*. Колхи чтили Диану, отождествляя ее с Гекатой, дочерью Персея, царя колхов; амазонки чтили Диану и Минерву. Ср. XII, 531.

62

Стих 628 …*вражьи царят менады и боги фиванцев?* Во сне Аталанта видела священный дуб, изуродованный менадами и Вакхом, что напоминает ей врагов — фиванцев, угрожающих ее сыну.

63

Стих 633 …*вещего брата*… Аполлона.

64

Стих 636 …*влажен и сам белокаменный образ Дианы*. Плачущие изображения богов считались дурными предзнаменованиями. Ср. IV, 374.

65

Стих 644-646 …*брат*… Аполлон; …*о пророке*… об Амфиарае.

66

Стих 657-658 *Пещеры скорбные*… Аполлон называет места оракулов на Парнасе и в Кирре.

67

Стих 690-692 …*паллу двойной эбалийский пропитывал пурпур*… Одежда юноши была дважды окрашена пурпуром, добытым у берегов Эбалии или Лаконии; этот пурпур ценился наравне с финикийским; …*(это был единственный ткацкий матери труд)*… — Матери сами ткали военные хламиды для сыновей. Ср. IV, 175.

68

Стих 699 …*шлем в самоцветах сверкал*… Ср. Овидий. "Письма с Понта", III, 103.

69

Стих 708 …*он же теснил и в жалеющих слал жестокие копья*. Ср. Вергилий. "Энеида", IX, 763; Кальпурний. "Эклоги", X, 64.

70

Стих 722-723 …*она у моих алтарей о великой крушится ненависти*… Ср. Лукан. "Фарсалия", II, 36: "…возле каждого храма льются хулы матерей…".

71

Стих 727-728 …*огражденная светлым облаком*… Ср. Вергилий. "Энеида", XII, 792; Лукреций. "О природе вещей", VI, 460.

72

Стих 731-733 …*кропит амвросической влагой*… — У Вергилия Венера так же кропит амвросией раненого Энея ("Энеида", XII, 419); …*священный напев с наговором мешает*… — О том, что древние огромное значение придавали песне и слову во время всяких магических действ, подробно рассказывает Плиний ("Естественная история", II, 2).

73

Стих 748 …*от священного яда*… Наконечники стрел Дианы были напитаны ядом.

74

Стих 768-769 …*Фисбою послан белой*… из-за множества голубей. Ср. Гомер. "Илиада", II, 502; Овидий. "Метаморфозы", XI, 300; …*к Амиклам*… Здесь имеются в виду не те Амиклы, которые расположены в Лаконии, так как этот город был союзником аргивян (см. IV, 223). С таким же названием были города в Беотии, Фокиде, Эвбее и несколько городов в Италии.

75

Стих 777 …*дети Лабдака*… фиванцы.

76

Стих 792 *Грозный посев и побег аркадской породы*… Аркадцы считали, что происходят от камней и деревьев. См. IV, 275 слл.

77

Стих 795-796 …*не носил я уродливой митры*… Митра — головной убор, который носили только женщины; Партенопей намекает на участие фиванцев в вакхических оргиях. Ср. Вергилий. "Энеида", IX, 615 сл.; … *позорящим древком*. т.е. тирсом.

78

Стих 813-814 …*пощади*… *богов*… Ср. II, 689.

79

Стих 843-844 …*почитавших Диану он ненавидел*… Дриант был сыном Ориона, погибшего от руки Дианы.

80

Стих 858-860 *Когда над собой носителя молний… лебедь узрит…* Ср. Гомер. "Илиада", XXI, 493 слл.; …*носителя молний…* — орла.

81

Стих 865-866 *Он уже наставил стрелу*… Ср. сходное описание у Вергилия ("Энеида", XI, 859 слл.).

82

Стих 875 *Вслед сам рухнул Дриант — о чудо! — без раны единой*… Дриант повержен Дианой. Ср. слова Дианы в IX, 665 слл.

83

Стих 878-880 *…и рыдал (простодушная юность!) о павшем — сам умирая — коне…* — Ср. описание юной Прозерпины у Овидия ("Метаморфозы", V, 401 слл.).

84

Стих 881 *Трижды его за власа потрясали, четырежды, — тщетно…* "Умирающим подымали голову и потрясали ее за волосы с тем, чтобы вернуть им чувство" (Лактанций).

85

Стих 895-896 *Терзаясь, с вершины Лицея ты понапрасну глядишь…* — Ср. Гораций. "Оды", IV, 5, 9 слл.

86

Стих 900-901 …*и тут он десницей прядь отделил*… — Ср. описание гибели Дидоны v Вергилия: Ирида отсекает у нее прядь волос, и жизнь покидает тело ("Энеида", IV, 698 слл.).

1

Стих 1 …*к закатным вратам*… — Ср. Гомер. "Илиада", V, 749; VIII, 393; Вергилий. "Георгики", III, 261; "Энеида", I, 374.

2

Стих 12 …*без вождей отошли четыре отряда данайцев*… — Погибли Амфиарай (VII, 794 слл.), Тидей (VIII, 716 слл.), Гиппомедонт (IX, 446 слл.) и Партенопей (IX, 841 слл.).

3

Стих 14 …*божество*… — Можно понимать как охранительное изображение божества на носу корабля (ср. VIII, 720), а также и в более общем смысле: как неподвластную человеку высшую силу (в одном ряду со случайностью).

4

Стих 17-18 *Назначен жребием стражи черед*… — Ср. Вергилий. "Энеида", VII, 637,

5

Стих 26… *нежданною тенью авгура*… — Амфиарая.

6

Стих 28 *…можно и не причислять аркадца к бранным победам.* — Партенопей, по мысли Этеокла, слишком юн, чтобы гордиться победой над ним.

7

Стих 31 …*брат*… — Полиник.

8

Стих 40-41 *После… замыкают стан…* — Ср. Вергилий. "Энеида", IX, 159

9

Стих 42-43 *Так сходятся… хищные волки…* — Ср. IV, 363 слл.; VIII, 691 слл.; образцы для Стация — Вергилий ("Энеида", II, 355 слл.; IX, 59 слл.) и Гомер ("Илиада", XI, 548 слл.; XVII, 657 слл.); ср. также Аполлоний Родосский. "Аргонавтика", I, 1243 слл.

10

Стих 49-69 *а между тем молящийся сонм…* — Стаций описывает мольбу аргосских женщин к Юноне по образцу Гомера, у которого троянки обращаются с мольбой к Афине ("Илиада", VI, 286 слл.); ср. также Вергилий. "Энеида", I, 479 слл.; XI, 477 слл.

11

Стих 67 …*кадмейской разлучницы*… — Семелы.

12

Стих 78 …*обоих сынов Громовержца*. — Вакха и Геркулеса.

13

Стих 80-83 *Послушной Ириде повелевает…* — Ср. Вергилий. "Энеида", IV, 693; V, 606; IX, 2; *…заключиться в привычные дуги…* — облачиться в радужное одеяние: ср. Овидий. "Метаморфозы", XI, 589: Ирида облачается в тысячецветные одеяния; *…по излучине длинной*. — по радуге; ср. Овидий. "Метаморфозы", XI, 590; XIV. 838; Вергилий. "Энеида", V, 609

14

Стих 84-117 *мрачных Ночи жилищ посреди… мертвая роща стоит …в ней — лар беззаботный праздного Сна…* — Описание жилища Сна — одно из самых развитых и пространных в латинской поэзии; ср. Овидий. "Метаморфозы", XI, 592 слл.; ср. также Вергилий. "Энеида", VI, 268 слл.; *… у эфиопов иных…* — западных (в отличив от юго-восточных); ср. Гомер. "Одиссея", I, 23; Вергилий. "Энеида", IV, 481; *…ни единой звезде не доступна…* — Ср. Валерий Флакк. "Аргонавтика", III, 400 слл.; *…с Беспамятством вялым…* — перевод греч. lēthargia; ср. "Сильвы", I, 4, 57; *… жарким Мулькибером…* — Ср. Гораций. "Оды", I, 4, 8; *…позабыв о роге…* — о роге Сна; ср. II, 144; V, 199; VI, 27; Валерий Флакк. "Аргонавтика", VIII, 72; Силий Италик. "Пунические войны", X, 359.

15

Стих 118-165 *К оной обители Сна… соскользнула Радуга-дева…* — Ирида передает Сну приказ Юноны, и тот вылетает против фиванцев: в первой части этой картины Стаций опирался на Овидия ("Метаморфозы", XI, 616 слл.; ср. также Вергилий. "Энеида", IV, 700 слл.), однако в целом этот эпизод — прекрасный образец поэтической силы стациева воображения; *…свирепые дроты пали из рук…* — В лат. тексте pila — тяжелые метательные копья, каких не было у греков; это не единственный анахронизм у Стация (ср. X, 177 — стяги, собственно — значки, 527 — железные запоры, 530 — черепаха, 533, 857, 859 — свинцовые снаряды, бросаемые с помощью пращи).

16

Стих 156-159 *Та же дрема не зовет*… — Ср. Вергилий. "Энеида", IV, 529 слл.

17

Стих 160-218 *Вдруг… неожиданный трепет Фиодаманта объял…* — Образцом для этой сцены послужил Вергилий ("Энеида", VI, 77 слл.). *Его затрясло…* — Ср. Вергилий. "Энеида", VI, 101; *Так окровавленного фригийца…* — служителя Кибелы, участника ее кровавых таинств; ср. Катулл, LXIII; Лукреций. "О природе вещей", II, 600 слл.; Овидий. "Фасты", IV, 221 слл.; Валерий Флакк. "Аргонавтика", VII, 635 слл.; *…древо радений…* — Ср. XII, 302; "Сильвы", V, I, 191; Вергилий. "Энеида", XI, 557: *Так… потеряв корабельщика, судно режет простор…* — Ср. X, 13-14; *… новопреставленный жрец…* — Амфиарай.

18

Стих 228-234 *Так… воспитатель коней…* — Ср. Лукан. "Фарсалия", III, 198; Фолоя, по Стацию, — гора в Фессалии (ср. "Ахиллеида", I, 168, 238); фессалийские кони в древности весьма славились; здесь же обретались, по мифам, кентавры (ср. кентавра Фола); *…скотообильной весной, обновляющей порослью стадо…* — Ср. Вергилий. "Буколики", VII, 36; *…дар подняться к награде элидской*. — принести победу в Олимпийских состязаниях; ср. Проперций, III, 9, 17; Вергилий. "Георгики", I, 59; III, 49, 180.

19

Стих 246-248 *Так родитель Эол…* — Ср. V, 704 слл.; Вергилий. "Энеида", I, 52-54; 62-63; 148 слл.; Силий Италик. "Пунические войны", VII, 253 слл.

20

Стих 249-251 …*взял Агиллея*… *похвалялся силою, равной отцу*… — Ср. VI, 836 слл. (описание Агиллея, побежденного Тидеем).

21

Стих 264-265 …*досточтимую зелень… чела украшенье*… — лавр, атрибут служителя Аполлона.

22

Стих 256-261 …*облекает себя в броню и шелом*… — В изображении воинов, отправляющихся в ночную битву, Стаций опирается на Гомера ("Илиада", X, 255 слл.), однако главный источник Стация — Вергилий, описавший Ниса и Эвриала ("Энеида", IX, 1X13 слл.). См. также примеч. к ст. 347-448 этой книги; …*не будучи сам удостоен*…. *биться*, *богам подчинясь*, — Капаней, безбожник и хулитель богов, не взят в сражение, внушенное богами.

23

Стих 271-272 …*молниеносный меч*… — Ср. Вергилий. "Энеида", IV, 579-580; IX, 441 слл.; Лукан. "Фарсалия", VI, 239.

24

Стих 273-274 *павших по именам перебрать* — Ср. Вергилий. "Энеида", IX, 342-345.

25

Стих 282 *И не отсутствовало божество: Юнона*… — Юнона помогает Фиодаманту так же, как у Гомера ("Илиада", X, 274 слл.) Афина помогает Одиссею и Диомеду.

26

Стих 288-294 *Как на каспийском брегу тигрица*… — Ср. XII, 169 слл.; IX, 15 слл.; Вергилий. "Энеида", IV, 367; Лукан. "Фарсалия", I, 327 слл.; Сенека. "Фиест", 707 слл.; …*ему б оказаться сторуким*… — Ср. Вергилий. "Энеида", X, 565-566.

27

Стих 309-310 …*к черепахе звонкой*… — лире.

28

Стих 312-313 *Страшные струи меж яств… с кровью смешавшись, вино…* — Ср. ниже X, 322-323 ("пьяные струи"); подобное описание в V, 256-257; ср. Вергилий. "Энеида", IX, 349-350.

29

Стих 318 *Спавший… меж колесами…* — Ср. Вергилий. "Энеида", IX, 317-319.

30

Стих 324-325 …*предрекавшие гибель виденья*… — Ср. Гомер. "Илиада", X, 496 слл.

31

Стих 328 …*Волопас исчезал, колесницею большей теснимый*. — Колесницу Волопаса (созвездия, ср. Вергилий. "Георгики" I, 174) теснит колесница Солнца.

32

Стих 333-334 *В удачах меру блюди*… — Ср. II, 688-689; …*ведь есть божества и в проклятых Фивах*… — Ср. Гомер. "Илиада", X, 511.

33

Стих 344 …*Ликийский Пеан*… — Один из эпитетов Аполлона, в отличие от эпитета "Ликейский", указывает на культ Аполлона "Волчьего" (греч. Lyceios, соотносится с lycos — "волк") в Аргосе (ср. Павсаний. "Описание Эллады", II, 19, 13); понятно употребление данного эпитета именно здесь: Фиодамант просит вернуть "отчие дома и родные храмы".

34

Стих 345 …*для святого порога*. — для храма Аполлона Ликийского в Аргосе.

35

Стих 347-448 *Шли… Гоплей Калидонский и Меналийский Димант…* — пара героев, соответствующих Нису и Эвриалу Вергилия, которых Стаций прямо называет (ст. 448). Однако Стаций не боится прямой параллели, потому что весь эпизод самостоятельно пережит им и является органической частью поэмы.

36

Стих 365-367 …*Кинфия,., чей трижды изменчив образ*… — Геката; ср. Вергилий. "Энеида", IV, 511, 609; *трижды изменчив* — по ассоциации с Гекатой-Тривией, или потому, что Геката отождествлялась с Луной, Дианой, Прозерпиной, или в связи с фазами Луны.

37

Стих 370-371 …*богиня низводит светоч благой*… — Ср. XII, 305 слл.

38

Стих 384-385 *Редко завистливый рок…* — Ср. Сенека. "Геркулес в безумье", 524-525; ср. также сентенцию с противоположным смыслом в I книге (661-662: "На достойных взирая, рок милосерд").

39

Стих 396 …*дрот, направленный… бесплодным усильем*… — Ср. Гомер. "Илиада", X, 372 (Диомед бросает копье, не желая попасть в Долона).

40

Стих 414-419 *Так, если львицу и львят…* — Ср. X, 820 слл.; IX, 115 слл.; ср. Гомер. "Илиада", XVII, 4 слл.; 132 слл.; Валерий Флакк. "Аргонавтика", III, 737 слл.; VI, 346 слл.; Силий Италик. "Пунические войны", X, 124 слл.

41

Стих 424-425 *Молю сожженного молнией Вакха*… — См. примеч. к 1, 12-14.

42

Стих 429-430 *Пусть лучше уж я…* — Ср. у Вергилия мольбу Ниса ("Энеида", IX, 427-428).

43

Стих 431-434 "*Что ж, - говорит Амфион*… — Ср. Гомер. "Илиада", X, 384 слл., 405 слл. (обращение Одиссея к Долону).

44

Стих 439-441 …*грудь …к юноше крепко прижал*… — Ср. Вергилий. "Энеида", IX, 444-445; "*Пусть хоть такого пока ты не будешь лишен погребенья*…". — Смысл: раз я не могу присыпать тебя землей, я хотя бы прикрою тебя своим телом.

45

Стих 443-448 *вот каковы*… — Ср. Вергилий. "Энеида", IX, 446-449.

46

Стих 451 …*пленные трупы*. — Тидея и Партенопея.

47

Стих 458-462 *Так выводок неоперенный…* — Эффектное сравнение, построенное на контрасте, принадлежит Стацию.

48

Стих 485-486 *Есть у меня провидческой длани знак, и безумство мое ужасает мечом обнаженным.* — Безбожник Капаней говорит, что у него, как и у Фиодаманта, есть знаменья, и ему не чуждо пророческое безумие, — это десница, яростно сжимающая меч (ср. IX, 548-550; III, 615-616); образец — Мезенций у Вергилия ("Энеида", X, 733-734); ср. слова Гектора у Гомера ("Илиада", XII, 234); ср. также Эсхил. "Семеро против Фив", 529; Аполлоний Родосский. "Аргонавтика", I, 466 слл.; Силий Италик. "Пунические войны", V, 118 слл.

49

Стих 488 …*зять арголидский*… — Полиник, зять Адраста; …*авгур*… *помрачневший*. — Фиодамант, который предвидел, чем завершится нападение Капанея.

50

Стих 493 *Силы порою дает и страха избыток…* — Ср. Овидий. "Фасты", III, 644: Силий Италик. "Пунические войны", I, 559-560; этот стих Стация приводит Сервий, комментируя Вергилия ("Энеида", II, 354: "У побежденных одно спасенье — в спасенье не верить").

51

Стих 493-508 …ворота *сходятся вмиг*… — Ср. описание битвы у городских ворот в "Илиаде" Гомера (XII, 122 слл.) и в "Энеиде" Вергилия (XI, 879; IX, 672 слл.); …*Алкидамант*… — Ср. VI, 731-825; …*бог, светоч затмив, закатился*. — Поллукс, покровитель кулачного боя, учитель Алкидаманта; вместе с Кастором — звезды в созвездии Близнецов; *Лес эбалийский… берег и водная гладь будет оплакивать*… — См. примеч. к V, 334; …*Девы Лаконской …берег и… гладь, знаменитая лебедем мнимым*… — Юпитер в виде лебедя овладел Ледой на берегу Эврота. Ср. IV, 227; "Сильвы", II, 45-46; …*наставляющая… уставам битвы …мать*… — Спартанские матери воспитывали в сыновьях прежде всего воинскую доблесть (ср. "Сильвы", II, 1, 111).

52

Стих 514 …*путь заградили своим*. — Ср. Вергилий. "Энеида", IX, 725: XI, 887.

53

Стих 521-524 …*перескочить*… *звонкоступам страшно*… — Ср. Гомер. "Илиада", XII, 50-57.

54

Стих 527 …*стволами и медью*… — таранами и бревнами, окованными металлом.

55

Стих 530 …*слепой черепахою*… — анахронизм, см. примеч. к X, 153; ср. Вергилий. "Энеида", IX, 505, 514; Силий Италик. "Пунические войны", I, 365 слл.; Лукан. "Фарсалия", III, 474 слл.; "черепахой" назывался строй воинов, со всех сторон прикрытый щитами.

56

Стих 533 …*свинец, раскаленный полетом сквозь небо*… — Ср. Лукреций. "О природе вещей", VI, 178, 308; Вергилий. "Энеида", IX, 588; Овидий. "Метаморфозы", II, 727 слл.; XIV, 825; Лукан. "Фарсалия", VII, 512

57

Стих 537-539 *Как… бури… налетают…* — Ср. Гомер. "Илиада", XII, 156-158.

58

Стих 540 …*оружье Агенора*… — фиванское.

59

Стих 541 *Грозный сей дождь*… — Ср. Вергилий. "Энеида", XII, 283 (у Вергилия — "железный дождь", образ, заимствованный у Энния).

60

Стих 546-551 …*он, запрокинувшись, рухнул*… — Ср. у Вергилия описание гибели Троила ("Энеида", I, 476 слл.).

61

Стих 554-555 …*знаменосец… несет… свое "наказанье и радость*. — "Радость" — быть впереди всех и увлекать в битву; "наказанье" — неся значок, первым привлекать к себе удары врага.

62

Стих 574-580 Так, *если… пчел… пасечник… раздражит…* — Ср. Вергилий. "Энеида", XII, 587 слл.; ср. также Гомер. "Илиада", XII, 167 слл.; Аполлоний Родосский. "Аргонавтика", II, 130 слл.

63

Стих 580-581 *Битву… ведут… черни сужденья…* — Ср. Вергилий. "Энеида", XII, 583.

64

Стих 594-595 …*о несчастная Фива (и даже — гиблая, коль промолчу)*… — реминисценция из Еврипида ("Финикиянки", 884).

65

Стих 597 …*о дева*… — Манто, дочь Тиресия.

66

Стих 604 …*языки огней венценосных*… — пламя аполлонова алтаря, увенчанного лавром; ср. "Ахиллеида", I, 509: "…лавроносный огонь".

67

Стих 613-614… *должно в змеином роду юнейшее чадо пасть*… — "юнейшее чадо" — Менекей; согласно Еврипиду ("Финикиянки", 940 слл.), Креонт и его сыновья были последними прямыми потомками "спартов" — воинов, выросших из зубов убитого Кадмом дракона. Ср. Аполлодор. "Мифологическая библиотека", III, 4, 1; Овидий. "Метаморфозы", III, 1 слл.

68

Стих 625-626 …*то униженно колен, то уст громогласных касаясь, - молит молчать*… — Ср. Еврипид. "Финикиянки", 923 слл.

69

Стих 638 *Вот уж земля под стопой, но лик — недалеко от неба*. — Ср. описание Молвы у Вергилия ("Энеида", IV, 177), восходящее к Гомеру ("Илиада", IV, 447).

70

Стих 646-649 *у ливийской царицы Амфитриониад*… — Во искупление убийства Ифида Геракл был рабом у лидийской царицы Омфалы (см. Софокл. "Трахинянки", 248 слл.; Аполлодор. "Мифологическая библиотека", II, 6, 3: Овидий. "Героини", IX, 53 слл.; Сенека. "Геркулес безумный", 465 слл.; "Федра", 325 слл.).

71

Стих 651 …*Менекей*… — История Менекея изложена у Еврипида ("Финикиянки", 911 слл.); ср. Павсаний. "Описание Эллады", IX, 25, 1; Цицерон. "Тускуланские беседы", I, 116; Ювенал. "Сатиры", 14, 240.

72

Стих 653 …*Гемон* — старший брат Менекея.

73

Стих 659 …*Сфинга, хранящая шлем*… — См. примеч. к VII, 252.

74

Стих 673 …*в нем себя самое оставляя*. — Ср. Силий Италик. "Пунические войны", II, 515 слл. (богиня Верность внушает любовь к себе).

75

Стих 704-705 …*помедли хоть миг, порыв не бывает добрым слугою*. — Ср. Тит Ливий. "От основания города", XXII, 39, 22: "В спешке все неясно и недостоверно, торопливость неосмотрительна и слепа". Ср. также Еврипид. "Финикиянки", 452 слл.; "Умоляющий", 419 слл.

76

Стих 721 …*он, подошедши к отцу, рассевает его спасенья*… — Ср. Еврипид. "Финикиянки", 991 слл.

77

Стих 726 …*сам Аполлон, безумствовал мне из святилищ*. — Ср. Вергилий. "Энеида", III, 92.

78

Стих 755 …*шелома чело*… — Ср. Гомер. "Илиада", XVI, 70.

79

Стих 756 …*на вершине стены*… — обращенной к Дирке, возле которой была пещера дракона; ср. Еврипид. "Финикиянки", 931, 1009, 1315.

80

Стих 777 *…и стены очистил…* — Самоубийство Менекея имело сакральный смысл очистительной жертвы, принесенной городу ("башням и стенам").

81

Стих 787-788 …*Амфиона и Кадма превыше*… — Кадм основал Фивы, Амфион окружил их стеною, а Менекей своей жертвой сохранил, когда они уже должны были пасть под натиском врагов; *красою вешнею*… — отдельными цветами; ср. Апулей. "Метаморфозы", II, 16; IV, 29; X, 32.

82

Стих 791 …*гнев победив*… — Ср. XI, 264 слл.; 288 слл.

83

Стих 792-814 …*черед материнским рыданьям*… — Ср. плач матери Эвриала у Вергилия ("Энеида", IX, 473 слл.); *В жертву ли Фивам тебя*… *я — как нищая мать — воспитала?* — Имеется в виду обычай галлов приносить человеческие жертвы, для которых избирали беднейшего из членов общины и кормили за общественный счет в течение года (Сервий. Комментарий к III, 57 "Энеиды" Вергилия; ср. комментарий Лактанция к этому стиху: "Очищать обычай человеческими жертвами — обычай галлов…").

84

Стих 820-826 *Удрученная горем тигрица…* — Ср. Овидий. "Метаморфозы", XIII, 547 слл.; Валерии Флакк. "Аргонавтика", III, 737 слл.

85

Стих 828 …*следует превознести до звездной оси Капанея*… — Безбожник Капаней упоминается у Гомера; вероятно, он был в киклической "Фиваиде"; он выразительно описан у Эсхила ("Семеро против Фив", 423 слл.), Еврипида ("Финикиянки", 180 слл., 1128 слл., 1172 слл.; "Умоляющие", 496 слл.), Софокла ("Антигона", 134 слл., "Эдип в Колоне", 1318 слл.).

86

Стих 832-833 …*вослед капанеевым знакам против Юпитера брань воздвигли стигийские сестры*… — Фурии использовали буйный нрав и ярость Капанея, чтобы досадить Юпитеру.

87

Стих 835-836 *счастливый бедствий исток*… — удача вначале, которая затем привела к беде; …*ласковый гнев*… — не сразу настигающий святотатца.

88

Стих 843 …*потрясал огнем запаленным*. — Ср. описание Мезенция у Вергилия ("Энеида", IX, 521 слл.).

89

Стих 844 *…огонь на щите разгорался*. — казался более ярким, отражаясь в блестящей поверхности щита.

90

Стих 849-852 *Эфир… таких же зрел Алоадов…* — Ср. Гомер. "Одиссея", XI, 315 слл.; Вергилий. "Георгики", I, 281 слл.; Гораций. "Оды", III, 4, 51 слл.; Стаций. "Сильвы", III, 2, 65.

91

Стих 863-869 …*словно обвал*… *Будто поток*… — неожиданное и очень эффектное сравнение неудержимо подымающегося вверх Капанея с обвалом и низвергающимся потоком.

92

Стих 886 …*мачехи*… — Юноны.

93

Стих 889 …*Аполлон-основатель*… — Фивы были основаны Кадмом, подчинившимся оракулу Аполлона.

94

Стих 890-891 …*размышляет о Лерне и Фивах скорбный Тиринфий*… — Геркулес был рожден в Фивах, а воспитан в Тиринфе (в Арголиде).

95

Стих 895 *…на аонийских богов нападает Тритония дерзко…* — У Стация Минерва (Тритония) на стороне аргосцев; у Эсхила к Афине с мольбой обращаются фиванцы ("Семеро прочий Фив", 130 слл.).

96

Стих 909 *…у Флегры кичливой?* — У Флегры дерзкие гиганты восстали против богов и были сокрушены Юпитером.

97

Стих 915 …*Иапет*…. — Титан, низвергнутый Юпитером в Тартар (Гесиод. "Теогония", 134, 507 слл.).

98

Стих 916-917 …*Инарима-остров взмыл*… — Разумеется извержение вулкана на о. Инарима против побережья Кампании. Ср. Вергилий. "Энеида", IX, 716.

99

Стих 927 …*Юпитером всем устремленный*… — всей мощью Юпитера; ср. Горячий. "Оды", 1, 19, 9: "Вся Венера, устремившаяся на меня"; Валерий Флакк. "Аргонавтика", III, 133: "Весь Тиринфий, устремившийся с луком".

1

Стих 1-3 *После того, как*… — Ср. такое же начало в III книге "Энеиды" Вергилия, VI — "Фарсалии" Лукана, III — "Пунических войн" Силия Италика; …*вспышку выдохнул*… — Ср. Вергилий. "Энеида", I, 44: "…из пронзенной груди огонь выдыхавший…".

2

Стих 12-14 …*посягатель на мать Аполлона*… — Титий; … *отстраняясь от груди могучей*… *глядят на огромное тело*… — "могучая грудь" — постоянный эпитет Тития (ср. Лукреций. III, 985; Вергилий. "Энеида", VI, 599 слл.); "огромное тело" — согласно Гомеру ("Одиссея", XI, 577), неоднократно воспроизводимому в латинской поэзия, Титий занимал в Аверне девять плетров (лат. — югеров) = 22671 кв.м; ср. рационалистическую критику у Павсания (X, 4, 5).

3

Стих 17 …*смердящие серой небесной*. — Ср. Лукан. "Фарсалия", VII, 160; Силий Италик. "Пунические войны", XII, 133

4

Стих 21-25 *Бег беспорядочный гнал… ахейцев…* — Ср. Еврипид. "Финикиянки", 1187, *…страшает огнями….* — молниями. Ср. XI, 68: "этнейский огонь".

5

Стих 27 …*в полях массилийских*… — метонимически — африканских.

6

Стих 29-31 …*медведи хриплые следом, жадные волки*… — Ср. Овидий. "Скорбные элегии", III, 5, 33 слл.

7

Стих 32-33 …*дрот деревенский… отцовым грозящий смятеньем…* — простой, незатейливый; "отцово смятенье", — паника, панический страх, внушаемый Паном, отцом Эвримедонта.

8

Стих 42-46 *Будто вернулась гроза*… — Ср. Гомер. "Илиада", XIV, 394; …*поле отхлынуло вспять*… — стебли травы или посева, сгибающиеся под ветром то в одну, то в другую сторону. Ср. Силий Италик. "Пунические войны", IX, 358 слл., …*пена намокший песок обнажает и вновь одевает*. — Ср. Вергилий. "Энеида", XI, 623 слл., …*бога-питомца*… — Геркулеса.

9

Стих 50 …*Эниэй*… — зовущий в битву (а на сей раз к бегству) Эниэй больше нигде не встречается; ср. однако имя богини Энио, упоминаемое Стацием в этой же книге (XI, 84).

10

Стих 54 …*трубящего длань у левого держится уха*… — Паола Венини объясняет (с. 18): "Чтобы извлечь более сильный звук, трубач прижимает левую руку к уху"; труба — изогнутый рожок.

11

Стих 56 …*и петь лишь труба продолжает*. — Согласно Лактанцию, Стаций буквально заимствует это двустишие у Энния. Ср. Силий Италик. "Пунические войны", IV, 169 слл.

12

Стих 60-61 …*змеи единокровные*… — Змеи, украшавшие голову Мегеры, сестры Тисифоны.

13

Стих 63 …*нездешнее имя*… — имя отсутствующей Мегеры.

14

Стих 69 *…она как раз близ отца обреталась…* — Под "отцом" вероятнее всего нужно понимать Плутона (ср. XI, 76), отца всего подземного мира, как и Юпитера — "отца богов и людей". Ср. Вергилий. "Энеида", VII, 327 и комментарий Сервия к этим стихам: "Отец" — почтительно; Фурии — дочери Ахеронта и Ночи.

15

Стих 70-71 …*Капаней был всем восхваляем народом Дита*… — восхваляем как противник Юпитера.

16

Стих 79 …*вы же*… — Мегера и Алекто.

17

Стих 84 *Сим пусть тешится Марс с Энио недалекой*. — Марс и Энио довольствуются обычными убийствами, тогда как Тисифона гордится тем, что побуждает героев к деяниям исключительной мерзости (Тидей) и дерзости (Капаней), чем непосредственно и похваляется (ст. 85-91).

18

Стих 112 …*врагиня*… — Мегера, которая побуждает к битве Полиника, оказывается противницей Тисифоны, опекающей Этеокла.

19

Стих 114 *Сходственно Нот и Борей*… — сравнения с ветрами см. также I, 193 слл., V, 704 слл.; VII, 560; VIII, 423 слл.; Гомер. "Илиада", XVI, 765 слл.; Вергилий. "Энеида", II, 416 слл.

20

Стих 123 …*должную ярость войны*… — Ранее погибших героев (за исключением Капанея, пораженного молнией Юпитера) в битве опекали боги: Амфиарая — Аполлон; Тидея — Минерва; Партенопея — Диана; в ночной вылазке аргосцам помогала Юнона; но боги не хотят не только участвовать в поединке между братьями, но и видеть его.

21

Стих 130 *День, и днесь возмутись* — "и днесь" — как и после преступления Фиеста, когда Солнце обратило вспять свой ход.

22

Стих 132-133 …*благодетельной девы звёзды*… — созвездие Девы, в которое была обращена Дика-Астрея, богиня справедливости, жившая на земле; она не вынесла нечестия людей и вознеслась на небо. Ср. "Сильвы", I, 4, 2; Овидий. "Метаморфозы", I, 149, Арат. "Явления", 96-136.

23

Стих 136 …*Эребом рожденная дева*… — Мегера.

24

Стих 138 …*возле ворот*… — ворот аргосского стана.

25

Стих 148 …*бросив Микены*… — Микены — вместо Аргоса — у Еврипида: ("Умоляющие", 1131; "Финикиянки", 186, 430, 513).

26

Стих 150-152 *близкая смерть*. — Ср. Эсхил. "Семеро против Фив", 653 слл.; Софокл. "Эдип в Колоне", 1399 слл.; …*Месть*… — эпитет Тисифоны; …*он, не владея собой*… — Ср. Вергилий. "Энеида", IV, 300.

27

Стих 160-161 …*прискорбной честью*… — царской диадемой; анахронизм: диадема символом царского величия стала только со времен Александра Великого.

28

Стих 175 …*разверзлись хляби небесные*… — которыми был поглощен Амфиарай.

29

Стих 177-178 …*о царе*… *спросит Тегея*… — о Партенопее; …*сирая матерь*… — Аталанта.

30

Стих 194-195 …*оседает высокий Рем*… — Ср. "Сильвы", I, 1, 10; Овидий. "Искусство любви", III, 125.

31

Стих 203 *…и мчался он, бледный…* — традиционное указание на предсмертную бледность. Ср. Вергилий. "Энеида", XII, 221; Лукан. "Фарсалия", VII, 129

32

Стих 205-209 *Тирский правитель*… — Этеокл; …*эфирный отец*… — Юпитер; …*меж трепетавших*… — служителей, свершавших жертву и ощутивших присутствие Тисифоны; …*Громовержцу подземному*… — Плутону. Ср. 1, 615; II, 49; Гомер. "Илиада", IX, 457.

33

Стих 210-214 …*тебе основаньем обязаны Фивы*… — поскольку Кадм прибыл в Грецию в поисках сестры Европы, похищенной Юпитером. Ср. 1, 5.

34

Стих 215-216 …*снова кадмейского брака ты возжелал*… — возжелал брака с Семелой; …*непомерный*. — поскольку Семела не смогла вынести Юпитера в его собственном божественном виде.

35

Стих 226 *Рек, - но черный, огонь…* — Ср. предвестия потери власти и жизни у Лукана ("Фарсалия", VII, 165 слл.) и Силия Италика ("Пунические войны", V, 63 слл.); *…ланишты…* — как часто у Стация, в значении "глаза".

36

Стих 228-230 *Ярый… бык… ушел от толпы, его обступившей…* — Ср. Вергилий. "Энеида", II, 223; ср. также Силий Италик. "Пунические войны", XVI, 263 слл.

37

Стих 232-233 *…тут же отважно велит… и… великие страхи скрывает*. — О трусости Этеокла Стаций говорит не раз: II, 490; III, 5; IV, 406, 490 слл.; VII, 232; XI, 268, 515 сл., 544

38

Стих 234-238 *Так и Тиринфий…* — Ближе всего в этом описании Стаций следует Овидию ("Метаморфозы", IX, 135 слл.). В сравнении упоминается миф о Геркулесе и Деянире, его жене, которая из ревности послала ему одежду, пропитанную ядом кентавра Несса. Почувствовав, что умирает, Геркулес сам воздвиг себе погребальный костер на горе Эте, отсюда — "этейская одежда".

39

Стих 244 *…и заграждает врата напором поводьев и копий…* — Подъехав на колеснице к воротам, угрожающе потрясает копьем ("копий" — поэтическое множественное число).

40

Стих 246-247 …*стонут оба отряда, гремя… оружьем*. — в знак готовности выступить самим и не допустить поединка между братьями. Ср. ниже XI, 454-455.

41

Стих 251-256 *Так недавний вожак*… — недавно одержавший победу и изгнавший соперника; о сравнениях с быком см. примеч. к I, 131-136.

42

Стих 273 …*иль враждебная почва*… — не приносящая плодов в неурожайный год. Ср. Лукан. "Фарсалия", V, 109 слл.

43

Стих 283-284 …*а ты, о позор!*.. — Поглощенный горем, обращается к Менекею; …*словно отпрыск черни безгласной*… — См. примеч. к X, 794.

44

Стих 306 *Хочет Креонт печаль облегчить, — неистовствуй вволю…* — анаколуф, придающий выразительность прямой речи.

45

Стих 310-312 *Коль потревожит змею пастух*… — Ср. II, 411 слл.; Вергилий. "Энеида", II, 379 слл.; V, 273 слл.; Гомер. "Илиада", XXII, 93 слл.

46

Стих 316 …*мать*… — Иокаста.

47

Стих 318 …*пенфеева матерь*… — Агава.

48

Стих 321-322 *Спутницы… не поспевают…* — Ср. VII, 479 слл.; Еврипид. "Финикиянки", 1280; Сенека. "Финикиянки", 403, 420 слл., 427 слл.; поспешность, не соответствующая силам, — общее место (ср. об Адрасте — XI, 426; об Антигоне — XI, 356 слл.).

49

Стих 324-325 … *шелома красу*… — шелом. Ср. VI, 193; VII, 277; … *вождь*… — Этеокл.

50

Стих 329-352 "*Что за безумье? Отколь*… — Ср. монолог Иокасты в VII, 497 слл.; ср. Еврипид. "Финикиянки", 301 слл.; 528 слл.; однако эмоционально Стаций ближе Сенеке ("Финикиянки", 443 слл.); …*не давала страшных обетов*… — подобно Эдипу. Ср. I, 56 слл.

51

Стих 354-356 …*Антигона*… — Образ Антигоны, стремящейся примирить братьев, восходит к Еврипиду ("Финикиянки", 1264 слл., 1322) и Софоклу ("Эдип в Колонне", 1414). Ср. Сенека. "Финикиянки", 403 слл.; … *целомудрие деву не замедляет*… — приличествующие юной царевне скромность и достоинство. Ср. примеч. к XI, 321-323.

52

Стих 357-358 *Вдогон за идущей старец Актор спешит*… — Ср. XII, 237 (Менет спешит за Аргией).

53

Стих 383 …*Эриния*… — Мегера.

54

Стих 387 …*Эвменида*… — Тисифона.

55

Стих 401 *…по образцу мэонийскому…* — Лидия была знаменита ткачеством. Ср. миф об Арахне, чьей работой восхищались даже лидийские нимфы (Овидий. "Метаморфозы", VI, 5 слл.).

56

Стих 407 *Единокровников бой*… — Ср. IV, 397 слл.

57

Стих 410 …*ненасытный правитель*… — традиционный эпитет Плутона (Ахеронта, Аверна).

58

Стих 414 …*Горгоной страшащая Дева*… — Минерва.

59

Стих 416-419 *Нагромождается люд злополучный на кровлях*… — Ср. описание собравшихся смотреть поединок Энея и Турна у Вергилия ("Энеида", XII, 131 слл.).

60

Стих 432 *…хоть и ты не чужой мне по крови…* — как брат зятя Полиника.

61

Стих 438 …*Кианейским утесам*. — Симплегадам. См. *Кианеи*.

62

Стих 443-446 *Когда-то так… поник… мрака подземного страж…* — Плутон, узнавший, что по жребию ему при разделе сатурнова царства достается подземный мир, тогда как Нептуну — море, а Юпитеру — небо.

63

Стих 458-459 *Честь*… — лат. Pietas. Ср. "Сильвы", III, 3, 1 слл.; …*вид у нее не тот, что допреж*… — Ср. X, 780 слл. — явление Чести Менекею.

64

Стих 466 …*Природа* — Ср. XII, 561, 645 (персонификация в духе стоического учения). Ср. Сенека. "Федра", 959 слл.

65

Стих 469 *…после Пирры…* — после потопа, когда из людей только остались Девкалион и Пирра. Ср. примеч. к III, 559-560.

66

Стих 474-475 *…унялись миролюбьем внезапным воинства…* — Ср. Вергилий. "Энеида" XII, 216 слл.; Силий Италик. "Пунические войны", II, 515 слл.

67

Стих 495-496 …*прикрывшая взоры паллой*… — "чтобы не видеть лица Фурии" (Лактанций).

68

Стих 530-534 *Так сокрушительный гнев…* — Сравнение восходит к Еврипиду ("Финикиянки", 1380).

69

Стих 548-550 *Брат, куда ж попятился ты?* — Ср. Вергилий. "Энеида", X, 592 слл.; Лукан. "Фарсалия", VII, 606

70

Стих 556 …*крики взвились*. — Ср. Еврипид. "Финикиянки", 1395; Вергилий "Энеида" XII, 928

71

Стих 571 …*агенорова судьи*… *урна*… — Миноса, сына Европы, внука Агенора. См. примеч. к IV, 530; ср. VIII, 103.

72

Стих 680 …*родитель*… — Эдип.

73

Стих 583 …*вздыблены две седины*… — "и главы, и брады" (Лактанций).

74

Стих 588 …*Аверна неспешного пахарь*… — Харон, рассекающий ("пашущий") своей ладьей воды Аверна; ср. VIII, 18.

75

Стих 591-592 *толпы всё бы росли*… — толпы душ, ожидающих переправы.

76

Стих 609 …*и грудь истерзать*… — Разумеется ритуальное биение себя в грудь в знак скорби.

77

Стих 621 …*только не сам я*… — Ср. Гомер. "Илиада", XIX, 86 сл.

78

Стих 635-641 *…вынесла… меч из дальних покоев царица…* — В согласии с Еврипидом и Сенекой Иокаста убивает себя после гибели сыновей; но описание ее предсмертных пеней соответствует Софоклу ("Эдип-царь", 1245 слл.).

79

Стих 658 …*в проклятом месте*… — Ср. характеристику Фив в I, 162.

80

Стих 670 Стих в подлиннике испорчен.

81

Стих 677-678 …*престол вероломный*, *нашего счастья приют*… — до сих пор занимаемый вероломным Этеоклом, а прежде — Эдипом, который долгое время царствовал счастливо.

82

Стих 688-689 *Или ждешь, что, согнувшись… ниц я паду…* — Ср. Еврипид. "Финикиянки", 1622 слл.

83

Стих 741-747 *Таков же в пещере лев…* — Ср. Вергилий. "Буколики", I, 56; Лукан. "Фарсалия", IV, 601; Овидий. "Фасты", IV, 103 сл.

84

Стих 761 *Ночь помогла*… — традиционное завершение книги. Ср. V; Гомер. "Илиада", I, VII, VIII, IX; Вергилий. "Энеида", XI; Валерий Фланк. "Аргонавтика", III, V, VI; Силий Италик. "Пунические войны", V.

1

Стих 12 *Как тех, что в море скитался, сначала суша качает…* — Ср. Вергилий. "Энеида", X, 283: "покуда строем не стали враги и неверны шаги их на суше".

2

Стих 15-21 *Так, заметив едва, что к порогу …взбирается змей…* — Ср. Гомер. "Илиада",. II, 308 слл.; Овидий. "Любовные элегии", I, 2, 23; … *идалийские птицы…* — голуби, посвященные Венере. Вергилий об Энее: "пернатых матери спутниц узнал" ("Энеида", VI, 193).

3

Стих 22-49 *Шествуют в поле*… — Ср. III, 114-132; …*или останки врага (порой насмехается Случай)*… — Ср. Овидий. "Письма с Понта", IV, 3, 31; Плиний. "Естественная история", II, 7; …*враг*… — Капаней; …*горю стенать и бедой услаждаться любезно*… — Ср. Еврипид. "Эномай" (фр. 577, Диндорф); Стобей. "Эклоги", 122, 8.

4

Стих 50-59 *Третий в сраженье вступал с Авророю Люцифер*. — Ср. сцену возведения погребальных костров с аналогичной сценой у Гомера ("Илиада", XXIII, 109 слл.); *…рать обездоленных греков нагая над запрещенным огнем летает…* — Креонт, сменивший Этеокла на престоле, также запретил хоронить трупы аргивян; *…аргосцем велено брата считать…* — Полиника, как и остальных аргивян, Креонт похоронить не разрешил.

5

Стих 61-62 …*костер не обычный соорудили*, *ему*, *но холм из оружья воздвигся*… — Такие холмы из оружья, согласно Лактанцию, варвары сооружали умершим царям.

6

Стих 65-67 *…с мирною лавра листвой в волосах и священной повязкой…* — так как Менекей сам себя принес в жертву богам для того, чтобы установился мир: *…как Тиринфий, призванный небом… на горящей покоился Эте…* — См. примеч. к XI, 234-238.

7

Стих 68 *Кроме того, живые тела — плененных пелазгов…* — Стаций упоминает обычаи древних закалывать пленных у погребального костра и бросать их в огонь, чтобы умилостивить кровью тени умерших. Ср. Гомер. "Илиада", XXIII, 175-176; Вергилий. "Энеида", XI, 82.

8

Стих 78-79 *Алтари и высокие храмы фиванцы пусть посвящают тебе*… — т.е. чтят как бога.

9

Стих 89-90 …*кормило прими у десницы, с главы вознесенной — повязь*… — Креонт бросает в погребальный костер Менекея скипетр и посох — знак царской власти, и диадему. Ср. VII, 92.

10

Стих 94 …*Лерны останки*… — тела аргивян.

11

Стих 115-116 …*в чудовищных Кадма стенах*… — в Фивах.

12

Стих 123-128 …*супруга пророка*… — Эрифила;… *к пустому костру*… — Тело Амфиарая было поглощено землей вместе с колесницей. См. VII, 816-818; …*менальской Дианы сирая спутница*… — Аталанта; …*сына*… — Партенопея; …*на звездное небо ярится*. — Эвадна упрекает небо, потому что Канапей был повержен ударом молнии.

13

Стих 130-131 *к побережью двойному… — к Истму; …фиванская мать на истмийской гробнице встречала…* — Ино, дочь Кадма, на могиле сына Палемона, похороненного на Истме.

14

Стих 137-140 *А убиенных тела своею заботой Ирида не оставляет*… — Ср. III, 111-113, IX, 731; Гомер. "Илиада", XXIII; 185 слл.; Вергилий. "Энеида", XII, 419.

15

Стих 156-157 …*одрисийских коней алкающих*… — коней Диомеда; … *сицилийских*… *богов*… — Имеются в виду Киклопы, обитавшие в Сицилии и питавшиеся человечьим мясом.

16

Стих 161-162 *…души дальние к сирым кострам призвать…* — Ср. Вергилий. "Энеида", III, 302; и Вергилий, и Стаций упоминают обряд сооружения кенотафов (пустых гробниц) для погибших, тела которых не удалось найти. Ср. об этом Ксенофонт. "Анабасис", VI, 9.

17

Стих 181-182 …*жене родопской и снежного дщери Фасиса*… — т.е. амазонке.

18

Стих 188 *…как жених пред первою жертвой…* — Древний обычай приносить совместную жертву богам упоминается многими авторами и, в частности, Тацитом среди прочих свадебных обрядов ("Анналы", XI, 27). Ср. Теренций. "Формион", IV, 4, 21; Валерий Флакк. "Аргонавтика", VIII, 243.

19

Стих 205 …*стражем он некогда был*… — Ср. VII, 245 и XI, 357.

20

Стих 224-227 *Так во фригийской ночи, когда оглашаются стоном…* — Ср. Вергилий. "Энеида", IX, 615 слл.; *…безумица-вождь…* — кастрат, одетый в женское платье. Ср. Овидий. "Письма с Понта", IV, 48; *…богиня…* — Кибела.

21

Стих 241-242 …*в дороге попутных радость огней*… — Путники ночью шли с факелами. Ср. Овидий. "Метаморфозы", I, 493

22

Стих 244 …*кряжа пенфеева склон*… — т.е. горы Киферон, на которой Пенфей был растерзан вакханками.

23

Стих 270-277 *Так от этнейской скалы светильник зажегшая…* — Аргия сравнивается с Церерой, ищущей пропавшую дочь Прозерпину, похищенную Плутоном. Ср. Клавдиаи. "Похищение Прозерпины", III, 443 сл.; *…светильник зажегшая…* — Этна — вулкан, постоянно выбрасывающий пламя: *…черного вора…* — Плутона; *…освещая пути огнем, полыхавшим*. — Ср. Вергилий. "Георгики", I, 473; *…стигийского мужа*. — Плутона.

24

Стих 300-301 …*втрое ты геркулесову ночь*… — т.е. ночь, когда был зачат Геркулес. См. примеч. к IX, 424.

25

Стих 336 *Я сама допустила войну и просила*… — Ср. III, 687

26

Стих 348 *…я вдовство Полиником-младенцем согрею*. — Ср. страдания Дидоны у Вергилия ("Энеида", IV, 327 слл.).

27

Стих 380 *Кадмейская дева*… — Антигона.

28

Стих 415 *…над рекой поднялись рыдающим лесом*. — Неутешно рыдающие сестры Фаэтона были превращены в деревья. Ср. Овидий. "Метаморфозы", II, 340 слл.

29

Стих 417 …*с поцелуем последним*… — Ср. Тибулл, I, 1, 61.

30

Стих 423 …*огни, чтобы распрю продлить, берегла Эвменида,* — Ср. Сенека. "Эдип", 321.

31

Стих 429-431 *Но едва лишь палящее пламя тела коснулось…* — Ср. о костре, разделившемся надвое над прахом враждовавших братьев у Силия Италика ("Пунические войны", XVI, 546 слл.); Овидий. "Скорбные элегии", V, 5, 33; Лукан. "Фарсалия", I, 552.

32

Стих 468 …*шерсть молящую*… — Обращавшиеся с мольбой несли перед собой ветвь оливы, обвязанную шерстью.

33

Стих 478-480 *Не более гетские птицы из-под приветливых крыш пеняют обрубленной речью*… — Миф о Прокне и Филомеле подробно изложен Овидием ("Метаморфозы", VI, 412 слл.).

34

Стих 492 …*волной украшенный лавр*… — Ср. XII, 468.

35

Стих 494 …*было угодно в умах и в душах селиться богине*. — Ср. Овидий. "Письма с Понта", III, 6, 26.

36

Стих 497-498 …*оборонены оружием после сраженья* ***о****тчего, оный алтарь Геркулеса потомки воздвигли*. — После смерти Геркулеса его дети были изгнаны Эврисфеем из родной страны и приняты афинянами. Они же разбили войско Эврисфея, и тот был убит сыном Геркулеса Гиллом. Гилл с братьями возвел в Афинах алтарь Милости. См. Павсаний. "Описание Эллады", I, 17, 1.

37

Стих 500-501 … *жители неба, — кого почитают от века Афины*… — Минерва, Церера, Фомида. Ср. Тит Ливий. "От основания города", XXXI, 30; …*где обновлен человек, где законы и священодействa*… — Ср. Овидий. "Метаморфозы", II, 795.

38

Стих 509-510 …*он*… *Фурий Эдипа сломил*… — Эдип, изгнанный Креонтом, бежал в Колон, где была роща, посвященная Фуриям; позже был благосклонно принят афинянами;… *защитил убийство Олинфа*… — Этот город, бывший под властью афинян, был сдан властями Филиппу Македонскому, за что афиняне собирались разгромить Олинф. Граждане Олинфа пришли с мольбой к жертвеннику Милости и получили прощение.

39

Стих 515-518 *Так журавли, в высоте*… — Ср. Гомер. "Илиада", III, 3 слл.

40

Стих 519-520 …*после яростной с племенем скифским битвы*… — Тесей возвращается после битвы с амазонками.

41

Стих 535-536 …*нарушившей строгий обычай родины*… — Амазонки не вступали в брак, не причесывали волос и не прикрывали грудь одеждой.

42

Стих 553-554 *…пещер сицилийских чудища…* — Киклопы; *…Оссы двутелые дива!* — кентавры.

43

Стих 559 …*отец Эвменид*… — Ахеронт; …*кормщик летейский*… — Харон.

44

Стих 581-582 …*спас от беды Марафон и критские кровли*… — Тесей убил быка, разорявшего окрестности Марафона, и освободил Крит от минотавра; …*радушная старица*… — Гекала, гостеприимица юноши Тесея; в честь нее по распоряжению Тесея был установлен праздник Гекалесий. Ср. Плутарх. "Тесей", XIV.

45

Стих 588 *Герой нептунов*… — Тесей; согласно Плутарху ("Тесей", III), Эгей, отец Тесея, боясь козней со стороны брата и его сыновей, полагавших, что Эгей бездетен, и стремившихся занять престол, распространил слух, что Тесей — сын Посейдона (Нептуна).

46

Стих 593 …*к снежному морю*. — к Понту.

47

Стих 606 *Ужас ливийской земли*… — ядовитые змеи на голове родившейся в Ливии Медузы Горгоны, которую Паллада носила на груди. Ср. Лукан. "Фарсалия", IX, 619 слл.

48

Стих 612 …*триумфа кавказского*… победы над амазонками. Ср. IV, 394.

49

Стих 615 …*Браврон ледяной*… — святилище в Аттике, где почитали приведенный Ифигенией из "ледяной" Тавриды идол Дианы Бравронии. См. Павсаний. "Описание Эллады", I, 23, 7; Аристофан. "Лисистрата", 645 и схолии к этому стиху.

50

Стих 617 …*Марафон, не славный еще восточным триумфом*. — При Марафоне была одержана впоследствии знаменитая победа греков над персами (490 г. до н.э.).

51

Стих 618 …*родовым божествам прилежащий край Икария*… — Икарий, принявший культ Вакха, дал имя поселению в Аттике и почитался там как герой (см. Аполлодор. "Мифологическая библиотека", III, 4. 7).

52

Стих 625-626 …*откуда Эгей, обманутый лживым ветрилом… упал*… — Отправляясь на Крит сразить Минотавра, Тесей обещал отцу в случае победы поставить белый парус, а в случае поражения — оставить черный. Тесей забыл о своем обещании и вернулся на корабле с черным парусом, а Эгей, решив, что сын погиб, бросился в море, которое получило название по его имени.

53

Стих 631 …*гетские страсти*. — фракийские страсти (так как для афинян Борей дул со стороны Фракии), т.е. любовь Борея к Орифии.

54

Стих 632-634 *…тот холм, где великую тяжбу боги вели…* — Акрополь, где Афина состязалась с Посейдоном за право назвать город своим именем: Афина произрастила оливу, "чья тень сокрушила отшодшее море", т.е. она победила в этом споре Посейдона, который, "ударив трезубцем о землю посреди акрополя, явил источник морской воды, который ныне называют Эрехтеидой" (Аполлодор. "Мифологическая библиотека", III, 14, 1).

55

Стих 647 …*змеевласые сестры*. — Фурии.

56

Стих 652 …*плен эолийский разбит*… — Царь Эол дает волю буйству ветров.

57

Стих 665 …*нептунов Тесей*… — рожденный Нептуном. См. примеч. и XII, 588.

58

Стих 667-676 *Критских сто городов…* — Стаций упоминает самый известный подвиг Тесея, его бой с Минотавром в лабиринте у царя Миноса. Крит имел эпитет "стоградный", так как на Крите насчитывали сто городов; *…ограждаемый грозным подобьем…* — щитом с изображением Тесея в схватке с минотавром; *…глядя на верный отряд…* — отряд афинян, с которым Тесей прибыл на Крит; *…на порог, устрашавший когда-то…* — вход в лабиринт, где находился Минотавр; *…критянки лик побелел пред нитью недвижной.* — Царевна Ариадна дала Тесею конец нити, чтобы по ней он мог выйти из лабиринта.

59

Стих 701 …*низкие шлемы*… — лишенные султанов.

60

Стих 730 …*пучинный Тесей*… — как сын Нептуна. Ср. XII, 588, 665.

61

Стих 761 *Не щитоносных юниц*… — т.е. амазонок.

62

Стих 765-766 *Какое тебя побудило крутое безумье к битве!* — Ср. Вергилий. "Буколики", II, 69.

63

Стих 777 …*смежив перед смертью блуждавшие очи*… — Ср. Валерий Флакк. "Аргонавтика", VI, 277.

64

Стих 787-788 *Таков в войне покорившийся тирсу кроткие таинства Ганг восхвалял, уже захмелевший*. — победа Вакха в Индии и над восточными народами. Ср. IV, 387; VIII, 239.

65

Стих 805 …*эриманфская мать*… — Аталанта; …*аркадца*… — Партенопея.

66

Стих 818-819 *Та же, что норовит очернить тебя, зависть — исчезнет…* — Ср. Овидий. "Любовные элегии", I, 15, 39-40:

"Зависть жадна до живых. Умрем — и она присмиреет.
Каждый в меру заслуг будет по смерти почтен."
(Пер. С. В. Шервинского).

1

Имеются в виду кони (кобылицы) фракийского героя Диомеда, по преданию, царя бистонов, сына Ареса и Кирены, которых он привел с собой в Микены, Apollod., Bibl., II, 96 сл.

2

Verg., Georg., III, 328.

3

Iuv. Sat., II, 1 сл.

4

У Ov., Met., V, 650, в рассказе, источником которого является Никандр, скифский царь именуется Линком. Лик — по отождествлению с фракийским героем, а также с известным мифическим царем мариандинов.

5

Verg., Georg., III, 264.

6

Verg., Aen., IV, 367.

7

Verg., Aen., I, 490 сл.

8

Verg., Aen., XI, 663.

9

Ср. Sil. It., II, 76 и прим.

10

Гиперборейские горы — то те, что Рипейскио горы, ср. Mela. III, 36.

11

Другие объяснения значения имени "Арго" см. у Apollod., Bibl., I, 9, 16, и Apoll. Rhod., I, 19 — от имени строителя корабля "Арго" — Арга; у Гесихия (s.v. άργώ, Etym. Magn., 136, 29) — от сорта дерева, пошедшего на постройку корабля и именовавшегося άργώ.

12

Hom., Il., I, 50.

13

Схолиаст часто затрагивает этот же миф; ср. Theb., II, 281 (Jahnke, стр. 101); III, 516 (Jahnke, стр. 174); V, 336 (Jahnke, стр. 278-9); Ach., 28 (Jahnke, Стр. 488-9); 65 (Jahnke, стр. 489-90).

14

Отождествление гирканов с арменіями — несомненная натяжка, ибо между названными народами по побережью Каспийского моря жили каспии, кадусии, гелы, имарды. Ср. Strabo, XI, 6, 1; 7, I.

15

Ср. Plin., NH, VI, 30 и прим.

16

Luc., de bello civ., VIII, 291.

17

Имеется в виду культовая статуя Артемиды Ортии в Спарте, которую, по преданию, Орест привез из скифской Тавриды. Ср. Paus., III, 16, 7.

18

Схолиаст, вероятно, хотел сказать — Гирканией.

19

Луканом эта мысль сформулирована так:

…Ты сам своих бедствий причина, Рим…

…Роковых не ищите примеров

У чужестранных племен и в веках давно миновавших.

Братскою кровью у нас забрызганы первые стены.

Но ни земля, ни моря в то время предметом раздора

Не были: этих владык их тесный участок поссорил.

(Лукан. «Фарсалия», I, 84—85: 93—97; ср. Стаций. «Фиваида», I, 144—151).

20

Точно так же, как Марс в своем ответе почти прямо цитирует Лукреция («О природе вещей», I, 1 слл.; II, 33 слл.).

21

Тотчас Молва понеслась…
Ходит сама по земле, голова же прячется в тучах…
Сколько же перьев на ней, чудовищной, страшной, огромной,
Сколько же глаз из-под них глядит неусыпно и столько ж
Чутких ушей у нее, языков и уст говорливых…
(IV, 173—188, ср. там же, VII, 392).

Так окровавленный Марс над потоком Гебра студеным
…Бешеных гонит коней…, а следом сопутники бога —
Мрачного Ужаса лик и Гнев, и Козни несутся (XII, 331—336).
Стаций, конечно, знает эти стихи Вергилия и прямо на них опирается.